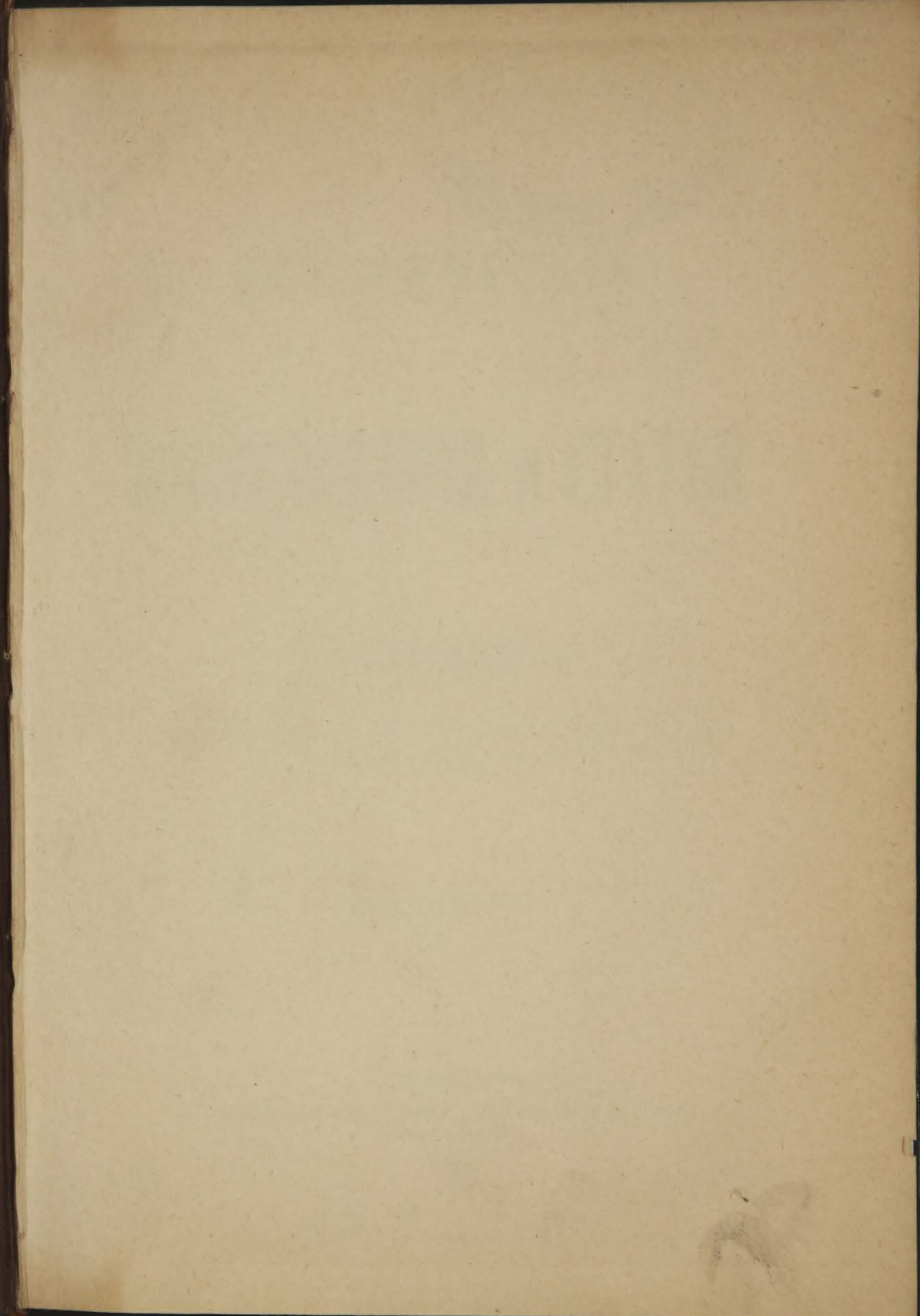
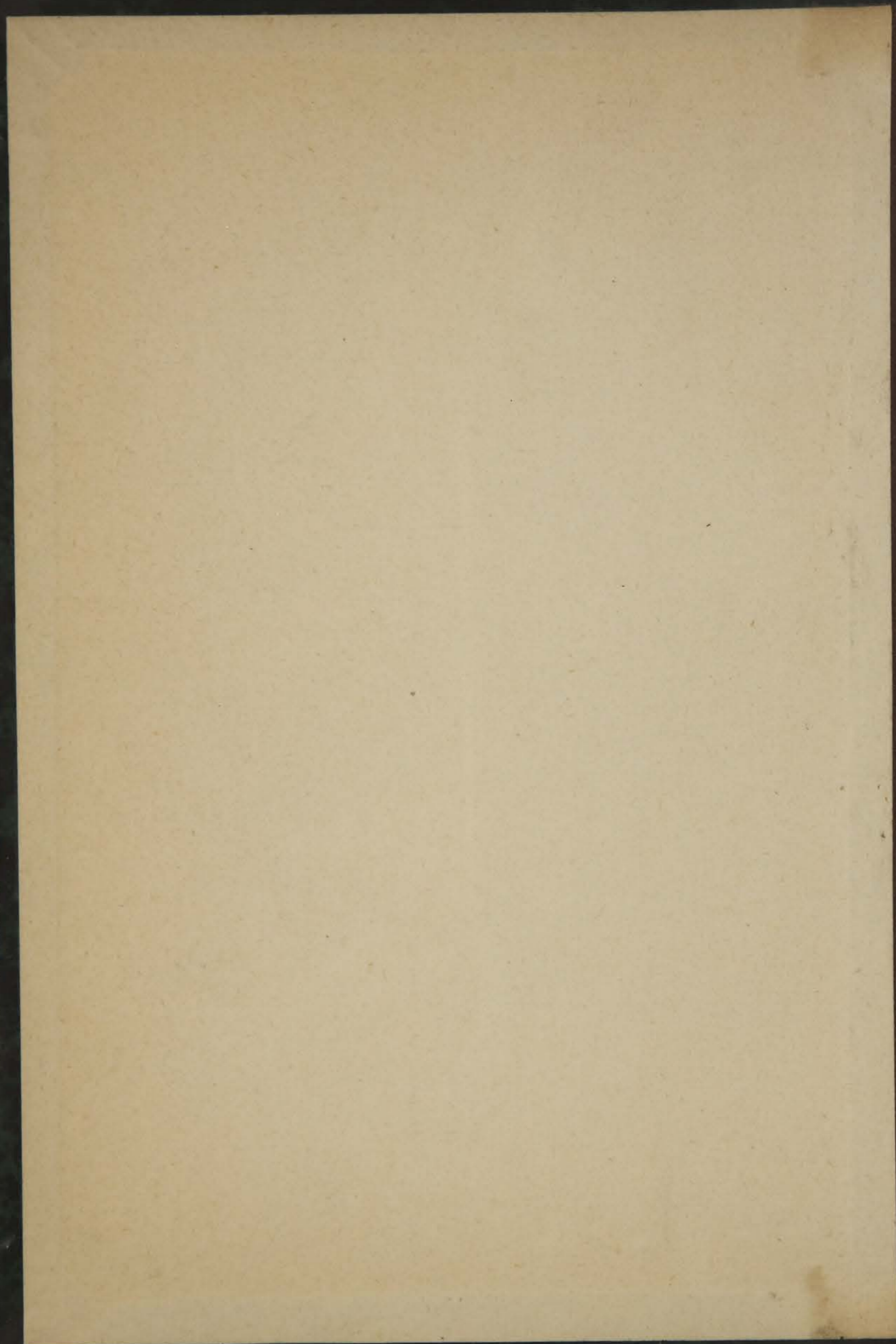
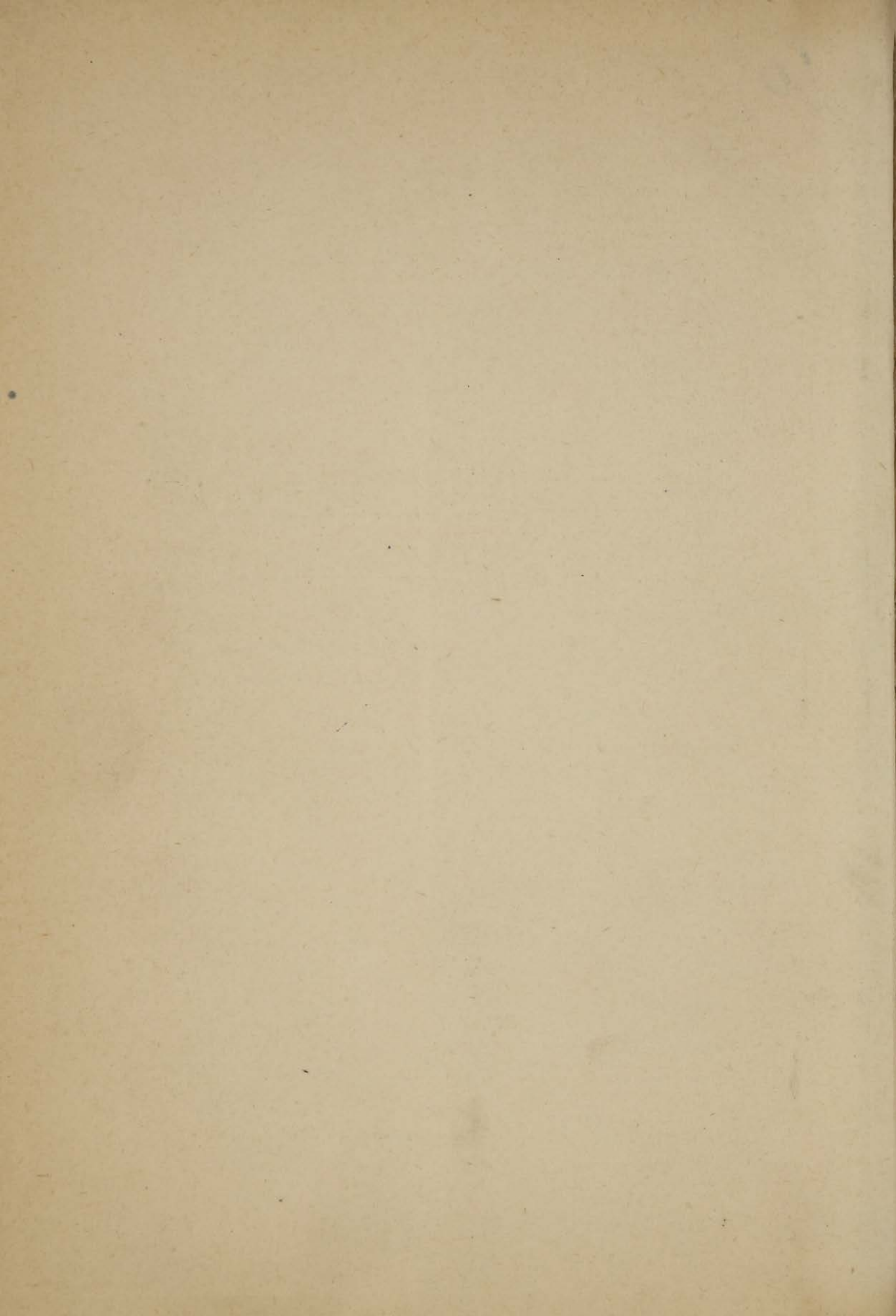

10759.

10759.
~~14071.~~

ИСТОРИЧЕСКІЯ

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И СТАТЬИ

К. ПОВѢДОНОСЦЕВА,

*Дѣйств. Члена Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ
и Императорскаго историческаго общества.*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Бенке),
по Фонтанкѣ № 99.

1876.

39

Ч. К. 9.

~~11/11/11~~

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

66495

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

1921

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Московское общество исторіи и древностей російскихъ въ минувшемъ году сдѣлало издателю честь избраніемъ его въ свои дѣйствительные члены. Это лестное избраніе побудило его собрать напечатанные прежде въ журналахъ труды свои по исторіи русскихъ учрежденій и издать отдѣльною книжкой, въ той мысли, что предметъ до котораго касаются предлагаемыя статьи, не утратилъ еще своего интереса для читателей.

Январь 1876.

СОДЕРЖАНІЕ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ КРѢПОСТНАГО ПРАВА ВЪ РОССІИ.

СТРАН.

1) Понятіе о крѣпостномъ правѣ на крестьянина въ эпоху уложенія. Власть помѣщика и зависимость крестьянина. Дѣйствіе указа объ укрѣпленіи. Черты крѣпостнаго права по уложенію. Холопы. Холопы отпущенныя. Кабальные люди. Вступленіе въ кабалу и записка. Холопы старинные и купленные. Выкупъ изъ кабалы. Сообщеніе холопства по рожденію и по браку. Записка въ холопы изъ плѣнныхъ и инородцевъ. Вступленіе въ холопство по разнаго рода записямъ. 1—24

Отношенія крестьянина къ землевладѣльцу. Вступленіе въ крестьянство. Дѣловые и задворные люди. Люди и крестьяне—отличіе крестьянъ отъ холоповъ. Юридическія черты этого отличія. Различіе въ вѣдомствѣ. Различіе въ доказательствахъ крѣпостнаго права. Матеріальное отличіе крестьянъ отъ холоповъ . . . . . 42—57

2) Черты помѣщичьей власти надъ крестьянами по уложенію. Право женить и отдавать замужъ. Право перевода и переселенія. Право продажи и отчужденія. Уступка и мѣна крестьянъ . . . . . 57—65

Огражденіе личности владѣльца—наказаніемъ подвластному. Огражденіе личности подвластнаго наказаніемъ владѣльцу. Жестокое обращеніе съ крестьянами. Жалобы крестьянъ на помѣщиковъ . . . . . 65—71

Крестьянскіе оброки и повинности. Пашенные и оброчные крестьяне. Дворъ помѣщичій. Люди взятые во дворъ.

- Хозяйственное помѣщичье управленіе. Приказные люди. Рас-
права помѣщичья и ея ограниченія. Приказное производство
у помѣщика. . . . . 71—87
- Владѣніе крѣпостныхъ людей отдѣльнымъ имуществомъ.
Крестьянскій надѣлъ и его финансовое и юридическое зна-
ченіе. Солидарность крестьянина съ помѣщикомъ по имуще-
ству. Движимое имущество крестьянина. Ссуды и деньги на
приходъ. Сносные животы. Иски о животахъ въ дѣлахъ о
бѣглыхъ людяхъ . . . . . 87—102
- Крестьянскіе отхожіе промыслы. Торговые крестьяне на
посадахъ. Указъ объ нихъ 1649 года. Право крестьянъ кре-
дитоваться подъ заемныя кабалы. Право крестьянъ на от-
лучку. Право искать и отвѣчать за себя на судѣ. . . . . 102—116
- 3) Взглядъ на отношеніе Петра I къ крѣпостному праву
и на значеніе его преобразованій въ сферѣ крѣпостныхъ от-
ношеній . . . . . 116—127
- Мѣры Петра I къ прекращенію бродяжничества и указы
о бѣглыхъ. Правила о паспортахъ . . . . . 127—132
- Указы Петра о холопяхъ и вольноотпущенныхъ. Записка
вольницы въ солдаты. Народная перепись и ея значеніе для
крѣпостнаго права. Прекращеніе кабальнаго холопства. Укрѣ-
пленіе людей посредствомъ ревизіи . . . . . 132—150
- Приписка людей къ заводамъ и промысламъ. Покрови-
тельство торговымъ крестьянамъ . . . . . 150—156
- Вотчинная власть помѣщика надъ людьми при Петрѣ.
Столкновеніе ея съ началомъ государственной власти. Мнѣ-
ніе Петра о продажѣ людей въ розницу . . . . . 156—166
- Указъ о непринужденіи къ браку. Право ставить людей
на правезь, и его ограниченія. Запрещеніе отдачи въ за-
живь. Указъ о пресѣченіи разорительнаго обращенія съ кре-
стьянами. Обязанность призрѣнія, возложенная на помѣщи-
ковъ. Общая побудительная цѣль всѣхъ этихъ указовъ . . . 166—174
- Отношеніе Петра къ крѣпостному праву. Государствен-
ныя мѣры его, косвенно отразившіяся на этомъ правѣ. Особ-
ливое значеніе *помѣстнаго* владѣнія для крѣпостнаго права.
Сравненіе помѣстій съ вотчинами. Новое понятіе о выс-
шемъ классѣ или сословіи и отдѣленіе его въ правахъ и въ
бытѣ отъ крестьянства. Замѣчаніе о дѣйствіи новыхъ фило-

софскихъ началъ на законы о крѣпостномъ правѣ при Ека-
теринѣ II . . . . . 174—185

4. Крѣпостное право во второй и третьей четверти 18
столѣтія. Отношеніе къ нему государственной власти. Значе-
ніе ревизій. Записка церковнослужительскихъ дѣтей въ по-
душный окладъ. Обязанность приписывать себѣ помѣщика и
отдача въ крѣпость съ припискою. Записка незаконнорож-
денныхъ и приемышей . . . . . 185—201

Приписка солдатскихъ дѣтей, инородцевъ, плѣнныхъ и
бродягъ . . . . . 201—210

Новыя поселенія и слободы. Населеніе бѣглыми помѣ-
щичьихъ земель. Обращеніе людей въ крѣпость въ Мало-
россіи . . . . . 210—219

Раздача имѣній и пожалованіе, какъ способъ къ умноже-
нію крѣпостнаго сословія. Раздачи имѣній при Петрѣ, при
Екатеринѣ II и при Павлѣ . . . . . 219—229

Анекдоты изъ XVIII столѣтія.

1. *Московская волокита*. Дѣло Заломова. Дѣло Засѣцкаго.
Д. Беклемішева . . . . . 233—256

2. *Очистительная пытка*. Дѣло о грабежѣ у подьячаго
Голубцова . . . . . 257—268

3. *Убійство Жуковыхъ*. 1. Семейство воеводы Жукова въ
Москвѣ. Сынъ Алексѣй Жуковъ.—Заговоръ противъ матери
и его исполненіе.—2. Слѣдствіе объ убійствѣ. Исторія пы-
тки. Ея значеніе въ ряду судебныхъ доказательствъ. Виды ея
и формы въ Россіи. Случай пытки въ 18 столѣтіи, и поводъ
къ ея ограниченію. Разсказъ объ этомъ графа Сиверса.
3. Розыскъ съ пыткою въ дѣлѣ Жуковыхъ. Погребеніе аре-
стантовъ. Убогіе дома въ Москвѣ.—Уголовные суды въ Рос-
сіи въ 18 столѣтіи. Смѣшеніе полицейской власти съ су-
дебною. Конfirmaція смертныхъ приговоровъ. Остановка
казней въ 1744 году. Понятіе о политической смерти. Рас-
поряженіе сената 1754 года.—5. Содержаніе колодниковъ.
Приговоръ по дѣлу Жуковыхъ и указъ Императрицы Ека-
терины II. Обрядъ публичнаго покаянія . . . . . 269—324

Приложенія. Старинные акты о крестьянахъ.

1) Отпускная по челобитной	328
2) Отпускная 190 года	329
3) Отпускная монастырскому крестьянину 181 года . . .	—
4) Записка отпускной	330
5) Дѣло о выдачѣ отпускной изъ Суднаго Приказа . . .	331
6) Правая выпись на отдачу въ заживъ человѣка за долгъ	335
7) Поступное письмо на крестьянскаго сына	338
8) Покормежное письмо 1721 года	—
9) Распросныя рѣчи нѣмки Анисьи Семеновой 1719 года	339
10) Допросныя рѣчи крестьянина Скуднова	342
11) Приговоръ Надворнаго суда о помѣщичьемъ крестьяни- нѣ записавшемся въ слободу	347

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

КРѢПОСТНАГО ПРАВА

ВЪ РОССІИ

XVII и XVIII столѣтія.

ВСТРЕЧЕНИЕ С ПРАВОСЛАВНЫМ ЦЕРКОВЬЮ
В ПЕРИОД С 1917 ПО 1945 ГОДЫ
ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ
МОСКВА 1988

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

КРПНОСЛНАТО ПРАВА

ВЪ ПОЛН

XVII N XVIII CLOPTR

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ
КРѢПОСТНАГО ПРАВА
ВЪ РОССІИ.

Съ того времени какъ исторію перестали у насъ считать хронологическимъ сборникомъ фактовъ политическихъ, съ тѣхъ поръ какъ она приняла видъ самостоятельнаго изслѣдованія жизни народной и учрежденій общественныхъ, и въ литературѣ и въ обществѣ образовались вопросы о происхожденіи и развитіи крѣпостнаго права въ Россіи. Учрежденіе, возникшее изъ условій общественной жизни и слившееся съ общественными нравами, учрежденіе, на которомъ воспитались цѣлыя поколѣнія, къ которому приладились всѣ гражданскія отношенія, не могло остаться чуждымъ для науки, какъ скоро наука почувствовала неразрывную связь свою съ жизнію. Но въ отношеніи къ крѣпостному праву самыя условія жизни дѣйствительной, изъ коей возникали вопросы, препятствовали вѣрному воззрѣнію на нихъ и безпристраст-

ному ихъ разрѣшенію. Когда анализъ коснулся сущности учрежденія, въ теченіе двухъ вѣковъ бывшаго недоступнымъ анализу, строгое изысканіе истины «безъ гнѣва и пристрастія» стало вдвое затруднительнѣе посреди борьбы интересовъ и партій. Самый вопросъ о сущности и о практическомъ значеніи крѣпостнаго права разрѣшался неодинаково, на основаніи однихъ и тѣхъ же фактовъ дѣйствительной жизни; еще болѣе разнорѣчія было по вопросу о значеніи крѣпостнаго права въ ряду государственныхъ учрежденій и о необходимости его, какъ учрежденія политическаго. Доходило до того, что съ одной стороны отвергали едва не самое существованіе крѣпостнаго права въ Россіи, старались представить его въ видѣ патриархальной власти домовладыки надъ семьей, и упорно отрицали въ немъ всѣ строгія юридическія черты права собственности; съ другой стороны, отвергали всякое историческое значеніе этого учрежденія, забывая о томъ, что столь важное историческое явленіе не могло возникнуть само собой, случайно, безъ причинъ, его объясняющихъ; всю отвѣтственность за учрежденіе, возникшее посреди общественной жизни, переносили на то или другое историческое лицо, какъ будто возможно приписывать личности исключительное и рѣшительное вліяніе на ходъ историческихъ событій и направленіе цѣлой жизни народной! Въ настоящую минуту, когда тотъ же законъ исторической и политической необходимости, по которому образовалось крѣпостное право, привелъ къ его отмѣнѣ, сдѣлалось возможнымъ болѣе спокойное отношеніе къ этому учрежденію, болѣе безпристрастное изслѣдованіе судьбы его.

I.

Уложение 1649 года, основной источникъ новаго законодательства Россіи, почитается обыкновенно за основаніе сложившейся въ сводѣ законовъ системы крѣпостнаго права. Есть мнѣніе, будто въ періодъ Уложения сложилась уже юридическая сторона крѣпостнаго права въ той строгости, въ какой опредѣляли ее дѣйствовавшіе у насъ законы, что въ это время не только утвердилась въ русскомъ обществѣ идея о власти помѣщика надъ крѣпостными людьми и крестьянами, но и законодательство успѣло дойти до юридическаго сознанія этой идеи со всѣми ея послѣдствіями, опредѣливъ и власть помѣщика надъ людьми и пространство этой власти и ея принадлежности.

Кто близко знакомъ съ Уложениемъ и вообще съ характеромъ, который имѣло наше законодательство въ XVII столѣтіи, тотъ не станетъ отыскивать въ памятникахъ этого времени точныя юридическія положенія объ отношеніяхъ крѣпостнаго крестьянина къ владѣльцу. Не возможно было ожидать такой точности отъ тогдашняго законодательства ни по степени его развитія, ни по тѣмъ даннымъ, которыя представляетъ намъ исторія Россіи, относительно образованія у насъ крѣпостнаго права. Законодательство XVII столѣтія вовсе не ставило передъ собою той сложной задачи, которую иные ему приписываютъ, задачи обнять и опредѣлить цѣлую область юридическихъ отношеній между владѣльцемъ и подвластными ему людьми; тогдашнее общество не на столько было способно къ отвлеченію, къ анализу, чтобы выработать въ себѣ идею рабства и развить ее съ тою послѣдовательностью, какую мы

замѣчаемъ въ законахъ римскаго и германскаго міра о томъ же предметѣ. Общество не имѣло еще нужды въ такомъ отвлеченіи: насущная потребность его состояла въ утвержденіи порядка, въ государственной организаціи сословій; средствомъ къ удовлетворенію этой потребности послужило, въ тогдашнемъ состояніи общества, не юридическое опредѣленіе отношеній одного класса къ другому, не чисто формальный законъ, а простая и рѣшительная правительственная мѣра—прикрѣпленіе цѣлаго класса землевладѣльцевъ къ землѣ, состоявшей во владѣніи помѣщиковъ и вотчинниковъ. Власть помѣщика надъ людьми, поселенными на землѣ его, образовалась сама собою, помимо юридическихъ опредѣленій, какъ принадлежность отношеній земледѣльца къ землевладѣльцу, и какъ послѣдствіе прикрѣпленія; владѣніе людьми незамѣтно сдѣлалось фактомъ столь же несомнѣннымъ какъ и фактъ владѣнія землею, на которой люди жили. Фактъ былъ очевиденъ для всѣхъ, но никто и не думалъ еще анализировать юридическія его основы, ни въ эпоху прикрѣпленія, ни въ 1649 году, когда прошло еще съ небольшимъ полвѣка отъ этой эпохи. Анализъ является и развивается по мѣрѣ того, какъ пробуждается и развивается въ обществѣ жизнь сознательная; въ одну и ту же эпоху могутъ быть предметы, по которымъ сознание пробудилось, достигло нѣкоторой твердости и возбудило анализъ; могутъ быть и другіе, къ которымъ духъ человѣка относится еще бессознательно, фактически. Въ періодъ Уложенія понятіе о поземельной собственности успѣло уже значительно развиться; успѣло потребовать множество юридическихъ опредѣленій. Эти опредѣленія успѣли сгруппироваться, образовать цѣ-

лую систему; и это было естественно: давно уже прошло время, когда каждый могъ, не безпокоя сосѣда, занимать столько земли сколько хотѣлъ; давно уже явилось понятіе о личной собственности, возникло столкновение личныхъ интересовъ по владѣнію: и то и другое необходимо требовало границъ, правилъ, опредѣленій, а всякое опредѣленіе предполагаетъ нѣкоторую степень рефлексіи, духовную работу, анализъ матеріальныхъ явленій.

Тѣмъ же путемъ непременно должно было развиваться юридическое сознаніе о крѣпостномъ правѣ на крестьянина. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ у насъ еще въ слабой степени развилось понятіе о самостоятельной гражданской личности человѣка: лицо гражданина, можно сказать, еще не существовало; крестьяне всякихъ наименованій были крѣпки землѣ, ибо не въ правѣ были оставлять ее, и въ случаѣ побѣга возвращались силою на прежнія мѣста и жеребьи; посадскіе должны были сидѣть на своихъ тяглыхъ участкахъ; торговые люди были приписаны къ своимъ городамъ и посадамъ; служилое сословіе *принадлежало* государству. Кто не былъ ни къ чему приписанъ, не служилъ ни въ какой службѣ, тотъ назывался гулящимъ человѣкомъ, находился въ какомъ-то ненормальномъ состояніи. Крестьянинъ помѣщичій былъ прикрѣпленъ къ землѣ; законъ вовсе не объявлялъ его собственностью помѣщика, но земля, на которой сидѣлъ крестьянинъ, опредѣлялась личностью владѣльца, и потому естественно, что для опредѣленія личности крестьянина всякій разъ надобно было спрашивать его: чей ты? и естественно, что на этотъ вопросъ крестьянинъ помѣщичій называлъ себя крестьяниномъ, такого-то, такой-то вотчины, такъ же какъ крес-

тьянинъ черносопный называлъ себя государевымъ, монастырскій—монастырскимъ, такой-то вотчины и т. п. Помѣщичья земля воздѣлывалась крестьянами; воздѣлываніе земли влечетъ за собою множество связанныхъ съ нимъ работъ и повинностей по уборкѣ и перевозкѣ произведеній; работниками въ той или другой мѣстности могли быть почти исключительно одни крѣпостные крестьяне, тутъ же поселенные, потому что чужихъ пришлыхъ людей запрещалось принимать, а вольныхъ работниковъ было немного, да не было и въ обычаѣ воздѣлывать землю вольнонаемными. Всякая работа предполагаетъ непременно нарядъ, надзоръ, понужденіе. Кому же какъ не помѣщику могло принадлежать установленіе этого наряда? Вспомнимъ, что понятіе о безусловномъ обладаніи человѣка человекомъ, какъ собственностью, издревле привилось къ правамъ народнымъ и выразилось въ учрежденіи холопства, рабства личнаго: свободный человѣкъ, для того чтобы достать себѣ денегъ, чтобы прокормиться работою, билъ челомъ въ холопство. Каковы бы ни были юридическія черты, которыми отличался въ XVII столѣтіи отъ холопа крестьянинъ, прикрѣпленный къ землѣ, сидящій на пашенномъ своемъ жеребѣ, подвластному человѣку въ томъ и другомъ состояніи прежде всего представлялась сторона фактическая—безусловное подчиненіе: не мудрено, что въ представленіи его одно незамѣтно сливалось съ другимъ. Вспомнимъ еще, что издревле основаніемъ суда и подсудности служило у насъ правило, что жители «тянутъ судомъ по землѣ и по водѣ»; издревле духовнымъ и свѣтскимъ владѣльцамъ принадлежало право непосредственнаго суда въ дѣлахъ, возникавшихъ между жителями, по-

селенными на владѣемой ими землѣ: то было конечно отношеніе *подсудности*, но и этотъ давній обычай могъ съ своей стороны содѣйствовать къ превращенію въ *подданство* отношенія земледѣльца къ землевладѣльцу, какъ скоро первый сталъ прикрѣпленъ къ землѣ послѣдняго. Разсуждая о крѣпостномъ правѣ теперь, мы анализируемъ бывшія отношенія крестьянина къ помѣщику; анализируя отдѣляемъ въ нихъ то, что кажется намъ существеннымъ, отъ того, что имѣетъ видъ случайнаго и произвольнаго. Намъ кажется теперь возможнымъ представить себѣ, въ первое время по укрѣпленіи крестьянъ, такое отношеніе ихъ къ землевладѣльцу, въ которомъ первые крѣпки землѣ, то-есть не въ правѣ сходить съ нея, но не крѣпки лицу владѣльца, не состоятъ отъ него въ личной безусловной зависимости. Нетрудно вообразить себѣ такое отношеніе въ эпоху отдаленную, особливо если мы въ этой эпохѣ отыскиваемъ черты идеальныя; но трудно доказать, что отношеніе это было именно таково, какъ мы готовы себѣ представить его. Общественному сознанию въ XVI и XVII ст. былъ недоступенъ тотъ анализъ, съ которымъ мы теперь обращаемся къ бывшему до 1861 г. вотчинному владѣнію населенными землями: тогда, владѣя и управляя людьми, поселенными на землѣ, едва ли кто-нибудь думалъ о томъ, какой смыслъ заключается въ словахъ: владѣть людьми, и какой въ словахъ: владѣть землею, чѣмъ оба понятія отличаются одно отъ другаго, и гдѣ могутъ сходиться. Тотъ, кто имѣлъ власть, владѣлъ безсознательно и безсознательно же стремился къ распространенію своей власти, кто имѣлъ власть надъ вотчиной, тотъ владѣлъ и людьми, въ ней поселенными. Всмотримся внимательно въ указъ Шуйскаго 1607 года

объ окончательномъ укрѣпленіи крестьянъ; здѣсь о крестьянинѣ говорится уже какъ о человѣкѣ подвластномъ государю-помѣщику; законъ упоминаетъ о такихъ проявленіяхъ помѣщичьяго права, которыя не могли возникнуть вдругъ сами собою, вслѣдствіе укрѣпленія, за 15 лѣтъ предъ тѣмъ совершившагося, еслибы чужды были отношеніямъ крестьянина къ помѣщику, существовавшимъ до укрѣпленія; о холопѣ, о рабѣ и о мужикѣ законъ упоминаетъ безразлично; кто принимаетъ бѣглаго, принимаетъ чужаго человѣка; помѣщикъ женить крестьянъ своихъ и удерживаетъ отъ женитьбы; крестьянинъ отлучается изъ имѣнья съ разрѣшенія, съ вѣдома своего «государя». Мы не имѣемъ права заключать, что все это было новостью, введенною правительствомъ: новостью было рѣшительное запрещеніе перехода; послѣдствіемъ запретительныхъ указовъ была полная свобода расширять и развивать власть свою, приобрѣтенная помѣщикомъ, а не самая сущность этой власти. Вотъ цѣль, для которой помѣщики такъ усиленно заботятся сначала объ уничтоженіи права крестьянскаго перехода, потомъ объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ, объ усиленіи взысканій за передержательство, о сыскиваніи бѣглыхъ розыскомъ отъ лица правительства.

Акты XV и XVI столѣтій показываютъ, что люди, поселенные на земляхъ частнаго владѣльца, не смотря на право перехода, ограниченное опредѣленными сроками, состояли фактически въ нѣкоторой зависимости отъ вотчинника; ибо должны были отбывать въ пользу его повинности, платить ему оброкъ, доходы, разнаго рода пошлины; а при тогдашнемъ, подобномъ вотчинному, устройствѣ мѣстнаго управленія, съ правомъ требовать, принад-

лежавшимъ вотчиннику, соединялось и право взыскивать, посредствомъ приказныхъ людей, по его же волѣ опредѣленныхъ. Ограниченіемъ этой зависимости служила свобода перехода, ибо каждый землевладѣлецъ долженъ былъ для своихъ выгодъ заботиться о томъ, чтобы крестьянинъ не перешелъ въ другое, болѣе льготное мѣсто; а краткость срока договорныхъ отношеній не позволяла имъ превратиться изъ договорныхъ въ безусловно-обязательныя. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, связавъ помѣщика съ крестьяниномъ безусловною и постоянною связью, сдѣлало и зависимость крестьянина отъ помѣщика постоянною: а всякая личная власть стремится захватить себѣ какъ можно болѣе произвола и оставить подвластному какъ можно менѣе, и непремѣнно достигаетъ этой цѣли тамъ, гдѣ по свойству власти, борьба подвластнаго съ владѣльцемъ не можетъ имѣть мѣста.

Безусловная зависимость крестьянина отъ помѣщика долженствовала быть непремѣннымъ послѣдствіемъ укрѣпленія, естественною принадлежностью того новаго положенія, въ которомъ очутился прикрѣпленный крестьянинъ. Извѣстно, что указъ 1592 г., которымъ заказанъ крестьянамъ выходъ, не былъ окончательнымъ. «Царь Ѳедоръ Іоанновичъ выходъ крестьянамъ приказалъ да не совсѣмъ». Тогда велѣно было писать крестьянъ въ книги, и по этимъ книгамъ въ 1597 году положено возвращать бѣглыхъ крестьянъ за пять лѣтъ, съ женами, дѣтьми и животами. Крестьяне возвращаются еще *по суду* и по особому *челобитью*, а не по розыску; за передержательство не полагается еще никакихъ взысканій. Въ 1601 году Борисъ Годуновъ снова даетъ крестьянамъ выходъ, но съ

ограниченіями, не изъ-за всѣхъ чиновъ и ко всѣмъ чинамъ, и не въ Московскомъ уѣздѣ, и въ числѣ не болѣе двухъ человѣкъ. Въ указѣ сказано: «отъ налогъ и продажъ охраняя», велѣли крестьянамъ дать выходъ; но содержаніе его показываетъ, что это охраненіе относится къ выгодамъ не крестьянъ, а помѣщиковъ: правительство имѣетъ въ виду служилое сословіе; самый выходъ законъ обозначаетъ словами: *отказывати и возити промежь себя*; слова эти относятся также болѣе къ помѣщикамъ, нежели къ крестьянамъ. Судебникъ 1550 года выражается иначе; въ немъ постановленіе прямо отнесено къ лицу крестьянина: крестьянамъ *отказыватися изъ волости въ волость, изъ села въ село*. Различіе это не маловажное; оно показываетъ, что Судебникъ имѣетъ въ виду исключительно крестьянина, какъ вольнаго человѣка, а указъ 1597 года имѣетъ въ виду не столько свободный выходъ крестьянъ, сколько право помѣщика отказывать и возить ихъ *промежь себя* ¹⁾. Въ 1607 году правительство само признаетъ, что при царѣ Иванѣ Васильевичѣ не было такихъ крамоль, такой ябеды и насилія немощнымъ отъ сильныхъ, потому что крестьяне выходъ имѣли вольный, однакоже средствомъ противъ общаго зла избираетъ совершенное уничтоженіе перехода. Въ этомъ указѣ есть нововведенія весьма важныя. *Вопервыхъ*, съ пріемщика велѣно взыскивать 10 рублей пени на государя за пріемъ чужаго, да пожилыхъ денегъ законному помѣщику по 3 рубля въ годъ за cadaго принятаго крестьянина.

¹⁾ Акты Ист. т. I, № 153, ст. 88. Акты Археогр. Эксп. т. II, № 20, 23, 24.

Прежнее *пожилое* за дворъ имѣло видъ не взыскапія, но вознагражденія, которое платилъ при отказѣ крестьянинъ прежнему помѣщику за то, что пользовался отъ него дворомъ. Эти деньги крестьянинъ при переходѣ почти всегда долженъ былъ брать въ ссуду у новаго помѣщика. Пожилыя деньги, положенныя въ 1607 г. составляютъ вознагражденіе *за работу* чужаго крестьянина, которою незаконно пользовался принявшій его владѣлецъ. Татищевъ (Судебникъ § 49 и 151) выводитъ слѣдующій расчетъ этимъ деньгамъ: выше 15 рублей не велѣно брать кабалу на холопа; считая съ этой суммы законныя проценты того времени по 10 на 100, выходитъ въ годъ по 150 коп. Цѣну поденной работы въ то время, сравнительно съ цѣною за поденную проѣсть, Татищевъ полагаетъ въ 3 деньги, что составитъ въ годъ на 300 рабочихъ дней 450 коп., а за вычетомъ отсюда корма и одежды остается тоже почти 150 коп. Этотъ расчетъ гадательный и основанъ на предположеніяхъ. Татищевъ едва ли справедливо признаетъ 10 на 100 нормальнымъ ростомъ XVI столѣтія. Царь Іоаннъ IV установилъ взиманіе 10 процентовъ въ видѣ временной мѣры на пять отсрочныхъ лѣтъ; обыкновенный же ростъ во время Іоанна, такъ же какъ и во время Царя Михаила Ѳедоровича былъ 20 на 100 (см. *Исторію Гражд. Зак. Неволіна*, т. III, стр. 129). Въ такомъ случаѣ 3 рубля составляли дѣйствительно ростъ съ 15-рублевой суммы, въ которую велѣно было писать служилыя кабалы.

Вовторыхъ, бѣглыхъ велѣно уже разыскивать, и безъ челобитья или иску, отъ лица правительства, по допросу, что вмѣнено въ обязанность намѣстникамъ, воеводамъ и дьякамъ подѣ страхомъ наказанія; подговорщикамъ къ бѣгству законъ угрожаетъ торговою казнію. *Втретьихъ*, вмѣстѣ съ бѣглыми жонками велѣно отдавать и мужей ихъ, за которыхъ они вышли въ бѣгахъ у пріемщика. Урочныя годы для челобитья о возвращеніи бѣглыхъ по прежнему указу 1597 года считались въ пять лѣтъ; въ

послѣдствіи же, при царѣ Михаилѣ, срокъ этотъ былъ увеличенъ до девяти и десяти лѣтъ, но дворяне и дѣти боярскіе разныхъ городовъ не переставали усиленно бить челомъ государю о совершенной отмѣнѣ урочныхъ годовъ и о возвращеніи бѣглыхъ безъ срока. Урочные годы дѣйствительно давали пріемщикамъ удобный способъ укрѣпить за собою чужихъ крестьянъ; подговаривая къ себѣ крестьянъ отъ сосѣднихъ владѣльцевъ, они развозили ихъ по дальнимъ своимъ вотчинамъ и укрывали ихъ тамъ до истеченія срока, а потомъ могли уже безопасно привозить ихъ въ ближнія деревни; другіе писали чужихъ крестьянъ въ писцовыя книги за собой, будто бы въ бѣгахъ, и потомъ отыскивали ихъ будто своихъ бѣглыхъ. Наконецъ иные просто пріѣзжали наѣздомъ въ чужія деревни и насильно вывозили къ себѣ крестьянъ. Мелкіе владѣльцы, проживая на службѣ, въ отсутствіи изъ своихъ помѣстьевъ и вотчинъ, не въ силахъ были предупредить такое посягательство со стороны богатыхъ и сильныхъ, и жаловались государю на свои обиды и разоренье отъ урочныхъ лѣтъ. Правительство долго не рѣшалось однакоже отмѣнить урочные годы, стараясь предупредить побѣги другими мѣрами; посылало писцовъ со строгими наказами сыскивать на мѣстѣ, при переписи дворовъ и людей, о дѣйствительной принадлежности ихъ владѣльцу, установило взысканіе по 5 рублей въ годъ съ человека за насильственный вывозъ крестьянъ, угрожало пріемщикамъ и укрывателямъ пенями и взысканіемъ всѣхъ помѣщичьихъ и вотчинниковыхъ доходовъ, поручало воеводамъ сыскивать по уѣздамъ бѣглыхъ; но всѣ эти мѣры

не имѣли успѣха ¹⁾. Наконецъ, уже въ 1649 году, 2-го января послѣдовалъ указъ: бѣглыхъ крестьянъ и бобылей изъ бѣговъ отдавать всякихъ чиновъ людямъ безъ урочныхъ лѣтъ, сыскивая по писцовымъ книгамъ 134 (1626) году ²⁾; новый законъ вошелъ въ составъ уложенія ³⁾. Отмѣна урочныхъ лѣтъ была нововведеніемъ, и въ этомъ смыслѣ Уложеніе говоритъ: «о томъ по нынѣшней государевъ указъ заповѣди не было, чтобы никому за себя крестьянъ не пріимати, а указаны были бѣглымъ крестьянамъ урочные годы». На самомъ дѣлѣ заповѣдь не принимать чужихъ крестьянъ существовала и прежде; положено было и прежде взысканіе пожилыхъ денегъ, но, какъ видно, указъ 1607 года оставался безъ исполненія и потерялъ силу, потому что Уложеніе предписываетъ, владѣнія за бѣглыхъ крестьянъ на прошлые годы до нынѣшняго указа не взыскивать, на будущее же время положено возвращать бѣглыхъ крестьянъ не только по писцовымъ, но и по переписнымъ книгамъ 154 и 155 годовъ, по отдѣльнымъ и отказнымъ и выписямъ и инымъ всякимъ крѣпостямъ, а на тѣхъ за кѣмъ жили въ бѣгахъ крестьяне, указано взыскивать по 10 рублей за годъ за государевы подати и помѣщиковы доходы. О взысканіи же особой пени на государя Уложеніе не упоминаетъ ⁴⁾. Съ 1649 года продолжается непрерывно цѣлый рядъ узаконеній о бѣглыхъ; взысканія за передержательство постепенно усиливаются, повсюду рассылаются сыщики для сысканія и отдачи бѣглыхъ; но видимаго успѣху не ока-

¹⁾ См. Акты Археогр. Эксп. т. III, № 66, 350; т. IV, № 14, 21. Акты Истор. т. III, № 58, 92, ст. XXXIII. № 286. ²⁾ Акты Истор. т. IV, № 30. ³⁾ XI. 2. ⁴⁾ Улож. XI, 2, 3, 9, 10, 15.

зывается, такъ что и въ XVIII столѣтіи суды наполнены дѣлами, а указы строгими постановленіями о бѣглыхъ. «О семъ, пишетъ въ 1768 году Татищевъ, мы болѣе законовъ имѣемъ нежели о другихъ тяжбахъ, но или одинъ другому противорѣчитъ и закону Божію не согласуетъ, или такъ неясенъ, что судья какъ хочетъ такъ толкуетъ, и не въ томъ разумѣніи, какъ намѣреніе законодавца, приѣмлетъ».

Государственный порядокъ требоваль, чтобы крестьянинъ былъ подвластенъ кому-нибудь, къ кому-нибудь тянулъ, кого-нибудь слушалъ. Къ мѣстнымъ органамъ правительства, еще не получившимъ единообразной, стройной организациі, еще разсѣяннымъ на дальнихъ пространствахъ, крестьянинъ не могъ относиться непосредственно: дѣло органовъ правительства было объявить крестьянамъ, «которые въ деревнѣ живутъ, а въ пустошахъ учнутъ жити», чтобъ они владѣльца слушали, пашню на него пахали и доходъ вотчинниковъ ему платили. Все это было въ интересѣ владѣльца и, прибавимъ, было для него единственнымъ способомъ къ удержанію на земляхъ работниковъ, къ извлеченію изъ земли дохода, къ отправленію службы по наряду. Все это было и въ интересѣ правительства. Условія помѣстной системы требовали, чтобы каждому служилому человѣку было «съ чего служить», было съ чѣмъ явиться на службу *конну, людну и оружно*; а исполненіе этого требованія было бы невозможно, еслибы помѣщикъ владѣль пустыми дворами и землями, не имѣль на нихъ постоянныхъ работниковъ или, имѣя ихъ, лишень былъ власти надъ ними. Та же самая власть нужна была правительству и для административныхъ его цѣлей.

Не имѣя въ распоряженіи своемъ тѣхъ средствъ и той системы управленія, которыя принадлежатъ къ государственному устройству, окончательно сложившемуся, правительство той эпохи распредѣляло и дробило власть по началу, такъ-сказать, механическому: отдѣльные участки земли, села и деревни съ живущими на нихъ людьми, оно должно было приурочивать къ отдѣльнымъ личностямъ, на вотчинномъ правѣ. Власть устроенная и распредѣленная по началу дробленія, подобнаго механическому, еще не нуждается въ точныхъ юридическихъ опредѣленіяхъ. Правительство имѣетъ въ предметѣ прежде всего не уравниваніе властей, а достиженіе тѣхъ главныхъ цѣлей, для которыхъ власти устроены.

Съ другой стороны, пользуясь властію распоряжаться трудомъ человѣка, управлять его личностію, употреблять его для своихъ хозяйственныхъ цѣлей, давать ему судъ и расправу, владѣлецъ привыкалъ смотрѣть на крестьянина, какъ на свою принадлежность, не заботясь о томъ, чтобы выяснитъ самому себѣ право свое на человѣка и положить этому праву твердыя границы. И правительство, какъ мы сказали, не могло еще имѣть въ виду установить эти границы посредствомъ общихъ юридическихъ опредѣленій. Дѣятельность правительства въ этомъ отношеніи ограничивалась только тѣмъ, что оно отъ времени до времени, сообразно съ своими главными цѣлями, разрѣшало отдѣльные вопросы, возникавшіе по поводу столкновеній одного владѣльца съ другимъ, и личной владѣтельской власти съ общими цѣлями правительства. Это были существенныя потребности гражданскаго и государственнаго устройства. Напротивъ забота объ огражденіи лич-

ности подвластнаго человѣка отъ произвола и стѣсненій едва-едва кое-гдѣ проявляется. Для того, чтобъ она явилась и выразилась въ законодательствѣ, потребны были такія условія, которыхъ не было еще въ XVII столѣтіи. Нужно было, чтобы посреди тѣхъ самыхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилось крѣпостное право, возникъ протестъ противъ него, во имя духовныхъ и экономическихъ началъ, пришедшихъ къ сознанію, чтобы подъ вліяніемъ новаго начала явилась потребность подвергнуть строгому анализу старыя основы государственнаго и гражданскаго устройства. Эти условія осуществились не прежде какъ въ XVIII столѣтіи. И то лишь во второй половинѣ его становится замѣтно, и съ каждымъ годомъ уясняется стремленіе къ новому лучшему порядку, основанное на разумномъ началѣ. Противъ этого стремленія вооружается все, что и привычками, и интересами своими сжилось съ порядкомъ прежнимъ; но и приверженцы стараго, въ борьбѣ съ разумною силой мнѣнія, принуждены искать оружія въ области идей. Посредствомъ этой только борьбы, сдѣлалась у насъ ощутительною потребность опредѣлить юридически сущность, принадлежности и границы политическаго учрежденія, въ теченіе двухъ почти столѣтій существовавшаго безъ положительныхъ опредѣленій: власть, образовавшаяся вслѣдствіе причинъ политическихъ, почувствовала необходимость облечь всѣ свои проявленія въ норму юридическую, вмѣстить ихъ въ строгую систему закона положительнаго. Мы думаемъ, что это совершилось окончательно уже во второй четверти XIX столѣтія: до того времени, то-есть до изданія Свода Законовъ, законодательство отъ времени до времени останавливается

только на нѣкоторыхъ вопросахъ, приводитъ въ сознаніе только нѣкоторыя черты крѣпостнаго права.

Итакъ нѣтъ возможности по тѣмъ памятникамъ законодательства, которые оставилъ намъ періодъ Уложенія, возстановить юридическій образъ крѣпостнаго права; мы можемъ уловить только нѣкоторыя черты его; по тому, на что обращалось вниманіе закона, можемъ судить о томъ, что имѣлъ въ виду законъ; по тому, что запрещалось закономъ, можемъ угадывать главныя его цѣли. Такъ, на примѣръ, Уложеніе и новоуказныя статьи показываютъ намъ черты различія, которое законъ *предполагалъ* между крестьянствомъ и холопствомъ: предполагалъ, но не высказывалъ категорически въ видѣ юридическаго положенія. Различіе это мало-по-малу исчезаетъ изъ сознанія въ XVIII столѣтіи; но и XVIII столѣтіе не оставило намъ ни одного закона, въ которомъ прямо выразилось бы новое начало, принятое законодательствомъ. Если историкъ, слѣдя за развитіемъ учрежденія, въ правѣ произносить свой судъ надъ дѣйствительнымъ, слѣдовательно и необходимымъ воззрѣніемъ той или другой эпохи, то справедливость требуетъ сказать, что по этому предмету болѣе мрачныя тѣни ложатся по сю сторону, нежели по ту сторону эпохи Петра Великаго. Можетъ быть потому и представляются онѣ намъ мрачнѣе, что приближаясь къ нашей эпохѣ, опредѣлительнѣе выказываются: что дальше отъ насъ, въ томъ, по смутнымъ очертаніямъ, мы болѣе угадываемъ, нежели видимъ. Безпристрастный изслѣдователь не рѣшится однакоже упрекать Петра въ томъ, что воззрѣніе его не сходилось съ нашимъ взглядомъ: иная была потребность той эпохи, иная потребность нашей; но въ

томъ и состоитъ заслуга Петра, что онъ угадалъ потребность своего времени; средства же, которыя употреблялъ онъ для того, чтобъ удовлетворить ей, были въ духѣ того времени, слѣдовательно соответствовали насущной потребности. Предшественники его собирали государство: ему предстояла задача укрѣпить его въ самую трудную минуту, въ борьбѣ съ внутренними и внѣшними врагами, собрать на службу государству всѣ внутреннія его силы.

Но возвратимся къ періоду Уложенія. Не было юридическихъ опредѣленій, которыя ясно отличались бы зависимость холопа отъ господина и зависимость крестьянина отъ помѣщика; но несомнѣнно то, что законъ не смѣшивалъ холопа съ крестьяниномъ. Съ холопствомъ соединяется понятіе о человѣкѣ, переданномъ или отдавшемъ себя въ потомственную или временную *личную* службу другому человѣку. Уложеніе представляетъ намъ разнообразныя виды такого владѣнія, но всѣ они юридически различаются не пространствомъ власти, которую получалъ человѣкъ надъ человѣкомъ, а срокомъ, до котораго простиралась эта власть, и вслѣдствіе того большею или меньшею возможностью передачи и отчужденія.

Такимъ образомъ по Уложенію различаются, *вопервыхъ*, полные, докладные, купленные, старинные холопы. Право на владѣніе такими людьми утверждалось или на актахъ продажи, или на полныхъ грамотахъ и крѣпостяхъ, въ прежнее время выданныхъ, на полное холопство, или же на безспорномъ фактѣ стариннаго владѣнія. Старинные, безусловно укрѣпленные, холопы могли быть продаваемы отъ одного владѣльца другому, передаваемы по наслѣд-

ству и по записямъ разнаго рода ¹⁾). Но старинный чело-
вѣкъ, отданный въ приданое за дочерью, въ случаѣ
смерти ея безъ дѣтей, возвращался къ прежнему вла-
дѣльцу ²⁾). Право на полныхъ холоповъ могло быть и не-
безсрочное ³⁾), если въ первоначальномъ актѣ приобрѣтенія
значилось, что владѣлецъ купилъ холопа себѣ и дѣтямъ
своимъ, а правнукамъ и правнучатамъ не написано.

Кромѣ этого различія въ правѣ продажи и отчужденія,
Уложеніе не выражаетъ другихъ отличій въ пространствѣ
власти господина надъ полными и кабальными людьми. Преж-
ніе законы представляютъ несравненно болѣе юридическихъ
опредѣленій по этому предмету. Въ русской Правдѣ, напри-
мѣръ, гораздо полнѣе опредѣляются и виды холопства и спо-
собы установленія его и степень господской власти надъ хо-
лопами разныхъ видовъ.

См. статью г. Чичерина: «Несвободныя состоянія въ дре-
вней Россіи», въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, 1856 г. № 10.

Старинное холопство прекращалось по волѣ госпо-
дина, то-есть посредствомъ выдачи отпускной при жизни
его или по смерти его, на основаніи объявленнаго имъ
завѣщанія. Такое завѣщаніе, если было и неписьменное,
имѣло полную силу изустной памяти ⁴⁾). Исполнителями по-
слѣдней воли умершаго были обыкновенно душеприка-
щики умершаго, духовный отецъ его; они имѣли право
выдавать отпускныя оставшимся послѣ него людямъ, при-
чемъ не требовалось отъ нихъ особаго удостовѣренія по-
слѣдней воли умершаго. Слово: *кому прикажетъ* упо-
треблялось въ самомъ обширномъ смыслѣ; изъ старин-
ныхъ актовъ видно, что не только родители, братья и

¹⁾ Ул. XX. 61, 64, 77, 82.   ²⁾ Ул. XX. 62.   ³⁾ Ул. XX. 101.

⁴⁾ Ул. XX. 8, 14, 53.

ближніе родственники умершаго, но даже собственные его приказные люди выдавали отъ своего имени отпускныя оставшимся холопамъ, на основаніи приказанія, однимъ только имъ извѣстнаго; а въ приказѣ, куда предъявлялась такая отпускная, записывали ее безпрепятственно, отобравъ подтвердительный допросъ отъ одного того лица, къмъ была выдана отпускная. Родителямъ предоставлялось право, не спрашиваясь сына, отпускать на волю по завѣщанію кабальныхъ людей его ¹⁾. Отпускныя писались или у площадныхъ подъячихъ, или просто на дому, а по учрежденіи крѣпостнаго порядка, у крѣпостныхъ дѣлъ; но и душеприкащики не всегда заботились о написаніи такихъ актовъ: человекъ, почитавшій себя въ правѣ на свободу, могъ по смерти господина, самъ явиться въ подлежащее мѣсто (приказъ холопій, въ послѣдствіи судный или на городахъ въ съѣзжую или приказную избу) и просить о выдачѣ оттуда отпускной по словесному приказу умершаго. По допросѣ душеприкащика, отпускная выдавалась безпрепятственно.

Вотъ для примѣра одна изъ отпускныхъ: «185 году Апрѣля въ 17 день, душевные прикащики Ѳедора Яковлевича Вышеславцева Чудова монастыря Келарь Варламъ Палицынъ, Иванъ Григорьевичъ Мусинъ-Пушкинъ, стольникъ Мих. Ѳедор. Самаринъ, Юрій Ѳедор. Шишкинъ, Иванъ Аѳон. Вышеславцевъ отпустили на волю литовскаго полону человека его Митрошку Иванова куды онъ похочеть, а отпускную писалъ по ихъ душевныхъ прикащиковъ приказу человекъ Ѳедора Яковлевича Вышеславцева Аѳонька Титовъ».

Въ Уложеніи встрѣчается нѣсколько случаевъ, въ которыхъ холопъ даже и старинный, полный, могъ полу-

¹⁾ Ул. XX. 106.

чить свободу и независимо отъ воли владѣльца, по распоряженію правительства. Свобода предоставлялась боярскимъ людямъ, бывшимъ съ господами на государевой службѣ въ походахъ на Литву и подъ Смоленскъ и взятымъ въ плѣнъ; по выходѣ изъ плѣну свобода служила имъ наградою за полное терпѣнье; она распространялась на женъ ихъ и даже на дѣтей, если на послѣднихъ господинъ не имѣлъ у себя особой крѣпости. Свобода предоставлялась людямъ измѣнника, кто отъѣдетъ изъ Московскаго государства въ иное господарство. Иноземцы некрещенные, принадлежавшіе некрещенымъ же иноземцамъ, получали свободу (впрочемъ съ правомъ господъ на вознагражденіе), если изъявляли желаніе принять православную вѣру. Наконецъ въ голодное время холопы, высланные господами изъ дворовъ для того, чтобы не кормить ихъ, имѣли право на полученіе изъ приказа отпусковыхъ ¹⁾).

Вовторыхъ, многочисленный разрядъ кабальныхъ людей. Здѣсь отношенія господина къ холопу возникаютъ изъ договора; но по недостаточному развитію понятія о гражданской личной свободѣ человѣка въ тогдашнемъ обществѣ, такой договоръ имѣлъ послѣдствіемъ безусловное подчиненіе человѣка человѣку, установленіе временнаго рабства.

Теперь намъ трудно представить себѣ, какъ бы сталъ вольный человѣкъ кабалить себя, бить челомъ изъ воли въ холопство; но въ то время это было явленіе обыкновенное, объясняемое общественными и экономическими

---

¹⁾ Ул. гл. XX. 33, 41, 66, 71.

условіями тогдaшняго быта. И теперь иногда видимъ мы, что вольные люди скитаются изъ мѣста въ мѣсто, едва не умираютъ съ голоду, нигдѣ не находя себѣ работы и промысла посреди множества всякаго рода работъ и промысловъ. Во сколько же разъ затруднительнѣе было для вольнаго, гулящаго, безземельнаго человѣка, прокормить себя въ то время, когда при скудости матеріальныхъ средствъ, при бѣдности потребностей общественныхъ, промышленность частная не успѣла еще развиться, зажиточныхъ людей было немного, и всякій старался промыслить для себя своими средствами; когда въ деревняхъ и селахъ многіе дворы стояли пусты, огромныя земляныя пространства лежали необработанными, и въ государствѣ земледѣльческомъ общій голодъ былъ вовсе не рѣдкимъ явленіемъ! Кто имѣлъ достаточную собственность, обезпеченъ былъ промысломъ, тому конечно не для чего было бы искать службы у частнаго человѣка; однакоже въ XVII вѣкѣ нерѣдко случалось, что жившіе на тяглыхъ своихъ участкахъ, не стерпя тягла и налоговъ, убѣгали съ посадовъ къ частнымъ владѣльцамъ. А у кого не было вовсе средствъ къ существованію, тотъ радъ былъ идти въ кабалу, лишь бы не умереть съ голоду: кабала была естественнымъ послѣдствіемъ нужды, притягивающей бѣднаго къ богатому, человѣка безъ хлѣба къ человѣку съ хлѣбомъ. Съ другой стороны люди знатные и зажиточные привыкли держать въ домахъ своихъ, смотря по достатку и по чести, значительное количество людей для личной услуги, для блеску и для исправленія домашнихъ нуждъ, «человѣкъ по 100 и по 200 и по 300 и по 500 и по 1,000, сколько кому прокормить можно». Такіе

люди, говоритъ Котошихинъ, получаютъ жалованье, смотря по человѣку и по службѣ, платье, хлѣбъ, всякій харчъ и готовое жилище, а люди большихъ статей ѣдятъ съ боярской поварни. Естественно, что такая жизнь, обеспеченная и часто совершенно праздная, должна была привлекать къ холопству людей, въ которыхъ, повторяемъ, не могла еще, по времени, развиться идея личной свободы. Кабала въ XVII столѣтїи вовсе не была у насъ постояннымъ отношеніемъ высшаго сословія къ нисшему: первоначально люди всякаго чина принимали и держали у себя въ холопствѣ по записямъ вольныхъ людей всякаго же чина ¹⁾; сграниценіе въ этомъ отношеніи поставлялось только матеріальными условіями, при которыхъ возможно было изъ воли бить челомъ въ холопство, да интересами правительства и третьихъ лицъ. Такъ напримѣръ трудно себѣ представить, чтобы въ холопство пошелъ человѣкъ, не имѣвшій въ томъ нужды по своему достатку. Такъ не могъ отдаться въ кабалу чужой кабальный человѣкъ или крестьянинъ, тяглый человѣкъ, черносошный крестьянинъ, служилый человѣкъ. Перваго имѣлъ право требовать прежній владѣлецъ, второй повиненъ былъ тяглу государеву, третій долженъ былъ сидѣть на своемъ пашенномъ жеребью, послѣдній долженъ былъ служить свою службу. Уложеніемъ запрещается брать въ кабалу боярскихъ дѣтей, которые не верстаны, въ службѣ

¹⁾ Въ *Актахъ, относ. до юрид. быта древн. Россїи* (Спб. 1857), помѣщена подъ 1534 годомъ любопытная данная Неклюда Якшилова племяннику своему Некрасу Глѣбову на деревню. Въ числѣ условій даренія поставлено, между прочимъ, что Некрасъ не долженъ съ тою деревнею отдаваться въ холопи безъ митрополичья вѣдома (V, 63, XVI).

не состоятъ и дачь за собой не имѣютъ, да и это запрещеніе было не безусловное: боярскихъ дѣтей, которые, получивъ свободу изъ холопства по Уложенію, не хотя служить службы государевой, снова пойдутъ служить въ боярскіе дворы, не велѣно уже освобождать изъ холопства ¹⁾. Это запрещеніе не было впрочемъ новостью; оно повторялось и прежде; мы встрѣчаемъ его при царѣ Михаилѣ въ дополнительной статьѣ 1642 года къ Судебнику ²⁾; но не смотря на запрещеніе, боярскіе дѣти бѣгали съ государевой службы въ холопство. Тяглымъ людямъ Уложеніе положительно запрещаетъ даже наниматься въ работу къ нетяглымъ на срокъ долѣе пятилѣтняго, и писаться въ закладчики. Это запрещеніе было только повтореніемъ прежнихъ указовъ: еще царь Михаилъ Ѳедоровичъ въ 1640 году запрещалъ тяглыхъ и ясачныхъ людей имать въ заклады по всякимъ крѣпостямъ ³⁾. Иноземцы неправославные не имѣли права держать у себя православныхъ русскихъ людей по крѣпостямъ и въ холопствѣ. (Улож. XX. 70).

Правило это въ послѣдствіи не соблюдалось строго; некрещенные иноземцы получили возможность обойти его. Они имѣли право владѣть помѣстьями и вотчинами, откуда наравнѣ съ православными помѣщиками брали къ себѣ во дворъ крестьянскихъ дѣтей и дѣвокъ, водворяли задворныхъ и дѣловыхъ людей и т. п. Въ первыхъ годахъ XVII столѣтія видимъ, что неправославные иноземцы безпрепятственно держатъ у себя крѣпостныхъ изъ русскихъ православныхъ. Такъ напримѣръ въ 1714 году по дѣлу вдовы Франца Лефортъ, Елизаветы, неправославной, о бѣглыхъ крестьянахъ, всѣ просьбы подавалъ дворовый человѣкъ ея, изъ русскихъ.

¹⁾ Улож. XX. 1, 2, 3. ²⁾ Акт. Ист. Т. III. № 92, ст. XXIII. ³⁾ Акт. Истор. Т. III, № 213.

Уложеніе же дозволило вольнымъ людямъ жить у поповъ, дьяконовъ, причетниковъ и служекъ монастырскихъ только по записямъ на урочные годы, а не по служилымъ кабаламъ ¹⁾. Боярскимъ людямъ съ 1635 года рѣшительно запрещено держать вольныхъ людей иначе какъ по такимъ же записямъ, и всѣ служилыя кабалы, взятыя съ того времени боярскими людьми, Уложеніе ²⁾ признаетъ недѣйствительными. Случаи владѣнія оброчныхъ пашенныхъ крестьянъ кабальными людьми встрѣчаются даже въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія.

Право на людей не всегда утверждалось на кабалахъ и крѣпостяхъ: иные владѣли людьми нигдѣ не записанными, безкабально. Такимъ образомъ возлѣ законнаго владѣнія холопами могло существовать и незаконное, не оглашенное владѣніе. Случалось, что и господскіе люди въ XVII столѣтіи пріобрѣтали себѣ во владѣніе людей, не по однимъ кабаламъ, но и другими способами, на примѣръ покупкой. Такъ изъ суднаго дѣла 1673 года, помѣщеннаго въ *Актахъ, относ. до юридич. быта древн. Россіи* (№ 22), видно, что человекъ княгини Ромодановской имѣлъ у себя во владѣніи купленную жонку и выдалъ ее замужъ за человека, котораго отдала ему его же боярыня.

Вотъ примѣръ изъ одного суднаго дѣла. 23 іюня 1711 г., послѣ крестнаго ходу, вдова дьяка Ушакова ѣхала по Срѣтенкѣ съ своей дочерью, въ *коретъ*. Около кореты шла крѣпостная дѣвка ея. У церкви Введенія нѣсколько человекъ обступили и остановили карету и ухватились за дѣвку не пуская ее; но дѣвку оторвали отъ кореты и увели. Одинъ человекъ, именно оброчный крестьянинъ села Покровскаго Иванъ Лукьяновъ, остался у кореты и началъ ругать барыню воровкой и плутовкой за то, что она украла у него крѣпостную его дѣвку. Отсюда, по иску Ушаковой о дѣвкѣ и о без-

¹⁾ XX. 104. ²⁾ XX. 105.

честьи, началось въ Земскомъ Приказѣ дѣло, по которому обѣ стороны положили на дѣвку крѣпости, выданныя однимъ и тѣмъ же лицомъ. Ушакова, между прочимъ, упоминала въ объясненіяхъ своихъ на судѣ о томъ, что владѣніе крестьянина дѣвкой незаконно и противно указамъ; но судъ разсматривалъ обѣ крѣпости, и присудилъ Ушаковой дѣвку потому только, что ея крѣпость оказалась старѣе. Посошковъ, бывшій тоже оброчнымъ крестьяниномъ села Покровскаго, въ книгѣ своей *О скудости и богатствѣ*, жалуется, что у него сбѣжало человѣкъ пять-шесть, которыхъ другой годъ сыскать не можетъ (Сочиненія Посошкова. М. 1842 стр. 96).

Вольнаго человѣка должно было приводить къ запискѣ въ приказъ холопья суда, гдѣ прежде всего удостовѣрялись распросомъ въ доброй его волѣ и въ томъ, что онъ имѣетъ полную свободу пойдти въ кабалу; спрашивали у людей: «за кѣмъ напередъ того жили и не служилыхъ ли отцовъ дѣти и въ государевѣ службѣ и въ тяглѣ они не бывали ль и не бѣгле-ль чьи люди или крестьяне или бобыли»¹⁾. Въ приказѣ принимались обыкновенно всѣвозможныя предосторожности, чтобы не записался въ холопи человѣкъ чужой, несвободный. Должно было предъявить отпускную у записки. Изъ старинныхъ производствъ по дѣламъ этого рода видно, что когда кабальный холопъ по смерти прежняго господина билъ челомъ въ холопство другому, то допрашивали женъ и дѣтей умершаго, есть ли имъ до тѣхъ людей дѣло, и за тѣмъ, до записки въ новую кабалу, выдавали имъ изъ приказу отпускныя за дьячьи приписьми; безъ отпускныхъ же никому не дозволялось принимать такихъ людей къ себѣ, да и Уло-

¹⁾ Улож. XX. 7.

женіе требуетъ въ подобныхъ случаяхъ сыску и точнаго удостовѣренія.

Дѣль о выдачѣ отпускныхъ изъ Приказу встрѣчается множество. Изъ нихъ видно, что господа весьма часто просто сгоняли со двора холоповъ, которые за старостью или за болѣзнью были вовсе имъ ненужны, чтобы не кормить безполезныхъ людей: по челобитью ихъ приказъ выдавалъ имъ отпускныя, допросивъ господъ или приказныхъ людей ихъ, что имъ подлинно до тѣхъ отосланныхъ холоповъ дѣла нѣтъ.

Вручивъ отпускную господину, человѣкъ тѣмъ самымъ обязывался служить у него, такъ что еслибы самъ онъ и не далъ на себя въ то же время служилой кабалы, то не могъ уже переходить къ другому господину, и тотъ, къ кому пришелъ онъ прежде съ отпускною, могъ взять на него кабалу и неволей, изъ приказа ¹⁾. Въ Уложеніи упоминается еще о холопствѣ безкабальномъ, когда вольный человѣкъ, не давая на себя кабалы, жилъ въ домовой службѣ; но право вольнаго перехода продолжалось для такихъ людей не долѣе трехъ мѣсяцевъ, по истеченіи же этого срока они и насильно могли быть превращаемы въ кабальныхъ ²⁾; во всякомъ случаѣ для окончательнаго холопства требовалась крѣпость, то-есть или договорная запись или актъ, выданный изъ приказа; письма же, въ которыхъ безкабальный человѣкъ «учнетъ писатися холопомъ того у кого живетъ безкабально», не велѣно ставить въ крѣпость ³⁾.

Право распоряжаться своею свободою, давать на себя служилую кабалу, принадлежало по Уложенію только взрослому человѣку, не моложе 15 лѣтъ. Родители, давая

¹⁾ Улож. XX. 10, 16. ²⁾ Улож. XX. 16. ³⁾ Улож. XX. 18.

на себя кабалу, имѣли право располагать и свободою дѣтей своихъ, то-есть писать ихъ въ однѣ кабалы съ собою, но при этомъ требовалось присутствіе самихъ дѣтей, если имъ болѣе 15 лѣтъ; малолѣтнихъ можно было писать и за очи; впрочемъ личное присутствіе взрослыхъ дѣтей требовалось повидимому не для того, чтобъ удостовѣриться въ собственномъ ихъ согласіи на запись, но для того, чтобы записать ихъ въ кабальную книгу «въ рожи и въ примѣты». Два лица вмѣстѣ не могли брать кабалу на одного и того же человѣка; потому что каждый холопъ долженъ имѣть одного только господина ¹⁾).

Это послѣднее правило вполнѣ соотвѣтствовало особенному свойству кабальнаго холопства, отличавшему его отъ холопства *полнаго, вѣчнаго*. У кабальнаго холопа могъ быть только одинъ господинъ, потому что кабальное холопство вообще прекращалось со смертію господина (если въ договорѣ не было иначе постановлено); тогда кабальный человѣкъ становился вольнымъ и получалъ право на отпускную. Умирая, и самъ господинъ не въ правѣ былъ передать такого человѣка своимъ наслѣдникамъ по духовной ²⁾), и при жизни не могъ передать его дѣтямъ и внукамъ по данной или по рядной въ приданое ³⁾), поэтому владѣлецъ и при жизни былъ не въ правѣ продать кабальнаго человѣка или поступиться имъ постороннимъ лицамъ. Кабальные холопы вездѣ въ законѣ противопоставляются стариннымъ и купленнымъ, которыхъ владѣлецъ могъ передавать и продавать по своему усмотрѣнію. По смерти господина кабальный че-

¹⁾ Улож. XX. 20, 47, 110. ²⁾ XX. 63. ³⁾ Улож. XX. 61.

ловѣкъ съ женой и дѣтьми, хотя бы женился и въ кабальномъ холопствѣ, и на рабѣ господина своего, получалъ отпускную отъ наслѣдниковъ или изъ приказу холопья суда ¹⁾; но если при жизни господина кабальный человекъ его вступалъ въ бракъ съ кабальной дѣвкой, принадлежавшей женѣ или дѣтямъ своего господина, то и по смерти сего послѣдняго не получалъ уже свободы, а оставался въ крѣпости по женѣ своей, по кабальной рабѣ ²⁾. Естественно, что господинъ, желая укрѣпить кабальнаго холопа своимъ наслѣдникамъ, женилъ его на кабальной дѣвкѣ жены своей или сына: такимъ образомъ укрѣпленіе кабальнаго холопа наслѣдникамъ могло совершиться и безъ новой кабалы. Вообще же, если кабальный человекъ или сынъ его, и по смерти господина хотѣлъ остаться въ холопствѣ у наслѣдниковъ его, то должно было ему сначала взять отъ нихъ отпускную и потомъ уже выдать на себя новую кабалу ³⁾. Отпускная, полученная по смерти господина, по большей части служила вольноотпущенному только необходимымъ документомъ для записки въ новую кабалу къ новому владѣльцу.

Денежные займы въ XVII столѣтіи обеспечивались обыкновенно личною свободой, когда должникъ не могъ представить другаго обеспеченія: отсюда происходитъ особый видъ кабальныхъ записей о денежномъ займѣ, обеспеченномъ свободою. Это обеспеченіе по общему правилу должно было прекращаться съ уплатою долга; но бѣдному человекѣ, отдавшему себя за долгъ, въ большей части случаевъ бывало весьма трудно пріобрѣсть денеж-

¹⁾ Улож. XX. 15, 52. ²⁾ Ул. XX. 86. ³⁾ Ул. XX. 9.

ную сумму, требовавшуюся для выкупа; чтобы сдѣлать выкупъ и вовсе невозможнымъ, заимодавцы нарочно писали кабалы на большую сумму. Дабы предупредить такія уловки и дать возможность выкупа заложившимся людямъ, Судебникъ 1550 года постановляетъ: не писать дороже 15 рублей кабалы, по которымъ вольные люди идутъ въ службу за ростъ¹⁾. Но въ 1597 году, то-есть вскорѣ послѣ перваго укрѣпленія крестьянъ, послѣдовалъ указъ царя Ѳеодора Иоанновича, въ силу котораго и люди служившіе по срочнымъ кабаламъ должны были почитаться крѣпкими до самой смерти господъ своихъ, *безъ права на выкупъ*. Этимъ указомъ постановлено, что кто далъ на себя служилую кабалу до 1 іюня 1586 года, или послѣ 1 іюня, и кто впредь станетъ къ кому бить челомъ въ службу по записнымъ служилымъ кабаламъ, тѣмъ людямъ отъ государей своихъ не отходити и *денегъ по тѣмъ служилымъ кабаламъ* у тѣхъ холопей не имати, а выдавать ихъ тѣмъ государемъ, по тѣмъ кабаламъ, въ службу до смерти²⁾. Нѣтъ повода думать, что правило это относилось только къ тѣмъ людямъ, которые просто, безъ денежнаго займа, били челомъ въ холопство и давали на себя служилыя кабалы, а не къ тѣмъ, которые шли служить за ростъ на занятые деньги; потому что законъ не выражаетъ этого различія и говоритъ вообще о служилыхъ кабахахъ, а служилая кабала и въ томъ и въ другомъ случаѣ была актомъ холопства. Въ Уложеніи 1649 года постановлено: служилыя кабалы писать ни больше ни меньше какъ на три рубля за cadaго чело-

¹⁾ Акт. Ист. Т. I. № 153 ст. 78. ²⁾ Акты Истор. Т. I. № 221. II.

вѣка ¹⁾, но Уложеніе не содержитъ въ себѣ и общей статьи, которою всѣмъ людямъ, давшимъ на себя служилыя кабалы въ заемныхъ деньгахъ, предоставлялось бы безусловное право выкупаться до истеченія и по истеченіи срока: статьи, въ коихъ упоминается объ этомъ правѣ, относятся къ частнымъ случаямъ (напр. XX. 43, 44). Итакъ трудно рѣшить, дѣйствительно ли право это признавалось по закону безусловнымъ; но то достоверно, что на дѣлѣ человеку, давшему на себя служилую кабалу за деньги, становилось почти невозможно выкупиться. Формула, обыкновенно употреблявшаяся въ актахъ этого рода, была такова, что должникъ, взявшій деньги или получившій ихъ, какъ иногда говорилось, «на приходъ» въ холопство, допустивъ долгъ до просрочки, былъ уже не въ правѣ освободиться до самой смерти господина. Въ записи обыкновенно писалось: а полягутъ деньги по сроцѣ, и мнѣ у государя своего... служить во дворѣ потому-жь по вся дни». А допустить долгъ до просрочки [было нетрудно по тому уже одному, что холопу, обязанному работать исключительно во дворѣ у господина, вовсе не откуда было достать себѣ даже и три рубля на выкупъ. Такимъ образомъ, на самомъ дѣлѣ, въ періодъ Уложенія и закладчики, дававшіе на себя кабалу въ заемныхъ деньгахъ, вполне уравнивались съ прочими кабальными холопами.

Дѣти, рожденные въ кабальномъ холопствѣ, становились холопами того, у кого въ домѣ родились, также до смерти его, и не въ правѣ были, покинувъ отца и мать,

¹⁾ Ул. XX. 19.

бить челомъ въ холопство другому господину ¹⁾). Должны ли были дѣти оставаться у того же господина и въ томъ случаѣ, если при жизни сего послѣдняго умерли родители ихъ, кабальные холопы? объ этомъ уложеніе не говоритъ положительно; въ 30 ст. XX. гл. Улож. постановлено: у которыхъ людей холопы породились отъ кабальныхъ ихъ людей, а живутъ они у нихъ многіе годы безкабально, «и на такихъ людей имати кабалы»: «а будетъ такіе холопы изъ воли кабалъ дати не похотятъ, и на нихъ кабалы дати и въ неволю, потому что они живутъ у нихъ безкабально *многіе годы*». Трудно рѣшить, къ какимъ именно людямъ относилось это постановленіе: къ тѣмъ ли, которые при своихъ родителяхъ оставались въ домѣ у господъ, или къ тѣмъ, которые по смерти родителей въ томъ же домѣ продолжали свою службу. Во всякомъ случаѣ понятно, какой просторъ предоставлялся и произволу частныхъ лицъ и судейскому, неопредѣленному выраженіемъ: *многіе годы*.

Относительно сообщенія холопства посредствомъ брака имѣло силу извѣстное правило: по холопу раба и по рабѣ холопъ. Такимъ образомъ вольная женка, по выходѣ въ замужество за холопа, дѣлалась рабою того, кому принадлежалъ мужъ ея, и даже по смерти мужа должна была служить его господину ²⁾). Вѣроятно такое же послѣдствіе имѣлъ бракъ рабы съ вольнымъ человѣкомъ; хотя объ этомъ прямо и не упомянуто въ Уложеніи, но это слѣдуетъ изъ правила: будетъ доведется отдать кому по крѣпости жену, а у нея есть мужъ, отдать за женкою

¹⁾ Улож. XX. 4, 83. ²⁾ Улож. XX. 85, 87.

и мужа. Исключеніе изъ этого правила допускалось по Уложенію относительно бѣглыхъ дѣвокъ, вышедшихъ замужъ за служилыхъ людей въ украинныхъ городахъ: въ такомъ случаѣ мужъ не могъ быть выданъ со службы государевой, но долженъ былъ заплатить за жену свою выводныя деньги ея владѣльцу¹⁾. Вышеприведенное правило и въ XVIII столѣтіи принималось въ томъ смыслѣ, что при вступленіи свободнаго въ бракъ съ крѣпостнымъ безъ согласія владѣльца, свободное состояніе уступаетъ мѣсто крѣпостному праву. Право собственности частнаго владѣльца на холопа, который безъ позволенія его вступалъ въ бракъ со свободною, не могло быть нарушено; а между тѣмъ правило апостольское требовало не разводить жену съ мужемъ: отсюда законъ, естественно склонявшійся тогда на сторону кабальной крѣпостной власти, вывелъ слѣдующее положеніе: гдѣ мужъ, тутъ и жена; кому жена, тому и мужъ²⁾. Не ранѣе послѣдней четверти XVIII столѣтія политическіе вѣсы склонились въ этомъ отношеніи на сторону свободы.

Ср. въ П. С. З. Ук. 19 января 1722 г. № 4145 п. 14. Есть судебныя рѣшенія, по которымъ вольный человѣкъ, женившійся безъ отпускнуой на крѣпостной дѣвкѣ, отдается въ крѣпость ея господину. Такъ, на примѣръ, по дѣлу Земскаго Приказа 1713 года о бѣглыхъ крестьянахъ помѣщика Неѣимонова приводный крестьянинъ въ допросѣ сказалъ, что дочь его въ бѣгахъ была выдана замужъ за церковнаго дьячка въ вотчинѣ гр. Головкина. На этомъ основаніи истецъ требовалъ возвращенія крѣпостной своей крестьянской дѣвки съ мужемъ и дѣтьми и со всѣми ихъ животами. Дьячекъ въ отвѣтъ доказывалъ, что ни его ни жену его не слѣдуетъ отда-

¹⁾ Ул. XX. 27. ²⁾ Улож. XX. 60, 92.

вать во крестьянство, потому что онъ не крѣпостной, а церковниковъ сынъ; однакоже Земскій Приказъ приговорилъ отдать ее помѣщику и съ мужемъ, и съ животами.

Правило: гдѣ мужъ, тутъ и жена, кому жена, тому и мужъ, — въ примѣненіи къ крѣпостному праву, удержало свое дѣйствіе до второй половины 18 столѣтія, въ первоначальной строгости. Въ первый разъ, сколько извѣстно, законъ ослабилъ дѣйствіе этого правила, и сталъ высказываться въ противоположномъ смыслѣ, въ 1763 году, по поводу учрежденія Воспитательнаго дома, и въ 1764 году, по поводу учрежденія Академіи Художествъ. Въ учрежденіи Воспитательнаго дома (VI. 4) сказано: «всѣ воспитанные въ семь домѣ обою пола и дѣти ихъ и потомки въ вѣчные роды останутся вольными и никому изъ партикулярныхъ людей ни подъ какимъ видомъ закабалены не будутъ». Здѣсь едва-ли не въ первый разъ выражена *безкорыстная* мысль объ ослабленіи крѣпостнаго права, самостоятельное начало эмансипаціи. Недавній передъ тѣмъ указъ Екатерины — не укрѣплять за помѣщиками бѣглыхъ крѣпостныхъ и раскольниковъ — не выражалъ этой мысли и имѣетъ видъ мѣры только политической. Но здѣсь, въ словахъ Бецкаго, видно намѣреніе — воспитаніемъ открыть путь къ освобожденію, или покрайней мѣрѣ закрыть одинъ изъ путей къ укрѣпленію челоуѣка. Далѣе сказано: «воспитанные въ семь домѣ дѣти *не должны* вступать въ супружество съ крѣпостными людьми, чьибы они ни были, и священникамъ, подъ лишеніемъ священства, запрещено вѣнчать съ таковыми... Еслижь бы это и случилось обманомъ, то не только они сами не будутъ крѣпки помѣщикамъ, но еще и другая сторона вступившая съ ними въ бракъ, съ того самаго времени будетъ вольнымъ челоуѣкомъ а не крѣпостнымъ». Подъ другою стороною разумѣлись впрочемъ однѣ женщины, ибо далѣе пояснено, что крѣпостнаго мужчину вступившаго въ бракъ съ воспитанницей, помѣщикъ можетъ удержать у себя, но жена его не теряетъ своей вольности, *опричь супружеской должности*.

Привилегія эта, предоставленная воспитанникамъ воспи-

тательныхъ домовъ, состояла въ связи съ излюбленною задачею тогдашняго законодательства — создать третье сословіе свободныхъ людей въ государствѣ. Въ генеральномъ планѣ воспитательнаго дома 1767 года (ч. III, 13) сказано: «извѣстно, что въ государствѣ два чина *только* установлено — дворяне и крѣпостные, но какъ по привилегіямъ воспитанники сіи и потомки ихъ вольными пребудутъ, то и составятъ они *третій* чинъ въ государствѣ».

Втретьихъ, записка за собою плѣнныхъ, взятыхъ на походѣ или на войнѣ, и записка купленныхъ инородцевъ была также однимъ изъ способовъ установленія холопства. Но въ отношеніи къ полоняникамъ разныхъ націй существовали не одинаковыя правила. Военныя дѣйствія того времени болѣе или менѣе имѣли свойство набѣговъ, при чемъ рѣдко давалась пощада имуществу и личности мирныхъ жителей. Поэтому на походѣ всякій, кто могъ и почиталъ нужнымъ, захватывалъ одного или нѣсколько человѣкъ и привозилъ за собою на родину съ тою цѣлью, чтобы пріобрѣсть себѣ новыхъ «людей» или продать ихъ другимъ съ выгодною. Такими плѣнными въ концѣ XVII столѣтія были болѣею частію татарскіе, шведскіе и литовскіе люди. Повидимому ¹⁾ вслѣдствіе частыхъ войнъ возникла даже особаго рода промышленность скупщиковъ, которые покупали на мѣстѣ полонныхъ людей, и потомъ везли продавать ихъ въ Москву. Плѣнные, взятые на войнѣ, по старому обычаю оставались въ личномъ услуженіи у тѣхъ, кто взялъ ихъ, привелъ съ собою и крестилъ въ православную вѣру; но вслѣдствіе международныхъ сношеній и дипломатическихъ

¹⁾ См. Полн. Собр. Зак. Ук. 27 мая 1665 г.

ходатайствѣ правительство принуждено было ограничить этотъ обычай относительно литовскихъ и шведскихъ полоняниковъ. О литовскихъ плѣнныхъ въ Уложеніи постановлено, что тѣ изъ нихъ, которые у привода въ распросѣ передъ боярами объявили желаніе оставаться у кого жили, въ Россіи, не имѣютъ права на свободу; а тѣ, которые объявили въ распросѣ, что хотятъ идти обратно въ Литву, должны быть освобождаемы, жены съ мужьями и мужья съ женами и дѣтьми, хотя бы вступили въ бракъ съ крѣпостными и кабалными людьми тѣхъ господъ, у кого жили ¹⁾. Въ чемъ состоялъ распросъ передъ бояры, о которомъ упоминаетъ здѣсь Уложеніе, это можно отчасти видѣть изъ подобнаго же постановленія, объявленнаго въ 1662 г. относительно шведскихъ полоняниковъ ²⁾. Вслѣдствіе кардисскаго мира и посольской переписки, всѣхъ шведскихъ плѣнныхъ съ Москвы и съ городовъ велѣно было приводить въ челобитенной приказъ и тамъ въ присутствіи шведскихъ людей, оставленныхъ послами, велѣно допрашивать, гдѣ и когда кто взятъ, и гдѣ и у кого именно похочетъ жить: кто захочетъ остаться, того писать въ книги, а кто не захочетъ того отпускать въ свою сторону. Но въ 1663 году присылать къ допросу велѣно только некрещеныхъ шведовъ, а тѣмъ, которые крестились въ православную вѣру, велѣно оставаться кто у кого жилъ. Вообще въ 1681 году предписано, ни въ какомъ случаѣ не оставлять безъ записки въ приказѣ холопья суда или въ съѣзжихъ избахъ, литовскихъ, нѣмецкихъ и татарскихъ людей, взятыхъ въ

¹⁾ Улож. XX. 69. ²⁾ Акты Археогр. Эксп. т. IV, № 132 и 135.

плѣнъ и крещенныхъ, также пришедшихъ, къ кому изъ за рубежа, приобрѣтенныхъ по актамъ и взятыхъ по жилымъ записямъ ¹⁾. О дѣтяхъ плѣнныхъ служилыхъ иноземцевъ, которые крещены въ православную вѣру, въ Уложеніи ²⁾ постановлено, что они могутъ давать на себя служилыя кабалы изъ воли кому похотятъ, если не пригодятся въ государеву службу.

Въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія, вслѣдствіе войнъ, веденныхъ по побережью Балтійскаго моря, значительно увеличилось число плѣнныхъ, вывезенныхъ изъ Остзейскаго края; дворяне, бывшіе на походѣ, захватывали чухонскихъ и латышскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ и приводили съ собою въ Россію: ихъ обыкновенно крестили и женили на русскихъ крѣпостныхъ. По правилу 1704 г. ³⁾ слѣдовало немедленно приводить ихъ въ судный приказъ (въ послѣдствіи въ приказъ земскихъ дѣлъ), гдѣ ихъ осматривали «въ рожи и въ примѣты» и записывали въ книги. Впрочемъ эта формальность не всегда строго соблюдалась, и полоняники лѣтъ по десяти и болѣе оставались безъ записки, какъ видно изъ подлинныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ изъ числа плѣнныхъ одни по своей волѣ давали на себя записи, другіе поступали въ кабалу неволей: эти послѣдніе уравнивались съ полными холопами, то есть могли быть продаваемы и передаваемы.

Въ царствованіе Петра I, съ окончаніемъ сѣверной войны, опредѣлилась окончательно и судьба плѣнныхъ разныхъ націй, въ теченіе войны взятыхъ. Много было ихъ разсѣяно по всей Россіи: всего болѣе шведовъ, за-

¹⁾ Ук. 23 мая 1681 года. Полн. Собр. Зак. № 869. ²⁾ XX. 37.

³⁾ Ук. 9 ноября.

тѣмъ поляковъ и нѣмцевъ, служившихъ въ шведскомъ войскѣ. Въ 1711 г. ¹⁾ велѣно было отпустить въ отечество всѣхъ природныхъ поляковъ, которые вывезены были русскими офицерами волею или насильствомъ, и не хотятъ долѣе служить у господъ своихъ ²⁾. Впрочемъ изъ числа *военнопленныхъ* поляковъ, въ 1711 и 1720 годахъ, то-есть до заключенія общаго мира, положено было отдавать назадъ только тѣхъ, которые взяты въ сраженіи съ поляками, а не съ шведами ³⁾. Въ 1717 году Левенгауптъ приносилъ Петру жалобы на несчастную участь плѣнныхъ. «Разные вашего величества подданные и служители, пишетъ онъ, когда какимъ нибудь образомъ полоняника въ службу свою получали, подъ причиною, что сами его плѣнили, или нѣсколько времени на ихъ хлѣбѣ былъ, или имъ подаренъ, или его у иныхъ купили, претендуютъ, чтобъ онъ даромъ у нихъ въ порабощеніи жилъ, и изъ такой порабощенной службы не можетъ онъ больше освободиться. Многіе насильственно принуждены противно ихъ совѣсти перекрещиваться и жениться». Левенгауптъ просилъ повелѣть, «чтобъ партикулярной чело-вѣкъ власти не имѣлъ полоняниковъ въ собственную свою службу за неволею поработить, понеже оны воинскіе полоняники, а не партикулярныхъ людей порабощенные». По этой просьбѣ сенатскимъ указомъ велѣно: никого изъ шведскихъ арестантовъ въ неволю не крестить и къ бракамъ съ русскими не принуждать ⁴⁾; однако о запрещеніи укрѣплять плѣнныхъ за собою въ этомъ указѣ не упо-

¹⁾ Ук. 6 марта. ²⁾ Тоже подтверждено указомъ 29 мая 1720 г.
³⁾ Полн. Соб. Зак. № 2333 и 3604. ⁴⁾ Ук. 27 ноября 1717 года.

мянута. Манифестомъ 1721 г. ¹⁾ всѣмъ военноплѣннымъ шведамъ дозволено избирать родъ жизни, занятій и службы, по свободной волѣ каждаго. Вслѣдъ затѣмъ при заключеніи Ништатскаго мира постановлено: военноплѣнныхъ шведскихъ всякаго народа, чина и званія возвратитъ въ отечество, за исключеніемъ тѣхъ, которые приняли въ Россіи православную вѣру; проживавшіе у разныхъ лицъ по записямъ и на урочные годы, должны были доживать договорные сроки ²⁾. Запрещено было удерживать плѣнныхъ въ домахъ у себя неволею, подъ опасеніемъ штрафа ³⁾. Жители же Корельскаго и Выборгскаго уѣздовъ, не принадлежавшіе къ составу непріятельскаго войска и не взятые въ сраженіи, а вывезенные на походѣ, въ такомъ только случаѣ подлежали возвращенію, если мѣста, изъ которыхъ они взяты, по условіямъ мира не должны были оставаться за Россіей, а подлежали возвращенію Швеціи.

Въ Сибири, въ Астрахани и на Терекѣ воеводамъ, приказнымъ и служилымъ людямъ постоянно запрещалось покупать, подговаривать и крѣпить себѣ въ неволю тамошнихъ инородцевъ и ясачныхъ людей, но это запрещеніе, кажется, часто было нарушаемо; тамошніе татары и улусные люди въ воровскихъ набѣгахъ между собою забирали толпы ясачныхъ людей и продавали ихъ русскимъ служилымъ людямъ; впрочемъ покупка этого рода признавалась незаконнымъ приобрѣтеніемъ ⁴⁾. По Уложенію разрѣшено было всякаго чину людямъ, кромѣ вое-

¹⁾ Полн. Собр. Зак. № 3778. ²⁾ Ук. 21 октября 1721 г. ³⁾ Ук. 1723 года 9 февраля и 6 марта; 1724 года января 29. ⁴⁾ Акты Археогр. Эксп. т. III, № 154, 171.

водъ и приказныхъ, покупать въ Астраханѣ и въ Сибири татаръ и татарченковъ и приводить къ кабальной запискѣ. Но это разрѣшеніе, повторявшееся и въ послѣдствіи въ воеводскихъ наказахъ, не относилось повидимому къ покупке ясачныхъ людей: въ воеводскихъ наказахъ второй половины XVII столѣтія часто подтверждается о томъ, что по указу государя ясачныхъ людей покупать и продавать и у себя держать никому не велѣно. Строго запрещалось красть и насильно отнимать людей. Людей ясачныхъ, взятыхъ русскими служилыми людьми въ немирныхъ земляхъ, при усмирении ихъ, велѣно было по просьбамъ родственниковъ, отдавать на окупъ, въ такомъ случаѣ если люди не крещены; неволею же крестить ихъ запрещалось. Наказами терскому и астраханскому воеводамъ 1697 и 1700 годовъ разрѣшается ратнымъ полковымъ людямъ въ походѣ противъ государевыхъ непослушниковъ брать у нихъ ясырь и женокъ и ребятъ, и продавать тотъ «погромной ясырь» на базарѣ всякимъ русскимъ людямъ ¹⁾). Уложеніе запрещаетъ продавать татаръ, пріобрѣтенныхъ куплей или полономъ, какъ скоро они крещены въ православную вѣру; но не запрещаетъ поступаться такими людьми *по добродѣтели, безденежно* ²⁾).

Вчетвертыхъ, отношенія, подобныя кабальному холопству, возникали изъ разныхъ договоровъ подобнаго же рода. Такъ въ голодное время отдавали себя съ женой или дѣтей своихъ въ работу за прокормъ ³⁾); нанимались

¹⁾ Улож. XX. 74, 98, 117. Акт. Истор. т. IV, № 163, 269, 246, т. V, № 240; Наказ. 1697 г. и 1700 въ Полн. Собр. Зак. № 1585 и 1792; Наказ. 1720 г. № 3622 и 3697. ²⁾ Ул. XX. 97, 98. ³⁾ Улож. XX 43.

въ работу или жить во дворахъ по жилымъ записямъ, по смерти господина или на урочные годы ¹⁾). По большей части господинъ тѣмъ или другимъ условіемъ старался преградить нанявшемуся свободу оставить его до его смерти. Несостоятельный должникъ могъ быть отданъ истцу въ заживъ за сумму долга, покамѣсть отработается ²⁾); отживъ у истца урочные годы по суммѣ иска, такой человекъ получалъ право на свободу ³⁾); но каждый годъ службы оцѣнивался по закону въ 5 рублей для взрослога человека, такъ что въ большомъ долгѣ весьма трудно было отработаться. Иные выкупали съ правезу должниковъ и брали ихъ за то къ себѣ въ службу по срочнымъ или безсрочнымъ записямъ ⁴⁾). Наконецъ Уложение упоминаетъ еще о случаѣ, когда кто кому прикажетъ человекъ во дворъ ⁵⁾). Обо всѣхъ этихъ видахъ службы упоминается въ той главѣ Уложенія, которая посвящена суду о холопахъ; записка всѣхъ крѣпостей этого рода и разбирательство по нимъ предоставлялись приказу холопья суда ⁶⁾); слѣдовательно и съ официальной точки зрѣнія, отношенія, возникавшія изъ вышеозначенныхъ записей, представлялись холопскими: такъ смотрѣла на эти отношенія и судебная практика, какъ видно изъ дѣлъ, относящихся къ первымъ годамъ XVIII столѣтія. Люди, самовольно оставлявшіе хозяина до истеченія срока, означеннаго въ жилой записи, почитались бѣглыми и по судебнымъ рѣшеніямъ наказывались батожемъ, на основаніи статьи о бѣглыхъ холопахъ. Хозяева безпрекословно

¹⁾ XX 44, 45, 116. ²⁾ X 204, 206, 266, 275. XX 39, 40. ³⁾ Котшихинъ, гл. VII 40. ⁴⁾ Улож. XX 46. ⁵⁾ XX 91. ⁶⁾ Ук. 21 апрѣля 1679; 15 ноября 1681.

подвергали такихъ людей, такъ же какъ и холоповъ, тѣлеснымъ наказаніямъ, содержанію въ кандалахъ и т. п. Это нисколько не покажется удивительнымъ, если взять во вниманіе духъ того времени: всякій разъ, когда одно лицо обязывалось *своею личностію* въ отношеніи къ другому, когда послѣднее получало право распоряжаться личностію перваго, отсюда непременно должно было возникнуть понятіе о *владѣніи* человѣка человекомъ.

Замѣчательно выраженіе 32 ст. XI гл. Уложенія: «а будетъ чьи крестьяне и бобыли учнуть у кого наймоватися въ работу и тѣмъ крестьянамъ и бобылямъ у всякихъ чиновъ людей наймоватися въ работу по записямъ и безъ записей повольно. А тѣмъ людямъ, у кого они въ работу наймутся, *жилыхъ и ссудныхъ записей* и служилыхъ кабалъ у нихъ не имати и *ничѣмъ ихъ себѣ не крѣпити...*». Отсюда можно заключить, что законъ отличалъ простыя записи въ работу отъ *жилыхъ* и ссудныхъ записей: послѣдними можно было крѣпить человека. Слово: *крѣпки, крѣпитъ*, въ 44 ст. XX гл. Уложенія примѣняется и къ такимъ людямъ, которые живутъ у кого во дворахъ по записямъ.

Изъ вышесказаннаго видно, что холопскія отношенія могли возникать, и *большею* частію возникали изъ договоровъ, а прекращались съ истеченіемъ срока или со смертію господина. Сумма всѣхъ холоповъ, бывшихъ въ частномъ владѣніи, должна была измѣняться не столько вслѣдствіе естественнаго приращенія въ той же средѣ, сколько вслѣдствіе новыхъ пріобрѣтеній, новыхъ записей: люди, бывшіе прежде вольными, постоянно поступали въ разрядъ холоповъ, прежніе холопы освобождались и независимо отъ воли владѣльца, со смертію его, по закону.

Отношенія крестьянина къ землевладѣльцу представ-

лялись въ другой формѣ: здѣсь земледѣльческое населеніе цѣлой деревни или села, прикрѣпленное къ землѣ какъ принадлежность земли, становилось принадлежностію землевладѣльца; оно приращалось посредствомъ естественнаго народженія, посредствомъ новыхъ населеній, посредствомъ пожалованія помѣстій и вотчинъ изъ земель, не бывшихъ прежде въ помѣщичьемъ владѣніи. Освобожденіе изъ крѣпостнаго крестьянства могло совершаться только по волѣ вотчинника. посредствомъ отпуска на волю, и въ весьма немногихъ случаяхъ, по распоряженію правительства, за преступленіе владѣльцевъ.

Такъ на примѣръ, освобождались даточные люди, утаенные помѣщиками въ своихъ деревняхъ (П. С. З. Ук. 28 ноября 1680; Ук. 1686 года, № 1230); освобождались изъ помѣщичьяго владѣнія и отписывались на государя православные крестьяне, владѣемые басурманами (П. С. З. Ук. 16 мая 1681 г.). Ратные люди, рейтары, драгуны, солдаты, взятые въ службу изъ помѣщичьихъ крестьянъ, уже не возвращались помѣщикамъ, но получали свободу по окончаніи службы, когда служили *многіе годы* (Котоших. гл. IX, ст. II).

Сторонніе вольные люди вступали иногда въ пашенные помѣщичьи крестьяне по ссуднымъ записямъ, но число такихъ записей, дошедшихъ до насъ, не весьма значительно, и надобно думать, что случаи этого рода вообще были немногочисленны, потому что въ числѣ вольныхъ людей рѣдко должны были встрѣчаться привыкшіе къ хлѣбопашеству, а не привыкшаго челоуѣка и помѣщику не было пользы принимать во крестьянство. Помѣщикамъ не было запрещено переводить своихъ старинныхъ холоповъ на пашню, и записывать въ крестьянское тягло, но правительство принуждено было ограничивать

въ помѣщикахъ совершенно противоположное стремленіе— записывать крестьянъ своихъ себѣ же въ холопство. Во время войнъ съ Литвою и Польшею случалось, что помѣщики на походѣ захватывали крестьянъ въ Бѣлорусіи и селили ихъ на великороссійскихъ своихъ земляхъ, но безъ сомнѣнія этимъ способомъ сумма крестьянскаго населенія не много увеличивалась ¹⁾. Наконецъ государь жаловалъ служилыхъ людей населенными имѣніями, изъ своихъ или дворцовыхъ вотчинъ, независимо отъ тѣхъ порозжихъ помѣстныхъ земель, которыя служили постояннымъ фондомъ помѣстныхъ дачъ, и изъ которыхъ челобитчики могли просить себѣ помѣстнаго надѣла ²⁾.

Крестьяниномъ въ собственномъ смыслѣ назывался тотъ, кто сидѣлъ на пашенномъ жеребью, данномъ ему отъ помѣщика вмѣстѣ съ дворомъ и усадьбою. Но къ составу крѣпостнаго населенія помѣщичьей деревни, участвовавшего въ обработкѣ земли, принадлежали, кромѣ крестьянъ, еще люди особаго разряда, которые на официальномъ языкѣ правительственныхъ актовъ всегда отличаются отъ крестьянъ. Это были такъ-называемые *дѣловыя* и *задворные* люди. О *дѣловыхъ* людяхъ упоминается еще въ актахъ XVI столѣтія, гораздо прежде укрѣпле-

¹⁾ Въ 1654 году вовсе запрещено было насильно брать и вывозить въ Москву пахатныхъ крестьянъ бѣлорусцевъ, бѣльскаго, дорогобужскаго и смоленскаго уѣздовъ. ²⁾ Акты Истор. т. IV, № 61. Изъ дворцовыхъ земель помѣстья раздавались въ значительномъ количествѣ, какъ можно видѣть изъ росписи, приложенной къ I тому *Исторіи Петра Великаго*, соч. Устрялова (прилож. № 12). Здѣсь значатся розданными разнымъ лицамъ съ 1682 по 1711 годъ изъ дворцовыхъ волостей слишкомъ 43,000 дворовъ съ 338,000 четвертей пашни.

нія крестьянъ: повидимому такъ назывались тогда люди холопскаго происхожденія, употреблявшіеся по назначенію помѣщика для пашенной и сельской работы на уѣздныхъ, вотчинныхъ и помѣстныхъ земляхъ его, гдѣ и были обыкновенно поселяемы во дворѣ у помѣщика или особыми дворами. *Задворными* назывались, кажется, затыглые и бездомные работники, которыхъ помѣщикъ бралъ въ непосредственное свое распоряженіе для земледѣльческихъ работъ по своему усмотрѣнію, и помѣщалъ во дворѣ у себя, либо также селилъ особыми дворами. Дѣловые люди имѣли поэтому въ деревнѣ только временную осѣдность, такъ что, при переходѣ помѣстья, прежній помѣщикъ имѣлъ право свезти ихъ оттуда, не смѣшивая съ помѣстными крестьянами. Такое заключеніе слѣдуетъ изъ одного мѣста въ Уложеніи (XVI, 38). Именно, когда у помѣщика отбиралось помѣстье въ раздачу другимъ, то хлѣбъ, сѣянный на старыхъ помѣщиковъ крестьянами, велѣно было собирать тѣмъ же крестьянамъ; если хлѣбъ тотъ сѣяли на нихъ *дѣловые* или наемные люди, то его должны были собирать сами прежніе помѣщики, а не помѣстные крестьяне. Въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ задворные и дѣловые люди показывались всегда отдѣльно отъ крестьянъ. Изъ указовъ послѣдующаго времени ¹⁾ видно, что при наборѣ рекруты, изъ дворовыхъ, равно какъ изъ дѣловыхъ людей, брались по особому расчету, не въ той пропорціи, какъ съ крестьянъ. Иные изъ дѣловыхъ людей жили на помѣщичьихъ дворахъ наравнѣ съ дворовыми, и не имѣя своей пашни

¹⁾ Напр. 10 окт. 1703, 17 іюля 1711, 3 іюня 1712.

пахали землю на помѣщика; другихъ помѣщики селили особыми дворами и давали имъ, кромѣ мѣсячнаго хлѣба, на пашню и угодыя по нѣскольку десятинъ на тягло ¹⁾; послѣдніе считались уже поэтому на тяглѣ, и само правительство при сборѣ даточныхъ, уравнивало ихъ съ крестьянами, тогда какъ задворные и дѣловые, жившіе въ помѣщичьихъ дворахъ, а не особо, уравнивались съ дворовыми ²⁾. Указомъ 22 января 1719 г. велѣно писать въ ревизію задворныхъ и дѣловыхъ людей, имѣющихъ пашню, особою статьей отъ тѣхъ, кои своей пашни не имѣютъ, а пашутъ на помѣщиковъ. Первыхъ, также какъ крестьянъ, не дозволялось брать *въ вольницу*, при наборѣ солдатъ, изъ охочихъ помѣщичьихъ дворовыхъ людей (Ук. 7 мая 1722). Такимъ образомъ задворные и дѣловые люди составляли какъ бы средину между крестьянами и дворовыми людьми; отъ помѣщика зависѣло дать имъ то или другое назначеніе, сообразно которому они и показывались въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ.

Замѣчательно, что задворные и дѣловые люди входятъ въ финансовыя расчеты правительства уже со второй половины XVII столѣтія. Въ правительственныхъ актахъ первой половины объ этихъ людяхъ почти не упоминается, тогда какъ въ послѣдней четверти XVII, и въ первой XVIII столѣтія о задворныхъ и дѣловыхъ людяхъ упоминается почти вездѣ, гдѣ правительство беретъ въ расчетъ крестьянъ помѣщичьихъ. Въ Писцовомъ Наказѣ 1684 года предписывается брать у помѣщиковъ сказки о количествѣ *задворныхъ и дѣловыхъ и кабалныхъ* и крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ; тогда какъ въ писцовомъ наказѣ 1646 года (*Акт. Ист.* IV, № 14)

¹⁾ Ук. 3 іюня 1712; 24 января 1719 г. Полн. Собр. Зак. № 3287.

²⁾ Ук. 15 февраля 1695; 17 іюля 1711.

велѣно переписывать только крестьянъ и бобылей. О *дѣловыхъ* людяхъ упоминается еще въ актахъ XVI столѣтія, наравнѣ съ домашними холопами. Такъ наприимѣръ, въ рядной записи 1542 года (*Акты Юр.* № 392), княгиня Пронская назначаетъ своей дочери десять *головъ* людей *служилыхъ и дѣловыхъ*: должно думать, что то были люди холопскаго происхожденія, назначенные владѣльцемъ для пашеннаго и сельскаго дѣла на уѣздныхъ земляхъ его.

Въ указѣ 3 іюня 1712 года сказано: у помѣщика дается на семью дѣловымъ людямъ за мѣсячиною въ припашку пашни по десятинѣ въ полѣ а въ дву потомужъ, на выпускъ и на сѣнные покосы и на лѣсное угодье по двѣ десятины, итого на семью по шести десятинѣ.

Какими же чертами законодательство XVII столѣтія отличаетъ крестьянъ отъ холоповъ? Прежде всего замѣтимъ, что подъ словомъ *люди* и *крестьяне*, правительство постоянно разумѣло два разряда крѣпостнаго состоянія, не смѣшивая одного съ другимъ. Но вездѣ, гдѣ законодательная и правительственная власть въ опредѣленіяхъ своихъ касалась особенностей того или другаго разряда, видно, что цѣлью власти было не опредѣлить отношенія крѣпостныхъ людей къ владѣльцамъ, а обеспечить свои собственные, государственные и финансовыя интересы: опредѣленіе юридическихъ свойствъ того или другаго отношенія крѣпостныхъ людей къ владѣльцу вовсе не входило въ расчетъ правительства. Цѣли его состояли въ томъ: *вопервыхъ*, чтобы прекратилось бродяжничество крѣпостныхъ крестьянъ и кабалныхъ людей, причинявшее столько зла государству въ XVI, и еще продолжавшееся въ XVII ст.; *вовторыхъ*, чтобы помѣщикъ, удерживая за собою всѣхъ подвластныхъ себѣ, и на земляхъ своихъ, всѣхъ поселенныхъ людей, имѣлъ возможность

отправлять службу государству; *третьихъ*, чтобы обеспечено было успешное дѣйствіе тогдашней финансовой системы, состоявшей, какъ извѣстно, въ раскладкѣ податей по сохамъ: единица, въ исчисленіе коей необходимо должно было входить количество рабочихъ силъ на пашнѣ. Со временъ царя Алексѣя Михайловича, главное мѣсто въ податной системѣ заняла подать подворная, при чемъ главнымъ основаніемъ расчета служило количество дворовъ крестьянскихъ ¹⁾.

Этимъ именно цѣлямъ соотвѣтствовали и предметы, на которые обращаетъ вниманіе законодательство XVII столѣтія, въ отношеніи къ крѣпостному сословію. Мы видимъ, *вопервыхъ*, цѣлый рядъ узаконеній о возвращеніи бѣглыхъ людей на прежнія жилища и къ господамъ; *во вторыхъ*, съ тѣхъ поръ, какъ трудъ крестьянина, прикрѣпленнаго къ землѣ, сталъ собственностью помѣщика, возникла потребность защищать эту собственность и охранять ее отъ посягательства и насилія другихъ владѣльцевъ: отсюда должны были происходить столкновенія частныхъ правъ, иски и спорные вопросы о правѣ, требовавшіе отъ законодателя юридическихъ опредѣленій; *третьихъ*, произволь владѣльца, относительно распоряженія подвластными людьми и отчужденія ихъ, могъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ противорѣчить финансовымъ и правительственнымъ цѣлямъ государственной власти: сооб-

¹⁾ По количеству дворовъ взымались въ XVII столѣтіи и стрѣleckія и полонянничныя деньги, и подможныя на жалованье ратнымъ людямъ (*Акты Истор.* IV. № 137, 189. *Акты Арх. Э.* IV. № 43. V. № 29, 251).

разно этимъ цѣлямъ, законодательство стремится къ ограниченію произвола.

Съ этой точки зрѣнія, думаемъ мы, слѣдуетъ разсматривать и юридическія черты различія между крестьянами и холопами, встрѣчаемыя въ Уложеніи и въ новополученныхъ статьяхъ. Законъ, отличая крестьянъ отъ холоповъ, этимъ однимъ еще не показываетъ, что первымъ онъ намѣренъ предоставить большую долю личной свободы чѣмъ послѣднимъ. Владѣніе крестьянами было неразрывно связано съ поземельнымъ владѣніемъ: а это послѣднее служило для правительства главнымъ обеспеченіемъ обязательной службы помѣщиковъ. Крестьяне составляли капиталъ, который вмѣстѣ съ землею обеспечивалъ и исполненіе требованій правительства и взысканіе денежныхъ сборовъ; потому для правительства было весьма важно, чтобъ этотъ капиталъ не растрчивался, а былъ всегда въ готовности. Напротивъ владѣніе холопами существовало совершенно независимо и отъ поземельнаго владѣнія и отъ государственныхъ повинностей, лежавшихъ на владѣльцахъ; оно не было и исключительнымъ правомъ одного служилаго сословія: и потому о холопахъ правительство заботится настолько, насколько это необходимо для огражденія частнаго права владѣльцевъ и порядка общественнаго. На холопа правительство смотрѣло какъ на собственность частную, а въ крестьянинѣ помѣщицѣмъ видѣло оно и собственное право, кромѣ помѣщицьяго. Изъ Уложенія видно, что помѣщикъ не имѣлъ права брать служилыя кабалы на крестьянъ своихъ и на крестьянскихъ дѣтей (XX. 113). Нѣкоторые изслѣдователи видятъ въ этомъ постановленіи какое-то

ограниченіе помѣщичьяго права на личность крестьянина; намъ кажется, что здѣсь выражается просто забота правительства, чтобы не уменьшилась переходами въ холопское званіе сумма крестьянскаго населенія въ имѣніи; наряду съ этимъ запрещеніемъ встрѣчаемъ же мы безпрепятственное переселеніе крестьянъ, обращеніе крестьянъ во дворъ и т. п., какъ проявленіе помѣщичьихъ правъ на личность крестьянина. Если намъ возразятъ, что послѣднее было злоупотребленіемъ, то мы просимъ указать на законъ, съ которымъ можно было бы сличить обычай, чтобы признать его злоупотребленіемъ закона. Законъ не позволялъ прямо брать крестьянъ во дворъ, но помѣщики дѣлали это непрерывно, и законъ молчитъ цѣлое столѣтіе. Далѣе: по тому же соображенію Уложеніе позволяетъ помѣщику держать на подгородныхъ дворахъ своихъ въ дворникахъ не болѣе одного крестьянина, а *людей* не запрещаетъ держать сколько угодно. Съ тою же цѣлью писцовые наказы 1646 и 1684 годовъ предписываютъ, чтобы помѣщики и вотчинники крестьянъ и бобылей изъ нѣсколькихъ дворовъ въ одинъ не переводили, и жилыхъ дворовъ пустыми не писали и *крестьянъ своихъ людьми не называли*; дворы крестьянскіе строго отличались отъ *людскихъ*, и послѣдніе писались особою статьей. Съ тою же цѣлью и при Петрѣ бѣглыхъ холоповъ, записавшихся въ военную службу, велѣно оставлять на службѣ, а крестьянъ пашенныхъ, которые пришли съ жеребьевъ, велѣно отдавать назадъ челобитчикамъ ¹⁾. Владѣлецъ имѣлъ неограниченное право

¹⁾ Ук. 23 декабря 1700 г.; іюля 17, 1711 г.

отпустить на волю своего холопа, никого не спрашиваясь; а о крестьянинѣ, отпущенномъ изъ имѣнія прежнимъ помѣщикомъ или вотчинникомъ, новый помѣщикъ или вотчинникъ имѣлъ право бить челомъ, что тотъ крестьянинъ «отпущенъ не дѣломъ»; изъ помѣстныхъ же земель вовсе не позволено отпускать крестьянъ на волю ¹⁾. На отпущенныхъ холоповъ велѣно брать при записи ихъ въ новое холопство служилыя кабалы, а на крестьянъ — ссудныя записи: и въ этомъ постановленіи позволительно видѣть ту же цѣль, чтобы крестьяне, отшедшіе отъ прежняго владѣльца, поступали къ новому также въ разрядъ пашенныхъ крестьянъ, а не холоповъ ²⁾. Холопъ, убившій чужаго холопа безъ умыслу, выдавался господину убитаго въ *холопи же*, а крестьянинъ за крестьянина выдавался въ *крестьяне же* ³⁾. Въ выводной платѣ за кабальную крѣпостную дѣвку или вдову законъ устанавливаетъ значительную разницу: первыя цѣнились впятеро дороже послѣднихъ (XX. 27), вѣроятно по соображенію съ цѣнностью, которую тѣ и другіе имѣли для господина; крестьянская вдова или дѣвка, безъ мужа и отдѣльнаго хозяйства, не входила въ расчетъ тягла, не считалась за работника, тогда какъ кабальная дѣвка или вдова во всякомъ случаѣ представляла собою полную единицу рабочей силы, потому что находилась въ домѣ у господина и служила ему лично. Вѣдомство всѣхъ спорныхъ и не спорныхъ дѣлъ о холопахъ сосредоточено было въ приказѣ холопья суда: дѣлами о крестьянахъ завѣдывалъ въ XVII столѣтіи ³⁾ помѣстный приказъ. Право на холопей

¹⁾ Ул. XV, 3. ²⁾ Ук. 23 мая 1681 г. ³⁾ XXI, 69, 73.

было по преимуществу кабальное: право на крестьянъ было вотчинное.

Замѣтимъ, что на юридическомъ языкѣ XVII столѣтія слово *крѣпостной* прилагалось по преимуществу къ холопамъ, тогда какъ о крестьянахъ писали обыкновенно: вотчинниковы, помѣщиковы пашенные люди. Но изъ этого нельзя еще выводить заключенія, будто бы крестьяне не считались *крѣпостными*: и о крестьянинѣ говорилось и писалось, что онъ «крѣпокъ» такому-то помѣщику. Слово крѣпостной употреблялось тогда не совсѣмъ въ томъ значеніи, въ какомъ употребляется нынѣ. Крѣпостнымъ назывался тотъ, кто жилъ по крѣпости, по записи, и въ этомъ смыслѣ крѣпостные холопы, кабальные люди, даже наемные люди противопоставались иногда стариннымъ холопамъ и людямъ, жившимъ въ домѣ безкабально. Принадлежность холопа владѣльцу удостовѣрялась крѣпостью или записью, на этого человѣка, совершенною; принадлежность крестьянина къ вотчинѣ или помѣстью удостовѣрялась актами переписи и въ XVII и въ XVIII ст. Въ эпоху Уложенія еще не было въ обычаѣ въ купчихъ крѣпостяхъ на вотчины прописывать имена крестьянъ. Въ этомъ только смыслѣ, исключительно формальномъ, крестьянинъ пожалуй и не былъ крѣпостнымъ, т. е. человѣкомъ приобрѣтеннымъ по крѣпости, по записи. Запись кабальная составлялась отъ лица частнаго человѣка, а писцовыя и переписныя книги составлялись отъ лица правительства, но и по писцовымъ книгамъ крестьянинъ былъ крѣпокъ, потому что по писцовымъ книгамъ Уложеніе предписываетъ отдавать его помѣщику. Уложеніе прибавляетъ: и по *крѣпостямъ*, но въ случаѣ спора о самыхъ крѣпостяхъ, все-таки необходимо было искать окончательнаго рѣшенія въ официальныхъ актахъ переписи. Если же подъ словомъ: *крѣпостной* разумѣть свойство зависимости, степень власти, то въ этомъ смыслѣ и крестьянинъ въ XVII столѣтіи состоялъ въ отношеніи безусловнаго подчиненія своему помѣщику.

Поэтому и въ случаѣ споровъ о правѣ на людей и на крестьянъ доказательства въ томъ и другомъ случаѣ

были не одинаковыя. По спорамъ о крестьянахъ необходимо было обращаться къ оффиціальнымъ актамъ, по которымъ отъ лица правительства крестьяне записывались въ дачѣ за помѣщикомъ, то-есть къ писцовымъ и переписнымъ книгамъ: на основаніи этихъ только актовъ возможно было опредѣлить окончательно, кому изъ спорящихъ принадлежитъ *старѣйшее* право на крестьянина. Уложеніе вовсе не упоминаетъ о вѣрѣ и о повальномъ обыскѣ въ числѣ доказательствъ вотчиннаго права на крестьянъ.

Въ сыщиковомъ наказѣ 1664 года допускаются нѣкоторыя другія доказательства; напримѣръ бѣглыхъ крестьянъ велѣно отдавать челобитчику и безъ крѣпостей, если они противъ челобитья будутъ сами *виниться* во крестьянствѣ; допускается и при крѣпостяхъ сыскъ и пытка, если бѣглецы люди перемѣнили имена свои, и т. п.; но здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что производство у сыщиковъ принадлежало къ чрезвычайному розыскному, а не къ обыкновенному судебному порядку; притомъ въ первомъ изъ указанныхъ случаевъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ разрѣшался все-таки не окончательно сознаниемъ бѣглаго человѣка: его отдавали съ *поручною* записью *впередъ до спросу*; а во второмъ случаѣ сыскъ и пытка имѣли цѣлю опредѣлить тождество бѣглаго человѣка въ отношеніи къ крѣпости, которая все-таки сохраняла значеніе существеннаго доказательства.

Въ отношеніи къ холопамъ система доказательствъ была несравненно сложнѣе. Способы установленія холопства и самые виды его были разнообразны, право на старинныхъ холоповъ существенно отличалось отъ права на кабальныхъ людей, и потому законъ опредѣляетъ относительную силу разныхъ актовъ, которыми устанавливалось холопство, какъ-то: крѣпостей, записей, кабалъ, ка-

бальныхъ книгъ и выписей и т. под., обращая вниманіе на форму ихъ и содержаніе, и кромѣ крѣпостей допускаетъ по дѣламъ этого рода розыскъ, вѣру, пытку, повальный обыскъ, сличеніе примѣтъ, явку объ утраченныхъ крѣпостяхъ ¹⁾; въ случаѣ спора одной стороны о старинномъ холопствѣ челоуѣка, котораго другая сторона выставляетъ своимъ кабальнымъ, обыску дается даже предпочтеніе передъ крѣпостью (XX. 108). По дѣламъ о бѣглыхъ холопахъ Уложеніе не опредѣляетъ въ пользу законнаго владѣльца вознагражденія за проживательство холопа у владѣльца незаконнаго ²⁾; а съ пріемщика бѣглыхъ крестьянъ Уложеніе установило взыскивать вознагражденіе въ пользу помѣщика за *государевы подати и помѣщиковы доходы* (XI. 10): съ холоповъ не взымалось государевыхъ податей и не предполагалось помѣщичьяго дохода; значеніе холопа для владѣльца еостояло въ *личности* его, а потому законъ имѣлъ въ виду и оцѣнивалъ только эту личность ³⁾. Позже, въ 1658 и въ 1661 году ⁴⁾ видимъ, что законъ угрожаетъ взысканіемъ передержа-

---

¹⁾ Ул. XX. 23, 25, 29, 49, 75, 95, 96. ²⁾ Уложеніе въ одномъ только случаѣ устанавливаетъ взысканіе въ пользу законнаго владѣльца заработныхъ по 2 алтына по 2 деньги въ недѣлю съ тѣхъ, которые, *поймавъ* чужихъ бѣглыхъ холоповъ, о коихъ учиненъ *заказъ* (т. е. коихъ побѣгъ былъ оглашенъ), станутъ держать ихъ у себя въ работѣ (Ул. XX, 89, 90); но это частный случай. ³⁾ Когда представилась надобность положить холопа въ цѣну, т. е. опредѣлить сумму вознагражденія за челоуѣка, котораго незаконный пріемщикъ обязывался, но не могъ поставить на лицо для возвращенія законному владѣльцу, цѣна холопу назначена та же самая, какую положено платить при вотчинномъ выкупѣ за крестьянскій дворъ съ людьми, т. е. 50 рублей (Ул. XVII, 27. XX, 51, 91). ⁴⁾ Полн. Собр. Зак. № 220, 307.

телямъ крестьянъ и *бѣглыхъ людей*, но при этомъ ссылается на Уложеніе; а въ наказѣ сыщикамъ 1664 года ¹⁾ и въ указѣ 31 августа 1681 года упоминается о взысканіи наддаточнаго, зажилыхъ и доходныхъ денегъ, только за бѣглыхъ крестьянъ, за бѣглыхъ же людей полагаются одни проѣсти и волокиты. Только въ послѣдствіи, когда холопы вмѣстѣ съ дворовыми и крестьянами слились въ одномъ сословіи крѣпостныхъ, записанныхъ въ ревизію, взысканіе пожилыхъ и заработныхъ денегъ распространилось безразлично на передержателей всѣхъ вообще крѣпостныхъ людей.

Таковы формальныя черты различія, которое полагалъ законъ между холопами и крестьянами. Но помимо закона, было существенное различіе въ отношеніяхъ холоповъ и крестьянъ къ владѣльцу, зависѣвшее отъ матеріальныхъ условій быта тѣхъ и другихъ. Владѣлецъ людей и крестьянъ, соединявшій въ лицѣ своемъ и домовладыку и вотчинника, находился фактически въ такомъ положеніи, что произволу его надъ подвластными людьми открывался широкій просторъ, давалась полная возможность развиваться, налагать руку на весь семейный и общественный бытъ подвластнаго ему человѣка, который съ своей стороны не могъ противопоставить этому произволу никакого ясно опредѣленнаго права. Право подвластнаго человѣка хранилось еще безсознательно до лучшихъ временъ въ чертахъ религіознаго идеала и въ духовной жизни народа, не находя себѣ мѣста въ сознаніи общественномъ, тогда какъ право владѣльца, твердо

¹⁾ Тамъ же, № 364.

сознаваемое всѣми, сливалось съ правомъ государственнымъ и поддерживалось всею силой послѣдняго. Личность холопа столь же мало обеспечивалась закономъ какъ и личность крестьянина. Но холопъ состоялъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ и въ непосредственномъ распоряженіи господина: онъ жилъ въ его домѣ, носилъ его платье, ѣлъ его хлѣбъ, на него работалъ, ему служилъ, отъ него долженъ былъ на все просить приказаній и разрѣшенія; здѣсь произволъ владѣльца сразу, всецѣло и непрерывно накрывалъ такъ сказать всю личность человека. Въ иномъ положеніи находился пашенный крестьянинъ. Онъ жилъ не на глазахъ у помѣщика, не подъ непосредственнымъ и непрерывнымъ его надзоромъ, сидѣлъ на особомъ пашенномъ жеребью, который на себя обрабатывалъ, жилъ въ особомъ домѣ съ усадьбою, привыкнувъ называть то и другое своимъ именно *съ тѣхъ поръ, какъ утратилъ право перехода*, ѣлъ хлѣбъ, имъ же собранный съ земли своей, и называлъ этотъ хлѣбъ своимъ такъ же какъ платье, скоть и орудія; платилъ подати и оброкъ изъ денегъ, которыя обязанъ былъ достать, слѣдовательно могъ пріобрѣтать и называлъ тоже своими, имѣлъ хозяйство и самъ въ своемъ домѣ почиталъ себя главою семейства. Понятно, что при такихъ условіяхъ далеко не вся сфера жизни крестьянина захватывалась помѣщичьею властью, и что эта власть не могла на него дѣйствовать всегда одинаково, постоянно и непрерывно. Вообще же законъ ставитъ людей наравнѣ съ крестьянами, и не признаетъ фактическаго преимущества, которымъ послѣдніе отличались отъ первыхъ; съ другой стороны несправедливо было бы заклю-

чать на основаніи Уложенія, что личность крѣпостнаго человѣка уничтожалась вполнѣ, исчезала совершенно въ лицѣ господина; законъ и по Уложенію и еще по Судебникамъ обеспечиваетъ крѣпостнаго отъ обидъ противу стороннихъ лицъ; плата за безчестье полагается и боярскимъ людямъ и помѣщиковымъ и вотчинниковымъ крестьянамъ, даже въ большемъ размѣрѣ нежели людямъ гулящимъ, вольнымъ (X. 94); деньги за безчестье велѣно править за нихъ самихъ, и нигдѣ не упоминается о томъ, что эти деньги слѣдуетъ взыскивать въ пользу господъ ихъ.

II.

Опредѣлило ли Уложеніе власть помѣщичью надъ крестьянами? Нѣтъ, въ Уложеніи мы не находимъ ничего похожаго на опредѣленіе объ этомъ предметѣ; находимъ только указанія: и вообще, по казуистическому характеру Уложенія, въ немъ нельзя искать категорическихъ опредѣленій о правахъ и обязанностяхъ. Мы видимъ изъ Уложенія, что помѣщикъ имѣлъ власть надъ крестьяниномъ; но въ какихъ предѣлахъ заключалась эта власть, гдѣ начиналось и гдѣ оканчивалось право помѣщика, того не видимъ, и изъ этой самой неопредѣленности можемъ заключить о томъ, какъ власть была обширна. Уложеніе упоминаетъ о нѣкоторыхъ проявленіяхъ этой власти, не осуждая и не оговаривая ихъ, и тѣмъ самымъ заставляетъ насъ думать, что эти проявленія, по крайней мѣрѣ, не почитались незаконными.

Нигдѣ въ Уложеніи прямо не говорится о томъ, что помѣщикъ имѣетъ право принуждать своихъ людей и кре-

стьянъ къ браку; но съ другой стороны нигдѣ не выражено и правило церковнаго закона (Кормчая кн. гл. 50 о тайнѣ супружества) о томъ, что господа не могутъ принуждать къ браку рабовъ своихъ. По правилу церковному и родители не могли принуждать дѣтей своихъ къ браку. Но по условіямъ стариннаго быта нашего, власть домовладыки и родителя простиралась далеко, и на самомъ дѣлѣ мы видимъ, что родители дѣтямъ, господа холопамъ, помѣщики крестьянамъ приискиваютъ и назначаютъ невѣсть и жениховъ. До сихъ поръ слова: *женить сына, выдать замужъ дочь*, выдать замужъ дѣвку или вдову крестьянскую, женить парня, имѣютъ еще у насъ дѣйствительное значеніе. Эти же выраженія, можетъ быть не безъ особаго смысла и не случайно избранныя, встрѣчаются и въ Уложеніи и въ прежнихъ указахъ XVII столѣтія ¹⁾. Котошихинъ, описывая домашній бытъ русскаго дворянина при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, говоритъ, что бояре дворовыхъ дѣвокъ, какъ [онѣ будутъ въ великомъ возрастѣ, выдаютъ замужъ съ надѣлкою, за своихъ дворовыхъ людей, кто кого излюбить, или временемъ бываетъ *выдаютъ черезъ неволю*, а на сторону, въ иные дворы дѣвицъ и вдовъ замужъ не выдаютъ, для того что тѣ люди у нихъ вѣчные и кабальные. Указъ Шуйскаго 9-го марта 1607 г., въ видахъ сохраненія нравственности, именно ставитъ въ обязанность помѣщикамъ дѣвку выдать замужъ не старѣе восемнадцати лѣтъ, а парня женить не старѣе двадцати лѣтъ; и тотъ и другая, въ случаѣ если помѣщикъ по наступленіи этого возраста дер-

¹⁾ Наприм. см. указъ 9 марта 1607 г.; Ул. XI, 12.

жить ихъ у себя не женатыми, самъ не женить и воли не даетъ, имѣли право требовать себѣ отпускной отъ правительства. Неизвѣстно по какому поводу законъ этотъ въ послѣдствіи былъ отмѣненъ, по крайней мѣрѣ онъ не включенъ въ Уложеніе. Безъ дозволенія же помѣщика нельзя было по закону какъ по церковному, такъ и по гражданскому, ни вступать въ бракъ, ни постригаться въ монашество, ни вступать въ духовное званіе бѣлаго чину ¹⁾).

Нѣтъ въ Уложеніи постановленія о томъ, что помѣщики могутъ подвергать своихъ людей и крестьянъ наказаніямъ, но мы знаемъ, что безъ этихъ понудительныхъ средствъ власть помѣщичья не была бы дѣйствительна, и что употребленіе ихъ было дѣломъ обыкновеннымъ.

Мы видимъ, что помѣщики сводили крестьянъ своихъ и переселяли съ однихъ земель на другія, изъ однихъ деревень въ другія ²⁾); Уложеніе ограничиваетъ эту власть только тѣмъ, что запрещаетъ сводить крестьянъ съ помѣстныхъ земель на вотчинныя, чтобы помѣстья не пустѣли; съ помѣстныхъ же земель на помѣстныя прямо дозволяетъ переводить крестьянъ ³⁾. Въ указѣ 7 апрѣля 1690 г. ясно выражено, что помѣщикъ вообще крестьянъ переводить воленъ, только не съ помѣстныхъ земель на вотчинныя, а потому крестьянъ и бобылей, переведенныхъ прежними помѣщиками и вотчинниками, не велѣно возвращать новымъ. Переводъ крестьянъ не ограничивался и отдѣльными семьями; случалось, что помѣщикъ

¹⁾ Акт. истор. IV. № 155. Улож. XI, 12, 19. XX, 67, 68. Соборныя статьи 1667 г. II. С. З. № 412, ст. VII. А. Арх. Э. IV. № 67, 101.

²⁾ XI, 30, 31. XIX, 5. ³⁾ Улож. XVI, 7.

переселялъ всѣхъ крестьянъ своихъ изъ вотчины на новыя и пустыя земли; или, продавъ либо заложивъ вотчинную землю безъ крестьянъ, удерживалъ ихъ за собою и переселялъ на другія земли ¹⁾).

Право продавать и отчуждать крестьянъ отдѣльно отъ земли никогда не было утверждено за помѣщиками положительнымъ законнымъ постановленіемъ, съ другой стороны Уложеніе и не запрещаетъ подобной продажи ²⁾. Нельзя однакоже сомнѣваться въ томъ, что въ XVII столѣтіи обычай продавать крестьянъ отдѣльно отъ земли и въ розницу укоренился и не встрѣчалъ противодѣйствія въ правительствѣ. Откуда и по какому поводу начался онъ—невозможно опредѣлить, потому что мы не имѣемъ въ виду никакого *юридическаго* основанія этому обычаю; но существованіе его само по себѣ свидѣтельствуеетъ о томъ, какъ быстро утвердилась и какъ широко распространилась надъ крестьянами помѣщичья власть съ того времени, какъ они утратили право перехода ³⁾. Въ указѣ Бориса Годунова 28 ноября 1601 года (А. Арх. Э. II. № 20), которымъ дозволено было нѣкоторымъ *отказыватъ и возитъ промежъ себя* крестьянъ, иные видятъ начало предоставленнаго будто бы помѣщикамъ права насильственно перевозить между собою крестьянъ своихъ.

¹⁾ См. П. С. З. Ук. 1 янв. 1693 г. ²⁾ Голиковъ (*Дополн. къ Дьян. Петра Великаго*. Т. III. стр. 464) видитъ запрещеніе продавать крестьянъ отдѣльно отъ земли въ 7 ст. XI гл. Уложенія; но въ приведенной имъ статьѣ ни одно слово не имѣетъ отношенія къ этому предмету. ³⁾ Въ купчихъ крѣпостяхъ на вотчины, относящихся къ XVI столѣтію, означаетя обыкновенно только продаваемая земля въ межахъ и границахъ; а о крестьянахъ не упоминается. Съ XVII столѣтія въ купчія вѣлючаются уже поименно или подворно крестьяне.

Но прямая цѣль указа была возстановить для крестьянъ права вольнаго перехода; помѣщикамъ онъ подтверждаетъ прямо, чтобы *выпускали* отъ себя крестьянъ *безъ всякія зацѣпки*; слѣдовательно, на одномъ словѣ: *вывозить* можетъ быть основано только предположеніе, а не рѣшительный выводъ, о другой скрытой цѣли закона. Не въ этомъ указѣ, по нашему мнѣнію, надлежитъ искать начала безусловной власти отчуждать крестьянъ своихъ, присвоенной себѣ помѣщиками. Законодательство могло подать поводъ къ распространенію этой власти тѣмъ именно, что допустило въ нѣкоторыхъ случаяхъ отдѣленіе крестьянъ отъ земли, хотя бы съ переводомъ на другую землю. Бѣглыхъ крестьянъ первоначально велѣно было отдавать изъ бѣговъ съ женами и дѣтьми, хотя бы они женились у тѣхъ помѣщиковъ, за которыми жили въ бѣгахъ. Потомъ велѣно вмѣстѣ съ ними отдавать и зятьевъ ихъ, которые поженились на бѣглыхъ дѣвкахъ, вмѣстѣ съ дѣтьми, родившимися отъ брака. Указами 1661 и 1682 года велѣно за пріемъ бѣглыхъ крестьянъ брать у пріемщика, кромѣ тѣхъ бѣглыхъ, изъ собственныхъ его вотчинъ по четыре наддочныхъ крестьянина и отдавать законному владѣльцу бѣглаго. Такимъ образомъ чужіе вотчинные крестьяне должны были отдѣляться отъ земли, на которой сидѣли, и переходить на другую землю ¹⁾. Въ случаѣ убійства крестьяниномъ одного помѣщика крестьянина, принадлежавшаго другому, владѣлецъ убитаго, лишаясь человѣка, получалъ право на вознагражденіе. Въ 1648 году возникъ

¹⁾ Ул. XI. 12.

вопросъ о томъ, должно ли быть это вознагражденіе денежное, или убійца долженъ быть выдаваемъ головою въ крестьяне вмѣсто убитаго. Судебная практика держалась послѣдняго мнѣнія, и согласно съ нею закономъ предписано выдавать убійцу въ крестьяне съ женой и неотдѣленными дѣтьми ¹⁾; если же убійца былъ вѣдомый воръ, то владѣлецъ убитаго имѣлъ право требовать другаго лучшаго крестьянина. Разумѣется, при этомъ возможны были частныя сдѣлки между тяжущимися сторонами, ибо предметомъ тяжбы служило уже не одно вознагражденіе за причиненный вредъ или убытокъ, но право на личность крестьянина; такъ что возрѣніе на крестьянина какъ на собственность, принадлежащую помѣщику, мало-по-малу должно было утверждаться и въ общественной жизни и въ судебной практикѣ. Между помѣщиками, сыскивавшими другъ у друга бѣглыхъ крестьянъ, дозволены были любовныя сдѣлки, въ составъ коихъ входила поступка однимъ наличнымъ крестьяниномъ за другаго, бѣглаго ²⁾. Въ большей части случаевъ такая сдѣлка имѣла видъ мѣны, потому что бѣглый оставался у того, кто его принялъ къ себѣ, а сей послѣдній выдавалъ владѣльцу бѣглаго другое крестьянское семейство. Такія же уступки и мѣны могли употребляться, и дѣйствительно употреблялись, при раздѣлахъ для округленія частей между сонаслѣдниками. Дѣлящіеся поступали другъ другу крестьянскими семьями, дѣвками и жонками изъ одной вотчины въ другую; встрѣчаются поступочныя

---

¹⁾ Ак. Ист. IV. № 6. VII. Улож. XXI, 73. ²⁾ Ул. XI, 6, 8. Примеръ подобной сдѣлки можно видѣть въ Юрид. Акт. № 273.

записи на крестьянъ за долговя деньги. Въ указѣ 7 апрѣля 1690 г. ¹⁾ помѣщено слѣдующее выраженіе: «всякой помѣщикъ и вотчинникъ въ помѣстьяхъ своихъ и въ вотчинахъ и во *крестьянехъ* поступиться и сдать и промѣнить *воленъ*». Отъ поступки и мѣны до продажи разстояніе совсѣмъ недалекое. Выводныя письма, по коимъ крестьянскія дѣвки и вдовы отпускались замужъ въ чужую вотчину, также нерѣдко замѣняли продажу, когда помѣщикъ, самъ добывая невѣсту для своего крестьянина, платилъ за нее выводныя деньги. Еслибы въ законѣ твердо и рѣшительно принято было начало неразрывности пашеннаго крестьянина съ землей, то не могли бы быть допускаемы вознагражденія и сдѣлки, подобныя вышеозначеннымъ; если же сдѣлки эти допускались закономъ, то на такомъ же основаніи могли бы быть допускаемы и отдѣльныя продажи. Дѣйствительно, въ докладѣ, по которому состоялся указъ 25 іюня 1682 года ²⁾, встрѣчается указаніе на продажи такого рода. Въ подведенной подъ докладомъ справкѣ объяснено, что въ 184 году (1676) по указу царя Ѳедора Алексѣевича, по челобитью Артемона Матвѣева, по сдѣлочнымъ записямъ крестьяне за нимъ Артемономъ въ помѣстномъ приказѣ записаны, и съ того числа за иными по сдѣлочнымъ же крѣпостямъ и по *кутчимъ* крестьяне записываны; но въ то же время оказалось, что и въ холопьемъ приказѣ записывались во 185 году поступныя записи на *вотчинныхъ* крестьянъ. Докладъ оканчивается вопросомъ: записывать ли въ помѣстномъ приказѣ по сдѣлочнымъ записямъ и по *кутчимъ*

¹⁾ П. С. З. 1370.   ²⁾ П. С. З. № 946.

крестьянъ, которые объявятся по выпискѣ въ крѣпостяхъ за *поступщики и за продавцы жилыми дворами*? Очевидно, что здѣсь рѣчь идетъ о купчихъ на крестьянъ и крестьянскія семейства отдѣльно отъ земли, потому что купчія на цѣлыя вочтины по заведенному издавна порядку уже записывались въ помѣстномъ приказѣ. Вопросъ разрѣшенъ тѣмъ, что крестьянъ по сдѣлочнымъ записямъ велѣно записывать не въ помѣстномъ приказѣ, а въ приказѣ холопья суда.

По мнѣнію Болтина ¹⁾, первый поводъ къ продажѣ крестьянъ поодиначкѣ поданъ владѣльцамъ наборомъ рекрутъ съ числа дворовъ, «показавъ тѣмъ дорогу, что можно ихъ отдѣлять отъ земли и отъ семействъ поодиначкѣ. Указъ, сравнившій помѣстья съ вотчинами, и вскорѣ потомъ послѣдовавшая подушная перепись, утвердили владѣльческое притязаніе. Послѣ сего стали холопей превращать въ крестьянъ, а крестьянъ въ холопей, отдѣлять ихъ отъ семействъ и наконецъ продавать на выводъ семьями и поодиначкѣ». Мы видѣли, что объ отдѣльныхъ продажахъ крестьянъ упоминается гораздо ранѣе указовъ о рекрутскомъ наборѣ и о ревизіи. Изъ нѣкоторыхъ юридическихъ актовъ, уцѣлѣвшихъ отъ того времени, можно съ достовѣрностію заключить, что по крайней мѣрѣ во второй половинѣ XVII столѣтія, продажа и поступка крестьянъ дворами, семьями и въ разбивку, отдѣльно отъ земли, почиталась дѣломъ обыкновеннымъ.

Вотъ нѣкоторые примѣры изъ актовъ извѣстныхъ. Въ одной раздѣльной записи 1673 года дворяне Ценины дѣлятъ

¹⁾ Прим. на Леклерка Т. II, стр. 210.

между собою исключительно движимость да дворовыхъ старинныхъ полонныхъ и задворныхъ людей, не упоминая о землѣ и о вотчинахъ; въ томъ числѣ на часть одного помѣщика назначается *крестьянинъ*. Въ 1713 году въ приказѣ земскихъ дѣлъ производилось спорное дѣло о купчей на крестьянина, выданной въ 1697 году двумъ разнымъ помѣщикамъ. Въ 1707 году Авдотья Ценина поступилась за долговья деньги своему заимодавцу крѣпостную свою крестьянскую дочь жонку, которую отецъ ея Авдотинъ отказалъ мужу ея на прожиточномъ ея жеребью. Въ поступной записи 713 года на помѣстье отъ Филимоновыхъ Дурову поступщики пишутъ, что заложивъ во 195 году вотчину съ тремя крестьянскими дворами тестю Дурова Кожухову и просрочивъ въ слѣдующемъ году закладную, они вывезли изъ заложенной вотчины всѣхъ крестьянъ въ другой уѣздъ и потомъ роздали ихъ разнымъ лицамъ: Семена Лукина съ женою и дѣтьми отдали тульскому протопопу Гаврилѣ, Степана Лукина, съ женою и дѣтьми, помѣщику Григорьеву; Григорья Лукина съ женою и дѣтьми взялъ у нихъ помѣщикъ Савостьяновъ, а невѣстку его Григорьеву съ дѣтьми—помѣщикъ Котченковъ. См. еще въ *Шуйскихъ Актахъ* завѣщаніе, которымъ Стромиловъ назначаетъ внучкѣ своей на помѣстную ея землю крестьянина съ женою, дѣтьми и животами (№ 148); поступную запись 1697 года на вотчинную дѣвку за долговья деньги (№ 191); въ *Юридическихъ Актахъ* мировую запись № 273.

За покушеніе слуги противъ жизни господина назначалось усиленное наказаніе ¹⁾. Не знаемъ, примѣнялся ли этотъ законъ и къ пашеннымъ крестьянамъ не состоявшимъ въ числѣ дворовыхъ; въ немъ употреблено выраженіе: *кому служитъ*, котораго Уложеніе не относитъ обыкновенно къ лицу крестьянина. Слуга былъ обязанъ оборонять честь госпожи и жизнь господина ²⁾. О наказаніи

¹⁾ Улож. гл. XXII, 8. Разбойн. статьи 1669 г. ст. 93. ²⁾ Улож. XXII, 16, 21.

за непослушаніе противъ помѣщика и за возмущеніе противъ него Уложеніе не упоминаетъ, но изъ дѣлъ, относящихся къ концу XVII столѣтія, видно, что въ подобныхъ случаяхъ крестьяне по распоряженію воеводы или по грамотѣ изъ приказа наказывались кнутомъ. Въ указѣ 24 апрѣля 1713 года ¹⁾, опредѣлено такое же наказаніе ослушнымъ крестьянамъ, отложившимся отъ владѣльцевъ: изъ нихъ заводчиковъ, *кого владѣльцы объявятъ*, велѣно бить кнутомъ. Когда владѣлецъ въ своемъ дѣлѣ обвинялъ своего человѣка или крестьянина въ разбоѣ, татьбѣ или подводѣ, то приводнаго человѣка предписывалось пытать по одному этому обвиненію и безъ язычной молки, тогда какъ другихъ людей по одному обвиненію не пытали ⁵⁾. Разбойныя статьи 1669 г. (25,42) именно отличаютъ въ этомъ случаѣ человѣка крѣпостнаго отъ наемнаго: послѣднихъ безъ обыску пытать не велѣно.

Главнымъ обеспеченіемъ личности помѣщика относительно подвластныхъ людей конечно служила въ то время самая власть его, постоянно дѣйствовавшая, и по этой причинѣ можетъ-быть положительный законъ не предвидитъ многихъ случаевъ нарушенія помѣщичьяго права со стороны крестьянъ. Личность подвластнаго человѣка гораздо болѣе нуждалась въ огражденіи; но объ этомъ огражденіи тогдашній законъ немного заботился. Уложеніе (XX, 92) велитъ приказывать накрѣпко господину, которому отданъ будетъ бѣглый холопъ, чтобъ онъ его не убилъ, не изувѣчилъ и голодомъ не уморилъ, но не упоминаетъ о наказаніи за нарушеніе закона. Владѣльцу

¹⁾ П. С. З. № 2668. ²⁾ Разб. статьи 1631 г., ст. 16; Улож. XXI, 48.

запрещалось самому собой безъ отдачи въ губу управлять съ людьми своими или крестьянами, которыхъ онъ сыскалъ у себя въ разбоѣ: за убійство такого челоуѣка помѣстный владѣлецъ подвергался отнятію помѣстья и правезу двойнаго иска, а непомѣстный и наказанію кнутомъ (XXI, 79); замѣчательно, что по Уложенію это единственный случай, въ которомъ ясно опредѣляется наказаніе помѣщику за убійство крѣпостнаго; но тутъ главная цѣль закона—не обеспечение личности челоуѣка, а государево и земское дѣло: чтобы никто «воровъ за собою не укрывалъ». Впрочемъ законъ не объявляетъ положительно, что убійство крѣпостныхъ людей помѣщиками не вмѣняется и исключается изъ дѣйствія общей статьи Уложенія: «а кого кто убьетъ съ умышленія и сыщется про то допряма, что съ умышленія убилъ, и такого убійцу самого казнить смертію». Но какому наказанію подвергался господинъ за неумышленное убійство крѣпостнаго или за жестокое обращеніе съ нимъ, причинившее смерть, объ этомъ Уложеніе умалчиваетъ, такъ же какъ умалчивала Русская Правда объ убійствѣ раба господиномъ. Двинская грамота Василя Дмитріевича освобождала господина отъ всякой отвѣтственности, если онъ «огрѣшитя, ударить холопа или рабу и случится смерть»; но церковный законъ, который, за немѣніемъ гражданскаго, принимался иногда въ основаніе приговоровъ, гласилъ такъ: «аще кто своего раба ремнемъ или жезлемъ біеть и умретъ, не осуженъ будетъ господинъ его яко мужеубійца; аще ли безъ числа мучилъ будетъ или зелиемъ погуби, или плакася, яко убій-

ство сотворилъ, да мучень будетъ» ¹⁾. Вообще Уложение не предвидитъ или не хочетъ предвидѣть случай убійства господиномъ своего крѣпостнаго. Осуждая убійство человека, выданнаго головою въ заживъ, оно не опредѣляетъ казни за это преступленіе, «а буде сыщется допряма, и за то смертное убійство что государь укажетъ»; слѣдовательно во всякомъ случаѣ преступленіе это не уравнивалось съ обыкновенными видами убійства, за которое прямо полагалось въ законѣ наказаніе. Котошихинъ (*О Россіи въ царствованіе Алексѣя Мих.* гл. VIII. 40) говоритъ объ этихъ случаяхъ слѣдующее: «а будетъ отданной слуга учнетъ бити челомъ на господина своего, что онъ надъ нимъ много дѣлаетъ наругательства, и бьетъ безъ вины или надъ женою его и надъ дѣтьми учинить какое злое дѣло: и по сыску у такого господина того человека возьмутъ назадъ, безденежно. А будетъ онъ господинъ тому человеку учинить наругательство... и ему противъ того жъ указъ будетъ учиненъ самому, рука за руку, нога за ногу, глазъ за глазъ, и иное противъ того жъ; да на немъ же возмутъ тому его увѣчному человеку за увѣчье, изъ животовъ, по указу. А будетъ тотъ его увѣчный человекъ отъ его наругательства умереть: и того господина самого казнятъ смертию, а женѣ того умершаго и дѣтямъ возьмутъ того господина изъ животовъ на прожитокъ, по указу жъ, ктобъ ни былъ. Такимъ же обычаемъ, прибавляетъ Котошихинъ, межъ всякихъ господъ и подданныхъ ихъ, дворовыхъ людей и крестьянъ, указъ во всемъ противъ того жъ и ни въ чемъ не разнится». Но въ другомъ мѣстѣ, говоря объ убійствѣ крестья-

¹⁾ Кормчая, гл. 49; о убивающемъ своего раба.

янь, Котошихинъ ссылается на Уложение: «а будетъ которой помѣщикъ учинить надъ крестьяны своими смертное убійство или какое наругательство и будутъ на него челобитчики: и такому злочинцу о указѣ подлинно написано въ Уложенной книгѣ; а не будетъ на него челобитчиковъ и такимъ дѣломъ за мертвыхъ людей бываетъ истецъ самъ царь». Далѣе Котошихинъ прибавляетъ, что дѣла о блудномъ дѣлѣ помѣщиковъ съ крестьянами и о жестокомъ обращеніи съ беременными крестьянскими жонками, по челобитью, вѣдаются не царскимъ, а духовнымъ судомъ (гл. XI. 4). Весьма вѣроятно, что въ судебной практикѣ преступленіе помѣщиковъ противъ жизни крестьянъ преслѣдовалось тѣмъ же порядкомъ, какъ описано у Котошихина; но во всякомъ случаѣ замѣчательно, что положительный законъ вовсе умалчиваетъ объ убійствѣ владѣльцемъ крѣпостнаго человѣка и о наказаніи за это преступленіе. Извѣстно, что въ судебной практикѣ XVIII столѣтія возникали сомнѣнія по этому предмету. Черезъ сто слишкомъ лѣтъ по изданіи Уложенія, въ 1762 году, по дѣлу о дворовомъ человѣкѣ, умершемъ отъ побоевъ и истязанія, причиненныхъ господиномъ, юстицъ-коллегія не рѣшилась постановить приговоръ, потому что не имѣла на этотъ случай точныхъ указовъ (П. С. З. 11.450).

Законъ XVII столѣтія не говоритъ объ огражденіи крестьянъ отъ жестокаго и разорительнаго обращенія владѣльцевъ; но вотъ что пишетъ объ этомъ предметѣ Котошихинъ: «Какъ боярамъ и всякихъ чиновъ людямъ даются помѣстья и вотчины и имъ пишутъ въ жалованныхъ грамотахъ, что имъ крестьянъ своихъ... отъ обидъ

и налогъ остерегати, а подати съ нихъ имати по силѣ, а не черезъ силу... А будетъ которой помѣщикъ и вотчинникъ, нехотя за собою крестьянъ своихъ держати, и хочеть вотчинныхъ крестьянъ продати и напередъ учнетъ брать съ нихъ поборы великіе, не противъ силы, чѣмъ бы ихъ привести къ нужѣ и бѣдности, а себя станеть наполнивать для покупки иныхъ вотчинъ: и будетъ на такого... будетъ челобитье, что онъ надъ ними такъ чинилъ, и сторонніе люди про то вѣдаютъ и скажутъ по сыску правду, и у такихъ... помѣстья ихъ и вотчины, *которыя даны будутъ отъ царя*, возьмутъ назадъ на царя, а что онъ съ кого ималъ какихъ поборовъ черезъ силу и грабежомъ, и то на немъ велятъ взять и отдать тѣмъ крестьянамъ; а впредь тому человѣку кто такъ учинить, помѣстья и вотчины не будутъ даны до вѣку. А будетъ кто учнетъ чинить такъ надъ своими вотчинными купленными мужиками, и у него тѣхъ крестьянъ возьмутъ безденежно и отдадутъ сродственникамъ его добрымъ людямъ». Нѣтъ ни малѣйшаго повода думать, что эти слова современнаго свидѣтеля — выдумка, хотя мы не имѣемъ въ виду прямого закона, который подтверждалъ бы разказъ Котошихина. Этотъ разказъ во всякомъ случаѣ свидѣтельствуеть о тѣхъ началахъ, которыми руководствовалась современная Котошихину приказная практика. Тѣ же самыя начала, ни болѣе ни менѣе, обозначаются и въ законодательствѣ Петра Великаго, какъ увидимъ, въ послѣдствіи.

Главнымъ средствомъ обеспеченія личности крѣпостныхъ могло служить право жаловаться на господина; но этого права Уложеніе не предоставляетъ имъ, кромѣ

одного случая: «когда кто у себя въ дому учнетъ дѣлать беззаконіе съ рабою» (XX. 80). Отъ холопа, получившаго свободу послѣ смерти господина, не принималась жалоба на наслѣдниковъ въ отнятіи животовъ при отпускѣ (XX. 65). Разбойныя статьи 1669 года (28) запрещаютъ вѣрять въ обыскѣ рѣчамъ вольноотпущенныхъ на прежнихъ бояръ и рѣчамъ послуживцевъ противъ того, кому служатъ. Извѣты людей и крестьянъ на владѣльца запрещалось принимать, кромѣ великихъ дѣлъ о государевомъ здоровьи и объ измѣнѣ ¹⁾).

Оброки и повинности крестьянъ не были опредѣлены закономъ. Уложеніе вовсе даже и не касается этого предмета. Крестьянамъ въ послушныхъ грамотахъ предписывалось безусловно «пашню на помѣщика пахать и доходъ вотчинниковъ ему платить», или «читать и слушать его во всемъ и пашню на него пахать и оброкъ хлѣбной и денежной и всякой мелкой доходъ, и съ угодей платить по старинѣ», или: платить доходъ «чѣмъ помѣщикъ изоброчить». По монастырскимъ имѣніямъ, состоявшимъ тоже на правѣ вотчиннаго владѣнія, приказнымъ людямъ давались обыкновенно отъ мірскихъ или духовныхъ властей наказы съ подробнымъ означеніемъ повинностей, даней, оброковъ и пошлинъ ²⁾, но ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ относительно имѣній, принадлежавшихъ частнымъ владѣльцамъ. Здѣсь время и количество работъ, равно какъ количество оброка, опредѣлялись по усмотрѣнію помѣщика, и произволь его ограничивался по этому

¹⁾ Улож. II, 13. П. С. З. Ук. 16 іюля 1681, ст. 23. 8 февраля 1688 ст. 13. ²⁾ См. А. Арх. Э. т. III. № 217; т. IV. № 67, 112, 232. А. Ист. IV. № 245. Акты Юрид. № 334, и т. п.

предмету только собственнымъ его интересомъ да мѣстными потребностями хозяйства. Для выгоды самого помѣщика необходимо было оставлять крестьянину время нужное для обработки его пашеннаго жеребья: въ противномъ случаѣ крестьянину нечѣмъ было бы прокормить себя, и онъ къ своему же помѣщику обратился бы за хлѣбомъ. Съ другой стороны можно предполагать, что торговля сельскими произведеніями была весьма ограничена въ XVII столѣтіи: жители Москвы и городовъ, принадлежавшіе къ служилому сословію, довольствовались большею частію собственнымъ хлѣбомъ; посадскіе люди занимались нерѣдко обработываніемъ земли, и вообще городская промышленность не отличалась, какъ теперь, рѣзкими чертами отъ сельской; войско продовольствовалось хлѣбомъ некупленнымъ, а заготовленнымъ и поставленнымъ натурою. Только въ мѣстностяхъ, приближенныхъ къ столицѣ, къ торговымъ путямъ и къ промышленнымъ пунктамъ тогдашней Россіи, ощущалась потребность и имѣлась возможность заготовлять хлѣбъ въ значительномъ количествѣ для продажи на рынкахъ и для снабженія винокуренныхъ заводовъ; для большинства же помѣщиковъ, особенно въ мѣстахъ отдаленныхъ и степныхъ, требовалось конечно такое количество хлѣба, какое нужно было для собственнаго продовольствія и для хлѣбныхъ сборовъ на нужды войска и правительства; слѣдовательно по большей части не имѣлось и надобности увеличивать запашку для цѣлей исключительно промышленныхъ и требовать отъ крестьянъ усиленныхъ работъ, чтобъ увеличить производство хлѣба на продажу. Натуральныхъ повинностей и работъ на себя, кромѣ хлѣбо-

пашества, помѣщикъ могъ требовать отъ крестьянъ своихъ глядя по нуждѣ. Такъ на примѣръ, крестьяне на своихъ подводахъ доставляли къ помѣщикамъ, изъ деревни въ городъ и на мѣсто службы въ походѣ, запасы для собственнаго ихъ продовольствія и на продажу (Ул. IX. 3). Уложеніе (XIX, 15) упоминаетъ о крестьянахъ, которые изъ вотчинъ и помѣстій приходятъ на время на подгородные помѣщичьи дворы «для ремесленнаго дѣла на вотчинниковъ и помѣщиковъ». Указъ 1684 г. 8 апрѣля дозволяетъ помѣщикамъ въ Москвѣ держать на дворахъ своихъ безъ записки, людей и крестьянъ, которые приходятъ къ нимъ изъ подмосковныхъ или изъ дальнихъ деревень для ихъ вотчинниковы домашнія работы. Уложеніе позволяетъ господамъ на тѣхъ же дворахъ своихъ и огородахъ держать постоянно по одному крестьянину во дворничествѣ, если нѣтъ у нихъ *людей* (XIX, 14). Мы замѣтили впрочемъ выше, что эту статью можно разумѣть вовсе не въ смыслѣ ограниченія крестьянской повинности. Работа во дворѣ у помѣщика производилась при другихъ условіяхъ, менѣе благопріятныхъ для людей и крестьянъ его: потребности домашняго хозяйства были несравненно сложнѣе и разнообразнѣе сельско-хозяйственныхъ; здѣсь все зависѣло единственно отъ прихоти и случайныхъ желаній владѣльца.

Изъ послѣдней четверти XVIII столѣтія дошла до насъ замѣчательная инструкція Артемія Петровича Волынскаго дворецкому Нѣмчинову, объ управленіи дому и деревень (*Москвитянинъ* 1854 г. № 1 и 2): въ ней опредѣлены съ подробностью и точностью обязанности и повинности крестьянъ и все устройство сельскаго управленія. Эта точность и самыя выраженія инструкціи во многомъ напоминаютъ тѣ указы и

инструкціи, посредствомъ коихъ Петръ Великій старался организовать въ цѣлой Россіи разныя части управленія и государственнаго хозяйства. При чтеніи этого любопытнаго документа невольно приходитъ на мысль, что инструкція написана попечительнымъ и разумнымъ министромъ подъ вліяніемъ того же духа, который выражается въ государственныхъ распоряженіяхъ Петра Великаго. Позволительно сомнѣваться въ томъ, чтобы подобныя инструкціи писались и въ XVII столѣтіи богатыми помѣщиками. Во всякомъ случаѣ, такая инструкція служитъ только выраженіемъ частной воли вотчинника, и не можетъ быть поставлена на ряду съ наказами о монастырскомъ управленіи, въ которыхъ выражается стремленіе ввести общую систему и установить повсемѣстно одинаковый порядокъ вотчиннаго управленія. О помѣщикахъ и вотчинникахъ Котошихинъ при Алексѣѣ Михайловичѣ пишетъ, что они «свои подати кладутъ на крестьянъ своихъ сами, сколько съ кого взять» (гл. XI, 3). Въ жалованныхъ грамотахъ на помѣстья и вотчины, по увѣренію Котошихина, писалось, чтобы подать съ крестьянъ имать по силѣ, съ кого что мочно взять, а не черезъ силу.

Всѣмъ вообще сословіямъ, слѣдовательно и крестьянамъ, законъ запрещалъ работать въ воскресные и праздничные дни. Это правило существовало искони по уставу апостольскому и свв. отецъ. Въ 1647 году великій государь съ патриархомъ и со всѣмъ священнымъ соборомъ уложили: въ воскресный день отнюдь не дѣлать ни господину ни госпожѣ ни робамъ ни свободнымъ ¹⁾. Въ 1669 году (П. С. З. 453) встрѣчаемъ указъ, которымъ велѣно было посадить въ тюрьму стольника князя Оболенскаго за то, что у него на дворѣ въ воскресный день люди и крестьяне работали черную работу.

¹⁾ А. Истор. т. IV. № 6; А. Арх. Э. т. IV. № 19, 324. Улож. X. 25.

Кромѣ работъ натурою, помѣщиковъ доходъ состоялъ въ денежномъ оброкѣ, который платили крестьяне пашенные при пашнѣ и непашенные безъ пашни, также отпущенные изъ имѣнія для промысловъ и заработковъ; далѣе, въ натуральныхъ сборахъ, которыми облагаемы были крестьяне, крестьянскія жены и дѣвки.

Чтобы дать понятіе о натуральныхъ сборахъ, которыми облагались крестьяне, можно указать на сказку майора Ушакова, данную въ 1681 году (*Шуйскіе акты* № 150): «вотчина за мною сельцо Хотенево безъ жеребья да деревня Зманово съ пустошми, а въ крестьянскихъ и бобыльскихъ 12 дворовъ; оброку беру 12 рублей, 6 ведръ вина, полпуда масла коровьяго, двѣ чети сухарей, осьмина крупъ да осьмина толокна, 12 куренковъ, 2 пуда свиного мяса, пашни и задворныхъ людей нѣтъ». Въ 21 пунктѣ инструкціи Волынскаго Нѣмчинову, 1724 года, написано: *«понеже всѣ помѣщики обыкновенно получаютъ съ своихъ деревень доходы и столовые припасы, того ради велите во всѣхъ деревняхъ купить молодыхъ овецъ и свиней и раздайте на каждое тягло по одной овцѣ и по одной свинѣ неимущимъ крестьянамъ, и по прошествіи года брать съ cadaго тягла въ годъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, по пуду свиного мяса, по три фунта масла коровья, да по одному молодому барану. Въ іюнѣ мѣсяцѣ съ нихъ же, съ cadaго тягла по 3 фунта шерсти овечьей и по 5 аршинъ посконнаго холста. И притомъ еще съ васильевскихъ и съ никольскихъ крестьянъ сморчковъ сухихъ по 1 фунту, малины сухой по 1 фунту, а съ батыевскихъ, вмѣсто сморчковъ и малины, брать по 2 фунта грибовъ сухихъ. Да когда мнѣ случится быть въ Москвѣ или въ Петербургѣ, тогда съ cadaго тягла брать по 1 гусю, по 1 уткѣ, по 1 русской курицѣ, по одному поросенку и по 20 яицъ»*. Далѣе, въ 24 и 25 пунктахъ, говорится о раздачѣ по рукамъ скотины для приплоду и для скопу, о пряденіи шерсти, приготовленіи суконъ и пр.

Раздѣленіе крестьянъ на *пашенныхъ* и *оброчныхъ* существовало и въ XVII столѣтіи: по крайней мѣрѣ въ актахъ того времени, на примѣръ въ челобитныхъ, помѣщичьи крестьяне называютъ себя либо пашенными, либо оброчными. При отпускѣ крестьянъ на волю, при увольненіи крестьянскихъ вдовъ и дѣвокъ въ замужество за вольныхъ людей или въ другія имѣнія, помѣщикъ обыкновенно бралъ за нихъ выводную плату или по собственному назначенію, или по договору съ тѣмъ помѣщикомъ, который принималъ увольняемую въ свою вотчину ¹⁾.

Центральнымъ мѣстомъ помѣщичьей власти въ имѣніи былъ дворъ помѣщичій. Къ составу двора принадлежали дворовые люди, то-есть всѣ тѣ, которые, проживая во дворѣ помѣщичьемъ, не временно, а постоянно, употреблялись для личной услуги помѣщику и для исправленія всѣхъ домашнихъ нуждъ. Этимъ именно качествомъ—особеннаго, постояннаго назначенія на службу помѣщику, дворовые люди отличались отъ крестьянъ, потому что и крестьяне временно могли быть употребляемы на исправленіе разныхъ работъ въ помѣщичьемъ домѣ; сверхъ того временно могли проживать во дворѣ люди дѣловые. Къ дворовымъ людямъ принадлежали: во 1-хъ полные, старинные холопы и кабальные люди; въ 2-хъ люди, взятые изъ крестьянъ во дворъ. И тѣ и другіе, соединяясь во дворѣ помѣщика, употреблялись на службу его безразлично: крестьяне и крестьянскія дѣти, взятые во дворъ, тѣмъ самымъ становились уже на ряду съ холопами и кабальными людьми господина, и утрачивая зна-

¹⁾ См. для примѣра Шуйскіе акты, № 151.

ченіе людей сословія земледѣльческаго, нераздѣльнаго съ землей, переходили если не юридически, то фактически въ разрядъ людей безземельныхъ, лично крѣпкихъ владѣльцу, такъ что и въ переписныхъ книгахъ они показывались хотя при деревнѣ, но не въ особыхъ дворахъ, а во дворѣ помѣщика. Люди, взятые во дворъ, должны были, конечно за немногими исключеніями, оставаться въ разрядѣ дворовыхъ безвозвратно: въ этомъ разрядѣ они пріобрѣтали новыя привычки, болѣе и болѣе отдалявшія ихъ отъ земледѣльческихъ занятій, вступали въ бракъ и производили новыя поколѣнія дворовыхъ. Невозможно опредѣлить время, съ котораго вошло въ обычай обращать крестьянъ въ дворовую службу; во всякомъ случаѣ это было не право, въ настоящемъ значеніи слова: обычай этотъ былъ послѣдствіемъ власти, которую получилъ помѣщикъ надъ своими крестьянами. Очевидно, какое рѣшительное значеніе получила отъ этого обычая помѣщичья власть, въ то время, когда черты ея и принадлежности начали слагаться юридически. Въ то время, когда сознаніе общественное коснулось этой власти, обычай брать крестьянъ во дворъ сталъ уже столь существенною ея принадлежностію, что казалось невозможнымъ нарушить его, не разстроивъ вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлой системы помѣщичьяго права; такимъ образомъ само законодательство нашлось въ необходимости включить этотъ обычай въ число своихъ опредѣленій, какъ одну изъ законныхъ принадлежностей помѣщичьей власти надъ крестьянами ¹⁾. Можно думать, что въ началѣ помѣщикъ по большей

¹⁾ См. 967 ст. IX т. Св. З. о сост.

части не имѣлъ и надобности отвлекать отъ пашни настоящихъ или будущихъ работниковъ, обращеніемъ на личную себѣ услугу. Въ XVII столѣтіи кабальное право получило такое развитіе, что всякій владѣлецъ могъ имѣть у себя въ распоряженіи столько людей, сколько ему хотѣлось набрать и сколько желалъ онъ сохранить у себя отъ родительскаго хозяйства; однакоже и въ XVII столѣтіи примѣры обращенія крестьянъ и крестьянскихъ дѣтей во дворъ были обыкновеннымъ явленіемъ.

Дѣло могло начаться очень просто, и даже вовсе безъ намѣренія обратить себѣ въ личное услуженіе пашеннаго крестьянина. Мы имѣли случай упомянуть выше о дѣловыхъ людяхъ, которые жили во дворѣ помѣщикомъ, не имѣя своего пашеннаго хозяйства, но пахали пашню на помѣщика. Уже въ писцовыхъ книгахъ 130 (1622) года, дѣловые пашенные люди отличаются отъ крестьянъ ¹⁾, а позже, напримѣръ въ переписныхъ книгахъ 186 года, безпрестанно встрѣчаются дѣловые люди, живущіе во дворѣ у помѣщика. Случалось нерѣдко, что крестьянинъ оскудѣвалъ хозяйствомъ и оставался одинокъ; оставались сиротами одинокіе и безтяглые крестьянскіе дѣти: такихъ помѣщикъ бралъ къ себѣ во дворъ, и заставляя работать на себя обыкновенную крестьянскую работу, кормилъ, одѣвалъ на свой счетъ. Такихъ людей помѣщикъ могъ въ послѣдствіи женить, обзавести и ссадить на пашенный жеребей или оставлялъ у себя во дворѣ въ дѣловыхъ людяхъ. Но какъ они сближались уже съ дворовыми людьми, то отъ усмотрѣнія помѣщика зависѣло и вовсе обра-

¹⁾ См. наприм. у Иванова въ обзорѣніи помѣстныхъ правъ стр. 145.

тить ихъ въ дворовыхъ и употреблять на всякую домашнюю работу. Тоже могъ дѣлать помѣщикъ съ лѣнивыми, разстраивавшими свое хозяйство, въ видѣ исправительной мѣры, ибо онъ былъ судьей и распорядителемъ надъ своими крестьянами. Такимъ образомъ, мало-по-малу, могло войти въ обычай, брать во дворъ помѣщичій крестьянскихъ сиротъ и дѣтей на всякую работу по волѣ помѣщика. Разумѣется, что тяглаго и исправнаго крестьянина самъ помѣщикъ не имѣлъ никакой выгоды отрывать отъ пашеннаго его жеребья.

Можно предполагать по нѣкоторымъ даннымъ, что въ концѣ XVII столѣтія количество дѣловыхъ и задворныхъ людей, проживавшихъ на помѣщичьихъ дворахъ, безъ собственнаго хозяйства, было весьма значительно. Въ изданной г. Елагинымъ *Бѣлевской Вивлиоикъ* (Москва 1858) помѣщены писцовыя и переписныя книги по Бѣлевскому уѣзду. Изъ предисловія къ первому тому этого изданія видно, что въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, было на помѣщичьихъ дворахъ всего 200 человекъ задворныхъ и дѣловыхъ людей, а къ концу XVII столѣтія число ихъ увеличилось до 4242 душъ, что составляло почти пятую часть крестьянскаго населенія въ уѣздѣ, простиравшагося до 19,734 душъ: пятая часть состояла изъ бездомныхъ работниковъ! Нѣтъ повода предполагать, что явленіе это исключительно принадлежало Бѣлевскому уѣзду.

Въ той же книгѣ, на которую мы здѣсь ссылаемся, любопытно извѣстіе о пропорціи пустыхъ дворовъ въ Бѣлевскомъ уѣздѣ. По писцовымъ книгамъ 1632 года, на 1461 дворъ крестьянскій и бобыльскій считалось 611 пустыхъ дворовъ и дворовыхъ мѣсть: болѣе трети. Эти числа свидѣтельствуютъ о томъ, въ какихъ размѣрахъ совершались крестьянскіе побѣги въ половинѣ XVII столѣтія. Правда, что Бѣлевскій уѣздъ былъ наполненъ мелкими помѣщиками и вотчинниками, отъ которыхъ крестьяне чаще бѣгали нежели отъ великопо-

мѣстныхъ владѣльцевъ; не имѣя въ виду полныхъ писцовыхъ книгъ по другимъ уѣздамъ, мы не можемъ судить о томъ, насколько Бѣлевскій уѣздъ отличался пропорціей пустыхъ дворовъ отъ другихъ уѣздовъ.

Уложение не упоминаетъ о правѣ помѣщика брать крестьянъ во дворъ; переводъ людей изъ крестьянскихъ дворовъ на помѣщичій дворъ не требовалъ никакихъ актовъ, въ переписныхъ книгахъ всѣ люди, жившіе во дворѣ, откуда бы ни поступили во дворъ, означались общимъ названіемъ дворовыхъ; — слѣдовательно нельзя и встрѣтить въ памятникахъ того времени (времени Уложения) *прямаго* свидѣтельства о взятіи дворовыхъ людей изъ крестьянъ; но отъ послѣдующаго времени осталось довольно памятниковъ, которые удостовѣряютъ въ томъ, что въ эпоху, весьма близкую къ изданію Уложения, обычай этотъ уже укоренился ¹⁾. Въ 1690 г. (П. С. З. 1383) мы видимъ уже, что законъ уравниваетъ крестьянскихъ дѣтей, *взятыхъ во дворъ*, съ кабальными и полонными людьми, и что отпускныя выдаются имъ, также какъ про-

¹⁾ Напримѣръ: въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ 193 (1685) года записанъ на землѣ помѣщика Неонимова дворъ помѣщиковъ, а въ немъ дворовые люди и *крестьянскія дѣти*. По одному дѣлу 713 года о запискѣ въ кабальное холопство, приводный человекъ въ распросѣ говоритъ, что онъ бывший крестьянинъ помѣщика Кромина, былъ взятъ имъ съ *пашни во дворъ*, потомъ былъ сосланъ въ ссылку и *тому лѣтъ съ 20* дана ему изъ приказа отпускная. Въ другомъ дѣлѣ, 712 года, бѣглый человекъ помѣщика Чепелева, въ распросѣ называя отца своего *стариннымъ* дворовымъ человекомъ, говоритъ что отецъ его былъ сначала крестьяниномъ, а потомъ изъ крестьянскаго двора взятъ въ помѣщичій дворъ. Беремъ эти примѣры на удачу: подобныхъ встрѣчается немало въ старинныхъ производствахъ.

чимъ холопамъ, изъ приказа холопья суда. Указъ 17 іюля 1711 года упоминаетъ о крестьянскихъ дѣтяхъ, которые послѣ переписи 186 года взяты къ вотчинникамъ во дворъ. Всѣ эти свидѣтельства показываютъ какъ неосновательно мнѣніе, будто бы обращеніе крестьянъ въ дворовые началось со временъ Петра I-го и было послѣдствіемъ введенныхъ имъ ревизій.

Для надзора за сельскими работами и для охраненія порядка въ имѣніи, помѣщикъ назначалъ обыкновенно старосту изъ крестьянъ своихъ, или въ отсутствіи своемъ посылалъ управлять имѣніемъ одного изъ холоповъ либо дворовыхъ людей, такъ называемаго *приказнаго* челоуѣка; это называлось: *быть на приказъ*. «Женатыхъ дворовыхъ людей, говоритъ Котошихинъ ¹⁾, посылаютъ бояре, погодно, въ вотчины свои, села и деревни, по приказамъ, по перемѣнамъ, а укажутъ имъ съ крестьянъ своихъ имати жалованье и всякіе поборы, чѣмъ бы имъ было поживиться». Такимъ образомъ посылка на приказъ для служилыхъ боярскихъ людей была тѣмъ же, чѣмъ для служилыхъ царскихъ людей была посылка на кормленіе, съ тою разницею, что при всей неопредѣленности кормленія, доходы отъ него были болѣе или менѣе на счету у правительства по окладнымъ книгамъ, а на помѣщичьемъ приказѣ не было даже приблизительной смѣты доходовъ. «Да и въ домѣхъ ихъ боярскихъ (прибавляетъ Котошихинъ) учинены приказы, для всякихъ домовыхъ дѣлъ и приходовъ и расходовъ, и для сыску и расправы межъ дворовыхъ людей и крестьянъ». Такимъ образомъ,

¹⁾ XIII, 16.

дворъ челоуѣка богатаго и знатнаго представлялся какъ бы снимкомъ съ тогдашняго двора государева, и самое управленіе домовое и вотчинное подраздѣлялось на нѣсколько приказовъ, состоявшихъ въ завѣдываніи особо назначенныхъ людей. Въ старинныхъ дѣлопроизводствахъ изъ конца XVII и начала XVIII столѣтія можно встрѣчать разбросанныя указанія на принадлежности разныхъ должностей помѣщичьяго двора. Хозяйственною частью въ домѣ завѣдывалъ, на примѣръ, ключникъ; конюшня и кухня со всѣми принадлежавшими къ нимъ людьми были въ завѣдываніи главныхъ поваровъ и конюшихъ (это называется иногда *управленіемъ конюшеннаго и повареннаго дѣла*); въ амбарахъ и кладовымъ въ деревняхъ представлялся иногда особый староста, независимо отъ того, который завѣдывалъ сельскими работами; это называлось: *ходить въ ключахъ*. Управление дворовыми людьми принадлежало у богатаго помѣщика *дворецкому*, крестьянами же завѣдывалъ *староста*. Въ городскомъ домѣ московскаго вельможи князя Михаила Алегукевича Черкаскаго, была особая обширная кладовая, гдѣ хранились всѣ господскіе пожитки, платья и вещи: эта кладовая носила названіе *казенной палаты*, и къ ней былъ приставленъ особый челоуѣкъ, подъ именемъ *казначей*. Въ деревенскихъ помѣщичьихъ дворахъ тоже бывали *казенныя палаты и погреба*, гдѣ хранилась казна помѣщичья; любопытно, что сельскимъ домомъ помѣщика, въ отсутствіе его, и казною этой, завѣдывалъ иногда челоуѣкъ *по выбору изъ крестьянъ*, и носилъ званіе *цѣловальника*. Такъ въ одномъ розыскномъ дѣлѣ, принадлежащемъ къ первымъ годамъ XVIII столѣтія, крестьянинъ

села Давыдова, вотчины стольника Ивана Пушкина, показываетъ, что онъ «былъ въ той вотчинѣ цаловальникомъ по выбору *мірскихъ людей*. И въ томъ селѣ помѣщиковъ домъ и въ немъ, что есть, вѣдаетъ онъ со старостою... И сталъ ходить на помѣщиковъ дворъ на *казенной погребъ*». У всякаго зажиточнаго помѣщика бывалъ непременно во дворѣ одинъ человѣкъ, носившій званіе стряпчаго, повѣреннаго, который долженъ былъ во всѣхъ дѣлахъ просить, искать и отвѣчать за него (по тогдашнему выраженію «*человѣкъ, который за дѣлы ходитъ*»); такъ что когда въ приказѣ или у воеводы доходило дѣло до помѣщика, то требовали или его, или человѣка, который за дѣлы ходитъ; знатныхъ же особъ вовсе не вызывали, довольствуясь явкою повѣреннаго, да и того не всегда скоро можно было вытребовать.

Безъ сомнѣнія, у помѣщиковъ небогатыхъ управленіе домовое и вотчинное было проще; но богатые поставляли честь свою въ томъ, чтобы имѣть около себя обширный дворъ, наполненный должностными людьми разныхъ названій. Судъ и расправа между всѣми крѣпостными людьми и крестьянами принадлежали помѣщику: онъ разбиралъ и взаимныя претензіи ихъ другъ на друга по имуществу; онъ же былъ и верховнымъ ихъ карателемъ за всѣ проступки противъ его самого и противъ другихъ крѣпостныхъ людей; отсюда возникъ уже въ XVII столѣтіи цѣлый рядъ наказаній за проступки и ослушаніе, распредѣлявшихся по волѣ помѣщика; но какъ въ основаніи этихъ наказаній, помимо разумныхъ началъ вмѣненія, лежалъ произволь да личный интересъ помѣщика, то и не могло быть въ нихъ никакого порядка и систе-

мы. Въ XVII столѣтїи мы видимъ уже въ помѣщичьихъ дворахъ тюрьмы, кандалы и колодки для содержанія людей провинившихся и для обузданія непослушныхъ. При существованіи общаго закона, по которому дѣла разбойныя и убійственныя почитались земскимъ и государевымъ дѣломъ, разбирательству помѣщика конечно не могли подлежать дѣла объ убійствахъ и разбояхъ, совершенныхъ его людьми; по дѣламъ этого рода не только люди его становились, но и самъ онъ долженъ былъ иногда становиться предъ лицомъ государственной власти, какъ отвѣтчикъ за крестьянъ своихъ; въ такихъ дѣлахъ помѣщикъ долженъ былъ приводить къ суду людей своихъ, а не самъ собою управляться ¹⁾).

Законъ воспрещалъ самому владѣльцу управляться съ крестьянами въ губномъ дѣлѣ: но случалось, что помѣщикъ, подозрѣвая крестьянина въ преступленіи, прежде представленія его въ приказъ или приказную избу, самъ приступалъ къ распросу и подвергалъ подозрѣваемаго пыткѣ. Приказная практика, кажется, не видѣла въ этомъ противозаконнаго самоуправства. Въ одномъ извѣстномъ намъ дѣлѣ 1713 года, московскій помѣщикъ князь Лобановъ-Ростовскій представилъ въ приказъ земскихъ дѣлъ крестьянскую жонку, обвиняя ее въ поджигательствѣ. Когда ее стали пытать въ приказѣ, то оказалось, что она была уже пытана прежде своимъ помѣщикомъ. Вытерпѣвъ другую пытку въ приказѣ, она не вытерпѣла третьей и умерла, повинившись. Но поступокъ помѣщика оставленъ безъ обслѣдованія. По тогдашнимъ понятіямъ дѣйствіе помѣщика могло почитаться, въ подобныхъ случаяхъ, предварительнымъ изслѣдованіемъ, не превышающимъ власти его, если онъ подвергалъ человѣка пыткѣ не съ намѣреніемъ

¹⁾ Улож. гл. XXI ст. 66 и слѣд. Разбойн. статьи 1669 года. Ул. XX. 1, 48, 79.

наказать человека, управиться съ нимъ, но съ цѣлію открыть истину.

79-я статья XXI главы Уложенія относится исключительно къ дѣлу разбойному. Въ строгомъ смыслѣ ее нельзя распространить и на тѣ случаи, когда крестьянинъ совершалъ дѣло не разбойное, а татебное, противъ своего помѣщика или вотчинныхъ людей и крестьянъ. Уложеніе нигдѣ не говоритъ прямо, что преступленіе этого рода подлежитъ исключительно суду и расправѣ самого помѣщика: не говоритъ, конечно потому, что не возбуждалось вопросовъ и сомнѣній по этому предмету. Въ дѣлахъ такого рода и по старинной системѣ вотчинной подсудности, и по свойству вновь образовавшейся помѣщичьей власти, помѣщикъ конечно былъ верховнымъ слѣдователемъ и верховнымъ судьей надъ своими крестьянами. Новѣйшее законодательство не только не противорѣчило такому понятію о помѣщичьей власти, но еще болѣе развило его, дало ему форму строгаго юридическаго опредѣленія. Последнее выраженіе этого взгляда, мы встрѣчаемъ въ 971 ст. IX Т. Св. Зак. о сост. (по VI прод.). Законъ устанавливаетъ здѣсь категоріи подсудности, которыхъ не знало Уложеніе: черты помѣщичьей власти стали отъ этого явственнѣе и поразительнѣе, изображены сознательнѣе; но мы еще не въ правѣ заключить отсюда, что сама помѣщичья власть сдѣлалась суровѣе чѣмъ была въ періодѣ Уложенія, когда сознание не касалось еще отдѣльныхъ частей ея и принадлежностей. Помянутый законъ говорилъ положительно, что тѣ изъ проступковъ и преступленій помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей, которые не подвергаются ихъ лишенію всѣхъ правъ состоянія, когда сіи преступленія или проступки учинены противъ помѣщика или его семейства, подлежатъ расправѣ самого помѣщика или управляющаго имѣніемъ. Далѣе опредѣляются самые роды наказаній, къ которымъ помѣщикъ можетъ присуждать своего крѣпостнаго человека. О проступкахъ и преступленіяхъ, учиненныхъ крѣпостными противъ людей постороннихъ, новый законъ говоритъ, что и они подлежатъ расправѣ помѣщика, въ такомъ лишь случаѣ, когда

самъ обиженный будетъ сего просить. Тому же порядку слѣдовали, кажется, подобныя дѣла въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Въ случаѣ обиды, разоренія, покражи, учиненныхъ крѣпостными людьми противъ посторонняго человѣка, обиженный призывалъ обыкновенно къ суду лично самихъ виновниковъ и требовалъ правосудія отъ правительства: такихъ дѣлъ было весьма много; въ исковыхъ просьбахъ сами истцы иногда объявляютъ, что обращались къ *боярину* отвѣтчика съ просьбой объ удовлетвореніи, но ничего не успѣли добиться.

Замѣчательно, что въ домашнемъ приказномъ управленіи у иныхъ помѣщиковъ употребительны были даже нѣкоторыя формы письменныя, подобныя тѣмъ, которыя употреблялись въ государственномъ приказномъ производствѣ. Крестьянинъ или дворовый, имѣвшій дѣло до помѣщика, обращался къ тому человѣку до чьего приказу дѣло это относилось, и обращался не всегда словесно, а иногда съ челобитной или просительнымъ письмомъ на имя помѣщика ¹⁾, и на этой бумагѣ приказный человѣкъ дѣлалъ отъ имени своего господина помѣту, подобно тому, какъ въ московскихъ приказахъ дѣлалъ помѣту дьякъ отъ имени судей, или на городахъ подъячій отъ имени воеводы. Намъ случалось видѣть такія помѣты въ производствахъ, относящихся къ 700—715 годамъ. Такая формальность, если встрѣчается въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія, должна была гораздо ранѣе этого времени войти въ употребленіе, и образовалась она конечно вслѣдствіе исторической аналогіи помѣщичьяго вотчиннаго управленія съ управленіемъ московскимъ, помимо всякаго законнаго учрежденія.

Приводимъ для примѣра челобитную крестьянки помѣщи-

¹⁾ Ср. Опис. города Шуи, стр. 460.

камъ Бутурлинымъ: государю боярину Петру Ивановичу и государю Ивану Ивановичу и Александру Борисовичу бьетъ челомъ сирота ваша подмосковной вотчины сельца Ржавки, вдова Авдотья Минѣева дочь: въ прошлыхъ годѣхъ сына моего взяли въ солдаты, есть у меня, сироты вашей, дочеришко дѣвка Палагея. Умилостивитесь, государи, прикажите дать отпускную, а со стороны женихи приказыватца, а въ выводныхъ деньгахъ какъ вы государи позволите, чтобъ мнѣ сиротѣ вдовѣ въ конечномъ разореніи не быть. Государи, смилуйтесь. Челобитная писана на обрѣзкѣ столбца, и на оборотѣ ея сдѣлана слѣдующая помѣта: 1713 года мая въ 4 день. *Иванъ Ивановичъ указалъ съ своей половины какъ прежде сево дѣвки изъ вотчины отпускавались и нынѣ такожде сію челобитчицыну дочь выпустить и дать отпускная и на половину Ивана Ивановича челобитчицѣ прислать пудъ меду, безъ того старостѣ и отпускной не давать. Подписалъ по указу государя Ивана Ивановича человекъ ево Анофрей Колосовъ.*

Одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ въ исторіи крѣпостнаго права есть вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ крѣпостные люди могли приобрѣтать отдѣльное имущество и располагать имъ? Прежде всего мы и здѣсь считаемъ справедливымъ замѣтить, что невозможно надѣяться найти въ XVII столѣтіи разрѣшеніе этого вопроса съ юридической точки зрѣнія, потому что мы не имѣемъ въ виду ни одного законнаго постановленія, которое предоставляло бы крѣпостнымъ право на отдѣльное имущество, равно какъ не имѣемъ и такого закона, который прямо лишалъ бы ихъ этого права. Не имѣемъ также въ виду тяжёбныхъ дѣлъ, въ которыхъ подобный вопросъ былъ бы поставленъ на степень спорнаго и разрѣшенъ судебнымъ опредѣленіемъ; еслибы такія дѣла встрѣчались, они неизбежно вызвали бы и въ законодательствѣ того времени общее постановленіе. Вопросы эти могли возник-

нута при столкновении помещичьихъ правъ по имуществу, съ чѣмъ нибудь похожимъ на *право* крѣпостнаго человѣка, а мы видѣли, что этого послѣдняго права не коснулось сознание закона.

Римскій законъ, послѣдовательно развившій идею о рабствѣ въ юридическомъ ея значеніи и выразившій ее въ строгихъ юридическихъ опредѣленіяхъ, призналъ положительно, что рабъ не можетъ имѣть собственности и пріобрѣтаетъ не себѣ, а своему господину. У насъ политическое начало крѣпостнаго права никогда вполне не сливалось съ началомъ юридическимъ, и потому строгое послѣдовательное развитіе идеи о рабствѣ, какъ совершенномъ и безусловномъ уничтоженіи личности, было невозможно. Въ полномъ старинномъ холопствѣ можно еще отыскать черты, близко подходящія къ рабству западнаго міра; но въ холопствѣ кабальномъ, и особенно въ крѣпостномъ крестьянствѣ, видимъ мы, что личность крѣпостнаго не уничтожается, не исчезаетъ безусловно въ личности владѣльца, но, такъ сказать, *накрывается* ею. Разсматривая различныя проявленія такой власти, мы замѣчаемъ, что здѣсь человѣкъ дѣйствительно относится къ другому человѣку какъ нѣчто ему принадлежащее, но въ этой принадлежности мы явственнѣе различаемъ черты фактическаго владѣнія, нежели черты строгаго, юридически сознаннаго права полной собственности. Мы видимъ ясно, что здѣсь владѣніе человѣка человекомъ входитъ въ сферу гражданскихъ правъ имущественныхъ, но когда законодательство касается того или другаго проявленія этой власти, въ немъ ошутительнѣе вліяніе политическаго начала нежели начала юридическаго. Государственный

интересъ требовалъ установленія и поддержанія крѣпостной власти помѣщика надъ людьми и крестьянами, и потому вездѣ, гдѣ оказывалось нужнымъ опредѣлить принадлежности этой власти, опредѣлить отношенія владѣльца къ подвластнымъ людямъ, законодательство обращало на нихъ вниманіе на столько, на сколько требовалъ интересъ государственный. Вотъ, кажется, причина, почему въ законодательствѣ XVII столѣтія вовсе не встрѣчается опредѣленій о правѣ крѣпостныхъ людей на отдѣльное имущество.

По современнымъ понятіямъ европейскаго быта человекъ въ общественной жизни представляется прежде всего гражданиномъ,—и за тѣмъ уже членомъ того или другаго сословія, входящаго въ кругъ государственной организаціи; какъ гражданинъ, а не какъ членъ сословія, пользуется онъ свободою, правами по имуществу; какъ гражданинъ, владѣетъ и относится къ другимъ владѣльцамъ. Но на Руси въ XVII вѣкѣ человекъ напротивъ того представлялся прежде всего не гражданиномъ, а членомъ того или другаго государственнаго разряда: этою принадлежностью къ разряду или чину, опредѣлялись всѣ отношенія общественной жизни его и гражданскаго быта, въ томъ числѣ права и отношенія по имуществу; для того чтобы быть владѣльцемъ, всякому надлежало называться какимъ нибудь сословнымъ именемъ, принадлежать къ какому либо разряду. Такимъ образомъ и владѣлецъ земли (кромѣ нѣкоторыхъ исключеній въ сѣверномъ краѣ) былъ прежде всего помѣщикомъ, членомъ служилаго сословія. Всѣ сословія почитались обязанными въ отношеніи къ государству, всѣ тяготѣли къ нему не только какъ къ централь-

ной власти, но и какъ къ главному вотчиннику: помѣщики обязаны были службой, посадскіе несли тягло, чернососные крестьяне платили оброкъ. Каждое сословіе отправляло свои повинности и служило свои службы при условіи владѣнія имуществомъ, и это имущество, оставаясь въ частномъ владѣніи, представляло какъ бы капиталъ или фондъ государственный: неотчуждаемость этого фонда составляла предметъ постоянныхъ заботъ правительства. У помѣщиковъ служебнымъ фондомъ были земли съ поселенными на нихъ людьми, которые сами по себѣ не относились къ государству непосредственно, не служили ему никакой службы и не несли на себѣ тягла государева, но отправляя службу владѣльцу, неся на себѣ тягло владѣльца, тѣмъ самымъ давали ему возможность исполнять свои повинности къ государству. Для того чтобы люди эти могли исполнять свои повинности въ отношеніи къ владѣльцу, необходимо было и имъ въ свою очередь имѣть въ своемъ владѣніи соотвѣтственный фондъ, съ котораго было бы можно жить и отправлять службу. Этимъ фондомъ служили для крестьянина: во первыхъ земля, пашенный жеребей которымъ надѣлялъ его помѣщикъ; во вторыхъ дворъ съ усадьбою, который получалъ онъ тоже отъ помѣщика; въ третьихъ, во дворѣ домашнее и дѣловое хозяйство, разумѣвшееся подъ общимъ названіемъ крестьянскихъ *животовъ*. Такимъ образомъ служебный фондъ крестьянина, состоя въ его владѣніи, входилъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ составъ помѣщичьяго фонда, съ котораго помѣщикъ служилъ свою службу государству. Вотъ гдѣ, кажется намъ, всего приличнѣе искать причину той *солидарности*, которая въ XVII столѣтіи не-

разрывно связывала помѣщика съ крестьяниномъ въ отношеніяхъ по имуществу.

Убытокъ, причиняемый незаконнымъ владѣльцемъ помѣстья крестьянамъ того помѣстья, почитался убыткомъ того лица, которому помѣстье по праву слѣдовало, и взыскивался вдвое въ пользу законнаго помѣщика (Ук. 1683 г. п. с. з. № 1029). Во всѣхъ дѣлахъ по имуществу дворяне и дѣти боярскіе имѣли право искать и отвѣчать за пашенныхъ крестьянъ своихъ (Ул. XIII, 7). Когда боярскій человѣкъ отвѣчалъ на судѣ стороннему лицу, то бояринъ не могъ быть поставленъ въ свидѣтели ни тою, ни другою стороною, слѣдовательно почитался тоже участвующимъ въ дѣлѣ (X, 178). Искъ, по которому истцу «есть дѣло» до крѣпостнаго человѣка, могъ быть предъявленъ прямо на владѣльца, который считался отвѣтчикомъ и въ правѣ былъ взять на душу человѣку своему написанному въ жалобѣ (X, 229. XIV. 7). Если помѣщикъ, вызываемый къ суду, не являлся и укрывался отъ вызова, то вмѣсто его брали людей его и крестьянъ и держали въ приказѣ до тѣхъ поръ, пока онъ для ихъ объявится (X. 139, 141, 239). Присужденныя съ помѣщика взысканія предписывалось прежде всего править на людяхъ и крестьянахъ его ¹⁾; люди и крестьяне брались въ приказъ и должны были выстаивать на правѣжѣ указные сроки. Когда требовался къ суду или сыску крестьянинъ, въ поставкѣ его долженъ былъ отвѣчать помѣщикъ. Выти за оговорныхъ людей, когда ихъ на лицо не оказывалось, правились на господахъ и помѣщикахъ ²⁾.

¹⁾ Ул. X, 261, 262, 264. Ук. 1676 г. окт. 30. ²⁾ Улож. XXI, 66, 67, 77.

Мы сказали, что помѣщикъ надѣлялъ крестьянина землею, пашеннымъ жеребьемъ; но законъ не упоминаетъ ни о правѣ крестьянина требовать такого надѣла, ни объ обязанности помѣщика снабдить его землянымъ участкомъ. Законъ XVII столѣтія не предвидитъ какихъ либо пререканій между помѣщикомъ и крестьяниномъ по этому предмету, такъ какъ вообще пашеннаго крестьянина невозможно было и представить себѣ безъ земли, и такъ какъ по числу рабочихъ рукъ не оказывалось еще недостатка въ землѣ. Но не упоминая объ обязанности такого надѣла, законъ однакоже предполагаетъ его во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о пашенномъ крестьянинѣ: такъ на примѣръ, возвращая крестьянъ помѣщику изъ бѣговъ, законъ иногда велитъ отсылать ихъ назадъ *на пашенные ихъ жеребьи*. Съ другой стороны владѣлецъ вотчинной земли, не стѣсняемый закономъ въ распоряженіи личностью крестьянъ своихъ, всегда имѣлъ возможность отдѣлить ихъ отъ земли, свести съ пашенныхъ жеребьевъ, уменьшить количество земли, отводимой крестьянамъ, и даже вовсе лишить земельного владѣнія; бывали примѣры, что цѣлыя деревни распускались такимъ образомъ по волѣ вотчинника, и всѣ дворы разстраивались: владѣлецъ продавалъ или уступалъ другимъ владѣльцамъ всѣхъ крестьянъ, составлявшихъ пашенное хозяйство. Разумѣется, при такихъ условіяхъ крестьянскаго владѣнія землею не могло быть и рѣчи о правѣ крестьянина на землю, на которой онъ былъ поселенъ: связь крестьянина съ своимъ пашеннымъ участкомъ была связь не юридическая, а фактическая и продолжалась дотолѣ, доколѣ была на то воля вотчиннаго землевладѣльца. Нѣтъ

никакого повода предполагать, что въ XVII столѣтіи было объ этомъ предметѣ иное понятіе нежели въ XVIII, когда Болтинъ имѣлъ право сказать: «люди въ Россіи не привязаны къ землѣ, ни земля къ людямъ, хотя какъ тѣ такъ и другіе суть крѣпостные; вслѣдствіе чего помѣщикъ или владѣлецъ имѣетъ власть продать и людей безъ земли и землю безъ людей или совокупно обоя; властенъ также помѣщикъ перевести крестьянъ на другое мѣсто, и тогда они остаются уже безъ земли»¹⁾. Въ XVIII столѣтіи по уравненіи помѣстій съ вотчинами, уничтожились и ограниченія по этому предмету, существовавшія въ прежнее время для помѣстныхъ владѣльцевъ.

Отъ усмотрѣнія помѣщика, конечно, зависѣло, какое количество земли назначить въ надѣлъ своимъ пашеннымъ крестьянамъ. Въ инструкціи Воынскаго (п. 9) говорится объ этомъ надѣлѣ слѣдующее: «повиненъ всякой крестьянинъ, имѣя цѣлое тягло, вспахать моей земли двѣ десятины въ полѣ а въ дву потому жь... а которая земля учреждается подъ мелкой хлѣбъ, подъ пшено, подъ горохъ, подъ конопли, подъ макъ, просо, рѣпу и ленъ, оную пахать и собирать всѣмъ поголовно, кромѣ положенной на нихъ десятинной пашни. Такожь на каждое цѣлое тягло уравнивать земли крестьянамъ *ихъ собственныя*, во всѣхъ деревняхъ: когда тягло вспашетъ на меня двѣ десятины въ полѣ, то надобно чтобъ собственной ему земли было на всякое тягло противъ того вдвое, которую, не запуская конечно, повиненъ всякой крестьянинъ самъ для себя вспахать и всю землю посѣять». Болтинъ (въ примѣчаніи на Леклерка Т. II, стр. 341) полагаетъ на каждый крестьянскій пай среднимъ количествомъ по десятинѣ, по полторы и по двѣ въ каждомъ полѣ. Болтинъ говоритъ въ этомъ мѣстѣ объ общественномъ владѣніи крестьянъ зем-

¹⁾ Примѣч. на Леклерка, т. 2, стр. 164.

лею и о разверсткѣ крестьянскихъ участковъ по тягламъ самими крестьянами какъ о повсемѣстномъ обычаѣ; не беремъ на себя рѣшить, давно ли укоренился этотъ обычай, существовало ли и въ XVII столѣтїи повсемѣстно, крестьянское владѣніе землею въ томъ же видѣ и порядкѣ? Во всей исторїи нашего законодательства, мы можемъ указать только одинъ моментъ, когда оно обратило вниманіе на безусловную необходимость земли для помѣщичьихъ крестьянъ и выразило ее категорически. Но этотъ моментъ относится не къ древней Россїи и не къ XVIII столѣтїю, а къ эпохѣ современной намъ. Именно, составители перваго изданія Свода Законовъ включили въ 631 статью IX тома слѣдующее положеніе: «помѣщикъ *долженъ* оставлять крестьянамъ своимъ необходимое для ихъ прокормленія количество земли». Положеніе это составляло новость въ нашемъ законодательствѣ и было весьма важно. Въ немъ сознаніе законодателя коснулось не отвлеченной, а *вещественной обязанности* помѣщика въ отношенїи къ крестьянамъ: при дальнѣйшемъ развитїи идеи законодателя могло бы развиться и право, вполне соответствующее обязанности; но покуда право это ограничилось предоставленїемъ крестьянамъ иска о свободѣ изъ помѣщичьяго владѣнія въ томъ только случаѣ, когда помѣщикъ, продавъ или доведя до продажи землю отдѣльно отъ поселенныхъ на ней крестьянъ, оставить при нихъ менѣе 4¹/₂ десятинъ на душу. Во второмъ изданїи Свода Законовъ, мы не встрѣчаемъ уже вышеприведеннаго положенія въ томъ видѣ, въ какомъ оно было высказано редакторами перваго изданія.

Въ кругу земледѣльческихъ занятій крестьянина, въ ежедневномъ хозяйственномъ и домашнемъ его бытѣ, движимое имущество крестьянина не почиталось полною его собственностью. Хотя законъ и не объявлялъ положительно, что это имущество во всякомъ случаѣ есть собственность владѣльца, но законъ поставилъ крестьянина въ такое положеніе къ помѣщику, что послѣдній могъ

располагать и личностью крестьянина и наличнымъ его имуществомъ, составлявшимъ его хозяйство. Вспомнимъ здѣсь, что при первоначальномъ поселеніи крестьянина на владѣльческой землѣ, и въ эпоху, предшествовавшую прикрѣпленію, дворъ и обзаведеніе давались крестьянину отъ помѣщика. Въ ссудныхъ записяхъ XVII-го столѣтія по которымъ поступали къ помѣщику въ крестьянство сторонніе, вольные люди, подъ словомъ *ссуда* разумѣлось именно крестьянское обзаведеніе, «лошади и коровы и овцы и свиньи и всякой крестьянской заводъ», или деньги, на которыя крестьянинъ обязанъ былъ непременно обзавестись всѣмъ этимъ ¹⁾, слѣдовательно все это должно было принадлежать помѣщику ²⁾. Подобно тому, и въ жилихъ записяхъ на личное услуженіе или холопство, деньги, за которыя человекъ идетъ въ службу, именуется часто деньгами, данными *на приходъ*. Холопъ, находившійся всегда въ непосредственной зависимости отъ господина, всегда подъ вліяніемъ личнаго его надзора, конечно и по имуществу своему зависѣлъ вполнѣ отъ воли того же господина: если господину угодно было назвать своею и взять въ свое распоряженіе вещь, которую холопъ его досталъ себѣ, держалъ у себя или носилъ на

¹⁾ См. для примѣра Акты юрид. быта др. Росс. № 94. ²⁾ Въ обширномъ смыслѣ подъ словомъ *ссуда* разумѣлось, кажется, вообще вспоможеніе, которое помѣщикъ дѣлалъ своему пашенному крестьянину, при оскудѣніи его, на хозяйственное дѣло, напр. сѣменами на посѣвъ, рабочимъ и домашнимъ скотомъ въ случаѣ падежа, и т. п. См. инструкцію дворецкому Нѣмчинову въ *Москвитянинѣ* 1854 г. № 1. „Собственную землю, не запуская, повиненъ всякой крестьянинъ самъ для себя вспахать и всю землю посѣять, не отговариваясь тѣмъ, что посѣять нечѣмъ или не на чемъ пахать, *понеже на то имъ опредѣляется ссуда*“.

себѣ, то какими резонами и передъ какою властью могъ бы этотъ послѣдній доказать противное? Мы видимъ, что въ дѣлахъ о бѣглыхъ холопахъ владѣльцы почти всегда съ искомъ о холопствѣ ищутъ сносовъ, и предметъ сноса составляетъ обыкновенно одежда, которую принесъ холопъ на себѣ и съ собою. Правда, что при этомъ простое бѣгство отличается закономъ отъ бѣгства тѣхъ холоповъ, которые бѣжали «*покрадчи господъ своихъ*»; но изъ этого термина нельзя заключить, что однѣ только покраденныя у господина вещи почитались ему принадлежащими: бѣглый холопъ, присужденный истцу, все таки отдавался ему со всею движимостью, со всѣми животами, которые находились при немъ въ наличности; и въ случаѣ спора все, что принесъ съ собою холопъ кромѣ наличнаго платья, которое на немъ было, долженствовало почитаться покраденнымъ (Ул. XX, 93), если отвѣтчикъ въ холопѣ не доказалъ противнаго. Такимъ образомъ владѣніе холопа своими животами было не болѣе, какъ фактическое: онъ имѣлъ ихъ при себѣ, пользовался и располагалъ ими лишь дотолѣ, доколѣ не встрѣчался съ волею своего господина. Такая зависимость по имуществу была непремѣннымъ послѣдствіемъ личной крѣпостной зависимости: какъ скоро крѣпостной человѣкъ освобождался отъ этой личной зависимости, становился вольнымъ, животы его, съ которыми вмѣстѣ онъ принадлежалъ прежде своему господину, становились уже его собственными животами, но только съ той минуты, какъ онъ выносилъ ихъ вмѣстѣ съ собой изъ господскаго дома, изъ круга господской власти. *Съ воли* отпущенный человѣкъ не въ правѣ былъ уже предъявлять искъ о томъ, что онъ ограб-

лень, отпущень безъ животовъ (Ул. XX, 65); иначе конечно было бы, еслибы не простой фактъ, а право лежало въ основаніи владѣнія. Мы знаемъ судебные случаи, когда кабальный холопъ, женившійся въ домѣ господина на дворовой дѣвкѣ, по смерти его отыскивалъ судебнымъ порядкомъ свободу отъ его наслѣдниковъ и требовалъ отдачи своего семейства, оставшагося въ господскомъ домѣ: по приказному рѣшенію ему давана была свобода, а вдовѣ отвѣтчицѣ велѣно бывало поставить въ приказъ жену его *со всею рухлядью*; но и здѣсь, еслибъ отвѣтчица удержала у себя рухлядь, слѣдовательно возникъ бы со стороны отпущеннаго новый искъ о грабежѣ и удержаніи животовъ, искъ этотъ конечно не могъ бы имѣть законныхъ послѣдствій.

Не болѣе такого же фактическаго владѣнія, законъ XVII столѣтія допускаетъ и у крестьянина, относительно крестьянскихъ животовъ его. Уложеніе, предписывая возвращать бѣглыхъ крестьянъ законному владѣльцу, выражается такъ: отдавать ихъ *со всеми ихъ животы* и съ хлѣбомъ стоячимъ и молоченымъ (XI, 3, 23). Поэтому съ искомъ о бѣгломъ крестьянинѣ обыкновенно соединялся и искъ о животахъ его, съ которыми онъ пришелъ къ принявшему его помѣщику. Можно было бы думать, что животы крестьянскіе *всегда* слѣдовали тому же владѣльцу, кому слѣдовалъ крестьянинъ; но само Уложеніе допускаетъ случаи, когда крестьянинъ отдается одному помѣщику, а животы его остаются въ пользу другаго. (XI, 12). Если крестьянская дѣвка, проживая въ бѣгахъ у чужаго помѣщика, была выдана имъ замужъ за его крестьянина, то велѣно отдавать ее законному помѣщику

съ мужемъ и дѣтьми, а *животовъ мужа ея съ нею не отдавать*: стало быть животы *тяглового* крестьянина оставались у того помѣщика, за кѣмъ жена этого крестьянина жила въ бѣгахъ. Эта статья Уложенія отмѣнена въ послѣдствіи Сыщиковымъ Наказомъ 1663 года (ст. 25).

Дѣла о бѣглыхъ начинались не одинаковымъ образомъ. При посылкѣ сыщиковъ въ уѣзды, сами они должны были разыскивать бѣглыхъ на мѣстахъ и отдавать владѣльцамъ по распроснымъ рѣчамъ челоуѣка, если спора не будетъ. По прибытіи сыщика на мѣсто посылки, всѣ владѣльцы, за которыми жили чужіе бѣглые люди, обязывались приводить ихъ къ нему для отдачи законнымъ владѣльцамъ, что записывалось въ особія книги, извѣстныя подъ названіемъ отдаточныхъ (см. образецъ такой книги у Иванова, въ *Обозрѣніи помѣстныхъ правъ*. М. 1836 г. стр. 183). Независимо отъ общаго сыска, самъ владѣлецъ, если отъ него сбѣжали многіе люди, могъ требовать изъ надлежащаго мѣста посылки особаго подъячаго по наказу, для сыска, въ тѣ уѣзды, гдѣ по предположенію его скрывались бѣглые люди, или получалъ изъ приказа *сыскную грамоту съ прочетомъ*, въ которой прописывались по указанію просителя имена бѣглыхъ и всѣмъ мѣстнымъ правителямъ предписывалось оказывать ему всякое содѣйствіе въ поимкѣ тѣхъ людей. Съ такою грамотою (которая называлась тоже *погонною*) самъ помѣщикъ или приказный челоуѣкъ его отправлялся на мѣсто, для поиска и поимки. Въ обыкновенномъ же исковомъ порядкѣ помѣщикъ, провѣдавъ у кого проживаютъ бѣглые его люди, подавалъ челобитную къ воеводѣ или въ московскій приказъ о вызовѣ того челоуѣка къ суду; такимъ образомъ дѣла о бѣглыхъ людяхъ и крестьянахъ производились не въ одномъ приказѣ, спеціально завѣдывавшемъ дѣлами сего рода, но и въ другихъ приказахъ по особенной подсудности отвѣтчика, напримѣръ: преображенскомъ, военномъ, иноземскомъ, большаго дворца и т. п. Всего чаще слу-

чалось (какъ можно судить по дѣламъ, которыя мы имѣли въ виду), что помѣщикъ или приказный человѣкъ его, поймавъ бѣглаго человѣка въ уѣздѣ, въ городѣ или въ самой Москвѣ, на торгу или на дорогѣ, бралъ съ помощью караульнаго, приводилъ къ воеводѣ, на Москвѣ же—въ надлежащій приказъ (холопій, потомъ судный и земскій) и просилъ допросить. Сообразно допросу, приведеннаго человѣка, если онъ не отпирался отъ холопства или крестьянства, отдавали изъ приказа приведенному его подъ росписку, съ обязательствомъ поставить его въ приказъ или приказную избу, по первому требованію. Послѣдствіемъ такого допроса бывалъ обыкновенно искъ на всѣхъ тѣхъ людей, у которыхъ проживалъ крестьянинъ, о заплатѣ пожилыхъ денегъ и о поставкѣ всѣхъ остальныхъ крестьянъ, женъ ихъ, дѣтей и зятьевъ, оставшихся въ деревнѣ, по показанію допрошеннаго, со всѣми ихъ животами. Такимъ образомъ, допросъ приводнаго человѣка служилъ первою опорой и опредѣленіемъ иска, статьей, которую отвѣтчикъ, по явкѣ, долженъ былъ очистить и опровергнуть въ собственномъ допросѣ. Естественно, что будущій истецъ всѣми силами старался о всевозможной полнотѣ показаній приводнаго крестьянина, и потому, въ подобныхъ допросахъ, крестьяне обыкновенно со всею подробностью должны были показывать о томъ, какіе именно животы остались у нихъ въ домѣ, такъ какъ всѣхъ этихъ животныхъ законный владѣлецъ имѣлъ право требовать отъ незаконнаго пріемщика. Ябедники старались въ этомъ случаѣ, чтобы приводный человѣкъ показалъ за собою какъ можно болѣе животныхъ, даже такихъ, какихъ у него вовсе не было, съ означеніемъ цѣны имъ: ябедникъ всегда разсчитывалъ на возможность обвинить своего соперника просрочкою; а въ такомъ случаѣ искъ по всей показанной цѣнѣ присуждался истцу безъ суда и допроса. Съ другой стороны, недобросовѣстный отвѣтчикъ, или и прямо безсовѣстный помѣщикъ, провѣдавъ о грозящемъ ему требованіи, старался обыкновенно оградить себя отъ послѣдствій иска, т. е. отправлялъ, если могъ, остававшихся у

него людей въ дальнія свои вотчины; а если животовъ у нихъ было дѣйствительно много, старался сбыть ихъ въ свою пользу: другими словами, отнималъ у крестьянъ ихъ имущество, когда предвидѣлъ, что ни ихъ самихъ, ни ихъ животовъ не можетъ удержать за собою. Отсюда рождались иногда новые иски объ отнятыхъ и пограбленныхъ животахъ, когда бѣглецы, воротившись къ старому владѣльцу, объявляли ему о грабежѣ; въ такомъ случаѣ, отыскивая пограбленные крестьянскіе пожитки, помѣщикъ искалъ за себя, и своего собственнаго иску. Такъ, на примѣръ, по одному дѣлу 1713 года о бѣглыхъ крестьянахъ между княземъ Лобановымъ и стряпчимъ Панкратіемъ Сумароковымъ, видно, что Сумароковъ формально ограбилъ весьма зажиточное семейство бѣглыхъ крестьянъ Лобанова, когда увидѣлъ, что нельзя удержать его за собою; у крестьянина былъ мыльный заводъ со всею посудой, было много хлѣба, платья, скота и всякаго домашняго завода: все это староста отнялъ или велѣлъ распродать на помѣщика. Почитаемъ не лишнимъ помѣстить здѣсь вполнѣ одно изъ показаній, распросъ крестьянина Терентья Исаева: «Въ селѣ Плетмѣ, Пензенской губерніи, гдѣ онъ Терентей бѣгаючи жилъ, осталось хоромнаго его строенія двѣ избы, мыльня, что варять мыло, два амбара, сѣнница, клетъ, овинъ, половня кругъ двора огорожена заборами, хлѣба въ землѣ ржи три чети въ пензенскую мѣру; скотины: телица, пять куриць русскихъ да съ нимъ Терентьемъ привезено къ Москвѣ двѣ лошади и нынѣ въ домѣ стряпчаго съ ключемъ Панкратья Богдановича Сумарокова; да приказной его человѣкъ, какъ въ томъ селѣ Плетмѣ былъ на приказѣ Антонъ Юрьевъ старостою и съ выборными со крестьяны взялъ у него Терентья мыльнаго заводу котель желѣзной въ четыре ушата, да котель мѣдной десятошной, да у сына его Терентьева, у Спиридона, онъ Антонъ взялъ денегъ 20 рублей, да у него Терентья взялъ три коробки съ бѣльемъ и съ одежою, въ одной коробѣ 13 холстовъ, въ томъ числѣ 6 лянныхъ, семь посконныхъ, три растегая холстинные, 2 сарафана крашенные, 5

рубашъ женскихъ, да у снохи его вымучилъ денегъ его Терентьевыхъ 200 рублей, да въ коробѣ у него взялъ 6 рубашъ мужскихъ, семеры портки, шубу баранью нагольную, новую, другую мерлушчатую нагольную; да послѣ сына его Спиридона осталась шуба овчинная, нагольная, съ ожерелкомъ бобровымъ, кожанъ козлиной, да опояска верблюжья, три шапки, одна суконная, осиновый цвѣтъ, другая красная суконная, третья сѣрая суконная, исподы мерлушчатые, четверы сапоги телятинные мускіе, да у снохи жъ его въ коробѣ было 15 холстовъ, разстегай кумашной, три разстегая оляныхъ, 3 сарафана посконныхъ женскихъ, 5 рубашъ оляныхъ женскихъ, 5 мусскихъ, шестеры портки, шестеры сошники, 8 топоровъ, 17 серповъ, 5 косъ, 3 скобеля, 3 долота, потникъ, 2 садака, одинъ съ налучнемъ въ приправѣ, другой простой и съ стрѣлами, 2 пищали, одна самопальная, другая турецкая, 3 стана колесъ новыхъ, 4 ящика тележные, три хомута ременные съ крышками, 3 узды ременные, 50 пудъ поскони и пеньки, 10 кербей льну, 4 туши свинья, 8 индѣекъ битыхъ, 20 порошковъ битыхъ, 4 индѣйки живыхъ, 25 овецъ, 27 свиней живыхъ, телицу да быка, 2 кадки, 3 бочки, 5 блюдь, 100 ложекъ деревянныя, полторы тысячи укладу кусковъ, 2 шатра птичьи нитяные, тенета заячьи, 70 куръ русскихъ живыхъ; да хлѣба изъ клѣти взялъ онъ же Антонъ ржи 30 четвертей, овса 40 четвертей, гречи 8 четвертей, да сала говяжья и свинаго 40 пудъ и переварилъ онъ, Антонъ, въ мыло, а занималъ онъ, Антонъ, то сало варить графа Гаврила Ивановича Головкина, крестьянина его пензенской его вотчины, села Напольнаго». Случалось иногда, что помѣщикъ, у котораго отбиралось помѣстье для отдачи другому, узнавъ объ этомъ, грабилъ помѣстныхъ крестьянъ своихъ и отнималъ у нихъ скоть, хлѣбъ, платье и пожитки. Новый помѣщикъ въ такомъ случаѣ имѣлъ право на искъ о пограбленномъ крестьянскомъ имуществѣ. (См. *Воронежскіе Акты*. Воронежъ, 1857 года, Т. I, стр. 165). Посошковъ въ своей книгѣ (*Сочиненія Посошкова*, стр. 100) упоминаетъ о случаяхъ, когда кто «не по-

хотя отвозить пришлыхъ людей, *въ водъ потопитъ* или инако умертвить»; слѣдовательно и такіе случаи бывали.

Однакоже дѣятельность крестьянина и въ XVII столѣтіи не ограничивалась исключительно сферой хозяйственнаго быта; занятія его состояли не въ одномъ только обрабатываніи земли и собираніи съ нея произведеній на продовольствіе себя и своего семейства. Кромѣ хлѣба крестьянину нужна была соль, нужна была одежда, нужны были средства на приобрѣтеніе и исправленіе разныхъ орудій; всѣмъ этимъ потребностямъ онъ долженъ былъ удовлетворить самъ, не прибѣгая къ помѣщику, потому что жилъ не въ господскомъ, а въ своемъ домѣ. Сверхъ того нерѣдко крестьянинъ обязанъ былъ, кромѣ отбыванія натуральныхъ повинностей, еще платить помѣщику «вотчинниковъ доходъ», оброкъ. Для всего этого крестьянину нужны были деньги, а добыть деньги могъ онъ не иначе какъ посредствомъ продажи своихъ произведеній или посредствомъ сторонней работы. Отсюда необходимо заключить, что для крестьянина существовала, кромѣ земледѣльской, другая сфера дѣятельности промышленной, стороннихъ заработковъ и предпріятій. Необходимымъ условіемъ для такой дѣятельности должна была быть нѣкоторая свобода; ибо съ понятіемъ о промыслѣ необходимо соединено понятіе о движеніи, о самостоятельности дѣйствій. Крестьянину для промысла нужно было отлучаться изъ вотчины на большее или меньшее время, а иногда и вовсе жить на сторонѣ. Цѣль и необходимое условіе всякой промышленной дѣятельности есть приобрѣтеніе и оборотъ большаго или меньшаго капитала. Капиталь, приобрѣтенный крестьяниномъ на

сторонѣ посредствомъ труда не обязаннаго, а вольнаго, независимаго отъ земледѣльческихъ занятій и отъ владѣльческаго надзора, естественно долженъ былъ почитаться его собственностью: таково было дѣйствительно общее понятіе, хотя законъ и не объявлялъ формально, что все приобрѣтенное крестьяниномъ составляетъ его собственность.

Въ первой половинѣ XVII столѣтія въ Москвѣ и на городахъ и на посадахъ было множество боярскихъ и другихъ чиновъ людей и крестьянъ: они владѣли купленными и взятыми въ закладъ тяглыми дворами, лавками и погребями, торговыми всякими товарами, занимались всякими промыслами и брали на откупъ кабаки и таможни. При этомъ крестьяне не всегда спрашивали согласія владѣльцевъ: въ 1649 году стольники и стряпчие и дворяне московскіе, и городовые дворяне и дѣти боярскіе подали царю общую челобитную, въ которой просили прекратить этотъ беспорядокъ, котораго при царѣ Иванѣ и Феодорѣ не бывало. Съ другой стороны торговые и посадскіе выборные били челомъ на тѣхъ же людей, что они, поселясь въ посадахъ и слободахъ для своего промыслу и легости, пишутся людьми помѣщичьими и не несутъ вмѣстѣ съ посадскими тягла государева; просители домогались, чтобы всѣмъ такимъ людямъ не велѣно было жить за боярами и служилыми людьми, а велѣно было состоять въ тяглѣ за государемъ. По этому поводу послѣдовало общее предписаніе: всѣхъ такихъ людей взять на государя, и всѣ подгородныя торговыя села и деревни, принадлежавшія частнымъ владѣльцамъ (которыя въ рядъ съ посады и около посадовъ), съ поселен-

ными въ нихъ торговыми промышленными людьми устроить въ посады на государево тягло, а пашенныхъ людей въ тѣхъ селахъ описать на государя же, *безъ лѣтъ и безъ сыску*, чтобы впредь слободамъ со крестьяны и съ бобыли и съ торговыми и ремесленными людьми на Москвѣ и въ городахъ всѣмъ быть государевымъ, а ничьимъ инымъ, кромѣ его государевыхъ людей не быть. По силѣ этого закона, вошедшаго и въ составъ Уложенія, къ посадамъ приписаны были (присканы въ тягло) всѣ помѣщичьи крестьяне, занимавшіеся городскимъ торгомъ ¹⁾ и промыслами и всѣ сосѣднія торговыя слободы частныхъ владѣльцевъ, а посадскихъ, самовольно заложившихся частнымъ владѣльцамъ, велѣно возвратить въ посады ²⁾. Въ посады велѣно даже взять и кабалныхъ людей, жившихъ въ слободахъ за разными чинами, если окажется, что они не *вѣчные*, но отцы ихъ были волостными или посадскими людьми. За тѣмъ уѣзднымъ помѣщичьимъ крестьянамъ, не записаннымъ въ посады, дозволено торговать безпечно всякимъ товаромъ, только съ возовъ и струговъ и на гостиныхъ дворахъ вольнымъ торгомъ, въ нанятыхъ, а не въ своихъ лавкахъ ³⁾. Въ Уложеніи объявлено, что крестьянамъ всякихъ владѣльцевъ у всякихъ чиновъ людей наймоватися въ работу по записямъ и безъ записей (XI. 32) повольно. Въ новоторговомъ

¹⁾ Изъ документа, помѣщеннаго въ *Шуйскихъ Актахъ* подъ № 140, видно, что съ 1649 по 1679 годъ прискано такимъ образомъ всего 21,036 человекъ. ²⁾ Акт. Арх. Эксп. IV. № 32, 36, 158, 169. Ул. XIX. 1, 3, 5, 6, 9, 13. ³⁾ См. Уложеніе гл. XIX. ст. 17. Несмотря однакоже на запрещеніе, крестьяне продолжали торговать наравнѣ съ посадскими. См. *Шуйскіе Акты* № 115 и указы о томъ же предметѣ послѣ Уложенія.

Уставѣ 1665 г. (ст. 91) говорится о крестьянахъ помѣщичьихъ, которые нанимаются въ извозъ отъ купецкихъ людей и даютъ въ тѣхъ товарахъ въ довозѣ и во всякой хитрости записи.

Нѣкоторые полагаютъ, что Уложеніе *отняло* у крѣпостныхъ право занимать деньги на общемъ основаніи, безъ дозволенія владѣльца ¹⁾; но въ Уложеніи нѣтъ ни одной статьи, которая оправдывала бы такое рѣшительное заключеніе. Статьи 23 и 32 XI главы Уложенія, приводимыя въ защиту этого мнѣнія, нисколько не оправдываютъ его. Первая относится исключительно къ бѣглымъ крестьянамъ и признаетъ недѣйствительными заемныя кабалы и записи, взятыя у бѣглаго принявшимъ его помѣщикомъ во *многой ссудѣ*, съ цѣлью укрѣпить бѣглаго за собой посредствомъ этой ссуды. Такимъ ссуднымъ записямъ и кабаламъ не велѣно вѣрить, и весьма естественно, что человѣкъ крѣпостной, не получившій свободы отъ одного помѣщика, почитался не въ правѣ выдавать *на себя кабалу* другому. Здѣсь законъ говоритъ о такой кабалѣ, которая имѣла цѣлію укрѣпить человѣка за долгъ въ службу владѣльцу. Но не всякая *кабала*, то-есть обязательство, даже и въ заемныхъ деньгахъ, должна была имѣть такое послѣдствіе. Могли быть займы, необеспеченные свободою должника: Уложеніе вовсе не говоритъ о томъ, что такіе простые займы воспрещаются крестьянамъ. Законодательство коснулось этого предмета только тогда, когда оказалась необходимость въ подобномъ запрещеніи; но и тогда цѣлію закона, прямо

¹⁾ См. ст. Г. Карновича въ Современникѣ 1858 г. № 2.

въ немъ выраженною, было не стѣсненіе крѣпостныхъ людей въ отношеніяхъ по имуществу, а огражденіе ихъ отъ обмановъ и разореній, и запрещеніе относилось не къ однимъ только помѣщичьимъ, но и къ государственнымъ крестьянамъ ¹⁾. Въ XVII столѣтіи вовсе не было и нужды въ безусловномъ запрещеніи займовъ помѣщичьимъ крестьянамъ. Трудно себѣ представить, чтобы простому пашенному крестьянину кто-либо рѣшился дать деньги въ видѣ простаго займа, безъ всякаго обеспечения: обеспечить заемъ свой могъ онъ только своею личностью, заложившись, отдавшись въ кабалу или въ службу постороннему человѣку; этотъ именно случай Уложеніе и предвидитъ, предписывая признавать подобное обязательство ничтожнымъ. Напротивъ того, помѣщичій крестьянинъ, занимаясь на сторонѣ промыслами, могъ приобрѣсть и поддерживать кредитъ; слѣдовательно имѣлъ возможность и самъ занимать деньги и ссужать ими другихъ. Письменные сдѣлки такого рода, безпрестанно въ то время совершавшіяся и принимавшіяся къ судебному разбирательству, всего сильнѣе свидѣтельствуютъ о томъ, что въ XVII столѣтіи не было общаго запрещенія крестьянамъ выдавать отъ своего имени заемные акты ²⁾. И въ но-

¹⁾ См. Ук. 14 февр. 1761 г. П. С. З. № 11. 204. ²⁾ И въ Уложеніи встрѣчаются указанія на закладные акты, выданные тяглыми и посадскими людьми помѣщичьимъ промышленнымъ крестьянамъ (XIX, 16). Примѣры заемныхъ обязательствъ и другаго рода договоровъ, въ коихъ свободно участвовали помѣщичьи крестьяне, можно видѣть въ *Шуйскихъ Актахъ* №№ 69, 70, 126, 132, 143. Мы съ своей стороны имѣли случай видѣть довольно ненапечатанныхъ актовъ этого рода, по коимъ безпрятственно производились и судъ и взысканіе подлежащими властями.

вѣйшее время многіе увѣрены были въ существованіи какого-то стариннаго закона, которымъ будто бы запрещено вѣрять помѣщичьему крестьянину болѣе чѣмъ на пять рублей мѣдью; но и тѣ сами, которые увѣрены были въ этомъ, не могли указать, какой это законъ и когда состоялся.

Мы не видимъ въ Уложеніи и такой статьи, которая обязывала бы помѣщичьихъ крестьянъ на всякую отлучку изъ имѣнья испрашивать особеннаго разрѣшенія помѣщика ¹⁾: можно только предполагать, что крестьянинъ, отлучаясь изъ имѣнья спрашивался у помѣщика или у приказнаго человѣка или объявлялъ куда идетъ, чтобы можно было сыскать его и чтобы не считали его за бѣглаго, или наконецъ, подобно тѣмъ дворцовымъ крестьянамъ, о коихъ упоминается въ указѣ 13 сент. 1661 года, долженъ былъ не оставлять тягла своего пустымъ, а сдавать его за себя другому крестьянину. Давались ли при этомъ крестьянамъ какіе-нибудь отпускные виды? на этотъ вопросъ находимъ косвенный отвѣтъ въ указѣ 3 янв. 1683 года. Въ челобитной, поданной царямъ, разныхъ чиновъ помѣщики и вотчинники жалуются между прочимъ на то, что бѣглецы люди ихъ и крестьяне живутъ у всякихъ людей будто изъ найму въ работѣ, многіе безъ *кормежныхъ памятей*, и безъ поручныхъ записей, и просятъ, чтобы велѣно было всякихъ

¹⁾ Въ указѣ царя Василія Шуйскаго упоминается о томъ, что законная отлучка крестьянина должна быть съ вѣдома помѣщика (ук. 9 марта 1607 г.): «А придетъ къ кому крестьянинъ нанятися въ работу на лѣто или на зиму или на годъ, а не семьями, и кто найметъ не далѣ года, о томъ не винити за пріемъ и пожилаго не правити, потому что *его государь свидомъ, идъ онъ живетъ.*»

чиновъ людямъ принимать въ работу съ кормежными памятьми и по городамъ записывать въ приказахъ. 1684 г. 8 апрѣля, состоялся указъ о порядкѣ приѣма пришлыхъ и гулящихъ людей въ работу, но здѣсь не упоминается еще о необходимости письменныхъ документовъ при отпускѣ изъ имѣнія, для приѣма помѣщичьихъ крестьянъ въ работу, а требуется только, чтобы никто не принималъ ихъ безъ поручныхъ записей или безъ записки въ земскомъ приказѣ. Людей и крестьянъ, которые пріѣдутъ въ Москву для найма въ работы и объявятся на дворахъ у помѣщиковъ, помѣщики должны отсылать къ запискѣ въ земской приказъ, а крестьянамъ, которые пріѣдутъ въ Москву, не являсь своимъ помѣщикамъ, велѣно въ томъ же приказѣ записываться самимъ по именамъ. Не прежде 1722 года (Ук. 6 апр.) является въ законѣ положительное предписаніе, чтобы вотчинники, или священники, прикащики и старосты давали крестьянамъ письма за своими руками на отлучку для работъ, и чтобы безъ такихъ писемъ никто чужихъ крестьянъ къ себѣ не принималъ подъ опасеніемъ взысканія пожилыхъ денегъ.

Помѣщичьи крестьяне не имѣли права владѣть недвижимымъ имуществомъ въ уѣздахъ и въ городахъ; но запрещенію владѣть землями въ уѣздѣ подвергались они наравнѣ съ крестьянами всѣхъ прочихъ наименованій и съ людьми промышленнаго и торговаго сословія; въ немъ нисколько не выражается намѣреніе правительства лишить ихъ права на недвижимую собственность потому именно, что они крѣпостные люди, принадлежащіе частнымъ владѣльцамъ. Въ системѣ поземельной собственностно-

сти московскаго государства не было мѣста для всего крестьянскаго народонаселенія въ XVII столѣтіи: только въ сѣверномъ краю Россіи, именно въ древнихъ новгородскихъ областяхъ, городскіе и сельскіе жители удерживали право владѣть уѣздными землями какъ полною собственностью, вообще же право вотчинное на землю въ періодъ Уложенія было принадлежностью служилаго сословія. Изъ числа городскихъ имуществъ, одни, бѣлыя, могли быть пріобрѣтаемы только лицами неподатныхъ сословій, какъ-то: духовными, служилыми людьми, гостями русскими и иностранными, другія же, тяглыя имущества, могли состоять во владѣніи только людей, записанныхъ въ тягло государево; слѣдовательно въ отношеніи къ тяглымъ имуществамъ помѣщичьи крестьяне, состоявшіе въ тяглѣ помѣщичьемъ, подвергались по Уложенію одинаковому запрещенію не только съ крестьянами всѣхъ наименованій, но и съ бѣломѣстцами и даже съ служилымъ сословіемъ ¹⁾; тяглые дворы и лавки и погреба и анбары и варницы запрещено было покупать и держать за собою всѣмъ кромѣ государевыхъ торговыхъ посадскихъ людей; исключеніе допускалось только относительно стрѣльцовъ и другихъ служилыхъ людей нисшаго разряда.

Дѣйствительно ли Уложеніе *отняло* у крѣпостныхъ людей право искать и отвѣчать за себя въ дѣлахъ гражданскихъ? По крайнему разумѣнію своему мы должны сказать, что не находимъ въ Уложеніи столь рѣшительнаго постановленія. Правда встрѣчается на примѣръ въ XIII гл. выраженіе, что за *крестьянъ* своихъ ищутъ и

¹⁾ Ул. XIX, 5, 9, 15, 16, 17.

отвѣчаютъ во всякихъ дѣлахъ (кроме татьбы, разбоя и т. под.) дворяне и дѣти боярскіе, но изъ этихъ словъ мы можемъ заключить, что помѣщики имѣли *право* искать и отвѣчать за своихъ людей и крестьянъ, можемъ предположить, что такъ и случалось по большей части, въ сельскомъ или хозяйственномъ быту крестьянъ и помѣщиковъ; но едва ли можно юридически вывести отсюда съ одной стороны формальную законную обязанность помѣщиковъ являться на судъ за своихъ людей и крестьянъ, а съ другой, формальное законное запрещеніе людямъ и крестьянамъ самимъ являться на судъ. Мы видимъ изъ Уложенія, что «когда кто учнетъ чего искати на боярскомъ человѣкѣ», боярскій человѣкъ могъ отвѣчать за *боярина своего*, что бояринъ въ этомъ случаѣ почитался какъ бы участвующимъ въ дѣлѣ ¹⁾, что иски за дѣйствіе или обиду человѣка могли быть обращаемы на самого владѣльца ²⁾, что по челобитной о судѣ, поданной на холопа, владѣлецъ могъ самъ отвѣчать *въ холопѣ* или предоставить ему самому отвѣчать за себя ³⁾; видимъ изъ указа 1687 года 11 марта ⁴⁾, что иски въ татьбахъ, учиненныхъ помѣщичьими людьми и крестьянами, отсрочивались прежде того по поводу нахождения на службѣ самихъ помѣщиковъ; но всѣ эти частныя указанія не замѣняютъ намъ строгаго формальнаго начала, если оно прямо не выражалось въ законѣ. 7 статья XIII главы Уложенія явственнѣе всего упоминаетъ о владѣльческомъ правѣ искать и отвѣчать за людей своихъ. Доволь-

¹⁾ X, 178. ²⁾ Улож. XIV, 7. Ук. 19 іюля 1700 г. № 1807. ³⁾ Ул. XX, 54. ⁴⁾ П. С. З. № 1239.

но странно, что эта статья помещена не въ X главѣ о судѣ, а въ XIII-й, о монастырскомъ приказѣ; но вотъ каковъ настоящій смыслъ ея: по указу царя Михаила въ 1642 году ¹⁾ велѣно было на всякихъ пашенныхъ людѣй въ управныхъ дѣлахъ давать судъ на срокъ съ 1 октября по 1 апрѣля, чтобы въ остальное время не отвлекать ихъ отъ пашеннаго дѣла: изъ этого правила исключеніе сдѣлано было для патріаршихъ, владычныхъ приказныхъ людей и крестьянъ, на которыхъ судъ давался на патріаршемъ дворѣ безсрочно. Въ Уложеніи отмѣнено это различіе, и постановлено: «на всякихъ пашенныхъ людѣй давать судъ на тѣ же сроки, на которые указано будетъ давать судъ на дворянъ и дѣтей боярскихъ, потому что за крестьянъ своихъ ищутъ и отвѣчаютъ они же дворяне и дѣти боярскіе во всякихъ дѣлѣхъ, кромѣ татбы» и проч. Изъ этихъ словъ видно, что Уложеніе не новое право предоставляетъ помѣщикамъ, а ссылается на обычай судебный и общественный. Обычай этотъ былъ непремѣннымъ послѣдствіемъ той солидарности помѣщика съ крестьяниномъ по имуществу, о которой мы упоминали выше: помѣщикъ, дѣйствуя на судѣ за своего человѣка или крестьянина, тѣмъ самымъ ограждалъ и свой собственный интересъ. Крестьянинъ пашенный принадлежалъ помѣщику со всѣмъ обзаведеніемъ и животами, слѣдовательно мимо помѣщика нельзя было частному человѣку обращать отвѣтственность ни на личность, ни на имущество крестьянина; судъ, требуя крестьянина къ отвѣту, необходимо долженъ былъ

¹⁾ Акты Ист. Т. III. № 92. ст. XXXIII.

обращаться съ этимъ требованіемъ къ помѣщику; а задержание пашеннаго работника въ судѣ до рѣшенія противорѣчило бы интересамъ помѣщика. Также и крестьянинъ, когда желалъ искать чего на постороннемъ человѣкѣ, долженъ былъ дѣйствовать своею личностью, обязанъ былъ оставаться на мѣстѣ суда и являться по его требованіямъ, и косвеннымъ образомъ подвергалъ какъ себя такъ и свое имущество обратной отвѣтственности по приказному дѣлу; въ качествѣ ли истца или въ качествѣ отвѣтчика, крестьянинъ долженъ былъ представить по себѣ поручную запись: но за него некому было поручиться кромѣ того же помѣщика, а поручитель подвергался отвѣтственности за ручаемаго человѣка. Такимъ образомъ отдѣльное дѣйствіе пашеннаго крестьянина на судѣ большею частію было фактически невозможно, и по одной уже этой причинѣ не предстояло надобности въ юридическомъ опредѣленіи такой невозможности. Сфера дѣятельности крестьянина по имуществу, когда онъ оставался на своемъ жеребью, была весьма ограничена, и потому трудно себѣ представить, чтобы часто могли встрѣчаться судебно-исковыя дѣла между пашенными крестьянами и сторонними лицами; иски по договорамъ были здѣсь почти невозможны; можно со всею вѣроятностью предположить, что судебныя дѣла крестьянскія почти исключительно возникали изъ исковъ за вредъ, причиняемый личными дѣйствіями, или за обиду личную, или наконецъ за пріемъ и держаніе бѣглыхъ безъ вѣдома помѣщика, но въ послѣднемъ случаѣ интересъ самого помѣщика требовалъ, чтобъ онъ устранилъ себя отъ всякаго участія въ дѣлѣ; ибо, вступивъ въ отвѣтъ за крестья-

нина, онъ тѣмъ самымъ могъ бы подвергнуть себя отвѣтственности за его дѣйствія. Во всякомъ случаѣ изъ приведенной статьи Уложенія нѣтъ основанія заключить, что присутственное мѣсто въ XVII столѣтіи не въ правѣ было заводить производство по иску крѣпостнаго чело- вѣка или на крѣпостнаго, не удостовѣрившись о согла- сии на то помѣщика. Но изъ эпохи, непосредственно слѣдующей за XVII столѣтіемъ, дошли до насъ дѣла, изъ которыхъ видно, что такіе иски принимались и про- изводились на судѣ безпрепятственно, и что крѣпостные люди, даже состоявшіе при своихъ владѣльцахъ, дѣйство- вали по такимъ дѣламъ отъ своего лица; владѣлецъ же тогда только вмѣшивался въ дѣло, когда почиталъ нуж- нымъ въ видахъ своего интереса. Въ дѣлахъ той эпохи встрѣчалось намъ нѣсколько рѣшеній, которыя показы- ваютъ, что когда помѣщикъ вступалъ въ отвѣтъ за сво- его крестьянина, или имѣлъ ходатайство противъ иска, на него предъявленнаго, судебная практика придавала этому обстоятельству *особенное* значеніе: помѣщикъ под- вергался въ такомъ случаѣ, и *по этой именно при- чинѣ*, отвѣтственности за своего обвиненнаго крестьянина. Чтожъ касается до помѣщичьихъ крестьянъ, занимав- шихся промыслами въ столицѣ, городахъ и посадахъ, то здѣсь они дѣйствуютъ на судѣ и вовсе независимо отъ своихъ помѣщиковъ, даже въ такомъ случаѣ, когда дворъ помѣщиковъ находится въ томъ же городѣ, гдѣ производится дѣло. Въ судебной тактикѣ того времени наиболѣе употребительная уловка состояла въ томъ, что- бы поймать своего противника на нарушеніи формы, опо- рочить съ формальной стороны судебныя его дѣйствія, и

такимъ образомъ сдѣлать ихъ ничтожными. Можно ли думать, чтобы соперникъ помѣщичьяго крестьянина не воспользовался въ то время случаемъ оспорить дѣйствительность исковой просьбы его, или проволочить дѣло, подъ тѣмъ предлогомъ, что крестьянинъ дѣйствуетъ на судѣ мимо своего помѣщика, еслибы такой предлогъ почитался законнымъ? Но ни въ одномъ дѣлѣ той эпохи еще не случалось намъ встрѣчать возраженій и эксцепцій, на этомъ предлогѣ основанныхъ, тогда какъ въ новѣйшее время подобныя возраженія встрѣчались на судѣ нерѣдко и всегда достигали своей цѣли. Не ясно ли по этому, что въ періодъ Уложенія и новоуказныхъ статей, законъ не достигъ еще до понятія о безправности крѣпостнаго челоуѣка на судѣ, и что это понятіе образовалось уже въ ближайшую къ намъ эпоху?

Въ 714 году, въ земской канцеляріи производилось дѣло по иску на старосту московской помѣщицы Ознобишиной въ приѣмѣ и держаньи бѣглаго крестьянина. Отвѣтчикомъ по дѣлу вездѣ именуется староста. Онъ былъ вытребованъ на судѣ, былъ въ отвѣтѣ и потомъ обвиненъ въ искѣ: съ него велѣно было доправить пожилыя деньги; но при правѣжѣ оказалось, что поруки по отвѣтчикѣ собрать не на комъ, и что у него кромѣ двора нѣтъ другаго имущества. Крестьянинъ отозвался, что ему нечѣмъ платить иска и пошлинъ, а пусть-де платитъ помѣщица, потому что она про челобитье истцово вѣдала и противъ него возражала; о томъ же ходатайствовалъ и оправданный истецъ. Въ судѣ возникъ вопросъ о томъ, обращать ли взысканіе на помѣщицу. По справкѣ оказалось, что она дѣйствительно возражала противъ иска, просила о переносѣ дѣла въ другой приказъ и т. п. Вслѣдствіе того сдѣлана слѣдующая помѣта: «взять на помѣщицѣ отвѣтчиковой для того, что она о вышеписанномъ истцовѣ

иску свѣдома, и многія ея челобитныя за него отвѣтчика въ дѣлѣ явствуютъ, а отвѣтчикъ сказалъ платить ему нечѣмъ».

Вотъ нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ, что помѣщичьи крестьяне искали и отвѣчали сами за себя; они взяты изъ дѣлъ суднаго и земскаго приказовъ. Въ 1708 году калужскій помѣщикъ Мишуконъ искалъ на старостѣ и другихъ крестьянахъ сосѣда своего Дурнова вознагражденія за насиліе и разореніе. Отвѣтчики лично вытребованы на судъ въ Москву, и по рѣшенію велѣно на нихъ доправить истцу безчестье. Въ 1709 году, помѣщикъ Дурновъ просилъ въ калужской приказной избѣ о взысканіи по заемной кабалѣ, выданной ему въ Брянскѣ крестьянами калужскаго помѣщика Карташова. По требованію воеводы крестьяне поставлены на судъ своимъ помѣщикомъ, сами были въ допросѣ, отпирались отъ своей кабалы, но по рѣшенію обвинены въ искѣ. Въ 1712 году оброчный крестьянинъ Шереметева подалъ челобитную на человѣка, принадлежавшаго стольнику Дубенскому, о возвратѣ заложенныхъ и выкупленныхъ вещей. Дубенскій не принималъ никакого участія въ дѣлѣ, и отвѣтчикъ, по которомъ не сыскано порукъ, отданъ на росписку стороннему человѣку. Въ 1713 году *винный подрядчикъ*, крѣпостной человѣкъ графа Головина, Елизаръ Петровъ, ищетъ на калужскомъ подъячемъ Яковлевѣ убытковъ отъ насилія и разоренія на винокуренномъ заводѣ, на которомъ истецъ промышлялъ въ товариществѣ съ калужаниномъ Долговымъ; истецъ, въ теченіе всего дѣла ищетъ и ходатайствуетъ отъ своего лица, безъ всякаго участія помѣщика. Въ 1713 году капитанъ Сытинъ подалъ жалобу въ брани и разоренія на гулящаго человѣка Якима, жившаго въ сосѣдномъ домѣ у переводчика Кульвинскаго. Сысканный отвѣтчикъ оказался не гулящимъ человѣкомъ, а крѣпостнымъ Кульвинскаго; однако самъ за себя отвѣчалъ, только за несобраніемъ поручной записи, отданъ на росписку съ суда своему господину. Въ томъ же году служилый человѣкъ Неплюева ищетъ безчестья на человѣкѣ торговой сотни; дѣло доходило до

расправной палаты безъ всякаго участія помѣщика, и по рѣшенію велѣно доправить безчестье самому истцу. Въ 1714 году отставные драгуны Ярцевы били челомъ на прикащика вотчины князей Козловскихъ, что онъ, собрався многочисленнымъ съ прочими крестьянами въ числѣ 400 человекъ, опустошилъ и посѣкъ у нихъ дворъ и землю. Отвѣтчикъ, являсь на судъ, довѣрилъ быть вмѣсто себя въ допросѣ подъячому. Земскій приказъ велѣлъ ему быть самому въ допросѣ лично, *не находя закона*, которымъ дозволялось бы за людей боярскихъ ходить въ допросъ, кому они вѣрятъ; но губернская канцелярія при пересмотрѣ дѣла признала, что не слѣдовало устранять повѣреннаго, потому что нѣтъ закона, которымъ запрещалось бы боярскимъ людямъ ставить за себя повѣренныхъ. Въ томъ же году пашенный крестьянинъ капитана Сонцева началъ искъ на помѣщика Секерина о возвращеніи взятой у него лошади. Секеринъ былъ въ допросѣ съ истцомъ и обвиненъ въ искѣ; а при исполненіи рѣшенія помѣстье его оцѣнено для удовлетворенія истца.

III.

Въ первой четверти XVIII столѣтія открывається другой періодъ въ исторіи законодательства о крѣпостномъ правѣ. До сихъ поръ и въ литературѣ нашей и въ обществѣ высказываются противоположныя мнѣнія о томъ, въ какомъ духѣ относилось къ крѣпостному праву законодательство императора Петра I. Въ мнѣніи той и другой стороны отражается общій взглядъ ея на исторію нашего отечества и на значеніе петровской реформы. Одни, увлекаясь своимъ историческимъ идеаломъ, черты коего думаютъ найти въ исторіи старой до-петровской Руси, обвиняютъ Петра въ томъ, что, стремясь дать новый, бо-

лѣе опредѣленный образъ учрежденіямъ прежняго времени, возникшимъ изъ вароднаго быта и народнаго сознанія, онъ и крѣпостному праву помѣщиковъ придалъ строгія, суровыя формы, несвойственныя старому быту, и тѣмъ окончательно упрочилъ въ русской исторіи и русской жизни формальное право помѣщика надъ личностью подвластныхъ ему крестьянъ. Другіе напротивъ того, отыскивая въ государственныхъ взглядахъ Петра черты идеала гражданскаго и государственнаго, сложившіяся въ воззрѣніи современнаго человѣка, стараются доказать, что и въ началѣ XVIII столѣтія Петръ сознавалъ уже несостоятельность крѣпостнаго права, стремился ограничить его, былъ *личнымъ его противникомъ*. По нашему убѣжденію, ни то, ни другое мнѣніе не оправдывается исторіей. Мы думаемъ, что отношеніе къ крѣпостному праву, приписываемое Петру Великому идеалистами той и другой школы, было для него рѣшительно невозможно на томъ историческомъ пунктѣ, на которомъ стоялъ онъ. Петръ, устраивая порядокъ въ землѣ своей, дѣйствовалъ съ государственной точки зрѣнія, а черты государственнаго идеала не во всякое время и не у всякаго народа бываютъ одинаковы; не одинаковы и тѣ орудія, которыя государственная власть употребляетъ для достиженія своей цѣли. Иныя средства, которыя въ иную эпоху представляются лучшими, въ другую эпоху были бы отринуты какъ негодныя. Такимъ образомъ тѣ невыгоды, которыя, въ нашу эпоху, представляетъ, въ государственномъ смыслѣ, чрезмѣрное стѣсненіе гражданской личности предоставленіемъ другому человѣку безусловной надъ нею власти,—эти невыгоды, въ началѣ XVIII столѣтія въ Россіи,

не пришли еще въ сознание, такъ какъ вообще не выработалось еще въ сознаниі то понятіе о личности гражданина, которое теперь стало доступно каждому образованному человѣку. Напротивъ, въ то время установленіе и поддержаніе подобныхъ отношеній между господиномъ и людьми, ему подвластными, представлялось самымъ удобнымъ, а главное *готовымъ* средствомъ для удовлетворенія *насушной* государственной потребности. Странное дѣло! тѣ самые умы, которые обвиняютъ Петра въ насилуваніи древней русской жизни, въ искаженіи древнихъ ея учреждений, относительно крѣпостнаго права какъ будто ставятъ ему въ вину то, что онъ воспользовался для своихъ государственныхъ цѣлей учрежденіемъ, которое нашелъ готовымъ въ гражданскомъ бытѣ своего отечества, утвержденнымъ въ правахъ, въ общественномъ сознаниі и въ законодательствѣ, — учрежденіемъ, къ которому всѣ уже привыкли и котораго никто еще не думалъ отрицать во имя началъ нравственныхъ, философскихъ или экономическихъ. Мы видѣли, до какой степени старая Русь сжилась съ крѣпостнымъ правомъ въ концѣ XVII столѣтія: имъ проникнуты были всѣ общественныя отношенія, на немъ держалась система государственнаго управленія, государственной службы и финансовъ. Несправедливо было бы прилагать къ тому времени новѣйшую юридическую, политическую и экономическую мѣрку; несправедливо было бы думать, что и въ то время, такъ же какъ въ наше, крѣпостное право само по себѣ было существеннымъ препятствіемъ къ развитію въ народѣ духовныхъ и матеріальныхъ силъ: существованіе крѣпостнаго права служить для насъ *признакомъ* того, что полное развитіе

этихъ силъ было въ то время невозможно подъ гнетомъ суровыхъ и узкихъ формъ общежитія. Но *эта* форма въ то время видно еще не одряхлѣла, еще не пережила своего содержанія: въ противномъ случаѣ она распалась бы, или подъ нею для насъ замѣтны были бы въ обществѣ слѣды того внутренняго броженія, подъ вліяніемъ котораго распадаются устарѣвшія формы. Ничего подобнаго мы не замѣчаемъ въ крѣпостномъ правѣ той эпохи; встрѣчаются жалобы, слышатся вопли единицъ, страдающихъ отъ насилія, но въ этихъ жалобахъ слышится только голосъ природы, требующей удовлетворенія насущныхъ нуждъ, а не протестъ противъ учрежденія во имя духовнаго начала. Мы не говоримъ здѣсь конечно о нравственно-религіозномъ христіанскомъ идеалѣ; въ немъ не было никогда мѣста понятію о рабствѣ, какъ объ учрежденіи безусловномъ, какъ объ основѣ гражданскаго общества. Но только избранныя натуры могли проникнуться въ духѣ вѣры и любви этимъ высшимъ идеаломъ духовнаго міра; а въ мірѣ дѣйствительномъ церковь наша стремилась не къ измѣненію политическихъ учрежденій и формъ общественнаго быта; держась твердо законнаго порядка, она стремилась въ предѣлахъ учрежденій существующихъ распространить духъ любви и мира. Въ сферѣ крѣпостнаго права, какъ и во всякой формѣ, какъ бы ни была она груба и несовершенна, возможно было не одно только грубое насиліе, возможно было развитіе не одного только темнаго, злаго начала человѣческой природы; въ ней могли уживаться и развиваться, сообразно условіямъ той эпохи, и начала добрыя, нравственныя; лучшія, избранныя натуры и въ этой сферѣ, какъ во вся-

кой другой, могли находить цѣль и побужденіе для благой дѣятельности и средства для нравственнаго развитія. Но для того чтобы признать несостоятельность этой формы общественнаго быта, для того чтобы осудить ее самое какъ недостаточную и вредную, для этого требовалось сознаніе, которое тогдашнему обществу было еще не подъ силу. Мы знаемъ, что Петръ во многомъ опередилъ сознаніе современнаго ему русскаго общества; но не имѣя въ виду положительныхъ доказательствъ, не имѣемъ повода предполагать, что онъ достигъ до сознанія несостоятельности крѣпостнаго права, былъ *личнымъ его противникомъ*. Не говоря уже о русскомъ обществѣ, вспомнимъ, что въ эпоху, въ которую жилъ Петръ, классъ земледѣльцевъ почти во всей средней Европѣ не вполне освободился еще изъ-подъ гнета крѣпостныхъ отношеній къ земле-владѣльцамъ, что крестьяне-собственники, слѣдовательно независимые земледѣльцы, были тогда явленіемъ рѣдкимъ, что политическая наука не признавала еще всей важности этого сословія въ государственной экономіи. Откуда же возможно было Петру заимствовать тотъ критическій и враждебный взглядъ на крѣпостное право, который иные приписываютъ ему, отсутствіе коего другіе ставятъ ему въ укоризну?

Невозможно представить себѣ Петра и *суровымъ поборникомъ*, сторонникомъ крѣпостнаго права: противъ кого сталъ бы онъ защищать его? гдѣ слышались тогда въ Россіи протесты противъ этого учрежденія? кто были его антагонистами? То и другое отношеніе необходимо предполагаетъ борьбу: а борьбы изъ-за началъ личной свободы и крѣпостнаго права у насъ въ то время не

было и не могло быть ни въ общественной, ни въ политической сферѣ. Законодатель нашего времени, обзрѣвая установленія государственныя и взвѣшивая матеріальныя и духовныя средства управленія, видитъ въ крѣпостномъ правѣ учрежденіе, препятствующее правильному обращенію капиталовъ и успѣшному развитію силъ государственныхъ: видитъ въ немъ больное, слабое мѣсто государственнаго организма. Напротивъ того Петръ, когда искалъ вокругъ себя средствъ къ достиженію своихъ государственныхъ цѣлей, могъ еще и, по историческому положенію своему, необходимо *долженъ* былъ видѣть въ крѣпостномъ правѣ *сильное* орудіе государственнаго управленія: естественно было, что онъ стремился исправить, изощрить это орудіе, чтобъ оно какъ можно полнѣе соответствовало своему назначенію. Съ другой стороны, какъ хозяинъ земли русской, обратилъ онъ вниманіе на нѣкоторыя злоупотребленія этимъ орудіемъ и старался отвратить ихъ. Онъ не признавалъ этого орудія вовсе негоднымъ: разсудивъ безпристрастно, неужели мы позволимъ себѣ обвинять его за то, что онъ не *притупилъ* это орудіе или не замѣнилъ его другимъ, когда новаго орудія подъ рукою не было, и всѣ привыкли уже дѣйствовать прежнимъ?

Нѣкоторыя постановленія Петра относительно крѣпостнаго права, дѣйствительно имѣютъ видъ насильственныхъ мѣръ безусловнаго принужденія, но если ближе всмотримся въ нихъ, то должны будемъ сознаться, что нововведеніе вовсе не было рѣзкимъ переходомъ отъ прежняго порядка къ новому. Обвинители Петра иногда забываютъ о томъ, что въ постановленіяхъ своихъ онъ не-

рѣдко высказывалъ и опредѣлялъ то, что въ юридическомъ бытѣ прежней Руси лежало безсознательно, невысказанное и неопредѣленное; прежнее содержаніе жизни заключалъ въ новую форму, выражалъ въ правилѣ, въ законѣ; а какъ скоро законъ коснулся того или другаго явленія жизни, оно получаетъ характеръ безусловной необходимости, и теряетъ прежній видъ случайнаго, произвольнаго явленія. Такъ и въ законодательствѣ Петра относительно крѣпостнаго права, новостью была только форма учрежденія, а сущность его осталась въ прежнемъ видѣ. Говорятъ, что установленіемъ ревизіи Петръ ввелъ такую форму, которая измѣнила самую сущность крѣпостнаго права. Но Петръ ни прямымъ, ни косвеннымъ образомъ не предоставилъ помѣщикамъ болѣе правъ надъ людьми и крестьянами, чѣмъ они имѣли въ XVII столѣтіи: напротивъ нѣкоторыми постановленіями Петра право это было ограничено. Говорятъ, что вмѣстивъ въ общую записку дворовыхъ вмѣстѣ съ крестьянами, онъ слилъ въ одно тотъ и другой разрядъ крѣпостныхъ людей, узаконилъ право брать крестьянъ во дворъ, уничтожилъ окончательно прежнее различіе между крестьянами и холопами, установилъ обязательную приписку вольныхъ людей въ крѣпостное сословіе и такимъ образомъ ревизію сдѣлалъ крѣпостью. Но мы старались показать выше, что обычай брать людей во дворъ образовался уже гораздо ранѣе Петра и былъ если не признанъ, то допускаемъ закономъ; положительное правило закона ни при Петрѣ, ни до Петра не касалось этого обычая, и не утверждало его: но оно и не отрицало этого обычая, въ виду ежедневныхъ его проявленій. Мы видѣли, что въ юриди-

ческомъ положеніи холоповъ и пашенныхъ крестьянъ, въ отношеніяхъ тѣхъ и другихъ къ владѣльцу, разница опредѣлялась не юридическимъ сознаниемъ закона, а естественными условіями быта, которыя и при Петрѣ и послѣ него остались въ томъ же видѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда прежній законъ признавалъ различіе между холопомъ и крестьяниномъ, онъ имѣлъ въ виду не разграниченіе владѣльческихъ правъ на личность того и другаго, а цѣль финансовую и государственную. Правда, что кабальнымъ холопствомъ устанавливалось пожизненное и условное, а не вѣчное и безусловное отношеніе господина къ подвластному человѣку, а съ того времени, когда кабальное холопство исчезло въ сословіи крѣпостныхъ, записанныхъ въ ревизію, вмѣсто него явилось неразрывное и потомственное отношеніе крѣпостнаго человѣка къ владѣльцу, безъ отличія крестьянъ отъ старинныхъ кабальныхъ холоповъ. Это явленіе дѣйствительно представляется рѣзкимъ нововведеніемъ въ сферѣ крѣпостнаго права. Но разсудивъ внимательно, мы увидимъ, что это нововведеніе относилось болѣе къ формѣ крѣпостнаго права, нежели къ сущности его, которой оно вовсе почти и не касалось. Вспомнимъ, что и въ XVII столѣтіи, и въ XVIII до учрежденія ревизій, холопъ, отпущенный отъ прежняго господина, обыкновенно поступалъ въ службу къ новому, что и тогда правительство подозрительно смотрѣло на гулящихъ людей, и что понятіе о личной свободѣ человѣка, не принадлежащаго ни къ какому сословію, было почти неизвѣстно; вспомнимъ, что и къ обязательной запискѣ въ ревизію за владѣльцемъ принуждались только тѣ люди, которые не могли или не хотѣли

избрать себѣ занятія промыслами или торговлей, къ чему правительство поощряло и льготыло; не забудемъ и того, что суровость закона ни въ какомъ случаѣ не должно смѣшивать съ суровостью исполненія, въ которой отражаются духъ и понятія исполнителей. Мы думаемъ, что новая форма, введенная Петромъ, вовсе не была началомъ или признакомъ новаго учрежденія, неизвѣстнаго до-петровской Руси и не свойственного правамъ и духу ея. Съ новою формою сопряжено было насиліе; но это насиліе не такъ чувствительно должно было отозваться въ народной жизни, какъ напримѣръ насильственное бритье бородъ, запрещеніе русскаго платья и т. п., потому что не столь рѣзко противорѣчило принятому обычаю. Насиліе само по себѣ не было новостью на Руси; прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и вольныхъ слугъ къ господамъ въ XVI столѣтіи было мѣрой еще болѣе насильственной, чѣмъ установленіе записки въ подушный окладъ. Вообще намъ кажется, что одно признаніе той или другой политической мѣры насильственной, само по себѣ еще недостаточно для того, чтобъ осудить ее съ исторической точки зрѣнія. Нравственное чувство оскорбляется всякимъ насиліемъ; но одно нравственное чувство не можетъ служить надежнымъ руководителемъ историку при обсужденіи политической дѣятельности историческаго лица: иначе придется осудить и признать пагубною всякую правительственную мѣру потому только, что она сопряжена съ насиліемъ. Это было бы несправедливо. Царство духа, мира и любви покуда еще *не отъ міра сего*. Правда, что величайшія преобразованія въ духѣ человѣчества совершены были мирнымъ путемъ,

посредствомъ людей сильныхъ духомъ, но низкихъ и слабыхъ по общественному своему положенію. Но то были явленія исключительныя. Правители народовъ дѣйствуютъ обыкновенно посредствомъ матеріальной силы, посредствомъ внѣшняго, а не внутренняго авторитета: такъ всегда было, такъ и будетъ дотолѣ, пока въ нравахъ цѣлаго общества духовная сила не получитъ рѣшительнаго господства надъ силой матеріальною. Насильственную мѣру, состоящую въ связи съ ходомъ цѣлой исторіи, съ явленіями предшествовавшими и послѣдующими, никакъ не должно смѣшивать съ такимъ насиліемъ, въ которомъ выражается дѣйствіе одного грубаго, личнаго произвола. Историкъ, также какъ судья, не спѣшитъ произносить приговоръ надъ дѣйствіемъ, потому только, что оно по матеріальнымъ своимъ признакамъ представляется насильственнымъ: ибо цѣль историческаго изслѣдованія, также какъ и судебнаго, есть не одно удовлетвореніе оскорбленнаго нравственнаго чувства, не одно возмездіе за матеріальное нарушеніе его, а прежде всего безпристрастное изысканіе истины; правда, а не одно пылкое стремленіе къ нравственному возмездію, и въ томъ и другомъ случаѣ, должна служить основаніемъ приговора. Что сказали бы мы о судѣ, который, увлекаясь чувствомъ негодованія противъ всякаго насилія, поспѣшилъ бы приговорить къ наказанію обвиняемаго, не позаботясь сначала изслѣдовать обстоятельства, среди коихъ, и поводы, по которымъ совершилось преступное дѣйствіе, не взглянувъ на отношеніе преступника къ тѣмъ лицамъ, надъ которыми оно совершилось, не обращая вниманія на духовную сторону проступка или преступленія? Такой судья,

совершая отмщеніе за правду, самъ былъ бы нарушителемъ правды: легко могло бы случиться, что онъ, увлекаясь особенно сильнымъ отвращеніемъ своимъ отъ нѣкоторыхъ особенныхъ видовъ насилія, въ отношеніи къ нимъ дѣйствовалъ бы поспѣшнѣе и пристрастнѣе, чѣмъ въ отношеніи къ другимъ видамъ, менѣе оскорбительнымъ для личнаго его нравственнаго чувства. То же должно сказать и объ историкѣ, который, увлекаясь стремленіемъ къ идеальной правдѣ, рѣшился бы осудить безусловно дѣйствія историческаго лица только потому, что они соединены были съ насиліемъ, не обращая вниманія на условія среды, въ которой совершались эти дѣйствія, на причины и послѣдствія ихъ и на связь ихъ съ другими явленіями общественной жизни. Политическая и общественная дѣятельность Фридриха прусскаго была почти непрерывнымъ рядомъ насилій; единицы и цѣлыя сословія, страдавшія отъ нихъ, въ правѣ были вопіять на виновника ихъ объ отмщеніи, и предъ судомъ высшей правды онъ долженъ отвѣчать за каждое нарушеніе права, за каждую обиду. Однако Германія признаетъ Фридриха національнымъ героемъ, а исторія указываетъ на великія и во многихъ отношеніяхъ благодѣтельныя для общества послѣдствія его дѣятельности: не такъ давно еще, когда краснорѣчивѣйшій изъ англійскихъ историковъ рѣшился безусловно осудить его на основаніи одного только нравственнаго чувства, наука въ Германіи возстала противъ этого приговора во имя правды исторической. У насъ вся дѣятельность Петра наполнена насиліями, и многія изъ нихъ лежатъ темными пятнами на памяти великаго монарха. Но несправедливо поступилъ бы историкъ, если-

бы, смѣшавъ вмѣстѣ всѣ насильственные мѣры Петра и всѣ дѣйствія страстей его и личного произвола, произнесъ надъ ними общее осужденіе.

Въ литературѣ нашей высказано было мнѣніе, будто бы Петръ только однажды подтвердилъ многочисленныя узаконенія о возвращеніи бѣглыхъ, изданныя его предшественниками! Это поставлено какъ бы въ заслугу монарху, собиравшему повсюду «разсыпанныя храмины», и въ доказательство того, что Петръ былъ «личнымъ противникомъ» крѣпостнаго права. Неужели Петру, ревнителю государственнаго порядка, можно было бы поставить въ похвалу равнодушіе къ такому злу, противъ котораго такъ сильно вооружалось русское правительство въ XVII столѣтіи, ради котораго совершилось самое прикрѣпленіе крестьянъ въ XVI столѣтіи? Указы о бѣглыхъ непрерывнымъ рядомъ слѣдуютъ одинъ за другимъ въ теченіе всего XVII столѣтія. Уложеніе 1649 года замѣнило всѣ прежніе указы общимъ рѣшительнымъ предписаніемъ земскаго закона возвращать бѣглыхъ безъ урочныхъ лѣтъ по писцовымъ и переписнымъ книгамъ и всякимъ крѣпостямъ. Но несмотря на всеобщее запрещеніе, бродяжничество людей и крестьянъ не прекращалось, а усиливалось подъ вліяніемъ голода, войнъ, смутныхъ обстоятельствъ и прежней привычки крестьянскаго сословія; деревни пустѣли, а правительство не могло рассчитывать на успѣшное и правильное поступленіе сборовъ и отбываніе повинностей, потому что въ расчетъ ихъ должно было входить не *пустое*, а *живущее*. Правда, что помѣщики, за которыми значились еще по книгамъ бѣглые ихъ крестьяне, должны были и съ пустыхъ дво-

ровъ платить какъ съ живущаго, но оскудѣвъ крестьянами, не могли они и платить исправно, тогда какъ пріемщики, держа за собой бѣглыхъ безъ всякой записки, не платили за нихъ ничего. Естественно, что одною изъ главныхъ заботъ московскаго правительства была забота удержать сельское населеніе на своихъ мѣстахъ; для этого оно должно было прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ; не дожидаясь частныхъ исковъ, посылало особыхъ сыщиковъ въ тѣ мѣста, куда всего болѣе направлялось бѣглое населеніе, и давало имъ наказы въ духѣ розыскаго начала. Вся вторая половина XVII столѣтія наполнена указами о бѣглыхъ; строгость взысканій, положенныхъ этими указами на бѣглыхъ, держателей ихъ и пріемщиковъ, постепенно усиливается; сверхъ денежнаго взысканія, определеннаго Уложеніемъ, положено брать еще съ держателей наддаточныхъ крестьянъ. Но несмотря и на эти строгія мѣры, бродяжничество не прекращалось: бѣгле крестьяне и порознь и цѣлыми толпами переходили въ тѣ мѣста, гдѣ думали найти для себя болѣе льготъ и вольностей: за польскую границу, въ Литву, въ украинныя и степныя мѣста, на Донъ, въ Малороссію, въ сѣверныя области, въ монастырскія и дворцовыя имѣнія, куда охотно принимали ихъ прикащики и управители. Крестьяне бѣгали отъ налоговъ и притѣсненій, отъ хлѣбнаго недороду, бѣгали на прежнія мѣста изъ новыхъ, куда были переведены помѣщиками, бѣгали по призыву и подговору туда, гдѣ казалось льготнѣе, бѣгали къ землякамъ и родственникамъ, прежде убѣжавшимъ, бѣгали селиться на пустыхъ мѣстахъ южнаго края, куда манили ихъ неизвѣстность, просторъ и воля, бѣгали наконецъ просто по страсти къ бродяж-

ничеству и гулящей жизни. Петръ, заботившійся всѣми мѣрами о приведеніи въ порядокъ и объ умноженіи государственныхъ доходовъ, которые въ военное время были вдвое необходимѣе, долженъ былъ принять рѣшительныя мѣры къ прекращенію бродяжничества. И дѣйствительно все его царствованіе наполнено указами о возвращеніи бѣглыхъ: строгость этихъ указовъ далеко оставляетъ за собою все, что было по этому предмету постановлено его предшественниками. Начало этихъ распоряженій положено было сыщиковыми наказами 1698 года: наддаточныхъ крестьянъ не велѣно уже брать, но за держаніе бѣглыхъ положено двойное противъ прежняго взысканіе пожилыхъ денегъ; бѣглыхъ за побѣгъ велѣно бить кнутомъ, и помѣщиковъ за пріемъ ихъ велѣно подвергать наказанію, чего прежде не было. Указъ 30 апрѣля 1704 еще строже: велѣно повсюду кликать кличь, нѣтъ ли у кого бѣглыхъ, отбирать о томъ сказки подъ присягою и подъ страхомъ смертной казни, и если у кого послѣ такихъ сказокъ найдутся бѣглые, *казнить смертію*: такого наказанія за держаніе бѣглыхъ не знало XVII столѣтіе. 16 февраля 1707 года велѣно всѣмъ, у кого есть бѣглые, поставить ихъ въ полугодовой срокъ, подъ опасеніемъ отнятія имѣнія. 5-го апрѣля 1707 года предписано самимъ воеводамъ отправляться въ уѣзды для сыску бѣглыхъ: не довѣряя однимъ помѣщикамъ, государь велитъ въ каждой вотчинѣ брать сказки о бѣглыхъ, у лучшихъ крестьянъ, и за утайку бѣглыхъ угрожаетъ имъ смертною казною. Въ 1713 году посылаются особые сыщики изъ царедворцевъ для сыску бѣглыхъ въ Калужскомъ и сосѣднихъ уѣздахъ, въ 1715 году въ Малороссію. Указами 1721 (19 февраля), 1722

и 1723 годовъ еще усиливается строгость. Количество зажилыхъ денегъ, вмѣсто прежнихъ 20, увеличено до 60 и до 100 рублей въ годъ; держателямъ, приѣмщикамъ, подговорщикамъ законъ угрожаетъ конфискаціей всего имѣнія, ссылкой на галеры, на каторгу и т. п. Помѣщики, не возвратившіе бѣглыхъ до ревизіи, подвергаются платежу за нихъ податей и по возвращеніи ихъ къ прежнимъ помѣщикамъ ¹⁾. Плакатомъ 1724 года на полков-

¹⁾ Посошковъ сильно осуждаетъ эти указы, называя ихъ льготными для большихъ господъ и разорительными для мелкихъ помѣщиковъ. «Господа, пишетъ онъ, удумали смѣху достойно: виѣстное ль то дѣло, что подлымъ людемъ уложили бѣглыхъ крестьянъ отвозить къ помѣщикамъ на ихъ подводахъ и денегъ за всѣ годы, сколько у него крестьянинъ жилъ, по 20 руб. на годъ съ ними же отвозить и отдавать прежнимъ ихъ помѣщикамъ. А о своихъ уложили легахонько, буде жили за кѣмъ бѣгле люди по приѣму прикащиковъ ихъ или старость, а буде приняли безъ письменнаго ихъ господскаго повелѣнія, то высѣчь того прикащика или старосту внутомъ, а пожилыхъ на тѣхъ владѣльцахъ не имать ничего; и то сталъ наружной проводъ: у нихъ господъ есть населено бѣглыхъ крестьянъ въ понизовыхъ мѣстахъ и въ крайнихъ всецѣлыя села великія иже есть въ нихъ дворовъ ста по два и по три и больше...» (См. *Сочиненія Ив. Посошкова*, М. 1842. стр. 97). Татищевъ, гораздо позднѣе, уже въ 760-хъ годахъ, жалуется тоже и на недостаточность указовъ о бѣглыхъ и на неисполненіе ихъ: прежде, говоритъ онъ, положено было за приѣмъ 10 рублей, и то править было страшнѣе нежели нынѣ 100 рублей, только въ указѣ положенные, а ни съ кого до днесъ не взыскиваемы и не доправлены. (*Судебн.* Татищева, § 173). Приказная попоровка, небрежность и лихоимство исполнителей, застарѣлость привычекъ, а иногда и невозможность самаго исполненія, были причиною того, что и многіе указы Петра, строгіе до жестокости, на дѣлѣ оставались мертвою буквой. Строгость указовъ о бѣглыхъ и о запискѣ въ ревизію, имѣвшая цѣлю предупредить побѣги, послужила въ свою очередь новымъ поводомъ къ побѣгамъ людей, насильственно возвращенныхъ и записанныхъ. По офиціальнымъ только извѣстіямъ бѣглыхъ послѣ первой ревизіи, съ 1719 по 1727 годъ значилось 198.876 душъ, чередъ второю ревизіей во многихъ деревняхъ цока-

никовъ въ войскахъ, расположенныхъ по уѣздамъ, возложено было постоянное и строгое наблюдение за тѣмъ, чтобы нигдѣ въ деревняхъ не принимались и не проживали бѣглецы. Въ томъ же плакатѣ установлены правила о паспортахъ крѣпостнымъ людямъ на отлучку изъ имѣнія, въ которомъ опредѣлено постоянное мѣсто жительства ихъ. Еще прежде того, въ 1722 году, постановлено, что вотчинники или въ отсутствіе ихъ священники и прикащики, при отпускѣ крестьянъ для работы, должны выдавать имъ отпускныя или покормежныя письма, которыя служили бы непосредственнымъ удостовѣреніемъ того, что крестьянинъ нанимающійся въ работу—не бѣглый; а безъ такихъ писемъ не велѣно ни временно принимать крестьянъ въ рабочіе подъ опасеніемъ взысканія пожилыхъ денегъ, ни записывать ихъ въ цехи или мастерское обученіе¹⁾. Но плакатомъ 1724 года положено основаніе паспортной системѣ, донинѣ въ главныхъ началахъ сохраняющей обязательную силу; съ того времени понятіе о бѣгломъ человѣкѣ получило формальную опредѣленность, слившись съ понятіемъ о человѣкѣ безпаспортномъ; не только крестьянину положительно запрещено отлучаться безъ письменнаго дозволенія помѣщика, но и самому помѣщику поставлено въ обязанность отпускать крестьянина, не иначе какъ съ письменнымъ видомъ, даннымъ на срокъ; притомъ для всякой отлучки далѣе 30 верстъ, въ другіе уѣзды, недостаточно было и дозволеніе одного по-

---

зывалось до трети и даже до половины выбылыхъ по разнымъ причинамъ, изъ коихъ побѣгъ былъ не послѣднею; иныя деревни вовсе запустѣли. (См. Ук. 17 сент. 1742 г. П. С. З. № 8,619).

¹⁾ 1722 Ук. 6 и 27 апрѣля, и 16 іюля; 19 января 1723. п. 4.

мѣщика, а требовалась сверхъ того подпись земскаго комиссара съ запискою въ книгу и подпись полковника. *Плакатъ* 1724 года былъ только послѣднею изъ общихъ мѣръ, принятыхъ Петромъ для прекращенія бродяжничества, слѣдовательно не однимъ только этимъ указомъ подтверждены имъ статьи Уложенія о возвращеніи бѣглыхъ. Но кромѣ общихъ постановленій по этому предмету мы можемъ насчитать съ 1698 по 1724 годъ болѣе 20 указовъ, въ которыхъ строго подтверждается о томъ же по поводу другихъ правительственныхъ мѣръ: сюда относятся на примѣръ всѣ наказы губернаторамъ, воеводамъ, полицмейстерской канцеляріи, и пояснительные указы по поводу ревизіи.

Вниманіе Петра съ первыхъ же годовъ царствованія обращено было на многочисленный классъ холопей, дворовыхъ и вольноотпущенныхъ, гулящихъ людей, проживавшихъ въ Москвѣ. Старинный обычай богатыхъ и зажиточныхъ владѣльцевъ держать при себѣ большое количество людей для домашней услуги и для блеска, въ разныхъ должностяхъ, не могъ нравиться государю, который любилъ простоту въ домашней жизни и въ общественныхъ сношеніяхъ, и ненавидѣлъ праздность во всѣхъ ея видахъ. Азіятская пышность стариннаго московскаго барства была ему не по вкусу; а какъ попечительный хозяинъ, заботившійся о томъ, чтобы ни одна доходная статья не пропадала безъ дохода для казны, онъ не могъ не обратить вниманія на то, что холопы и дворовые люди ни лично, ни черезъ помѣщиковъ своихъ не приносили никакой пользы государству; податей съ нихъ не платилось, а на войну съ господами ходили они по личному

распоряженію господь, и для собственной ихъ надобности. Между тѣмъ не мало было людей этого разряда особенно въ Москвѣ. Кромѣ холопей, остававшихся безъ дѣла въ отсутствіе владѣльцевъ, много было въ столицѣ и по городамъ людей, отпущенныхъ на волю послѣ прежнихъ господь, но ни у кого вновь не записанныхъ. Не успѣвъ или не желая поступить въ службу къ другому господину, они увеличивали собою толпу людей, не имѣвшихъ опредѣленнаго занятія, и бродя изъ мѣста въ мѣсто, кормились милостыней, либо приставали къ шайкамъ воровъ и грабителей. Всякій разъ послѣ смерти владѣльца болѣе или менѣе значительное число кабальныхъ людей его становились вольными и часто сами не знали куда дѣваться; да и при жизни своей помѣщики не затруднялись ссылатъ отъ себя со двора людей старыхъ, больныхъ и увѣчныхъ, въ которыхъ не имѣли болѣе нужды, для того чтобы не кормить ихъ: такихъ никто не хотѣлъ и брать къ себѣ въ службу, и они должны были скитаться съ семействами своими безъ пристанища. И прежніе законы обязывали отпущенныхъ людей записываться съ отпускными въ приказы и не оставаться въ гулящихъ; но правительство не имѣло средствъ наблюдать за точнымъ исполненіемъ этого. Изъ мѣръ, принятыхъ Петромъ Великимъ, относительно вольноотпущенныхъ людей, мы въ правѣ заключить, что онъ еще съ 1700 года имѣлъ въ виду уничтоженіе или по крайней мѣрѣ ограниченіе кабальнаго холопства. Въ 1700 году предписано было всѣхъ вольноотпущенныхъ людей и крестьянъ, которые годятся въ военную службу, писать въ солдаты. Для этого всѣ они, не взирая на возрастъ и состояніе здоровья, отсы-

дались изъ приказа, гдѣ должны были предъявлять свои отпускныя, въ Преображенскій приказъ (въ послѣдствіи въ приказъ военныхъ дѣлъ или военную канцелярію) для осмотра. Если люди по осмотрѣ оказывались годными, то принимались въ службу, въ противномъ же случаѣ отсылались обратно въ приказъ для полученія оттуда формальныхъ отпускныхъ ¹⁾. Отпускныя, выданныя изъ дома, надлежало непременно являть, прописывать въ приказѣ холопья суда, а въ послѣдствіи обязанности его переданы московскому судному приказу ²⁾, и наконецъ приказу земскихъ дѣлъ, замѣнившему судный приказъ. Сюда же являлись съ челобитными о выдачѣ отпускныхъ и тѣ люди, которые безъ отпускной были сосланы со двора господами или отходили по смерти господъ безъ увольнительнаго акта. Для того, чтобы люди не уклонялись отъ явки, постановлено считать недѣйствительною отпускную, которая въ мѣсячный срокъ, по выдачѣ отъ крѣпостныхъ дѣлъ, не будетъ явлена въ приказѣ ³⁾. По смерти владѣльцевъ, наслѣдникамъ поставлено въ обязанность подавать въ приказъ росписи оставшимся послѣ умершихъ крѣпостнымъ и кабальнымъ людямъ, а тѣхъ, которые подлежатъ по крѣпостямъ быть свободными, не отпускать отъ себя самовольно и не держать у себя, а приводить къ запискѣ въ приказъ ⁴⁾ Этими мѣрами уже приготовлялось мало-по-малу совершенное уничтоженіе кабальнаго холопства, потому что кромѣ неспособныхъ, старыхъ, увѣчныхъ и малолѣтныхъ, всѣ прочіе по смерти господъ

¹⁾ Ук. 1 февраля и 23 декабря 1700 г. ²⁾ Ук. 19 февраля 1705 г.
³⁾ Ук. 9 ноября 1704 г. ⁴⁾ Ук. 19 февраля 1705 г.

своихъ подлежали отдачѣ въ военную службу; до малолѣтнихъ же очередь должна была дойти въ свое время.

Другое распоряженіе Петра также имѣло цѣлію употребить дворовыхъ людей на службу государству и также должно было вести къ уменьшенію количества холоповъ. Еще въ 1695 году, по случаю приготовленій ко второму азовскому походу, велѣно было въ Москвѣ кликнуть кличъ, чтобы всякаго чину охочіе люди шли въ Преображенское и записывались въ службу. Охотники, и явившіеся по этому зову, были большею частью изъ числа господскихъ холопей. Ихъ принимали безпрепятственно, записывали въ солдатскіе или стрѣлецкіе полки, а женъ и дѣтей ихъ отбирали отъ господъ и селили въ Преображенскомъ ¹⁾).

¹⁾ См. *Записки Желябужскаго и Исторію царствов. Петра В. Устрялова*, т. II, стр. 261; въ *Полн. Собр. Зак.* указъ 11 декабря 1696 года. О женахъ и дѣтяхъ людей, записавшихся въ солдаты въ 1700 г., было постановлено: женъ, взявъ отъ помѣщиковъ, отдавать мужьямъ, а изъ дѣтей оставлять въ помѣщичьемъ владѣніи только тѣхъ, коимъ болѣе 12 лѣтъ отъ роду (*Полн. Собр. Зак.* № 1820). По этому предмету 20 марта 1701 года состоялся указъ, который мы встрѣтили въ одномъ старинномъ производствѣ. Въ *Полн. Собр. Зак.* мы не нашли этого указа, а потому помѣщаемъ его вполнѣ: «Въ указѣ, каковъ состоялся въ прошломъ 701 году марта въ 20 день въ Преображенскомъ на генеральномъ дворѣ и въ солдатской сѣзжей избѣ, а изъ сѣзжей избы присланъ въ приказъ холоуца суда, ново-приборныхъ солдатскимъ женамъ, у которыхъ мужья взяты въ дачные и изъ дворовыхъ людей записались въ вольницу и въ прошломъ 700 году на его императорскаго величества службѣ, въ ругодевскомъ походѣ побиты и померли и безвѣстно пропали, велѣно давать отпускныя съ дѣтьми ихъ женска полу съ дѣвками, которыя не замужемъ, а мужеска полу дѣтей ихъ для смотру ставить въ военной канцеляріи и писать имена ихъ на роспись, и которые по осмотру явятся въ совершенныхъ лѣтахъ и въ службу годятся, и о тѣхъ выписать въ докладъ, а которые у нихъ дѣти женаты, а дѣвки замужъ выданы, и тѣмъ быть у помѣщиковъ въ холопствѣ».

Но въ 1697 году, при подобномъ же наборѣ въ селѣ Воскресенскомъ указано было не принимать въ службу крѣпостныхъ холопей ¹⁾. Въ послѣдствіи неоднократно былъ возобновляемъ вызовъ боярскихъ людей въ солдатскую службу. Въ 1700 году предписано было: помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ людей, которые сами собою записались въ солдаты, хотя бѣ и въ бѣгахъ отъ своихъ помѣщиковъ, не возвращать имъ, если они принадлежать не къ числу пашенныхъ крестьянъ, и оставивъ господъ своихъ, никакого воровства не учинили: крестьянъ же велѣно возвращать на ихъ пашенные жеребьи ²⁾. Съ 1701 года государь неоднократно указывалъ записывать всякихъ чиновъ людей, кто похочетъ, въ солдаты; но прежнее ограниченіе относительно пашенныхъ крестьянъ оставлено во всей силѣ и никогда отмѣняемо не было. Такимъ образомъ правительство дозволяло дворовымъ людямъ и безъ согласія владѣльцевъ поступать въ военную службу; изъ этого дозволенія исключались только боярскіе люди иноземческаго и инородческаго происхожденія, да тѣ, которые служили у господъ своихъ въ должностяхъ поваровъ, приспѣшниковъ и хлѣбниковъ ³⁾. Въ 1715 году велѣно было всякаго чину владѣльцамъ, кто живетъ на Москвѣ и имѣетъ тамъ дома, или стряпчимъ ихъ, подъ великимъ штрафомъ и даже подъ смертною казнію, поставить на смотръ всѣхъ людей своихъ, кромѣ первыхъ слугъ, для записки въ матросы; въ послѣдствіи же велѣно въ матросы записывать всѣхъ холоповъ и господскихъ

¹⁾ Полное Собр. Зак. № 1564.   ²⁾ Полное Собр. Зак. № 1820.

³⁾ Указъ 31 октября 1701, 24 апрѣля 1702, 19 іюля 1703, 13 іюня и 13 октября 1712. 7 и 21 мая 1722 гг.

людей безъ исключенія, кромѣ тѣхъ, кого господа выучили матросскому дѣлу для плаванія своего въ Петербургѣ ¹⁾; впрочемъ владѣльцу предоставлялось право получать обратно записавшагося человѣка, представивъ въ замѣнъ его другаго ²⁾. Эта приборка людей въ солдаты изъ вольницы продолжалась въ теченіе всего царствованія Петра и не прекращалась даже по поводу ревизіи. По смерти Петра подобныя распоряженія болѣе уже не повторялись, но прежніе указы остались въ памяти у крѣпостныхъ людей, и между ними развилось понятіе о томъ, что записавшись въ солдаты, можно освободиться изъ крѣпостнаго владѣнія. Такъ на примѣръ въ 1742 году многіе крѣпостные люди, бѣжавъ отъ помѣщиковъ, подавали императрицѣ просьбы о принятіи въ военную службу; они не только не были приняты, но въ наказаніе за побѣгъ и за дерзость частію назазаны кнутомъ, частію сосланы въ Сибирь на работу; вмѣстѣ съ тѣмъ повсемѣстно объявлено, чтобы крѣпостные не осмѣливались бѣгать въ надеждѣ быть записанными въ вольницу ³⁾.

Важнѣйшее значеніе въ законодательствѣ Петра Великаго о крѣпостномъ правѣ принадлежитъ указамъ о народной переписи. Первый указъ, 1718 года, имѣлъ цѣлью устроить содержаніе арміи посредствомъ расположенія ея на число душъ цѣлой Россіи, подлежащихъ подушному сбору. Нужды государственной экономіи требовали, чтобы ни одна часть этого сбора не пропадала для казны, чтобы ни одна душа, которая могла быть за-

¹⁾ Ук. 22 октября 1715, 4 и 7 марта 1721.   ²⁾ Ук. 2 іюля 1722.

³⁾ Указъ 2 іюля 1742 года. *Полн. Собр. Зак.* № 8577.

числена въ окладъ, не осталась незаписанною. Въ прежней податной системѣ XVII столѣтія, имѣли значеніе изъ числа помѣщичьихъ людей только жившіе на земляхъ, съ которыхъ помѣщики служили свою службу и платили подати; слѣдовательно переписывались только дворы крестьянъ, бывшихъ на пашнѣ, при чемъ живущее всегда отличалось отъ пустаго; люди, жившіе во дворѣ у помѣщика и не имѣвшіе особыхъ дворовъ и пашенныхъ жеребьевъ, вовсе не входили въ расчетъ и не показывались именами, такъ какъ податную единицу составлялъ (во 2 половинѣ XVII столѣтія) дворъ крестьянскій. Также внѣ податной системы оставались старинные и кабальные холопы, жившіе въ домахъ помѣщичьихъ и въ услугахъ у лицъ другаго званія. Указами 1704, 1710 и 1715 годовъ ¹⁾ о переписи московской губернаторской и ландратской, велѣно было переписывать *дворы* крестьянскіе и *дворы* кабальныхъ и дворовыхъ людей; лишь съ 1718—1719 годовъ податною единицей дѣлается не дворъ, а *душа* крестьянская. По первоначальному плану 1719 года изъ числа помѣщичьихъ должны были войти въ перепись только пашенные крестьяне да задворные и дѣловые люди, о дворовыхъ же упомянуто не было; но нѣкоторые помѣщики, чтобы скрыть крестьянъ своихъ отъ подушнаго оклада, стали нарочно показывать ихъ дворовыми людьми; а потому указами 5 и 19 января 1720 года и 5 февраля 1722 года, во избѣжаніе утайки душъ, велѣно помѣщикамъ писать въ сказки не однихъ только крестьянъ, но и дворовыхъ и

¹⁾ П. С. З. №№ 1990, 2253 и 2964.

прочихъ людей своихъ, всѣхъ своихъ подданныхъ, какого они званія ни есть, которые живутъ въ деревняхъ: дворовыхъ же людей всякаго званія, въ столицахъ и городахъ велѣно переписать особо безъ раскладки на полки ¹⁾. Но изъ указа 10 декабря 1723 года, надлежитъ заключить, что и люди этого послѣдняго разряда вошли въ расчетъ подушнаго сбора, потому что велѣно подвергать ему всѣхъ тѣхъ, которые въ подушную перепись положены, каковы оныя званія ни были. Такимъ образомъ должны были окончательно войти въ подушную перепись наравнѣ съ крестьянами не только старинные холопы, но и кабальные люди и всѣ тѣ, которые жили въ господскихъ домахъ по записямъ подъ именемъ послуживцевъ и работныхъ людей; ревизія получила для нихъ дѣйствительно значеніе крѣпости: разъ попавъ въ ревизскую сказку по волѣ владѣльца и во имя государственнаго интереса, они лишались уже возможности и по смерти владѣльца оставить его домъ и перейти къ другому. Замѣтимъ еще, что прежніе писцы отмѣчали двory крестьянскіе въ своихъ книгахъ по личному обзору, а не по сказкѣ помѣщика; въ писцовыхъ книгахъ отмѣчалось обыкновенно, отъ кого и по какому акту досталось имѣнье, откуда пришелъ крестьянинъ и т. п. ²⁾; если же основаніемъ за-

¹⁾ Ук. 10 мая и 1 іюня 1722.

²⁾ См. писцовые указы XVII столѣтія и писцовыя книги, напр. въ *Бѣлевской Вивліовикѣ*. Вотъ на примѣръ какими словами говорится объ этомъ предметѣ въ писцовомъ наказѣ 1684 года (*П. С. З.* № 1074): «писцамъ брать у помѣщиковъ и вотчинниковъ сказки за ихъ руками съ подкрѣпленіемъ (т. е. съ означеніемъ отвѣтственности, которой давшій сказку подвергаетъ себя за ложное показаніе), что за ними въ помѣстьяхъ и пр. задворныхъ и дѣловыхъ и кабаль-

писки служило одно указаніе владѣльца, то это обстоятельство отмѣчалось въ переписной книгѣ, такъ что въ случаѣ спора и судебного разбирательства право помѣщика на такого крестьянина признавалось еще сомнительнымъ, требующимъ иныхъ, крѣпостныхъ доказательствъ, кромѣ переписной книги ¹⁾. Теперь, напротивъ, крѣпостныхъ людей стали включать въ перепись по одной сказкѣ помѣщика, который могъ такимъ образомъ писать за собою всѣхъ жившихъ при немъ людей: законъ вовсе не ставитъ въ обязанность должностнымъ лицамъ, принимавшимъ сказки, удостовѣряться въ дѣйствительной принадлежности владѣльцу всѣхъ показанныхъ людей и не устанавливаетъ никакихъ правилъ для разбирательства споровъ, которые могли возникнуть по этому предмету при ревизіи: законъ заботится лишь о томъ, чтобы ни одна душа не укрылась отъ ревизіи, и конечно чѣмъ болѣе показывалось людей къ подушному сбору, тѣмъ исправнѣе достигалась ближайшая цѣль правительства.

Такимъ образомъ прекратилось въ Россіи кабальное

ныхъ людей, и крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и въ нихъ людей, по именамъ съ отцы и съ прозвищи по переписнымъ книгамъ; что сверхъ тѣхъ переписныхъ книгъ прибыло или пустыхъ дворовъ объявится, и отъ чего пусты, и сколь давно; а взявъ сказки, *тѣхъ дворовъ и во дворѣхъ людей пересмотрѣть всѣхъ на лицо*, а пересмотря по тѣмъ сказкамъ, писать за ними въ писцовыя книги... а кто учнетъ дворы крестьянскіе называть людскими: и тѣхъ допрашивать, какіе у него люди, старинные или крѣпостные; и буде крѣпостные, досматривать крѣпостей, и буде старинные, и тѣхъ людей про старину распрашивать, сколь давно тѣ люди за ними живутъ, изъ которыхъ мѣсть и изъ-за кого имени пришли: и тѣхъ людей писать особъ статьею». Подобное же распоряженіе помѣщено въ наказѣ 1646 года (*Акты Арх. Эксп. Т. IV № 14*).

¹⁾ Это видно изъ судебныхъ производствъ того времени.

холопство, слившись въ одной переписи съ крестьянами и дворовыми людьми: право владѣльца на кабальнаго человека стало уже не пожизненнымъ, а потомственнымъ правомъ на крѣпостнаго человека ¹⁾. Приказъ [холопскихъ дѣлъ уже не существовалъ въ это время. Первый указъ о закрытіи его встрѣчается еще въ 1681 году ²⁾, но должно полагать, что послѣ того онъ былъ опять восстановленъ, потому что объ немъ упоминается еще въ указахъ 1690, 1694 и 1700 годовъ ³⁾. Неизвѣстно, когда именно послѣдовало окончательное его уничтоженіе; но видно, что въ 1705 году всѣ холопы дѣла производились въ московскомъ судномъ приказѣ; тамъ учрежденъ былъ для нихъ особый (холопій) столъ съ архивомъ, гдѣ хранились для справокъ записныя кабальныя книги прежнихъ годовъ, а въ послѣдствіи, по закрытіи суднаго приказа, около 1712 года, холопій столъ вошелъ въ составъ московскаго приказа земскихъ дѣлъ; въ этомъ же столѣ производились и дѣла о бѣглыхъ крестьянахъ. Производства суднаго и земскаго приказовъ о запискѣ отпускныхъ

¹⁾ Замѣчательно, что съ послѣднихъ годовъ XVII столѣтія слова: *холопъ*, *холопство*, въ отношеніи къ слову: *помѣщикъ*, принимаютъ у насъ на языкѣ юридическомъ другое, болѣе обширное значеніе, въ какомъ прежде слова эти не употреблялись. Прежде понятіе о *холопѣ* состояло въ связи съ словомъ *господинъ*; а званію *крестьянскому* соотвѣтствовало слово *помѣщикъ*. Но въ концѣ XVII столѣтія понятія эти мало-по-малу смѣшиваются. Кабальные холопы и дворовые люди, упоминая о господахъ своихъ, называютъ ихъ *помѣщиками*; законодательство, когда говоритъ о крѣпостныхъ людяхъ, выражается иногда такъ: быть имъ въ *холопствѣ* у своихъ *помѣщиковъ*, не различая строго холоповъ отъ крестьянъ. Такія выраженія встрѣчаются въ указахъ не позже 1700 года, когда еще не совершилось официальное сліяніе холоповъ съ крестьянами. ²⁾ П. С. З. № 897. ³⁾ П. С. З. №№ 1383, 1490, 1747, 1820.

мало-по-малу прекращаются около 1720 года. Въ это время кабальная запись вышла уже изъ употребленія. По смерти Петра законодательство и не упоминаетъ о кабальности и холопствѣ: оно исчезло со всѣми своими формами и принадлежностями. Изрѣдка попадаются въ указахъ о 2-й ревизіи названія *кабальныхъ* людей, но видно, что слово это употребляется въ общемъ значеніи, а не въ томъ, которое присвоивалось ему прежде ¹⁾. Замѣчательно, что нѣтъ прямого закона объ уничтоженіи кабальнаго холопства: оно прекратилось само собою, вслѣдствіе новаго порядка подушной переписи; но мѣсто кабальной записи заняла *записка* въ подушный окладъ.

Цѣль установленія ревизіи была вопервыхъ финансовая, чтобы ни одна душа податная не могла укрыться отъ подушнаго оклада; вовторыхъ полицейская, чтобы не было гулящихъ людей, «понеже отъ таковыхъ, кои шатаются безъ службъ, государственной пользы надѣяться не мочно, но токмо умножается воровство.» Не допуская вольныхъ и гулящихъ людей, правительство обязывало ихъ искать себѣ господина, идти къ кому-нибудь въ дворовое услуженіе и записываться за кѣмъ-нибудь въ подушный окладъ. Заботясь не о распространеніи личной свободы, а объ умноженіи промысловъ, правительство вообще давало подлежавшимъ запискѣ въ ревизію вольнымъ людямъ право приписываться къ посадамъ для занятія промыслами и торговлей, и за тѣмъ уже обязывало ихъ искать себѣ господь. Но этимъ правомъ не всѣ могли воспользоваться, а большая часть тѣхъ людей, кото-

¹⁾ См. напр. ук. 16 ноября 1737 г. П. С. З. № 7438.

рыхъ состояніе надлежало опредѣлить при ревизіи, должны были находиться въ беззащитномъ положеніи относительно чиновниковъ, производившихъ ее, и относительно помѣщиковъ, подававшихъ сказки. Съ одной стороны правительство стремилось обеспечить и осѣдлость вольныхъ людей и исправный платежъ за нихъ податей припискою ихъ къ мѣсту и къ лицу, которое приняло бы на себя за нихъ отвѣтственность; съ другой стороны помѣщикамъ представлялся удобный случай увеличить число подвластныхъ и обязанныхъ слугъ своихъ и работниковъ при подачѣ ревизской сказки, безъ особыхъ договоровъ и сложныхъ формальностей. Удобнѣе чѣмъ когда-либо стало укрѣпить за собою вольнаго человѣка, не только по желанію его, но и независимо отъ его желанія, просто по непрісканію имъ себѣ помѣщика и по отдачамъ отъ губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій и отъ переписчиковыхъ и ревизорскихъ дѣлъ. Не приискавшій себѣ господина могъ быть записанъ за тѣмъ, кто пожелалъ бы принять его къ себѣ, или записывался за тѣмъ, на чьей землѣ или въ чьей вотчинѣ заставляла его ревизія. Такъ въ 1720 году¹⁾ установлено, чтобы помѣщики включали въ свои сказки къ подушному окладу причетниковъ церковныхъ (кромѣ поповъ и дьяконовъ); въ 1722 году велѣно дѣтей *прежде бывшихъ* поповъ, дьяконовъ и причетниковъ, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ писать въ подушный сборъ на земляхъ того, чье село, и тому вотчиннику ими владѣть²⁾; дѣтей отставныхъ солдатъ, которые взяты были на службу изъ пашен-

¹⁾ Ук. 5 п 19 января.   ²⁾ Ук. 4 апр. 1722 и 11 марта 1723.

ныхъ людей, велѣно писать въ подушный окладъ къ тѣмъ деревнямъ, гдѣ отцы ихъ на жеребьяхъ жили ¹⁾). Малолѣтнихъ ниже десяти лѣтъ изъ вольныхъ людей, когда они не помнятъ, чьи были и отъ кого отпущены, велѣно отдавать для воспитанія тѣмъ, кто ихъ принять похочетъ въ вѣчное владѣніе ²⁾). Правда, что указы Петра и сенатскіе по поводу первой ревизіи не предоставляютъ лицамъ, производившимъ оную, общаго и безусловнаго права отдавать и записывать людей по своему усмотрѣнію; но нетрудно себѣ представить, что случаевъ этого рода при первой ревизіи было много: объяснительныя правила на указъ о ревизіи были разнообразны; общія правила выражены были въ нихъ неясно и не всегда согласовались съ резолюціями на вопросы частныя, такъ что и неясному разумѣнію закона и злоупотребленіямъ чиновниковъ оставалось много мѣста; а человѣку, неправильно записанному по ревизіи въ крѣпостное владѣніе, во всякомъ случаѣ трудно было доказать права свои на вольность. Законъ нигдѣ не выражаетъ въ видѣ общаго положенія, что записка въ ревизію уравнивается съ крѣпостью, даетъ право владѣть записаннымъ человѣкомъ, какъ крѣпостнымъ; главная цѣль закона приурочить людей, подлежащихъ подушному окладу, къ личности, которая должна отвѣтствовать въ исправномъ платежѣ его. Но въ общественномъ сознаніи той эпохи одно понятіе сливалось съ другимъ. Записать за собой человѣка значило удерживать его при себѣ, располагать его лично-стію, *владѣть* имъ: только на этомъ основаніи казалась

¹⁾ Ук. 31 іюля 1722. ²⁾ Ук. 23 окт. 1723.

возможною отвѣтственность за приуроченныхъ или записанныхъ людей; оттого и законъ, какъ мы видѣли, въ нѣкоторыхъ случаяхъ выражается такъ: «тому вотчиннику владѣть ими (записанными людьми)», и даже такъ: «владѣть ими *вѣчно*». Отъ того первая ревизія дала многимъ поводъ записывать за собою людей произвольно и владѣть ими какъ крѣпостными, даже вопреки прямому смыслу закона; такъ на примѣръ случалось, что попы записывали за собою въ ревизію своихъ церковниковъ ¹⁾. «Зазорныхъ дѣтей изъ монастырей и при ревизіи вольныхъ и дьячковъ раздавали», говоритъ Татищевъ ²⁾. При второй же ревизіи само законодательство рѣшительно приняло систему отдачи въ крѣпость и развило ее подробно и съ послѣдовательностью; оно утвердило въ послѣдствіи самыя злоупотребленія, допущенныя отдатчиками при первыхъ двухъ ревизіяхъ, постановивъ, что всѣ люди, записанные въ то время въ крѣпостное владѣніе, лишаются права доказывать незаконность записки ³⁾.

Такимъ образомъ съ первой ревизіи начинается новая система приобрѣтенія людей въ крѣпость, продолжающаяся до четвертой ревизіи 1782 года, — новая форма крѣпостной зависимости. Не одну только случайность, не одно только дѣйствіе личной воли или прихоти Петра должно видѣть въ этомъ явленіи, какъ ни тяжело современному человѣку обзрѣвать его съ современной точки зрѣнія. Историческое явленіе объясняется не одною слу-

¹⁾ См. ук. 10 ноября 1747 г. ²⁾ Прим. на Судебн. § 152. ³⁾ Св. Зак. IX т. ст. 921.

чайностію, не однимъ личнымъ произволомъ, а цѣлымъ ходомъ исторіи, строгою связью предшествовавшихъ явленій, вслѣдствіе коихъ возникло новое явленіе по закону исторической необходимости. Историкъ невозможно разсуждать о томъ, какую форму приняли бы у насъ крѣпостныя отношенія, какъ сложилась бы и какія бы потерпѣла измѣненія система крѣпостнаго права, еслибы Петръ не издалъ указа о ревизіи; что было, того не вычеркнешь изъ исторіи; что явилось въ ней, то явилось не даромъ. Въ XVI вѣкѣ, по распоряженію правительства, совершилось прикрѣпленіе къ землѣ всего сословія вольныхъ земледѣльцевъ; вслѣдъ за прикрѣпленіемъ отношеніе крестьянина къ землевладѣльцу получило характеръ личной зависимости. Не въ одномъ только законѣ слѣдуетъ искать объясненія и причины этому явленію: причины его скрываются глубже, въ нравахъ и устройствѣ цѣлаго общества: законъ, имѣвшій столь важное значеніе, нельзя себѣ представить какъ личную только волю, безусловную, отрѣшенную отъ жизни дѣйствительной. Нельзя себѣ представить, чтобъ однимъ дѣйствіемъ этой личной воли могло разомъ измѣниться все устройство общественное: такъ могла дѣйствовать только высшая, всемогущая воля, когда сотворила міръ *изъ ничего*. Въ XVIII столѣтіи, также по распоряженію правительства, крѣпостное право облекается въ новую форму, которая еще болѣе расширила его предѣлы: и это явленіе нельзя объяснить себѣ одною только личною волею законодателя.

Какъ ни была сурова та форма, въ которую облеклось у насъ крѣпостное право при Петрѣ, безпристрастный изслѣдователь не найдетъ въ ней рѣзкаго проти-

ворѣчія съ потребностями и понятіями тогдашняго общества: еслибъ оно было, форма была бы не въ силахъ выдержать борьбу съ внутреннимъ содержаніемъ жизни. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ первой ревизіи, въ русскомъ обществѣ, подѣ вліяніемъ новыхъ началъ, успѣло уже развиться сознаніе о томъ, что вольный человѣкъ можетъ существовать самъ собою, ни къ кому не приписываясь, и обязательная приписка вольныхъ людей уничтожилась. Но въ первой четверти XVIII столѣтія вольные люди ниспаго сословія назывались еще людьми *гулящими* и сами не знали, что дѣлать съ собой, если оставались безъ приписки къ посадамъ или пашнѣ и безъ службы господской. Идея объ одинаковомъ для всѣхъ сословіи и непосредственномъ отношеніи каждаго подданнаго къ правительству не выяснилась еще въ общемъ сознаніи. Правительство не успѣло, еще утвердить на прочныхъ основаніяхъ общую систему государственной администраціи, подобную Екатерининскому учрежденію о губерніяхъ; колеблясь между разнообразными попытками ввести въ управленіе общія начала и заботами объ удовлетвореніи финансовыхъ цѣлей, оно искало ближайшихъ средствъ и мѣръ для удовлетворенія насущнымъ потребностямъ государственнаго порядка: не мудрено, что средства избирались сильныя, мѣры грубыя и рѣшительныя.

Въ первую ревизію вошли крѣпостными *вопервыхъ* люди, которыхъ она застала въ личномъ владѣніи или услуженіи у лицъ всякаго сословія; *во вторыхъ* люди, которыхъ она застала поселенными на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ служилаго сословія и принадлежащими

къ помѣщичьимъ дворамъ; *третьихъ* люди, которые изъ вольныхъ вновь записывались въ подушный окладъ, тоже за лицами всякаго сословія, *кто ихъ къ себѣ приметъ*. По поводу ревизіи не было возбуждаемо общаго вопроса о томъ, какія сословія въ правѣ записывать за собой крѣпостныхъ и владѣть ими, и какія не въ правѣ. Относительно владѣнія крестьянами, неразрывно соединенными съ землею, существовали тѣ же самыя ограниченія, которымъ подвергалось по прежнимъ законамъ право вотчиннаго поземельнаго владѣнія: право это по прежнему признавалось исключительно принадлежностью людей служилыхъ; даже однодворцы, вышедшіе изъ разряда служилаго дворянства и зачисленные въ подушный окладъ, успѣли удержать при себѣ, вмѣстѣ съ помѣстными правами на помѣстную и вотчинными на вотчинную землю, и право на поселенныхъ на землѣ крестьянъ. Торговымъ людямъ, въ видѣ исключенія, для размноженія промышленности, позволено покупать къ заводамъ деревни съ тѣмъ, чтобы онѣ отъ заводовъ никогда не отдѣлялись ¹⁾). Вообще же принадлежностью къ тому или другому сословію опредѣлялось тогда преимущественно право на владѣніе землями того или другаго разряда, а не право на владѣніе крѣпостными людьми. Безземельныхъ служебныхъ и наемныхъ людей писали къ окладъ и за попами на церковныхъ земляхъ, и за посадскими и торговыми людьми, и за разночинцами, за приказными, церковными и монастырскими служителями, у кого кто находился въ службѣ ²⁾); посадскимъ людямъ и купцамъ запрещалось

¹⁾ Ук. 18 янв. 1721. 3 дек. 1723 п. 17. ²⁾ Ук. 28 февраля 1721. 10 мая и 1 іюня 1722. 19 янв. и 28 нояб. 1723 г.

приобрѣтать только населенныя имѣнія, кромѣ заводскихъ; не прежде 1746 года у нихъ отнято было право владѣть безземельными крѣпостными людьми ¹⁾. Изъ указовъ 3 и 27 ноября 1713 и 12 іюля 1715 года, слѣдуетъ, что нехристіане не въ правѣ были записывать за собой и въ ревизію людей крещеныхъ, такъ какъ вообще они не могли удерживать при себѣ имѣнія, населенныя крещеными людьми. Впрочемъ, въ указахъ о ревизіи нѣтъ прямого постановленія объ этомъ предметѣ.

Первоначально предполагалось всѣхъ, кромѣ крестьянъ, переписывать только къ свѣдѣнію, но потомъ, когда, вслѣдствіе финансовыхъ соображеній, изъ подушнаго оклада исключены только «шляхетство и отставные съ паспортами и тѣ, кои государево жалованье получаютъ», велѣно «положить на деньги людей всякаго званія, *дѣйствительно служащихъ* и подъ чьимъ бы именемъ кто ни былъ». Всякій, кто состоялъ въ услуженіи, записывался за тѣмъ, у кого жилъ. Впрочемъ законы Петра I положительно запрещаютъ посадскимъ тяглецамъ и одноворцамъ записываться за помѣщиками и частными владѣльцами ²⁾, но запрещаютъ не для того чтобъ ограждать личную ихъ свободу, а потому, что первые несли государево тягло и занимались промыслами, объ умноженіи коихъ правительство сильно заботилось, а послѣдніе считались служилыми людьми нисшаго разряда, слѣдовательно нужны были государству. Людей служилаго

¹⁾ См. П. С. З. № 9267. ²⁾ Ук. 27 сент. 1723 г. п. 3 и 4; Инструкция магистрату 1724 г. п. 8. Ук. 2 сент. 1724 г.

сословія служебъ полковыхъ и городовыхъ всегда запрещалось крѣпить, и потомки тѣхъ, которые прежде попали въ крѣпость, могли быть, по розыску сыщиковъ, возвращаемы изъ крестьянства въ прежнія службы ¹⁾).

Извѣстно, съ какою ревностью Петръ заботился о распространеніи въ Россіи промышленности всякаго рода, объ устройствѣ новыхъ фабричныхъ производствъ, о работкѣ сырыхъ произведеній, о развитіи въ городахъ торговыхъ промысловъ. Въ путешествіяхъ своихъ по Европѣ всего чаще сходился онъ съ людьми средняго, городского сословія, съ купцами, фабрикантами и работниками. Цвѣтущее состояніе городской промышленности въ западныхъ странахъ Европы возбудило въ немъ сильное желаніе привить и къ своей Россіи тотъ же промышленный духъ, завести въ ней такое же устройство, котораго она дотолѣ не знала. Безъ сомнѣнія въ головѣ его родилась та же мысль, подъ вліяніемъ коей чрезъ пятьдесятъ лѣтъ по смерти его Екатерина II такъ усиленно заботилась объ устройствѣ и развитіи «третьяго чина людей» въ своемъ государствѣ. Обратясь съ этою цѣлью къ городскому сословію, которое онъ нашель въ старой Россіи, Петръ увидѣлъ въ немъ «разсыпанную храмину», и въ теченіе всей своей жизни заботился о собираніи и созиданіи этой храмины. Городскіе жители, посадскіе люди, не составляли у насъ въ то время сословія въ собственномъ смыслѣ; то были не члены корпораціи, связанные общимъ промышленнымъ духомъ, общими интересами, а

¹⁾ См. въ II. С. З. Наказъ бѣлгородскимъ сыщикамъ, 1698 г. ст. 3, 4, 5.

люди государевы, тяглецы, сидѣвшіе на тяглыхъ своихъ участкахъ, прикрѣпленные тягломъ къ той мѣстности, на которой сидѣли. Петръ задумалъ дать этому классу людей искусственную организацію, возбудить въ нихъ промышленный духъ и промышленную дѣятельность посредствомъ искусственныхъ поощреній. Мы замѣтили уже выше, что промыслами въ городахъ занимались не одни только тяглые посадскіе люди: сюда стремились для пропитанія и для прибытку и люди служилые нисшаго разряда, и въ особенности крестьяне всѣхъ наименованій; для нихъ было выгодно, не неся на себѣ государева тягла, участвовать въ промыслахъ городского сословія. Съ другой стороны многіе тяглецы, *не стерпя тягла*, или по бѣдности, или по склонности къ бродячей жизни, покидали или продавали свои участки и шли закладываться въ службу къ частнымъ владѣльцамъ. Законъ съ давнихъ поръ запрещалъ первымъ пріобрѣтать осѣдлость въ городахъ и посадахъ, а послѣднихъ предписывалъ, какъ бѣглыхъ, возвращать на прежнія мѣста; но нарушенія закона продолжались по прежнему. Въ каждомъ городѣ и посадѣ проживало множество крестьянъ, принадлежавшихъ частнымъ владѣльцамъ; одни съ вѣдома своихъ помѣщиковъ, другіе въ бѣгахъ отъ нихъ: иные пріобрѣли въ свое владѣніе дома, лавки и тяглые участки, на что по законамъ не имѣли права. Выслать ихъ всѣхъ изъ посадовъ на свои крестьянскія тягла было бы невыгодно для развитія городской промышленности, и потому Петръ не только оставляетъ ихъ въ покоѣ, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда строгость вотчиннаго владѣльческаго права требовала бы непремѣнной высылки крестьянъ изъ поса-

довъ, жертвуетъ этимъ правомъ государственной промышленной цѣли. Съ первыхъ же годовъ своего царствованія, онъ началъ призывать вотчинныхъ крестьянъ къ участию въ городскихъ промыслахъ. Боярскимъ приговоромъ 1 янв. 1699 года постановлено: которые люди государевы и патриаршіе и монастырскіе и помѣщиковы крестьяне *похотятъ* жить для торговыхъ своихъ промысловъ на Москвѣ: имъ велѣно по купечеству записываться въ слободы, гдѣ кто похочетъ, и всякія государевы подати платить и службы служить. Потомъ велѣно помѣщичьихъ крестьянъ, которые торгуютъ въ лавкахъ и въ домахъ имѣютъ промыслы, взять въ посадъ, если же не пожелаютъ, то жить имъ за помѣщиками ¹⁾. Но въ 1714 г. ²⁾ дозволено въ Москвѣ помѣщичьимъ крестьянамъ, не записываясь въ посадскіе и оставаясь въ крестьянствѣ за помѣщиками по крѣпостямъ, торговать въ лавкахъ по прежнему, съ тѣмъ только, чтобъ они всякіе помѣщиковы доходы платили наравнѣ съ своею братьей крестьянами. Тоже подтверждено въ 1722 году ³⁾ еще положительнѣе: крестьянамъ, чьи бъ они ни были, вольно записываться въ посады, только они обязаны платить въ казну за свое крестьянство осьмигривенныя подушныя деньги, да наравнѣ съ посадскими дополнительный четырехгривенный окладъ, и сверхъ того оброкъ помѣщику; та же обязанность переходила и на ихъ потомковъ; но помѣщикъ не долженъ былъ обкладывать такихъ крестьянъ оброкомъ по своему произволу, глядя по богатству ихъ, выше той

¹⁾ Ук. 24 нояб. 1699; 11 марта 1700; 22 дек. 1700, ст. 2; 13 апр. 1711 п. 1. ²⁾ Ук. 1 февраля П. С. З. № 2770. ³⁾ Ук. 27 сент. 1722.

мѣры, въ какой взимался оброкъ съ деревенскихъ крестьянъ его. Этимъ правомъ могли воспользоваться по указу 1722 г. крестьяне, производившіе торгъ не менѣе какъ на 500 р.; для торговавшихъ къ с.-петербургскому порту сумма эта уменьшена до 300 р. Если же, занимаясь торговыми промыслами, они продолжали жить на уѣздной землѣ и не желали переселяться въ посады, то ихъ не велѣно и принуждать къ тому. Въ ревизію такихъ людей велѣно однакоже записывать помѣщичьими крестьянами, и тѣ изъ нихъ, которые до 1724 г. были уже записаны въ посадскій окладъ, не освобождались отъ платежа помѣщичьихъ оброковъ. Изъ магистратской инструкціи 1724 года видно, что крестьяне, жившіе и торговавшіе на такомъ положеніи въ городахъ, почитались въ числѣ гражданъ первой или второй гильдіи и состояли въ вѣдомствѣ магистрата; имѣли право владѣть въ городахъ лавками, купеческими заводами, держать у себя прикащиковъ и сидѣльцевъ, производить торги, заниматься промыслами всякаго рода и ѣздить свободно по городамъ и ярмаркамъ; тѣ же помѣщичьи крестьяне, которые не пожелали бы записаться въ посадъ, могли только продавать товары городскимъ и посадскимъ жителямъ, а сами лишались права на городскую торговлю ¹⁾. Такимъ образомъ право помѣщичьихъ крестьянъ на приписку къ посадамъ зависѣло отъ собственнаго ихъ достатка и желанія ²⁾, а помѣщичье право на нихъ ограничивалось пла-

¹⁾ Ук. 27 сент. и 23 окт. 1723; 16 сент. 1724; Инстр. магистр. 1724 г. п. 14, 15, 17. ²⁾ Впрочемъ приписка дворовыхъ людей и крестьянъ въ цехи по мастерству дозволялось только по отпускнымъ письмамъ помѣщика (Ук. 16 іюля 1722 г.).

тежомъ обыкновеннаго оброка: такой крестьянинъ принадлежалъ помѣщику только по имени и конечно не могъ быть ни проданъ, ни переселенъ, ни потребованъ обратно въ имѣніе. Такое положеніе торговыхъ крестьянъ опредѣлилось юридически уже при ревизіи: но и ранѣе этого времени, въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія, мы видимъ изъ приказныхъ производствъ, что и въ Москвѣ и въ городахъ помѣщичьи крестьяне по крайней мѣрѣ на столько же, на сколько посадскіе и торговые люди, принимаютъ участіе въ промышленныхъ оборотахъ, мелкихъ подрядахъ, мелкой торговлѣ и денежныхъ сдѣлкахъ, берутъ подряды, вступаютъ въ товарищество съ заводчиками и подрядчиками другихъ сословій, участвуютъ въ винокуреніи, заключаютъ разнообразныя договоры, нанимаются въ работы всякаго рода, занимаютъ и отдаютъ въ займы значительныя по тому времени денежные суммы и пользуются свободно всѣми выгодами своей промышленной дѣятельности ¹⁾; въ судахъ, въ приказахъ, у воеводъ они ищутъ и отвѣчаютъ отъ своего лица, прямо называютъ себя крестьянами такого-то помѣщика, и никто не спрашиваетъ у нихъ, по какому праву и съ чьего разрѣшенія они оставили свои деревни и занялись городскою промышленностью.

Вновь возникшая заводская и фабричная промышленность также требовала значительнаго количества рабочихъ. Они должны были набираться преимущественно

¹⁾ О томъ, что помѣщичьи крестьяне могли брать на себя подряды, свидѣтельствуетъ между прочимъ указъ 22 января 1724. Для удостовѣренія состоятельности такихъ подрядчиковъ требовалось отъ нихъ свидѣтельство за руками помѣщиковъ или управителей.

изъ крестьянъ, потому что тяглые люди не могли быть увольняемы съ тягла, а у гулящихъ вольноотпущенныхъ людей, привыкшихъ къ личной службѣ, не было еще въ обычаѣ искать средствъ существованія въ вольномъ трудѣ. Заводы и фабрики наполнялись владѣльческими крестьянами; одни приходили для заработковъ, другіе, бѣгая изъ за вотчинниковъ и помѣщиковъ, искали пристанища на заводахъ, гдѣ охотно принимали ихъ, подъ прикрытіемъ льготъ, которыя правительство предоставляло первоначальнымъ заводчикамъ для поощренія фабричнаго производства. Возвращать всѣхъ такихъ бѣглыхъ помѣщикамъ было бы сообразно съ строгостью вотчиннаго права, но отъ этого потерпѣла бы заводская промышленность, покровительствуемая государствомъ; можетъ быть вслѣдствіе подобнаго соображенія въ многочисленныхъ указахъ о бѣглыхъ, изданныхъ Петромъ, не упоминается о возвращеніи бѣглыхъ съ заводовъ. При ревизіи же постановлено: помѣщичьихъ людей и крестьянъ, проживающихъ въ работѣ на частныхъ заводахъ, записывать за помѣщиками, но *не ссылатъ ихъ неволею*, дабы тѣхъ заводовъ не опустошить; имъ дозволено оставаться на заводахъ, съ тѣмъ чтобы, кромѣ подушныхъ денегъ, платили по прежнему оброку своимъ вотчинникамъ ¹⁾; та же мѣра примѣнена и къ судовымъ рабочимъ людямъ. Именнымъ указамъ 18 іюля 1722 года въ тѣхъ же видахъ съ заводовъ запрещено было отдавать бѣглыхъ, чьи бѣ они ни были, и даже отданныхъ прежде того велѣно возвратитъ на заводы; однакоже на будущее время подтверждено не при-

---

¹⁾ Ук. 15 марта 1722.

нимать бѣглыхъ ¹⁾); въ плакатѣ 1724 года постановлено, что каждый, кто станетъ держать у себя въ работѣ чужаго человѣка безъ отпускнаго письма или послѣ означеннаго въ письмѣ срока, отвѣтствуетъ за него какъ за бѣглаго; но для заводчиковъ сдѣлано исключеніе изъ этого правила, если работникъ, обучившійся искусству, будетъ имъ «весьма нуженъ». Въ такомъ случаѣ заводчикъ имѣлъ право удержать у себя и чужаго крѣпостнаго человѣка, заплативъ за него помѣщику 50 рублей.

До сихъ поръ видѣли мы въ указахъ Петра, относящихся къ крѣпостному праву, стремленіе къ цѣлямъ исключительно государственнымъ и финансовымъ. Правительство не провозглашаетъ новаго начала общественнаго, не заявляетъ ни малѣйшаго стремленія установить на новыхъ началахъ отношенія подвластнаго человѣка къ владѣльцу: гражданское отношеніе человѣка къ человѣку управляется, въ сферѣ крѣпостнаго права, все тѣмъ же стремленіемъ сильной личности поставить личность безсильную въ безусловную отъ себя зависимость. Государственная власть заботится не о распространеніи личной свободы, а о своихъ государственныхъ цѣляхъ, чтобы ни одна податная душа не укрылась отъ положеннаго сбора; чтобы всякая податная единица была на счету, подъ рукою и подъ контролемъ; чтобы не было бѣглыхъ и гулящихъ людей, нигдѣ не записанныхъ; чтобы люди праздные, бродячіе и бесполезные могли быть употреблены на службу и на военное дѣло; чтобы люди полезные для промышленности не отвлекались отъ своихъ занятій. Со-

¹⁾ 29 мая 1724.

отвѣтственно этимъ цѣлямъ, обращаясь къ сословію крѣпостныхъ людей, законъ постановляетъ мѣры, то къ расширенію и утвержденію владѣльческаго права, то къ его стѣсненію: въ иныхъ случаяхъ насильственно записываетъ вольнаго человека въ крѣпостное владѣніе; въ другихъ крѣпостнаго человека произвольно освобождаетъ или беретъ для другихъ занятій. Мы указали уже на такіе случаи: замѣтимъ еще, что Уложеніе вовсе почти не допускаетъ извѣтовъ отъ крѣпостнаго человека на владѣльца, а законодательство Петра I во многихъ случаяхъ ставитъ крѣпостному человеку въ обязанность доносить на помѣщика, и обѣщаетъ за такіе доносы награду или предоставленіе свободы. Слѣдующія преступленія признаются законнымъ поводомъ къ доносу: корчемство, лихоимство, поврежденіе государственнаго интереса, укрывательство отъ службы, принятіе чужихъ бѣглыхъ крестьянъ ¹⁾. Относительно приѣма бѣглыхъ, законъ положительно запрещаетъ крестьянамъ слушаться приказаній помѣщика, подъ страхомъ тяжкаго наказанія. Законъ XVII столѣтія останавливается передъ соображеніями, вытекающими изъ частнаго владѣльческаго права: государство при Петрѣ Великомъ выказываетъ болѣе энергіи и послѣдовательности въ своихъ стремленіяхъ, и потому не всегда стѣсняется этими соображеніями. Устраивая свою державу могучею рукой и крѣпкою волей, Петръ не стѣснялся правами частной собственности тамъ, гдѣ они сталкивались съ государственною его цѣлью; право на

¹⁾ П. С. З. Ук. 15 сент. 1705; 23 окт. 1713; 26 сент. 1714; 19 февр. 1721 г.

крестьянъ и крѣпостныхъ людей было однимъ изъ главныхъ видовъ частной собственности: тамъ, гдѣ нельзя было согласить неприкосновенность этого права съ государственнымъ интересомъ, оно нарушалось и ограничивалось; но въ этихъ ограниченіяхъ выражается еще не протестъ противу безграничной власти крѣпостнаго владѣльца, не сочувствіе высшимъ требованіямъ челоѣческой личности, даже не стремленіе опредѣлить юридически отношеніе подвластныхъ людей къ господину. Не настало еще время взвѣшивать всѣ силы государства, распредѣлять ихъ экономически, устанавливать взаимное ихъ между собою отношеніе: насущная потребность той эпохи состояла въ томъ, чтобы собрать всѣ разрозненныя силы около одного центра и направить ихъ къ одной цѣли.

Есть однакоже указы Петра Великаго, въ которыхъ, независимо отъ всякой другой цѣли, выражается намѣреніе поставить нѣкоторыя предѣлы господской и помѣщичьей власти; но на основаніи этихъ указовъ нельзя еще признать Петра *противникомъ* крѣпостнаго права. Петръ стремился ввести всюду порядокъ и организацію, ограничить личный произволь, несовмѣстный съ государственнымъ устройствомъ; извѣстно, что, вводя новыя формы коллегіальныя въ судѣ и въ администраціи, онъ желалъ ограничить начало личнаго управленія. Но, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ, слишкомъ смѣло было бы предположить въ немъ намѣреніе преобразовать отношеніе крѣпостныхъ людей къ владѣльцамъ на иныхъ началахъ.

Власть помѣщика, почти безграничная, если разсматривать ее отдѣльно отъ всего общественнаго быта и об-

щественной организаці той эпохи, дѣйствительно представляется намъ явленіемъ во многихъ отношеніяхъ противогосударственнымъ даже и для того времени. Государственная власть въ полномъ своемъ развитіи относится одинаково ко всѣмъ сословіямъ, посредствомъ установленныхъ правительствъ: таково было стремленіе государственной власти и въ Россіи. Многое, что въ XV и XVI столѣтіяхъ имѣло еще видъ частнаго дѣла, въ XVII признается уже дѣломъ государевымъ и земскимъ; въ законѣ выражается твердое намѣреніе все устроить такъ, чтобы «повсюду было великаго государя государство». Но вдругъ этого нельзя было устроить; власть государственная въ самомъ стремленіи своемъ къ единству и къ стройной организаціи должна была дѣйствовать посредствомъ такихъ учрежденій, которыя возникли въ общественномъ быту подъ вліяніемъ началъ частнаго, вотчиннаго права, а не началъ государственныхъ. Такова была вотчинная власть землевладѣльца надъ людьми и крестьянами. Многочисленное сословіе помѣщичьихъ крестьянъ, подвластное помѣщику, въ обыкновенной сферѣ своего быта относилось къ государству не непосредственно, а лишь посредствомъ своего владѣльца; когда было дѣло до нихъ, власть правительственная къ нему обращалась съ своимъ требованіемъ; черезъ него вѣдали они о государевомъ и земскомъ законѣ, отъ него въ одномъ и томъ же приказаніи принимали и вообще распоряженіе правительства и его собственное распоряженіе, такъ что первое не всегда удобно могли отличить отъ послѣдняго. Они почитали себя государевыми людьми, и весьма вѣроятно, что помѣщиковъ

почитали только временными своими владѣльцами ¹⁾); но въ то же время и помѣщика именовали своимъ *государемъ*. Онъ былъ непосредственнымъ ихъ владѣльцемъ; самъ законъ не допускалъ никакой на него жалобы, слѣдовательно самъ законъ какъ бы ставилъ ихъ въ особенную сферу, гдѣ воля владѣльца долженствовала служить имъ закономъ. Но оставляя крестьянъ въ такомъ положеніи относительно владѣльца, устраняя ихъ отъ непосредственнаго своего вліянія, законъ въ то же самое время предъявлялъ безусловныя права свои на власть повсемѣстную и, угрожая крестьянину наказаніемъ за неповиновеніе владѣльцу, въ то же время угрожалъ ему наказаніемъ и за нарушеніе общаго закона. Отсюда возникали противорѣчія и столкновенія между ненарушимостью государственной воли и между дѣйствіемъ воли владѣльческой: столкновенія эти были такъ многочисленны, что казались явленіемъ обыкновеннымъ, но они производили разладъ въ общемъ государственномъ строѣ и служили важнымъ препятствіемъ свободному дѣйствію государственной власти. Примѣры такихъ столкновеній встрѣчаются намъ такъ сказать на каждомъ шагу въ памятникахъ XVII и XVIII столѣтій, въ царствованіе Петра Великаго. Помѣщичье село представляется какъ будто маленькимъ государствомъ посреди большаго; нельзя не замѣтить, какихъ усилій и трудовъ стоитъ центральной государ-

¹⁾ Посошковъ пишетъ: «крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы; того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямой ихъ владѣтель всероссійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно... царю они вѣковые, и крестьянское богатство — царственное, а нищета крестьянская — оскудѣвіе царственное». *Сочиненія И. Посошкова*, стр. 183, 189.

ственной власти проникнуть въ это маленькое государство, утвердить тамъ свою силу, исполнить свое распоряженіе. Сплошь да рядомъ мы видимъ, что помѣщикъ въ своемъ имѣніи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ безнаказанно упорствуетъ въ неисполненіи всѣхъ требованій правительства, господствуетъ съ полнымъ произволомъ надъ своими крестьянами и даже, съ помощью этого господства, открыто возстаетъ противъ общественной власти. Явленія этого рода такъ часто встрѣчаются въ памятникахъ, изданныхъ уже во всеобщее свѣдѣніе, что едва ли нужно приводить примѣры. Но въ памятникахъ еще неизданныхъ такихъ примѣровъ встрѣчается еще болѣе. Напримѣръ изъ судебныхъ производствъ XVII и XVIII столѣтій видно, какъ трудно было въ то время бѣдному обиженному помѣщику, не говоримъ уже—получить управу на сильнаго обидчика, но и просто вызвать его на судъ, потребовать къ отвѣту: достигнувъ даже управы въ приказѣ или у воеводы, оправданный истецъ по годамъ и по десяткамъ лѣтъ напрасно добивался исполненія, такъ что нерѣдко долженъ былъ вовсе бросить дѣло. Сильный помѣщикъ всѣхъ посыльныхъ отъ суда встрѣчалъ такъ какъ домохозяинъ встрѣчаетъ шайку грабителей: съ бранью и ругательствомъ, съ дубьемъ и оружіемъ, «собрався съ своими крестьяны». Подьячему, который пріѣзжалъ со служилыми людьми во дворъ помѣщиковъ, объявлялось прямо, «ступайте де вонъ, никого вамъ не дадутъ, а коли поѣдете за людьми на село, будете побиты до смерти»; случалось даже, что пріѣхавшаго подьячаго помѣщикъ приказывалъ бить, сажать на цѣпь, и освобождалъ только по усиленнымъ его просьбамъ. Послѣ нѣсколькихъ посы-

локъ, отвѣтчикъ переѣзжалъ въ другую вотчину, гдѣ повторялись такія же продѣлки; большею часть онъ, если былъ силенъ, оставался безъ всякаго наказанія за ослушаніе. Нерѣдко случалось, что помѣщикъ, вооруживъ поголовно крестьянъ своихъ, отправлялся съ ними разорять и грабить сосѣднее имѣніе менѣе сильнаго владѣльца; ограбленный и избитый съ семьей ѣхалъ въ Москву искать управы, давалъ осматривать бой и раны, начиналъ искъ; но отвѣтчика иногда по цѣлымъ годамъ нельзя было вызвать изъ имѣнія; посланные приводили одного за другимъ людей и крестьянъ его и дѣло нерѣдко ничѣмъ не оканчивалось. Приказы московскіе наполнены были подобными дѣлами, потому что у воеводы нечего было и надѣяться на управу: воевода, еслибъ и хотѣлъ, рѣдко въ состояніи былъ справиться съ ослушникомъ, потому что у воеводы часто не доставало солдатъ, кого бы послать съ приставомъ, *за разсылками по другимъ дѣламъ*; а у буйнаго ослушника въ распоряженіи бывала цѣлая вооруженная толпа собственныхъ людей и крестьянъ. Въ сыщико-выхъ дѣлахъ XVII и XVIII столѣтій часто встрѣчаются цѣлыя шайки разбойниковъ и грабителей изъ крестьянъ, разѣзжавшія по дорогамъ подъ предводительствомъ своего помѣщика ¹⁾.

¹⁾ Вотъ примѣръ, взятый изъ производствъ московскаго земскаго приказа: ближній стольникъ ен. Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, поссорившись съ крапивенскимъ воеводой и комендантомъ Иваномъ Левшинымъ, въ 1709 году, вооружилъ всѣхъ людей и крестьянъ своего села Жердева, ходилъ съ ними на городъ Крапивну и разоралъ построенную у города плетневую крѣпость. По отпискѣ Левшина, изъ московской губернской канцеляріи велѣно послать для сыску дворянина добраго, но никто не былъ посланъ. А когда Левшинъ

При всѣхъ подобныхъ неустройствахъ, сопряженныхъ съ безусловною помѣщичьею властью, она все-таки была нераздѣльною принадлежностью тогдашняго общественнаго быта. Въ связи съ тогдашнимъ общественнымъ устройствомъ, власть эта прежде всего была, и должна была казаться въ глазахъ Петра сильнымъ орудіемъ управленія; въ этомъ именно смыслѣ онъ употреблялъ ее для своихъ цѣлей; слѣдовательно не осудилъ ее какъ *учрежденіе*, какъ *форму* общественную. Это не препятствовало ему однакоже сознавать нравственное безобразіе нѣкоторыхъ проявленій помѣщичьей власти и заботиться объ искорененіи того, въ чемъ онъ видѣлъ ея злоупотребленіе; а возставать противу злоупотребленія власти не значитъ еще осуждать ея употребленіе, отрицать ея значеніе. Въ ту эпоху, въ которую жилъ Петръ, и въ томъ обществѣ, въ которомъ онъ дѣйствовалъ, не могъ еще онъ ясно сознавать, что невозможно установить юридически границы владѣнію, которое по существу своему не терпитъ границъ, и что тамъ, гдѣ власть человѣка надъ человѣкомъ основана на правѣ собственности, злоупотребленіе власти почти сливается съ ея употребленіемъ; ибо то и другое зависитъ отъ произвола владѣльца, а ограничить произволь, устранить непосредственное вліяніе его на подвластнаго человѣка, опредѣлить юридически отношеніе владѣльца къ крѣпостному, наложивъ на пер-

---

сошелъ съ воеводства, люди Ромодановскаго наѣхали грабежемъ на бѣлевскую его вотчину, разграбили весь домъ и скоть его, избили людей и одного убили. Левшинъ въ 1711 году просилъ на Москвѣ въ земскомъ приказѣ о розыскѣ, но ему въ 1717 году отказано въ розыскѣ, потому что онъ *явныхъ уликъ не представилъ*, а предоставлено вѣдаться съ кн. Ромодановскимъ *допросомъ*.

ваго обязанность, дать и послѣднему соотвѣтственное право, значить уже потрясти крѣпостное право владѣльца въ коренномъ его основаніи.

Въ 1721 году 15 апрѣля Петръ, въ именномъ указѣ сенату, возстаетъ противъ продажи людей врознь, и прямо называетъ ее *обычаемъ*. «Обычай былъ въ Россіи, пишетъ онъ, который и нынѣ есть, что крестьянъ и дѣловыхъ и дворовыхъ людей мелкое шляхетство продаетъ врознь кто похочетъ купить, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей отъ отца или отъ матери дочь или сына помѣщикъ продаетъ, отчего не малый вопль бываетъ». Государь указалъ оную продажу пресѣчь, а ежели невозможно будетъ того вовсе пресѣчь, то бы хотя по нуждѣ и продавали цѣлыми фамиліями или семьями, а не порознь. Эти слова многозначительны потому, что они сказаны монархомъ, и потому, что до насъ дошелъ изъ этой эпохи одинъ только его голосъ противъ обычая, принятаго по всей Россіи, и не однимъ только мелкимъ шляхетствомъ ¹⁾. Но и при ограниченіи

¹⁾ Неумѣренные хвалители Петра видятъ въ этомъ указѣ доказательство того, что Петръ былъ *противникомъ* крѣпостнаго права. Это еще можно понять. Но гораздо труднѣе понять, какимъ образомъ пристрастные обвинители Петра рѣшаются, *тѣмъ же самымъ указомъ* подкрѣплять свое мнѣніе о томъ, будто бы Петръ утвердилъ и узаконилъ суровое крѣпостное право въ землѣ русской. До Петра, говорятъ они, русскій законъ не позволялъ и не признавалъ за помѣщиками права продавать крестьянъ ни семьями, ни порознь, и самъ Петръ таковую продажу называетъ *обычаемъ*. Но Петръ объявляетъ, что *можно* продавать людей семьями; слѣдовательно онъ первый узаконилъ продажу крестьянъ отдѣльно отъ земли. Для ума не предубѣжденнаго ясно, что указъ вовсе не имѣетъ того значенія, которое здѣсь ему приписывается. *Во 1-хъ* если закономъ ограничивается всеобщій безнравственный обычай, то намѣреніе закона во

этого обычая *сущность* крѣпостнаго права надъ людьми не подверглась бы коренному измѣненію: мы видѣли, что и кабальнаго человѣка нельзя было продать, хотя онъ во все время своего холопства находился въ рабской зависимости отъ господина. Притомъ приведенный указъ Петра не можетъ быть названъ закономъ; онъ не содержитъ въ себѣ яснаго, положительнаго запрещенія, и не былъ обращаемъ къ исполненію, а подлежалъ только вѣдѣнію сената, «чтобы о томъ при сочиненіи нынѣшняго уложенія изъяснить какъ высокоправительствующіе господа сенаторы заблагоразсудятъ». А предположенное уложеніе вовсе не было приведено къ концу. Но во все время царствованія Петра мы видимъ, что обычай продавать и покупать людей семьями и порознь, отдѣльно отъ земли, продолжался въ полной силѣ и дѣйстви; владѣльцы дарили, мѣняли, уступали, отдавали въ приданое людей, крестьянъ, вдовъ, дѣвокъ и дѣтей, и акты этого рода совершались всюду безпрепятственно. Не задолго до того времени, когда Петръ выразилъ свое неудовольствіе на этотъ обычай, объявленъ былъ именной указъ его (29-го

всякомъ случаѣ достойно уваженія, а строгое исполненіе его должно быть благодѣтельно. Во 2-хъ упрекъ, дѣлаемый Петру, былъ бы еще понятенъ, когда бъ имѣли въ виду дѣйствительно законъ, обращенный къ исполненію. Тогда можно было бы сказать: если Петръ сознавалъ все безобразіе цѣлаго обычая, зачѣмъ же, уничтожая его въ одной части, узаконилъ онъ другую часть, въ которой выражается также безнравственное начало? Но дѣло въ томъ, что Петръ вовсе не издавалъ закона, а объявилъ свое мнѣніе въ указѣ, который далъ въ руководство составителямъ уложенія. Въ этомъ мнѣніи обычай продавать людей рѣшительно осуждается, но воспрещеніе его вполнѣ или частію предоставляется предварительному обсужденію законодательной коллегіи.

октября 1720 г.), коимъ предоставлено всѣмъ рекрутамъ, которые взяты будутъ изъ служилыхъ всякихъ чиновъ людей и дѣтей ихъ, кромѣ шляхетства, право, для избавленія отъ солдатской службы, *покупать вмѣсто себя людей въ рекруты*. Извѣстно, къ какимъ злоупотребленіямъ дозволеніе это подало поводъ въ послѣдствіи, при преемникахъ Петра Великаго. Многіе мелкопомѣстные помѣщики стали производить торгъ своими людьми для отдачи за другихъ въ рекруты.

Укажемъ еще на другія постановленія Петра, въ которыхъ обыкновенно видятъ стремленіе его къ ограниченію крѣпостнаго права. Петръ запретилъ помѣщикамъ принуждать людей своихъ къ браку, выбирать женихамъ невѣсть, а невѣстамъ жениховъ. Формальное запрещеніе послѣдовало въ 1724 году ¹⁾, но еще ранѣе того въ 1722 году ²⁾ вѣдомству синода предоставлены были дѣла «о бракахъ въ рабахъ по принужденію господъ, безъ произволенія сочтаныхъ». Запрещеніе это не было впрочемъ новымъ закономъ: и *Кормчая Книга*, служившая уставомъ во всѣхъ брачныхъ дѣлахъ, и Церковный уставъ Ярослава содержать въ себѣ то же запрещеніе, а соборныя статьи 1667 года допускаютъ жалобы рабовъ на

¹⁾ Ук. 5 янв. П. С. З. № 4406. Этимъ же указомъ запрещено было родителямъ принуждать дѣтей къ браку; для большей крѣпости вѣлѣно было приводить родителей прежде вѣнчанія къ присягѣ, не насильно ли сына женятъ и дочь замужъ выдаютъ; *также и господа съ рабами не такъ ли поступаютъ*. Но форма присяги, приложенная къ этому указу, относится только къ родителямъ, господа же обязаны были выдавать слугамъ своимъ письма, *подъ клятвою суда Божія и присяги своей*, что ихъ не неволятъ; слѣдовательно господа увольнялись отъ *особой* присяги. ²⁾ 12 апр. П. С. З. № 3963.

насиліе господъ своихъ по дѣламъ того же рода; но произвольной власти не трудно было превратить въ обычай нарушеніе древняго устава. Дозволеніе помѣщика считалось непремѣннымъ условіемъ для вступленія въ бракъ крѣпостныхъ; и крестыанскія вдовы и дѣвки не могли выходить замужъ за чужихъ и вольныхъ людей безъ отпускныхъ и выводныхъ писемъ ¹⁾; но въ плакатѣ 1724 года постановлено, что помѣщикъ не имѣеть права удерживать крѣпостную вдову или дѣвку, если женихъ заплатитъ за нее выводъ по цѣнѣ, которую обыкновенно платяють въ томъ мѣстѣ за выводъ ²⁾.

Петръ уничтожилъ (или по крайней мѣрѣ ограничилъ) правезъ, но еще прежде того уничтожилъ варварское право господъ и помѣщиковъ ставить за себя на правезъ людей и крестыанъ своихъ. Намъ кажется, что не слѣдуетъ приписывать этотъ законъ исключительно побужденію челоѡколюбія или внутренней справедливости; *по всей вѣроятности*, въ изданіи его участвовало то и другое чувство: такъ слѣдуетъ *предполагать*; но изъ самаго закона видно, что главною побудительною къ нему причиною было ускореніе взысканій. Обвиненные отвѣтчики, по старому порядку отвѣчая въ искѣ сначала лично, а потомъ уже имуществомъ своимъ, имѣли полную возможность устранить свою личность отъ непосредственной отвѣтственности на неопредѣленное время. Покуда люди ихъ и крестыане «отстаивались» на правезѣ, они

---

¹⁾ Ук. 3 сент. 1723 г. № 4294. ²⁾ Впрочемъ въ этомъ указѣ не совсемъ ясно выражено, распространяется ли означенное право на всѣхъ стороннихъ жениховъ, или только на жениховъ изъ солдатъ, расположенныхъ по уѣздамъ на души.

имѣли время укрыть отъ взысканія и себя и свое имѣніе, а сами не подвергались опасности быть взятыми на правежъ, потому что у нихъ всегда было кого за себя поставить; притомъ, какъ въ прежнемъ приказномъ производствѣ всякое дѣйствіе суда совершалось не иначе какъ по ходатайству заинтересованной стороны, то и за правежомъ не тотчасъ слѣдовало дѣйствительное взысканіе; послѣ перваго правежа брали иногда другихъ людей и крестьянъ, которые въ свою очередь должны были отстаиваться за господина. Правые терпѣли за неправого, потому только, что принадлежали къ составу его имущества, и выраженіе «править на людяхъ и крестьянахъ» долго употреблялось еще въ юридической практикѣ и послѣ того, какъ дѣйствительный правежъ на людяхъ былъ уничтоженъ закономъ. Обычай этотъ былъ жестокъ и несправедливъ, но онъ противорѣчилъ и государственному интересу, а это было главное съ тогдашней точки зрѣнія правительства. Такъ правилось не только частные иски, но и казенныя взысканія: отсюда понятно, почему первоначальное постановленіе о прекращеніи правежа на людяхъ состоялось по поводу затрудненій, возникшихъ при взысканіи казенныхъ недоимокъ. Самый ранній указъ объ этомъ предметѣ, напечатанный въ *Полномъ Собраніи Законовъ*, относится къ 1720 году ¹⁾, но онъ былъ только подтвержденіемъ прежняго, состоявшагося гораздо ранѣе этого времени, именно въ 1711 году. Этотъ послѣдній указъ довелось намъ встрѣтить въ выпискѣ подъ однимъ

---

¹⁾ № 3685.

суднымъ дѣломъ 1719 года, и потому подлинность его не подлежитъ сомнѣнію ¹⁾).

Черезъ три года послѣ этого указомъ, въ 1714 году ²⁾), запрещена отдача всякихъ чиновъ людей въ заживъ и въ крестьянство за частные иски, а вмѣсто того тѣхъ, кому долговъ платить нечѣмъ, велѣно ссылатъ на галеры. Въ этомъ распоряженіи, если взять его отдѣльно отъ вопроса, по поводу котораго оно сдѣлано, выражается какъ будто желаніе ограничить число случаевъ, въ коихъ вольный человѣкъ могъ быть отданъ въ крѣпость. Но цѣль закона была совсѣмъ другая: не крѣпить людей *никакими вымыслами*, предупредить притворныя сдѣлки, посредствомъ которыхъ человѣкъ изъ тягла государева переходилъ въ тягло къ частному владѣльцу. Въ то время, какъ мы имѣли случай замѣтить, люди нисшаго званія должны были несть на себѣ какое-нибудь тягло, и тягло государево не всегда было легче тягла помѣщичьяго, такъ

---

¹⁾ Почитаемъ не лишнимъ привести его въ цѣлости, такъ какъ онъ, сколько намъ извѣстно, нигдѣ еще не былъ напечатанъ: «въ указѣ великаго государя 711 года и въ пунктахъ каковы состоялись статьи о доимкѣ и о зборѣ доходовъ и о правехъ всякихъ въ приказы платежей написано: буде кто на правехъ станетъ отстаиватца или инако какъ отбывать отъ платежа государевыхъ податей или старыхъ какихъ доимокъ или исцова иску, и у такового въ государевы платежи дѣлить дворы его и пожитки и вотчины и всякое имѣніе лутчее, а въ исцовъ искъ исчего истецъ похочеть, безо всякаго отлагательства, а во первыхъ виноватому дать срокъ з запискою по указу оцѣненное или другое, что виноватой похочеть свое продать і в тотъ правехъ сполна заплатить, а слугъ и работниковъ ни в какихъ на господахъ ихъ доимкахъ і во всякихъ платежахъ на правехъ отнюдь не бить и не ставить, а править кромѣ *пахатныхъ* на самихъ господахъ, а во первыхъ править государевы платежи». ²⁾ 26 мая № 2812.

что послѣднее перѣдко предпочиталось первому. Многіе посадскіе люди, «не хотя въ слободахъ жить и съ посадскими службу служить и подати платить», выходили изъ слободъ и записывались за частныхъ владѣльцевъ *вымысломъ своимъ*, какъ будто бы за долги, въ крестьянство, или жили за ними въ закладчикахъ, или отдаваемы были имъ въ заживъ за долги дѣйствительные, либо вымышленные; иные же оставались на жительствѣ въ прежнихъ слободахъ своихъ, но, считаясь въ закладчикахъ за частными владѣльцами, уклонялись отъ посадской службы и не платили никакихъ податей вмѣстѣ съ посадскими людьми. Чтобы прекратить это злоупотребленіе, правительство воспрещаетъ всякую отдачу въ заживъ за частные иски. Вотъ цѣль, которая ясно выражена въ законѣ; побудительною причиною былъ здѣсь тотъ же интересъ государственный, который вездѣ стоитъ у Петра на первомъ планѣ; въ законѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на какую-либо другую цѣль, и потому мы не имѣемъ права заключать, на основаніи его, о какой либо перемѣнѣ въ общемъ взглядѣ правительства на крепостное право ¹⁾.

Въ такомъ же смыслѣ слѣдуетъ разумѣть и уничтоженіе права владѣльцевъ представлять за себя на судъ къ присягѣ людей и крестьянъ своихъ ²⁾: «у вѣры быть истцу и отвѣтчикамъ самимъ, а не дѣтямъ и не собственникамъ и не людямъ ихъ и крестьянамъ.» Постановленіе это состояло въ связи съ розыскнымъ началомъ,

¹⁾ Наказъ воеводамъ 1719 г. ст. 31. ²⁾ Татищевъ разумѣетъ приведенный указъ въ томъ же смыслѣ. См. въ *Примѣчаніяхъ на Судебникъ*, § 55.

введеннымъ въ исковое судопроизводство вмѣсто прежнихъ судовъ и очныхъ ставокъ. При розыскѣ всякій необходимо долженъ былъ отвѣчать самъ за себя, и судъ, по новому понятію, представлялся не столько борьбою тяжущихся сторонъ, сколько средствомъ, установленнымъ отъ правительства, для достиженія истины.

Петръ предписалъ воеводамъ принимать мѣры къ пресѣченію разорительнаго обращенія съ крестьянами «нѣкоторыхъ непотребныхъ людей, которые ради пьянства или иного какого непостояннаго житія сами своимъ деревнямъ безпутные разорители суть и вотчины свои не токмо не снабдѣваютъ или защищаютъ, но налагаютъ на крестьянъ всякія несносныя тягости и въ томъ ихъ бьютъ и мучать.»¹⁾

Этотъ указъ приводится обыкновенно въ доказательство того, что правительственный взглядъ Петра былъ благопріятенъ крестьянскому сословію, и что онъ первый взялъ на себя обязанность защитника крестьянъ отъ притѣсненія помѣщиковъ. Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что вопросъ о томъ: *что дѣлать и какъ поступать* съ имѣніемъ въ случаѣ разорительнаго обращенія помѣщика, въ первый разъ обратилъ на себя вниманіе Петра Великаго: въ до-петровской Руси этотъ предметъ, наравнѣ со многими, оставался безъ положительнаго опредѣленія. Нельзя не видѣть въ этомъ распоряженіи Петра нѣкотораго участія къ судьбѣ крестьянъ, разоряемыхъ и притѣсняемыхъ; но подобное же участіе выражается и въ памятникахъ до-петровскаго законодатель-

¹⁾ Ук. 21 февраля 1697 г. п. 7.

ства ¹⁾), ибо, повторяемъ, въ сферѣ крѣпостнаго права было мѣсто чувству челоуѣколюбія и участія къ судьбѣ подвластныхъ людей. Новаго въ этомъ постановленіи Петра только то, что онъ устанавливаетъ для пресѣченія зла порядокъ, форму, которыхъ прежде не было. Новаго же начала, новаго взгляда мы здѣсь не видимъ: за крестьяниномъ не утверждается никакое новое право, на помещика не возлагается новой обязанности. И если будемъ судить безпристрастно, то должны будемъ сознаться, что главная цѣль постановленія, прямо въ немъ выраженная, есть защита не крестьянскаго права, а права и интереса государственнаго. Правительство негодуетъ на разореніе крестьянъ, потому что «крестьяне, покинувъ тягла свои, бѣгають, и чинится отъ того пустота, а въ государевыхъ податяхъ умножается недоимка.» Законъ вовсе не упоминаетъ о правѣ крестьянъ жаловаться на разорительное съ ними обращеніе и просить себѣ управы, не упоминаетъ даже о распросѣ самихъ крестьянъ при слѣдствіи. Дѣятельность органовъ правительства возбуждается вовсе не этими способами, съ точки зрѣнія не частнаго права, а государственнаго. Законъ говоритъ, что когда земскіе комиссары поѣдутъ въ уѣзды для денежныхъ и другихъ сборовъ, и гдѣ *найдутъ прямую пустоту* или великое умаленіе передъ переписью крестьянъ, то должны обыскивать и свидѣтельствовать съ воеводою, тутошними *ближними сосѣдами* и *другими* о тѣхъ помещикахъ *знаемыми людьми* и явными свидѣтельствами, отъ чего оная пустота явилась и не было ли

¹⁾ Напримѣръ Улож. XVI. 45, XX. 42, 92.

тѣмъ крестьянамъ отъ помѣщиковъ какого наглого разоренія. Если предположеніе подтвердится, то имѣнія велѣно отдавать ближнимъ сродникамъ и свойственникамъ разорителей, *до исправленія*, а самихъ разорителей посылать *подъ началъ* до исправленія, и не освобождать ихъ, донелѣже исправятся; но чѣмъ удостовѣрилось исправленіе, о томъ законъ не упоминаетъ. Отсылка *подъ началъ* имѣла видъ *наказанія*, но нѣтъ возможности отличить, на сколько въ назначеніи этого наказанія участвовало нарушеніе фискальныхъ интересовъ, и на сколько оскорбленіе нравственнаго начала; потому что послѣднее едва выражается въ законѣ, а цѣль финансовая выражена въ немъ со всею ясностію ¹⁾. Забота о благосостояніи помѣщичьихъ крестьянъ яснѣе выразилась въ указѣ Петра о единонаслѣдіи ²⁾. Здѣсь въ числѣ главныхъ поводовъ къ установленію новаго наслѣдственнаго порядка выставлено то обстоятельство, что при раздробленіи наслѣдственнаго имѣнія между всѣми дѣтьми каждый изъ нихъ съ своей доли захочетъ жить также, какъ жилъ отецъ его со всего имѣнія, отчего произойдетъ *разореніе людямъ и вредъ интересамъ государственнымъ*, ибо крестьяне не въ силахъ будутъ уже такъ исправно платить подати въ казну и господину; а одинъ наслѣдникъ можетъ лучше льготить подданныхъ, а не разорять. Впрочемъ и здѣсь на первомъ планѣ стоитъ

¹⁾ Объ этомъ законѣ Петра Екатерина говоритъ въ *Наказъ* своемъ слѣдующее: Pierre I ordonna par une loi de 1722 que les insensés et ceux qui tyrannisent leurs serfs seraient mis sous tutelle. Le premier paragraphe de cette loi est suivi, mais on ignore pourquoi l'autre ne l'est pas. ²⁾ 23 марта 1714, *Полн. Собр. Зак.* № 2789.

интересъ государственный, и первый пунктъ указа, въ которомъ изложены приведенныя соображенія, наименованъ *о податяхъ*.

Петръ I поставилъ въ обязанность помѣщикамъ, вотчинникамъ и прочимъ хозяевамъ, кормить неимущихъ людей и крестьянъ своихъ, чтобъ они не бродили по міру за подаваніемъ: помѣщикамъ предоставлено собирать съ прочихъ обывателей села или деревни на хлѣбъ и одежду неимущимъ, а за то прокормленіе заставлятъ ихъ работать *себѣ*, чтобы не даромъ хлѣбъ ѣли ¹⁾. Правило это относится къ системѣ постановленій о полицейскомъ устройствѣ и общественномъ призрѣніи и имѣетъ цѣлю прекращеніе нищенства, о чемъ такъ заботился Петръ Великій. Обязанность владѣльца кормить тѣхъ, кто ему служить, сама собою вытекаетъ изъ права естественнаго и всегда сама собою предполагалась въ бытѣ до-петровской Руси; мы упоминали уже о томъ, что въ самомъ основаніи договора о кабальномъ холопствѣ лежала, съ одной стороны, нужда работать изъ-за насущнаго хлѣба, съ другой условіе кормить и поить за работу, такъ что холопъ, отосланный отъ себя господиномъ въ голодное время, освобождался, по Уложенію, отъ своихъ холопскихъ обязанностей ²⁾. О такой же обязанности относительно крестьянъ Уложеніе не упоминаетъ, но безъ сомнѣнія она всѣми и тогда признавалась; еще законъ Лжедмитрія въ 1606 году упоминаетъ объ этой обязанности относительно крестьянъ, такъ что помѣщикъ, который не кормилъ бѣднаго крестьянина въ голодное время,

¹⁾ Ук. 20 іюня 1718, Инстр. полиц. 1722, п. 31.   ²⁾ XX, 41.

не въ правѣ былъ требовать его изъ бѣговъ, если онъ ушелъ отъ голоду ¹⁾).

Обозрѣвъ главнѣйшія постановленія Петра, имѣющія отношеніе къ крѣпостному праву, мы не можемъ согласиться съ тѣми, которые видятъ въ нихъ какое-то сочувствіе къ свободѣ земледѣльческаго сословія, какіе-то зачатки будущаго освобожденія крестьянъ, но по долгу правды исторической не рѣшимся поставить въ вину Петру и то, что онъ оставался *равнодушнымъ* къ началу крѣпостнаго права, среди коего родился, былъ воспитанъ и долженъ былъ дѣйствовать, — то, что онъ употреблялъ его какъ орудіе государственнаго управленія. Каждая эпоха въ исторической жизни народа имѣетъ свой запасъ идей, свой кругъ общепринятыхъ понятій и обычаевъ, въ которомъ совершается обращеніе мысли и жизни. Историкъ, при обсужденіи дѣятельности лица историческаго, необходимо долженъ принимать въ расчетъ ту умственную и нравственную атмосферу, въ которой это лицо жило и дѣйствовало: только при соблюденіи этого условія возможно сдѣлать выводъ, произнести приговоръ вѣрный и безпристрастный. Есть начала логическія, есть начала нравственныя, столь неразрывно связанныя съ сущностію человѣческаго духа, что нарушеніе ихъ во всякомъ человѣкѣ и во всякую эпоху должно быть признано нарушеніемъ правды безусловной, оскорбленіемъ человѣчества. Такъ на примѣръ, когда мы видимъ, что подъ личиною суда и подъ прикрытіемъ формъ его совершается личная месть, что человѣкъ безъ прямаго подозрѣнія под-

¹⁾ *Акты Арх. Эксп.* т. II, № 40.

вергается жестокой пыткой, безъ суда и защиты обвиняется, безъ всякихъ уликъ осуждается, мы въ правѣ назвать такое дѣйствіе неизвинительнымъ насиліемъ и беззаконіемъ, въ какую бы эпоху оно ни совершилось, какою бы властію ни было прикрито, какою бы цѣлію ни оправдывало себя. Но несправедливо поступили бы мы, еслибы рѣшились осудить Петра за то, что онъ въ первой четверти XVIII столѣтія пользовался пыткой для раскрытія истины, что онъ равнодушно относился къ крѣпостному праву, употребляя его для своихъ цѣлей. Таковы были понятія цѣлой эпохи, понятія народа и современниковъ: въ самой Европѣ тогда едва появились еще искры того новаго свѣта, который долженъ былъ въ послѣдней четверти XVIII столѣтія озарить лучшіе умы и мало-по-малу произвести переворотъ въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ цѣлаго общества. Петръ вводилъ въ Россію *плоды* чужеземнаго образованія, переносилъ въ нее учрежденія, *пропъренныя на дѣль*. Какъ бы ни былъ великъ геній Петра, по характеру всей его дѣятельности нельзя было ожидать и требовать, чтобъ онъ явился въ своемъ народѣ проповѣдникомъ новыхъ идей, вовсе незнакомыхъ тогдашнему русскому міру, и еще недостаточно созрѣвшихъ въ лучшихъ умахъ міра европейскаго.

Петръ не былъ однакоже и поборникомъ крѣпостнаго права: несправедливо было бы заключить, что онъ укоренилъ его въ землѣ русской. Гораздо прежде его оно образовалось и укоренилось. Мрачная тѣнь ложится на крѣпостное право по сю сторону царствованія Петра Великаго; но рѣшимся ли мы сказать, что онъ сознательно, съ намѣреніемъ навелъ эту тѣнь, что онъ былъ винов-

никомъ той холодности, той суровости, которую при первыхъ его преемникахъ замѣчаемъ мы во взглядѣ правительства на крѣпостное право въ общественныхъ его проявленіяхъ? Безспорно, что нѣкоторыя постановленія и распоряженія Петра косвеннымъ образомъ послужили къ расширенію крѣпостнаго права: таковы были указы о ревизіи, таковъ былъ указъ о сравненіи помѣстій съ вотчинами, таковы были многочисленныя пожалованія и переселенія крестьянъ на пустыя мѣста отъ лица правительства, насильственная приписка деревень къ заводамъ, и т. п.

Изъ числа всѣхъ перемѣнъ, введенныхъ Петромъ въ общественномъ устройствѣ Россіи и отразившихся на крѣпостномъ правѣ, нельзя не остановиться на двухъ въ особенности, потому что вліяніе ихъ, косвенное, но тѣмъ не менѣе значительное, коснулось самой идеи о крѣпостномъ правѣ въ общественномъ сознаніи.

Въ до-петровской Руси существовали, какъ извѣстно, два главные вида поземельнаго владѣнія: вотчинное и помѣстное, различавшіяся и пространствомъ и продолжительностію правъ владѣльца на земли того или другаго разряда. Въ теченіе XVII столѣтія черты, которыми одинъ видъ владѣнія отличался отъ другаго, болѣе и болѣе сглаживаются; права, соединенныя съ обоими видами, стремятся къ сближенію. Помѣщикъ въ принадлежностяхъ своей власти надъ помѣстьемъ, въ правѣ распоряженія и передачи, болѣе и болѣе уподобляется вотчиннику. Въ теченіе XVII столѣтія развилось вполне и ясно обозначилось понятіе объ обязанности, соединенной съ правомъ на обладаніе какъ помѣстными, такъ и вотчинными зем-

лями: это была обязанность *служить*, общая какъ для помѣщиковъ, такъ и для вотчинниковъ, столь безусловная, что за уклоненіе отъ нея не только помѣстья, но и вотчины могли быть отобраны отъ владѣльца. Лицо служилаго сословія, посвященное для службы, вступая въ нее, вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтало право на соотвѣтственный мѣсту и чину помѣстный окладъ: съ этой помѣстной земли, отводившейся каждому въ видѣ округленнаго хозяйственнаго участка, съ опредѣленнымъ количествомъ пашни и угодій и со всѣми поселенными людьми, помѣщикъ долженъ былъ являться на войну, въ назначенномъ вооруженіи, съ лошадьми и слугами, и сверхъ того ставить опредѣленное количество даточныхъ людей или платить вмѣсто того деньгами. Съ уклоненіемъ отъ этой обязанности помѣщикъ терялъ право на свое помѣстье. Такой же обязанности подвергался и вотчинникъ относительно своихъ вотчинъ, и точно также, за уклоненіе отъ этой обязанности, у вотчинника отбиралась его вотчина. Владѣніе уѣздными, населенными землями, было исключительнымъ *правомъ* служилаго сословія, и вмѣстѣ съ тѣмъ налагало на владѣльца *обязанность* служить — съ помѣстья или съ вотчины. Такимъ образомъ и помѣстья и вотчины, хотя и не совсѣмъ въ одинаковой степени, имѣли видъ служебнаго фонда, съ котораго надлежало отправлять службу, видъ владѣнія, удерживаемаго подъ условіемъ службы; понятіе о владѣніи помѣстьемъ или вотчиной въ общемъ сознаніи должно было неразрывно соединяться съ понятіемъ о службѣ. Естественно, что на этомъ основаніи и люди, поселенные на земляхъ служилаго сословія, входили въ составъ того же служебнаго

фонда, были нераздѣльною его частію. Помѣщикъ или вотчинникъ владѣль этими людьми, распоряжался ими, располагалъ и пользовался трудомъ ихъ для своихъ хозяйственныхъ цѣлей; но таково было свойство этого владѣнія, что и самъ владѣлецъ не могъ почитать себя безусловнымъ и неограниченнымъ владыкою земли своей и поселенныхъ на ней людей, и въ самихъ людяхъ могло упорно держаться сознаніе о томъ, что они не *вѣчные* у своего помѣщика или вотчинника, а государевы люди.

Такое понятіе о поземельномъ владѣніи какъ о необходимомъ условіи для службы и необходимой принадлежности служилаго сословія значительно измѣнилось со времени Петра. Обязанность служить не снята съ сословія служилыхъ людей, но помѣстья офиціально сравнены съ вотчинами въ одномъ общемъ названіи недвижимаго имущества, раздача помѣстій прекращена, и понятіе о владѣніи населенною землею представляется уже не въ томъ видѣ, въ какомъ знало его и привыкло къ нему XVII столѣтіе. Помѣстный окладъ замѣнился денежнымъ окладомъ жалованья. Служилый человекъ сталъ обязанъ служить уже не столько по званію землевладѣльца, имѣющаго въ распоряженіи своемъ часть служебнаго фонда, сколько потому, что родился въ сословіи служилыхъ людей, принадлежалъ къ *шляхетству* или дворянству, къ классу благородному. Помѣщикъ сдѣлался вотчинникомъ, а вотчинникъ помѣщикомъ, и владѣлецъ населеннаго имѣнія сталъ уже смотрѣть на него какъ на полную свою собственность, владѣемую независимо отъ служебной повинности, возложенной на него лично какъ на члена сословія. Сообразно этому понятію долженъ

былъ опредѣлиться и взглядъ его на подвластныхъ крестьянъ, какъ на людей, составляющихъ часть полной, неограниченной его собственности. *Политическое* значеніе этой собственности измѣнилось, и вмѣстѣ съ тѣмъ явственнѣе и строже опредѣлилось *юридическое* ея значеніе; оно стало ближе къ тому понятію о собственникѣ, которое выработалось въ западной Европѣ, взросшей на римскихъ идеяхъ о правѣ. Полный образъ собственника по этому образцу долженъ былъ сложиться уже къ концу XVIII столѣтія съ появленіемъ жалованной дворянству грамоты, когда съ дворянина сложена была обязанность служить и вмѣстѣ съ тѣмъ недвижимое имѣніе его объявлено полною и неограниченною его собственностью.

Другимъ явленіемъ, имѣвшимъ значительное у насъ дѣйствіе на идею о крѣпостномъ правѣ, была, по нашему мнѣнію, самая реформа, произведенная Петромъ въ нравахъ, обычаяхъ и потребностяхъ высшихъ классовъ русскаго общества. Реформа разрушила старинный строй общества, внесла въ него разлагающее начало, раздѣлила его на категоріи и классы, которые не съ такою рѣзкостью прежде отдѣлялись въ немъ. Мы думаемъ, что это разложеніе должно было принести добрые плоды въ будущемъ; но на первый разъ оно отозвалось болѣзненно въ народной жизни, вызвало въ ней явленія критическія, ненормальныя. Отъ того многія явленія изъ сферы крѣпостнаго права, которыя могли встрѣчаться и въ XVII столѣтіи, — въ XVIII, при новой обстановкѣ, при новыхъ условіяхъ общественнаго быта, при тѣхъ новыхъ формахъ, которыя принялъ высшій классъ общества сравнительно съ нисшими, представляются намъ новыми, не-

обыкновенными и суровыми явлениями. Обращаясь къ XVII столѣтію, мы привыкли болѣе или менѣе соединять въ одной сферѣ, разсматривать съ одной точки зрѣнія всѣ явленія, къ какому бы классу общества они ни принадлежали: такъ много представляется намъ сходнаго въ общественномъ бытѣ всѣхъ классовъ; въ XVIII же столѣтіи земледѣльческое сословіе является передъ нами въ особой, рѣзко очерченной сферѣ, сравнительно съ высшими классами.

Высшіе классы заимствовали отъ европейской цивилизаціи прежде всего внѣшнія формы ея и внѣшнія потребности; вмѣстѣ съ ходячими понятіями о жизни и общественныхъ отношеніяхъ приняли и ходячіе предразсудки. Послѣдствіемъ этого было, съ одной стороны внезапное расширеніе и умноженіе искусственныхъ потребностей, стремленіе къ внѣшнему блеску, близкое знакомство съ новыми, разнообразными видами роскоши, доходившей тогда до нелѣпыхъ крайностей въ высшихъ классахъ европейскаго общества. При такихъ условіяхъ жизни потребовалось для всякаго гораздо болѣе матеріальныхъ средствъ. Жадныя дѣти, когда увидятъ новыя блестящія игрушки и лакомства, съ жадностію и безъ разчета стараются истратить на нихъ свои деньги, стараются достать, если можно, больше и больше. Такъ, познакомившись съ новыми формами, новыми забавами и игрушками общественной жизни, высшіе классы русскаго общества, съ жадностію стали присвоивать ихъ себѣ наперерывъ, одинъ вслѣдъ за другимъ. Явились новыя издержки, а средства для нихъ прежде всего надобно было извлекать изъ имѣнія: понятно, что отъ этого должны были

умножиться и стали тяжеле крестьянскіе оброки и повинности. Открытіе новыхъ путей для торговли, расширеніе домашней и фабричной промышленности, прежде чѣмъ доставило замѣтныя выгоды классу земледѣльческому, должно было отразиться на немъ новыми тяжестями и повинностями. Съ другой стороны, принявъ вмѣстѣ съ блестящею внѣшностью европейской цивилизаціи и ея историческіе предразсудки,—вышіе классы русскаго общества незамѣтно стали относиться къ нисшимъ классамъ съ феодальной точки зрѣнія западныхъ народовъ. Опредѣлилось въ понятіи строгое, формальное различіе сословіи, отличіе бѣлой кости отъ черной, котораго не признавало въ этой формѣ прежнее русское общество. Прежнія отношенія высшихъ чиновъ къ нисшимъ классамъ, землевладѣльца къ земледѣльцу, мы вовсе не думаемъ представлять въ патріархальномъ видѣ, но въ прежнемъ порядкѣ не было тѣхъ рѣзкихъ разграниченій между сословіями, которыя явились теперь: въ одеждѣ, въ образѣ жизни, въ нравахъ и привычкахъ, въ тѣхъ внѣшнихъ формахъ и принадлежностяхъ жизни, посредствомъ коихъ человѣкъ прежде всего входитъ въ общеніе съ подобными себѣ. Это различіе сдѣлалось тѣмъ болѣе существеннымъ, что оно приняло характеръ необходимости, облеклось въ офиціальныя формы. Съ первой четверти XVIII столѣтія дворянство организовалось въ видѣ особаго, въ самомъ себѣ заключеннаго сословія, съ сословною связью всѣхъ членовъ и съ общимъ понятіемъ о формальной сословной чести; съ точки зрѣнія этой чести дворянину стало казаться безчестнымъ близкое общеніе съ нисшими классами крѣпостныхъ земледѣльцевъ: наз-

ванію *благороднаго* челоуѣка, въ смыслѣ сословномъ, на другомъ концѣ общественной лѣствицы противопологалось названіе *подлаго* челоуѣка, въ томъ же сословномъ смыслѣ, въ которомъ слово это, ранѣе XVIII столѣтія, не употреблялось.

Съ умноженіемъ всѣхъ такихъ противорѣчій и разностей между различными классами общества, становятся болѣе рѣзкими признаки и явленія власти, предоставленной одному классу надъ другими. И тѣ и другіе увеличиваются передъ наблюдателемъ, по мѣрѣ того какъ усиливаются и распространяются въ русскомъ обществѣ новыя философскія и экономическія начала, выработанныя въ западной Европѣ жизнью, мыслию и наукой. Первымъ плодомъ новыхъ началъ было сознаніе и уразумѣніе этихъ противорѣчій; конечнымъ результатомъ должно быть ихъ примиреніе.

Безспорно, что именно подъ вліяніемъ новыхъ философскихъ и экономическихъ началъ запада смягчались и измѣнялись у насъ нравственныя и политическія воззрѣнія законодательной власти на крѣпостное право въ послѣдней четверти XVIII столѣтія. Припомнимъ, что при Екатеринѣ II отмѣнена прежняя возможность вольному челоуѣку записываться или приписываться въ крѣпостное состояніе. Понятіе объ этой возможности такъ уже вошло въ нравы, что еще въ 1767 г. (Ук. февр. 28), когда румынскіе поселенцы просили, въ видѣ привилегіи, чтобъ ихъ ни подъ какимъ видомъ никто за собою въ крѣпость не записывалъ, отвѣтъ императрицы былъ таковъ: *да, кромѣ ихъ собственнаго желанія и хотѣнія*. Однако въ томъ же 1767 году явился наказъ, въ коемъ признано понятіе о гражданскомъ равенствѣ (Гл. V), высказана мысль о необходимости избѣгать случаевъ чтобы не приводить людей въ неволю (Гл. XI), указаны экономическія невы-

годы подневольнаго труда сравнительно съ вольнымъ (Гл. XII, XIII и Ук. 1772, № 13805). Въ другихъ государственныхъ актахъ высказана мысль, что и самые нижняго чина люди великой цѣны достойны и что никого по званію не слѣдуетъ считать подлымъ и презрѣнію достойнымъ, и осуждено мнѣніе будто бы крѣпостнымъ ученіе бесполезно и ненадобно (1767 г. Планъ Воспит. Дома). Но въ манифестѣ по случаю мира съ турками 1775 г. въ первый разъ встрѣчаемъ прямое дозволеніе всѣмъ вольноотпущеннымъ *ни за кого не записываться*, но приписываться къ мѣщанскому сословію. Въ сенатскихъ указахъ того же и 1780 года (№ 14294 и 15070) это дозволеніе изъяснено въ смыслѣ *запрещенія* записываться въ крѣпость, не смотря на собственное желаніе. Подъ вліяніемъ мысли объ устройствѣ третьяго чина гражданъ, государственная власть признаетъ законное существованіе вольныхъ людей, съ воли пришедшихъ и поселенныхъ какъ на государственныхъ, такъ и на владѣльческихъ земляхъ, безъ приписки къ помѣщику; отмѣняетъ старое правило: по рабѣ холопъ и по мужу раба (Ук. 5 октября 1780, 28 іюня 1781 г.); запрещаетъ записывать въ крѣпость плѣнныхъ и новокрещеныхъ (Ук. 20 апрѣля 1770, 17 октября 1776); велитъ селить бѣглыхъ на дворцовыхъ земляхъ и сосредоточиваетъ въ казенномъ вѣдомствѣ крестьянъ разныхъ наименованій, въ званіи некрѣпостныхъ людей и подъ регулярнымъ экономическимъ управленіемъ. Названіе раба изгоняется вовсе изъ употребленія указомъ 1786 года. Все это весьма важные моменты въ исторіи нашего крѣпостнаго права: но за всѣмъ тѣмъ, въ 18 столѣтіи не пришла еще пора установить законную мѣру въ отношеніяхъ этого права; когда въ 1769 году Эзельская земская ревизіонная коммисія представляла о необходимости, впредь до освобожденія крестьянъ на островѣ Эзелѣ «предписать помѣщичьей надъ ними власти границы, предохраняющія ихъ противу рабства и доставить сей провинціи время и случай сдѣлаться достойнѣе и способнѣе къ вольности»,

на докладѣ положена была резолюція: «оба сіи пункта принадлежать по существу своему *до первоначальнаго въ государствѣ основанія* и составляютъ вопросъ весьма деликатный, не менѣе-жь того и важный, а посему и разрѣшеніе его зависитъ отъ общаго опредѣленія Уложенной Коммисіи». (Ук. 1769, авг. 8. № 13329).

IV.

Вторая и третья четверть XVII столѣтія составляютъ самый темный періодъ въ исторіи нашего крѣпостнаго права. Мы знаемъ, что въ основаніи этого права первоначально лежала у насъ не личная привилегія, предоставленная закономъ одному сословію или роду людей сравнительно съ другимъ: оно образовалось и сложилось у насъ подъ вліяніемъ факта, а не юридическаго начала, и было послѣдствіемъ отношенія, въ силу коего землевладѣлецъ получилъ возможность установить и расширить власть свою надъ земледѣльцемъ, богатый и сильный — надъ бѣднымъ и слабымъ, начальный — надъ подвластнымъ. Фактическія принадлежности этой власти сложились уже весьма опредѣлительно въ первой четверти XVIII столѣтія: по непреложному закону всякой власти, не сознающей границъ своихъ, свойство ея болѣе и болѣе приближалось къ понятію о владѣніи чловѣка чловѣкомъ; но ни владѣлецъ, ни владѣемый еще не давали себѣ отчета о юридической сущности своихъ отношеній. Первый пользовался своею властью, по характеру своей личной природы и по внушенію своей воли; послѣдній также механически подчинялся власти и, когда могъ, уклонялся отъ

нея также по влеченію природы. Власть государственная, устремивъ все вниманіе на устройство матеріальныхъ силъ обширной земли своей, матеріальныхъ способовъ и орудій управленія, еще не твердая въ своихъ руководительныхъ началахъ, не могла принять на себя роль посредника между сословіями; не настало еще для нея время заботиться объ установленіи между ними равновѣсія. Въ то же время, собравъ болѣе средствъ для дѣятельности, усилившись принятыми извнѣ формами централизаціи, получивъ возможность обширнѣе прежняго распространять надзоръ свой и свое вліяніе, государственная власть должна была тяжеле прежняго отразиться на тѣхъ именно сферахъ общественной жизни, въ которыхъ сосредоточивались самые важные финансовыя ея интересы. Съ тогдашней точки зрѣнія, владѣніе людьми казалось дѣломъ обыкновеннымъ, явленіемъ обиходнымъ. Принявъ это явленіе за существующую форму жизни, и не доискиваясь въ немъ внутренняго смысла, правительство утверждаетъ на немъ главныя основанія новой финансовой системы: такимъ образомъ приписка людей и прикрѣпленіе ихъ, нерѣдко насильственное, получаетъ значеніе формы необходимой для успѣшнаго поступленія доходовъ, становится дѣломъ государственнымъ. Освобожденіе отъ этой формы становится преимуществомъ меньшинства, которое болѣе и болѣе выдѣляется изъ народной массы какъ привилегированное сословіе. Усиливаясь въ сознаніи своей власти и начиная чувствовать ее какъ право безусловное, это сословіе еще не въ силахъ выработать въ себѣ сознаніе о своихъ обязанностяхъ сопряженныхъ съ правомъ. Такимъ образомъ, со стороны власти государствен-

ной, мы видимъ въ этомъ періодѣ безотчетное стремленіе расширить предѣлы крѣпостнаго права, равнодушное отношеніе ко всякому ограниченію свободы, владычество инстинкта государственнаго и весьма слабое развитіе высшихъ, внутреннихъ, духовныхъ началъ общественной организаціи.

По всему видно, что при первой ревизіи мысль законодателя еще не предвидѣла всѣхъ послѣдствій, которыя новое учрежденіе могло повести за собою въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи. Первымъ манифестомъ о ревизіи не было положительно объявлено, что всякій записанный въ ревизію становится крѣпостнымъ человѣкомъ вслѣдствіе одной этой записки ¹⁾. Но понятіе о свободномъ человѣкѣ въ ту эпоху не представлялось еще само собою общественному сознанію. Послѣдствіемъ записки въ ревизію было во-первыхъ установленіе мѣстожителъства, откуда записанный могъ отлучиться не иначе какъ съ дозволенія личной власти, къ которой былъ приписанъ; во-вторыхъ, необходимая зависимость отъ этой личной власти и обязанность руководствоваться ея указаціями въ своей дѣятельности; въ 3-хъ, установленіе, между приписаннымъ и тѣмъ кто записалъ его за собою, та-

---

¹⁾ Извѣстно, что законы прежняго времени, если въ нихъ не выражено категорически какое-либо общее начало, законная практика послѣдующихъ временъ толкуетъ по своему, примѣняясь къ возрѣнію своей эпохи. Такъ было и со многими указами Петра. Въ указахъ его по поводу ревизіи не было выражено въ видѣ общаго начала, что записка въ ревизію укрѣпляетъ человѣка навсегда; только въ нѣкоторыхъ указахъ было сказано о записанныхъ по ревизіи: быть имъ вѣчно за тѣмъ, за кѣмъ записаны, и эти слова могли имѣть.

кой связи, которая, основываясь на государственномъ интересѣ подушнаго сбора, поддерживалась всею силою государственной власти. Такимъ образомъ лицо, записавшее за себя въ подушный окладъ челоуѣка, могло и должно было почитаться его *владельцемъ*¹⁾: иного понятія еще не выработало тогдашнее общественное сознаніе; иного отношенія не могла еще допустить государственная власть. Всякаго челоуѣка, подлежавшаго запискѣ въ подушный окладъ, если онъ не состоялъ прежде за по-

въ то время спеціальное, частное значеніе. Но въ законодательной практикѣ послѣдующей эпохи болѣе и болѣе утверждалось это послѣднее значеніе въ смыслѣ общаго правила. Допускалось нерѣдко и произвольное толкованіе указовъ, далеко превосходившее границы первоначальнаго, спеціальнаго ихъ смысла; такъ напримѣръ, въ 1722 году, марта 20, состоялся указъ о томъ, что люди, написанные за кѣмъ-либо по сказкамъ ревизіи, не могутъ записываться въ такъ называемую вольницу. Въ 1750 году указъ этотъ истолковывался въ томъ смыслѣ, что люди при первой ревизіи неправильно записанные за такими лицами, которыя по своему званію не имѣютъ права владѣть ими, и по открытіи этой неправильности отбираемые отъ владѣльцевъ, не въ правѣ уже возвратиться къ прежнему своему званію, но должны быть записываемы за другаго помѣщика (П. С. З. Т. XIII, стр. 231).

¹⁾ О томъ что записка въ подушный окладъ за частнымъ челоуѣкомъ, въ сознаніи самого правительства, почиталась отдачею въ холопство, свидѣтельствуемъ между прочимъ Сен. ук. 15 янв. 1768 г. (П. С. З. № 13053). Замѣчательно, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ законодательство того времени упоминаетъ о людяхъ живущихъ въ услуженіи или работѣ у частныхъ лицъ по условію, безъ крѣпостнаго къ нимъ отношенія,—оно разумѣетъ людей незаписываемыхъ въ подушный окладъ. Такъ напримѣръ, указъ 20 іюня 1744 года (№ 8974) дозволяетъ иноземцамъ, холостымъ или женатымъ, но вольнымъ, жить внѣ крѣпостнаго права въ услугахъ у частныхъ лицъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поставляетъ ихъ внѣ записки въ ревизію, а велитъ переписывать только для вѣдома, равно какъ и живущихъ на волѣ своими дворами.

мѣщикомъ и не принадлежалъ къ числу мѣстнаго населенія, законъ обязывалъ сыскать себѣ владѣльца, а въ противномъ случаѣ постановлялъ записывать за первымъ, кто его возьметъ.

По первой ревизіи положено было въ окладъ всего, кромѣ купечества, 5.472,516 душъ; но сильная убыль, вскорѣ послѣ того обнаружившаяся, заставила уже въ 1736 году помышлять о новой переписи. Ее сначала думали произвести посредствомъ мѣсячной повѣрки, но какъ этотъ способъ оказался ненадежнымъ, то при императрицѣ Елисаветѣ, въ 1742 году (П. С. З. № 8,619 8,835), повелѣно было произвести новую генеральную перепись. Въ инструкціи, изданной по этому случаю 16 декабря 1743 года, изложены правила, которыми должны были руководствоваться военные чиновники, разосланные по губерніямъ для надзора за переписью. Правила эти въ главныхъ основаніяхъ остались вѣрны началамъ, принятымъ въ указахъ Петра для первой ревизіи; но при исполненіи, начала эти достигли крайняго своего развитія. Въ многочисленныхъ указахъ, изданныхъ въ истолкованіе и пополненіе правилъ о ревизіи, нѣтъ и слѣда той заботы, съ которою въ послѣдствіи правительство старалось установить границу для крѣпостнаго права и предоставить свободному человѣку возможность защитить свои права: напротивъ, вездѣ выражается стремленіе прикрѣпить человѣка и расширить предѣлы господскаго права. Такое направленіе было въ духѣ того времени: то была эпоха владычества временщиковъ, не умѣряемыхъ ни здравыми началами твердаго государственнаго управленія, ни уваженіемъ къ общему мнѣнію, которое не могло еще

образоваться и высказаться, ни коренными началами и преданіями старой Руси, которыя были уже забыты. Нельзя не замѣтить, что всѣ постановленія о порядкѣ производства второй ревизіи принадлежатъ исключительно сенату, который при императрицѣ Елисаветѣ пользовался обширною властью, и пріобрѣлъ значеніе органа законодательнаго. Къ сенату обращались всѣ вопросы и сомнѣнія, возбуждаемыя по поводу ревизіи въ разныхъ губерніяхъ, и по поводу этихъ сомнѣній сенатъ издавалъ новыя правила, имѣющія видъ самостоятельныхъ законовъ. Немудрено, что въ этой юриспруденціи сената отражается со всею силою взглядъ служебной аристократіи; съ этой точки зрѣнія не представлялось никакихъ препятствій къ расширенію предѣловъ крѣпостнаго права, тѣмъ болѣе что умноженіе числа людей, записанныхъ въ подушный окладъ, состояло въ прямой связи съ увеличеніемъ интереса государственнаго. Не въ духѣ ревизіи было оставлять на волѣ человѣка, котораго она застала вольнымъ, и если онъ самъ не спѣшилъ приписать себя, то его приписывали, какъ тогда говорилось, къ «вѣчному хозяину». Такимъ образомъ, кромѣ людей, бывшихъ уже крѣпостными, при второй ревизіи подчиняемы были крѣпостному праву и такіе люди, которые до того почитались никому не принадлежащими. Прослѣдимъ здѣсь всѣ главные случаи такой приписки.

Еще въ царствованіе Петра обнаружилось въ правительствѣ стремленіе ограничить число церковнослужителей и церковнослужительскихъ дѣтей, состоявшихъ при городскихъ и сельскихъ церквахъ безъ опредѣленнаго занятія. Для всѣхъ церквей въ 1723 г. установленъ былъ

штатъ; излишнихъ велѣно было писать въ подушный окладъ. Такимъ образомъ приписываемы были къ помѣщикамъ такъ-называемые *заопредѣленные* церковники, то-есть оставшіеся за опредѣленіемъ на церковныя мѣста: изъ нихъ сначала запрещено было, не смотря даже на желаніе помѣщика, опредѣлять на поповскія и дьяконскія мѣста въ тѣхъ селахъ, къ коимъ они были приписываемы, но потомъ позволено, съ тѣмъ чтобъ помѣщикъ обязался платить за нихъ деньги въ подушный окладъ; дѣти же ихъ, рожденныя до посвященія, во всякомъ случаѣ должны были оставаться за помѣщикомъ (Ук. сен. и синод. 12 ноября 1725, 31 декабря 1726, 5 декабря 1727, 27 іюля и 19 декабря 1744, и 16 іюля 1750. П. С. З. № 9781; въ формѣ для описи недвижимыхъ имѣній изданной 8 іюня 1743, показано: писать при церкви церковниковъ, которые въ томъ селѣ въ подушный окладъ положены). Той же участи подвергались сельскіе церковники, не бывшіе у присяги въ 1730 и 1731 годахъ ¹⁾: ихъ велѣно, если окажутся негодны къ военной службѣ, писать въ подушный окладъ къ тѣмъ волостямъ, гдѣ при церквахъ находились; слѣдовательно, въ помѣщичьихъ селахъ они записывались за помѣщиками (Ук. 16 мая

¹⁾ По вступленіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны, правительство строго наблюдало за тѣмъ, чтобы всѣ приняли присягу на вѣрность ей, и преслѣдовало небывшихъ у присяги строгими взысканіями. Въ томъ числѣ не мало оказалось разночинцевъ синодальнаго вѣдомства, священно- и церковно-служительскихъ дѣтей, которые по разнымъ причинамъ не были у присяги. Розысканіе этихъ виновныхъ, разборка и преслѣдованіе ихъ, продолжались въ теченіе всего царствованія императрицы Анны: ихъ велѣно подвергать штрафу, а немущихъ наказывать плетью и писать въ солдаты.

1740). По правиламъ второй ревизіи (Инструкц. § 12) снова подтверждено: «не дѣйствительно служащихъ священно-и церковно-служительскихъ дѣтей опредѣлять, по ихъ желанію, между прочимъ и на вотчинниковы пашенныя земли къ помѣщикамъ, кто ихъ изъ платежа оклада взять пожелаетъ». Исключеніе сдѣлано было для обучавшихся въ духовныхъ училищахъ, или вообще для грамотныхъ (16 марта и 9 апрѣля 1744; 1745 февраля 1 § 3 и 12 августа).

Святѣйшій синодъ не разъ возобновлялъ ходатайство объ отмѣнѣ этой переписки и объ увеличеніи положеннаго въ 1723 году штата, и, ссылаясь на недостатокъ достойныхъ кандидатовъ на церковныя мѣста, просилъ, чтобы, записывая отцовъ, не записывать вмѣстѣ съ ними дѣтей ихъ; наконецъ просилъ не исключать изъ духовнаго званія, по крайней мѣрѣ несовершеннолѣтнихъ ниже пятнадцати лѣтъ; но сенатъ, въ отвѣтъ на это ходатайство, продолжалъ настаивать на соблюденіи правила инструкции и дозволялъ только при отцахъ, занимавшихъ штатныя мѣста при церкви, оставлять дѣтей ихъ «въ надежду священства». Это пререканіе, въ которомъ, конечно, всегда превозмогало возрѣніе сената, продолжалось во все царствованіе императрицы Елисаветы, и въ законодательствѣ того времени не мало мѣста занимаютъ указы и подтвержденія о разборѣ церковниковъ, все болѣе и болѣе строгіе. Мы видѣли, что по смыслу первоначальныхъ указовъ каждому предоставлялось приискать себѣ помѣщика по своему желанію, но въ 1748 году возникъ вопросъ, что дѣлать съ тѣми, которые все еще не избрали себѣ рода жизни, и ни къ кому не приписались?

Тогда сенать приказалъ приписывать ихъ къ желающимъ, которыхъ вызвать чрезъ публикацію; если же они въ три мѣсяца послѣ публикаціи не найдутъ себѣ помѣщиковъ, то приписывать ихъ къ дворцовымъ волостямъ. Но дворцовая канцелярія не охотно соглашалась на приѣмъ новыхъ подданныхъ, такъ что въ 1752 году велѣно было повторить публикацію. Кто изъ помѣщиковъ и заводчиковъ пожелаетъ, къ тому и велѣно приписывать оставшихся непричисленными, съ выдачей владѣнныхъ выписей и съ предоставленіемъ полного, или какъ тогда выражались, *вѣчнаго* крѣпостнаго права ¹⁾. Въ 1756 году велѣно духовному начальству, вмѣстѣ съ свѣтскимъ отобрать у всѣхъ приписавшихся сказки о добровольномъ желаніи, а если въ трехмѣсячный срокъ желанія своего не объявятъ, то распредѣлять ихъ и безъ желанія (ук. 13 февраля 1748, 16 іюля 1750, 29 апрѣля 1752, 23 декабря 1754, 10 декабря 1856, 15 ноября 1757). Эти предписанія въ дѣйствительности не могли быть исполнены со всею строгостью, и множество церковнослужительскихъ дѣтей остались еще никуда неприписанными; такъ

¹⁾ Церковниковъ безмѣстныхъ приписывали изъ подушнаго оклада не только къ помѣщикамъ, но и на церковной землѣ къ попамъ, и дьяконамъ, и дьячкамъ, дѣйствительно служащимъ при церквахъ; но такую приписку правительство не ставило въ крѣпость. Дѣйствительные попы и дьяконы не почитались «наслѣдными владѣтелями» записаннымъ за ними недѣйствительныхъ причетниковъ, и не имѣли права продавать и закладывать ихъ (сенат. ук. 27 января 1732; манифестъ 16 декабря 1743 года § 12; сенат. ук. 16 іюля 1750 г.), потому что вообще не имѣли права владѣть деревнями и собственными землями; въ 1741 году оказавшихся за попами причетниковъ велѣно отобрать отъ нихъ и приписать къ помѣщикамъ за кого пожелаютъ.

что въ 1766 году, въ одномъ Богородицкомъ уѣздѣ оказалось такихъ 200 человекъ, но въ этомъ уже году императрица Екатерина II повелѣла разборъ церковниковъ остановить. (Ук. 17 февраля 1766 П. С. З. №№ 12,575 и 12,586).

«Природа не терпитъ пустоты,» таково было одно изъ старинныхъ положеній науки о природѣ. Подобно тому, русская система подушнаго оклада въ описываемое время не допускала понятія о вольномъ человекѣ, не приписанномъ къ какой-либо юридической или физической личности. Поэтому, каждый разъ какъ только передъ лицомъ правительства являлся человекъ, никому не принадлежащій, никуда не приписанный, или освободившійся изъ крѣпостной зависимости, если на немъ не лежала печать привилегіи, освобождавшей отъ подушнаго оклада, правительство обязывало его избрать себѣ родъ жизни. Онъ долженъ былъ непременно—или приписаться къ торговому классу, для чего требовались деньги, или приискать себѣ владѣльца-помѣщика. Въ противномъ случаѣ, правительство само распоряжалось его личностью, отдавая его помѣщику, по своему усмотрѣнію, или обращая въ службу либо въ работу. Таковъ былъ непреложный законъ того времени. Вольноотпущенныхъ законъ обязывалъ приискать себѣ новаго помѣщика; даже тѣхъ, которые получали свободу за доносъ на владѣльца сенать приказывалъ обращать къ прежнимъ помѣщикамъ, если въ теченіе года не прищутъ себѣ новыхъ (ук. 4 октября 1726, 26 марта 1729, 4 сентября 1744 § 11; 13 мая 1745). Людей этого разряда сенать признавалъ «шатающимися, которые по своей свободѣ паки бываютъ

праздны, отъ которыхъ ничего инаго ожидать можно точію всякихъ непотребствъ;» къ этому разряду относились также разночинцы, солдатскія дѣти, купецкіе и мастеровые не положенные въ подушный окладъ: изъ нихъ годныхъ велѣно было писать въ солдаты, а негодныхъ отдавать помѣщикамъ, кого себѣ приищутъ, въ противномъ случаѣ отдавать въ казенныя работы или ссылатъ на поселенье (ук. 16 іюня 1729, 16 ноября 1737; инстр. ревиз. 1743 г. 4, 16). Бобыли и непомнящіе родства, оказавшіеся при ревизіи, люди, отбираемые изъ владѣнія разночинцевъ, вольные люди оказавшіеся въ городахъ безъ мастерства и безъ приписки къ посадамъ, обязаны были приписывать себѣ помѣщиковъ (ук. 5 ноября 1744, 14 марта 1746, 16 марта 1747). Законъ выражается такъ: писать *по желанію ихъ...* къ помѣщикамъ *кто похочетъ взять ихъ*, или *раздать* помѣщикамъ къ кому въ услуженіе *пожелаютъ* и кто *похочетъ* взять ихъ. Слова эти, въ строгомъ смыслѣ взятыя, указываютъ на необходимость обоюднаго согласія, взаимнаго договора между сторонами; но такое согласіе могло быть свободнымъ только съ одной стороны; съ другой стороны свобода выбора существовала только по имени, такъ какъ подлежавшій припискѣ челоуѣкъ *обязывался* непременно сыскать себѣ помѣщика, и воля его не могла имѣть никакой силы противъ воли помѣщика, желавшаго укрѣпить его за собою и противъ произвола чиновника, который отмѣчалъ въ своихъ книгахъ волю безграмотнаго челоуѣка и выдавалъ на него владѣнную выпись. Нѣтъ повода предполагать, чтобы кромѣ такой отмѣтки чиновника требовалось еще иное удостовѣреніе

желанія, изъявленнаго записываемымъ по ревизіи челомъ; напротивъ, въ одномъ дѣлѣ по иску о свободѣ поповскихъ дѣтей, записанныхъ за помѣщикомъ (П. С. З. 1748 г. № 9548), сенать призналъ желаніе приписанныхъ людей несомнительнымъ, несмотря на всѣ возраженія ихъ, хотя «кромѣ переписной книги не отыскано другаго доказательства, какое подлинно ихъ желаніе было.» Законъ не опредѣлялъ также, въ какой срокъ слѣдовало бить челомъ о неправильной запискѣ въ ревизію, но въ приведенномъ дѣлѣ челомъ, отыскивавшему свободу, поставлено въ вину, что въ теченіи двадцати лѣтъ никакого спору о неправильной запискѣ отъ него не было. Итакъ на самомъ дѣлѣ, по силѣ обстоятельствъ, приписка по взаимному согласію должна была превратиться въ обязательную приписку. При такихъ условіяхъ не было почти возможности приписанному челомъ доказать въ послѣдствіи, что его приписали силою, противъ желанія; да и самъ законъ, по духу своему клонившійся на сторону укрѣпленія, не представлялъ достаточно основаній для такого иска; напротивъ, въ иныхъ случаяхъ, законъ положительно запрещалъ принимать отъ записанныхъ показанія о томъ, что они записаны «въ неволю» ¹⁾.

¹⁾ Въ 1750 году, по поводу просьбы записанныхъ за Хитровымъ церковниковъ о предоставленіи свободы, сенать нашелъ, что «просители за него Хитрово ревизією приписаны безъ желанія ихъ правильно, потому что, куда имъ въ подушный окладъ приписаться, о томъ они желанія своего не токмо съ публикованія указовъ въ 741 и инструкціи о ревизіи въ 743 чрезъ многіе годы, но и при подачѣ объ нихъ къ нынѣшней ревизіи сказки, и послѣ того по взятой съ нихъ въ 1745 году при той ревизіи подпискѣ, и сверхъ того, по учи-

Правило закона предписывало «всѣмъ людямъ, которые по желаніямъ, а нѣкоторые за неприскомъ себѣ помѣщиковъ *по отдачѣ* за кого приписаны, тѣмъ быть крѣпкимъ по тому написанію,» (им. ук. 13 мая 1754 г. §§ 5 и 6). Въ XVII столѣтіи *тягло* было типическою формой, въ которой выражалась совокупность правъ и обязанностей городскаго и сельскаго неслужилаго населенія, и между тягломъ государевымъ и тягломъ помѣщичьимъ существовало различіе болѣе формальное чѣмъ существенное. Стремленіе перейти изъ государева тягла въ помѣщичье проявлялось столь же часто, какъ и на оборотъ, стремленіе перейти изъ помѣщичьяго тягла на государево, смотря по тому, въ которомъ тяглѣ казалось легче жить переходившему; но правительство постоянно ограничивало это стремленіе запрещеніемъ переходить изъ одного тягла въ другое. Переходившіе, какъ съ той, такъ и съ другой стороны одинаково признавались бѣглыми и возвращались силою на свои тяглые жеребьи, причемъ въ особенности обращалось вниманіе на то, чтобы посадскіе люди не покидали своихъ тяголь и не записывались за помѣщика. Со введеніемъ подушнаго оклада измѣнилось это значеніе тягла государева, и со-

---

ненной въ 1746 году отъ той ревизіи публикаціи, желанія своего не объявляли, и въ томъ сами виновными остались, чего ради... и безъ того ихъ желанія изъ платежа подушнаго оклада приписаны быть должны». Въ другомъ случаѣ, предписывая отдавать помѣщикамъ или фабрикантамъ церковниковъ, оставшихся переписанными, сенатъ велитъ «не принимать отъ нихъ нигдѣ прошеній для отбывательства ихъ, якобы не по желаніямъ ихъ приписаны и отданы, для того что они понынѣ помѣщиковъ себѣ не сыскали и находились безъ распредѣленія, праздно. (Ук. 29 апрѣля 1752 г. № 9977).

словный типъ началъ принимать другую форму. Классъ торговый и промышленный, наравнѣ съ земледѣльческимъ, подлежалъ запискѣ въ подушный окладъ. При Петрѣ обнаружилось, правда, съ цѣлью развитія промышленности, стремленіе привлечь къ промышленнымъ занятіямъ какъ можно болѣе людей, и законъ явно покровительствовалъ переходамъ отъ земледѣльческихъ занятій къ городскимъ промысламъ. Но при первыхъ преэмникахъ Петра эта государственная мысль его, вмѣстѣ со многими другими, ослабѣла, и финансовыя заботы правительства на первый разъ сосредоточились на одномъ предметѣ: чтобы число душъ, подлежащихъ окладу, по возможности увеличилось, и чтобы ни одна подлежащая душа не избѣжала оклада, такъ какъ на этомъ окладѣ основывались всѣ главнѣйшіе расчеты податей и повинностей. Естественно, что съ этой точки зрѣнія правительство не противодѣйствовало укрѣпленію землевладѣльцами и такихъ людей, которые принадлежали прежде къ классу промышленному, и не заботилось, какъ прежде, о возвращеніи ихъ къ оставленнымъ промысламъ. Для примѣра можно указать на слѣдующій случай. Нѣкоторые изъ ярославскихъ купцовъ, желая избавиться отъ рекрутской очереди, сошли изъ города и записались въ работу на полотняную фабрику. Въ 1758 году ярославскій магистратъ ходатайствовалъ въ сенатѣ о возвращеніи въ его вѣдомство всѣхъ этихъ купцовъ; а фабрикантъ За-трапезный, съ своей стороны, жалуясь на притязаніе магистрата, просилъ оставить ихъ у него, по записямъ, покуда выживутъ урочные годы. Сенатъ не только разрѣшилъ этотъ споръ въ пользу фабриканта, но постано-

виль еще на всѣ подобные случаи общее правило, дозволяющее фабрикантамъ всѣхъ таковыхъ людей, когда до нихъ доходить будетъ по городу рекрутская очередь, оставлять у себя на фабрикахъ, а вмѣсто ихъ ставить рекрутъ изъ мастеровыхъ неспособныхъ къ фабрикѣ или изъ купныхъ крестьянъ; а оставляемымъ на семъ основаніи людямъ быть уже при фабрикахъ вѣчно, равно какъ крѣпостнымъ, вмѣстѣ съ дѣтьми, рожденными послѣ отдачи къ фабрикѣ. Такимъ образомъ люди, поступившіе въ работу на фабрики на основаніи свободнаго договора, отчисляемы были насильно изъ купеческаго сословія и обращались невольно въ число крѣпостныхъ: вотъ какимъ естественнымъ дѣломъ казалось правительству вѣчное укрѣпленіе! (См. ук. 30 апр. 1759 г. П. С. З. № 10,949). При запискѣ сиротъ, незаконнорожденныхъ и приемышей, предполагалось спрашивать ихъ о желаніи къ кому хотятъ идти (Инстр. рев. § 16); но это правило могло быть исполняемо только относительно пришедшихъ въ возрастъ, а малолѣтнихъ не о чемъ было спрашивать. Въ 1730 году (ук. 25 іюня П. С. З. № 5584), сенатъ приказалъ незаконнорожденныхъ дѣвокъ, если еще не пришли въ возрастъ, отдавать и безъ желанія тому, кто похочетъ принять ихъ въ услуженіе, съ расписками, и въ паспортахъ писать, что имъ у тѣхъ людей жить *вѣчно*. Общимъ правиломъ относительно подкинутыхъ приемышей полагалось, что они должны быть записаны за тѣми, кто ихъ поднйалъ и воспиталъ; еслибы же такой приемышъ, придя въ возрастъ, сталъ отговариваться тѣмъ, что онъ не крѣпостной и не шель въ крѣпость волею, или пожелалъ бы отойти къ другому владѣльцу,

то его слушать не велѣно, чтобы не обидѣть того, кто его воспиталь *проча себѣ* (сен. ук. 13 іюня 1744 г.); а кого воспитатели отпустятъ отъ себя, тѣхъ вольно записывать за тѣми, кто возьметъ, *дабы ни одинъ безъ положенія въ окладъ не остался*; принятыхъ же *подлыми* людьми надлежало записывать въ ревизію, на ряду съ воспитателями, въ то сословіе, къ которому принадлежитъ воспитатель (сенат. ук. 13 іюня и 3 авг. 1744). На этомъ основаніи слѣдовало бы предположить, что пріемыши, записанные на ряду съ воспитателями изъ купечества и разночинцевъ, считались въ томъ же званіи; въ какомъ воспитатели ихъ, слѣдовательно не дѣлались крѣпостными. Но на дѣлѣ не то выходило. Послѣдующимъ закономъ (сенат. ук. 4 нояб. 1746 г. № 9343) это постановленіе истолковывается въ томъ смыслѣ, что пріемышъ *поступаетъ во владѣніе къ воспитателю*. «Хотя купцы и разночинцы, такъ рассуждаетъ этотъ указъ, суть *подлые* люди, коимъ *имѣть крѣпостныхъ* запрещено, но за ними повелѣвается писать незаконнорожденныхъ подкидышей, ибо ежели ихъ отъ тѣхъ воспитателей отбирать, то таковыхъ во младенчествѣ подкидышей никто къ себѣ принимать не будетъ, и отъ того иные пропадать будутъ». На томъ же основаніи дозволено записывать пріемышей за попами и церковниками, хотя имъ по праву не дозволялось имѣть у себя крѣпостныхъ. Чѣмъ-то грубымъ и матеріальнымъ отзывается этотъ взглядъ закона на побужденія человѣческой природы: какъ-будто не оставалось уже въ ней мѣста челоуколюбію безкорыстному! Какимъ мрачнымъ и суровымъ должно показаться, въ настоящую минуту, возрѣніе законода-

теля, который не хочет знать другихъ побужденій къ воспитанію приемыша, кромѣ желанія упрочить его себѣ, укрѣпить его за собою! Но таковъ былъ всегда взглядъ законодателя въ эпоху владычества временщиковъ и партій. Невозможно допустить, чтобы въ жизни народной, въ народномъ возрѣніи было такое же отсутствіе высшаго идеала, который правительство не хочетъ еще принимать въ соображеніе. Лишь въ послѣдствіи, при императрицѣ Екатеринѣ II, взглядъ законодателя расширяется, въ предписаніяхъ его замѣтно болѣе довѣрія къ духовнымъ высшимъ побужденіямъ человѣческой природы. (см. выше, стр. 34 и 183).

Описанный нами порядокъ записки незаконнорожденныхъ и приемышей продолжался до 1765 года. Въ этомъ году, въ инструкціи слободскому губернатору (П. С. З. № 12,430) въ первый разъ встрѣчаемъ правило: отдавать малолѣтныхъ сиротъ тому, кто пожелаетъ; но не иначе какъ на срокъ, до двадцатилѣтняго возраста, и продолжить этотъ срокъ до 30 лѣтъ, если воспитатель обучить приемыша мастерству. Въ 1767 году слободско-украинская губернская канцелярія о незаконнорожденныхъ представляла сенату, чтобы по прежнему порядку писать ихъ за воспитателями, или за тѣмъ, кто взять похочетъ, но сенатъ предписалъ только отдавать ихъ на воспитаніе, а написаніе въ окладъ за воспитателями остановить. (П. С. З. № 12,987). Наконецъ съ учрежденіемъ въ Москвѣ воспитательнаго дома и въ губерніяхъ приказовъ общественнаго призрѣнія, незаконнорожденные до совершеннолѣтія стали поступать въ вѣдомство этихъ установлений, и для нихъ открылся выходъ въ свободное состояніе (П. С. З. № 13,554, 15,417).

Люди взятые въ рекруты освобождались изъ помѣщичьяго владѣнія, мѣняя одну зависимость на другую, не менѣе суровую. Но, освободившись по выслугѣ или за болѣзнь и увѣчьемъ отъ военной службы, отставные солдаты все-таки поступаютъ въ разрядъ людей обязанныхъ избрать родъ жизни «дабы они въ гулякахъ не были». Частію правительство распредѣляло ихъ, для пропитанія, по монастырямъ и богадѣльнямъ или селило на особыхъ участкахъ въ пограничныхъ мѣстахъ; но эти мѣры относились къ тѣмъ, кому не откуда было достать себѣ пропитаніе. Изъ указовъ 1745 и 1746 годовъ (№№ 8986 и 9287) видно, что солдаты при отставкѣ могли проситься на собственное пропитаніе, и въ такомъ случаѣ жили по себѣ. Иные снова записывались за владѣльцемъ; многіе отправлялись снова въ имѣнія откуда взяты были въ рекруты и поселялись снова у прежняго помѣщика на прежнемъ пашенномъ жеребѣ, или оставались въ домашней работѣ у него, если взяты были изъ дворовыхъ и дѣловыхъ людей; въ такомъ случаѣ они вступали въ прежнюю зависимость отъ помѣщика (ук. 21 сент. 1732, № 6188; 20 авг. 1744, № 9019). По случаю второй ревизіи постановлено (ук. 26 нояб. 1745) солдатъ, которые, бывъ отданы въ рекруты до 1-й ревизіи, находились потомъ въ бѣгахъ, по отставкѣ отъ службы за старостью, писать въ подушный окладъ съ дѣтьми ихъ, къ тѣмъ селеніямъ, откуда были взяты въ рекруты. Женамъ солдатскимъ, въ бытность мужей на службѣ, дозволялось отходить отъ помѣщиковъ. Солдатскія дѣти, если родились и воспитаны въ тѣхъже деревняхъ, откуда отцы ихъ взяты на службу, принадлежали помѣщику,

такъ же какъ и дѣти вновь рожденныя у отставныхъ солдатъ, поселившихся на прежнемъ мѣстѣ; рожденные до отдачи отцовъ въ рекруты во всякомъ случаѣ оставались за помѣщиками (сенат. ук. 21 сент. 1732; 6 іюля 1737. Инстр. рев. 1743 года § 20). Но въ 1744 году сенатъ приказалъ всѣхъ законныхъ и незаконнорожденныхъ солдатскихъ дѣтей переписать и до шестилѣтняго возраста отдавать на воспитаніе матерямъ и родственникамъ, съ тѣмъ чтобы послѣ сего срока представили ихъ въ гарнизонныя школы; а если малолѣтныя вовсе сироты и безъ родныхъ, то отдавать ихъ для воспитанія и въ вѣчное крѣпостное владѣніе всякаго чина людямъ, имѣющимъ деревни. Сенатъ разсуждалъ при этомъ, что посторонній человѣкъ не согласится взять ихъ только на срокъ для воспитанія, а если не отдать ихъ помѣщикамъ *вѣчно*, то могутъ пропасть безъ призрѣнія или станутъ обращаться въ худыхъ поступкахъ; отъ отдачи же помѣщикамъ предвидится государственная польза, то-есть исправный платежъ подушныхъ и сборъ рекрутъ (П. С. З. № 8989). По учрежденію о монастырскихъ имѣніяхъ 1764 г. (П. С. З. № 12,060. Вв. § 7) помѣщику предоставлено даже право требовать къ себѣ обратно отставныхъ солдатъ, отданныхъ изъ его имѣнія, и записывать у себя въ окладъ на ряду съ прочими крестьянами. Наконецъ въ полковничьей инструкціи 8 декаб. 1764 года (Гл. II § 6) постановлено о солдатскихъ дѣтяхъ общимъ правиломъ, что изъ нихъ прижитыя на службѣ принадлежатъ помѣщику, а родившіяся въ службѣ, военному вѣдомству.

Иноземцевъ разныхъ націй, принявшихъ вѣру гре-

ческаго исповѣданія, при второй ревизіи не велѣно было писать въ подушный окладъ, хотя бы они и служили у кого партикулярно. (Ук. 16 ноября 1737 и 16 декабря 1743 § 19). Относительно вывоза изъ Сибири и порабощенія ясачныхъ людей, подвластныхъ Россіи, оставалось въ силѣ прежнее запрещеніе издавна повторявшееся. (Ук. 7 іюня 1749). По указу 28 сентября 1743 г. (П. С. З. № 8792, 8793), уничтожены были всѣ кабальныя письма, по которымъ разныхъ чиновъ люди держали у себя новокрещенныхъ, изъ нехристіанъ, иновѣрцевъ Казанской, Астраханской, Нижегородской и Воронежской губерній. Это распоряженіе состоялось, вслѣдствіе представленія сдѣланнаго синоду казанскимъ архимандритомъ Дмитріемъ Сѣменовымъ, въ пользу инородцевъ, которыхъ люди разныхъ чиновъ укрѣпляли себѣ посредствомъ кабалъ и заемныхъ писемъ, удерживая у себя въ работѣ. Такимъ закабаленнымъ должникамъ велѣно было, если они добровольно примутъ святое крещеніе, заживать у заимодавцевъ долги свои, считая холостымъ 3 рубля, а женатымъ 5 рублей въ годъ, но только по кабаламъ взятымъ отъ крѣпостныхъ дѣлъ; партикулярныя же кабалы и письма на новокрещенныхъ свободныхъ людей признаны были безусловно недѣйствительными. Указъ этотъ принимаемъ былъ въ послѣдствіи въ томъ смыслѣ, что такихъ новокрещенъ, которые сами собою крестились, никакими крѣпостями ни за кѣмъ укрѣплять не велѣно. (Сен. ук. 12 мая 1744 г.). Но другіе инородцы (сюда причислялъ законъ калмыковъ, персіанъ, киргизъ-кайсаковъ, башкирцевъ и т. п.) могли быть пріобрѣтаемы безпрепятственно, и притомъ съ особенною льготой. Манифестомъ 16 ноя-

бря 1737 года дозволено было всякому покупать ихъ, крестить и у себя держать безъ записки въ подушный окладъ, и даже безъ платежа подушныхъ денегъ, съ одною только запискою въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ. Поводомъ къ этому было принято то, что люди эти покупались большею частію малолѣтними и требовали отъ хозяевъ немалаго иждивенія къ воспитанію и обученію ¹⁾. Впрочемъ дѣти, родившіяся у этихъ людей послѣ крещенія, подлежали запискѣ въ окладъ по общему порядку. (Ук. 31 іюля 1745). На томъ же основаніи и въ 1745 году велѣно было башкирцевъ, которые крещены разными людьми по отдачамъ отъ оренбургской комиссіи, оставлять у нихъ во владѣніи, безъ оклада, а которые крестились сами собой, тѣмъ давать свободу и предоставлять записываться куда пожелаютъ (П. С. З. № 9230).

¹⁾ Сила указа этого была распространяема и на такихъ людей, которыхъ по старинному правилу сибирскихъ наказовъ запрещалось крѣпить. Напримѣръ, по прежнимъ наказамъ воеводы и приказные люди не должны были покупать для себя и вывозить изъ Сибири даже калмыцкихъ полонныхъ ясырей, привозимыхъ калмыцкими тайшами для торга; а велѣно покупать ихъ на казенныя деньги, дабы сибирская земля не пустѣла, а распространялась. Но въ 1749 году, когда полковникъ Сибирскаго драгунскаго полка Зоринъ вывезъ съ собою изъ Сибири пятерыхъ людей, купленныхъ имъ у крещеныхъ калмыковъ и предъявилъ на нихъ купчую за свидѣтельствомъ обывателей, записанную въ таможенѣ со взятіемъ пошлинъ, сенатъ примѣнилъ къ этимъ людямъ силу указа 16 ноября 1737 года и постановилъ: дозволить военнымъ людямъ вывозить съ собою изъ Сибири людей, купленныхъ у Калмыковъ, кромѣ російскихъ подданныхъ, если будутъ имѣть на нихъ купчія отъ крѣпостныхъ дѣлъ или канцелярскія выписки за губернаторскимъ свидѣтельствомъ. Впрочемъ тутъ же было подтверждено о соблюденіи правила прежнихъ наказовъ (Ук. 7 іюня 1749 № 9626).

Сверхъ того, изъ нѣкоторыхъ указовъ видно, что по распоряженію правительства инородцы раздавались во владѣніе частнымъ людямъ въ видѣ наказанія за вину или преступленіе. Такъ на примѣръ въ 1740 годахъ уфимскій вице-губернаторъ Аксаковъ раздавалъ разныхъ чиновъ людямъ бунтовавшихъ башкирцевъ; такъ въ 1743 году, когда салтанаульскіе нагайцы, кочевавшіе на Кубани, самовольно откочевали за границу Россіи, и для возвращенія ихъ силою отправлено было калмыцкое войско, калмыкамъ роздано было за поискъ 2809 человекъ салтанаульцевъ. Потомъ, когда правительство распорядилось перевести ихъ съ Кубани и изъ Астрахани въ Казанскую губернію, многіе изъ нихъ розданы были по деревнямъ тамошнимъ татарскимъ мурзамъ въ вѣчное владѣніе. (Ук. 26 нояб. 1745, 28 нояб. 1777, 20 окт. 1786). Въ 1756 году (П. С. З. № 10.654) сенатомъ дозволено русскимъ подданнымъ купцамъ, бухарцамъ и вообще разночинцамъ покупать и вымѣнивать на товары разныхъ азіятскихъ плѣнниковъ, привозимыхъ на крѣпостную линію сибирскими киргизъ-кайсаками; по мнѣнію сената, не только не слѣдовало запрещать это, но еще «и приохочивать къ тому надлежитъ», для приведенія нехристіанъ въ православный христіанскій законъ. Купленныхъ людей слѣдовало объявлять въ крѣпостяхъ комендантамъ, при продавцахъ, въ удостовѣреніе того, что они куплены, а не силой отняты; за тѣмъ, недалѣе какъ чрезъ три года послѣ покупки, велѣно представлять ихъ въ губернскія канцеляріи, гдѣ допрашивали уже самихъ купленныхъ людей для новаго удостовѣренія въ томъ, что они не силой взяты изъ жилищъ своихъ, а точно

проданы; здѣсь окончательно выдавались покупателямъ владѣнные выписи на людей, съ тѣмъ однакоже, что покупатели изъ разночинцевъ въ правѣ владѣть ими только по смерть свою, если въ теченіе жизни не продадутъ ихъ имѣющимъ право владѣть дворовыми людьми; но послѣ такой продажи проданные люди становились уже крѣпостными *вѣчно*.

Изъ числа плѣнныхъ нехристіанъ, вывезенныхъ въ Россію при прежнихъ войнахъ 1719 и 1721 года изъ турецкихъ областей, многіе остались жить у разныхъ людей въ Россіи. Малолѣтныя, не помнившіе жилищъ и родителей, раздавались для воспитанія разныхъ чиновъ людямъ, объявившимъ ихъ за собою при подачѣ сказокъ къ 1-й ревизіи; всѣмъ имъ велѣно быть за тѣми людьми, которые записали ихъ за собою, а просьбы ихъ о предоставленіи свободы велѣно оставлять безъ дѣйствія (Сен. ук. 22 мая 1735). Но валаховъ и другихъ христіанскихъ подданныхъ Порты Оттоманской никому не велѣно удерживать въ неволѣ и укрѣплять, развѣ бы кто изъ нихъ самъ пожелалъ, служа въ господскомъ домѣ, вступить въ бракъ съ крѣпостными; въ такомъ случаѣ, и то не иначе какъ съ письменнаго объявленія въ губернскихъ воеводскихъ канцеляріяхъ, добровольно вступившіе въ такой бракъ, отдаваемы были по выписямъ въ крѣпостное владѣніе по браку съ крѣпостнымъ или крѣпостною (Сен. ук. 21 сент. 1741). Изъ числа плѣнныхъ шведовъ и поляковъ, взятыхъ во время войнъ бывшихъ при Петрѣ, многіе и послѣ Ништадскаго мира остались въ Россіи, гдѣ были розданы разнымъ людямъ (по вѣдомости военной коллегіи розданныхъ поляковъ показано 1018 чело-

вѣкъ) и въ послѣдствіи записаны за ними въ подушный окладъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ найдены по жительству (ук. 16 апр. 1737). Послѣ новой войны съ Швеціей, по заключеніи мирнаго трактата въ 1743 году, всѣхъ военно-плѣнныхъ велѣно отпустить на родину, хотя бы и женились въ Россіи, кромѣ принявшихъ православную вѣру: такимъ велѣно оставаться, кто гдѣ обрѣтается. Но въ 1744 году постановлено, что тѣ изъ нихъ, которые, живя въ услуженіи у помѣщиковъ, женились на крѣпостныхъ ихъ дѣвкахъ или женкахъ, должны быть за ними вѣчно; а холостые или женатые на свободныхъ женщинахъ, хотя бъ и приняли православную вѣру, могутъ жить гдѣ хотятъ, только не у иноземцевъ неправославныхъ. Люди, вывезенные изъ тѣхъ шведскихъ земель, которыя по мирному трактату достались Россіи, во всякомъ случаѣ должны были оставаться за тѣми, у кого жили въ услуженіи или поселены были въ деревняхъ (сен. ук. 6 сент. 1743; 20 іюня 1744). Польскихъ подданныхъ, вывезенныхъ изъ Польши и Литвы, согласно съ прежними постановленіями, запрещалось насильно удерживать въ Россіи (им. ук. 10 іюня 1740). Такимъ образомъ укрѣпленіе плѣнныхъ въ Россіи на дѣлѣ продолжалось до указовъ императрицы Екатерины II, которыми всѣ вообще плѣнные объявлены вольными людьми.

Отдача людей, не избравшихъ себѣ рода жизни, въ частное владѣніе, совершалась не только во время ревизіи, и не по поводу только ревизіи, но и независимо отъ нея, въ другое время, по распоряженію воеводскихъ и губернскихъ канцелярій, откуда на людей выдавались владѣнныя выписи со взятіемъ пошлинъ. По силѣ ин-

струкціи 2-й ревизіи, такія выписи выдавались за руками генералитета изъ главныхъ ревизіонныхъ канцелярій. (Сен. ук. 28 окт. 1743 г. № 8811; 13 іюня 1744 г., 5 окт. 1780 г.).

Съ ревизіей соединялось въ нѣкоторыхъ случаяхъ изслѣдованіе о принадлежности людей тѣмъ помѣщикамъ, которые въ сказкахъ объявили ихъ за собою въ первый разъ, но не могли представить на нихъ укрѣпленія. Такихъ людей велѣно писать за тѣми, «кому они по слѣдствіямъ крѣпки найдутся». (Инстр. 1743 г. § 4). Если по несходству именъ съ книгами 1-й ревизіи оказывалось сомнѣніе въ тождествѣ человѣка, тогда велѣно было разыскивать о нихъ приходскими попами, церковниками и старожиллами. (Ук. 2 іюля 1744 г.). Людей, которые объявляли себя при ревизіи поляками или непомнящими родства, велѣно допрашивать съ *пристрастіемъ* (подъ батогами), и если не докажутъ своего происхожденія, поступать съ ними какъ съ бѣглецами, непомнящими родства, то-есть отсылать ихъ въ С.-Петербургъ для поселенія на дворцовыхъ земляхъ (Инстр. 1743 г. § 10; ук. 24 іюня, 7 авг. 1744 г.). Въ 1747 году (П. С. З. № 9392) для предупрежденія проволочки отъ неправильныхъ показаній, было постановлено: «производить слѣдствія и собирать справки только о такихъ людяхъ, которые сами собою, яко вольные, къ ревизіи явились и о родствѣ своемъ доношеніями или допросами показали»; а относительно тѣхъ людей, коихъ сами помѣщики въ поданныхъ сказкахъ означаютъ своими крѣпостными, — велѣно безъ всякаго изслѣдованія основываться на показаніи помѣщиковъ, «ибо ежели обо всѣхъ таковыхъ справляться

и слѣдовать, то и окончанію ревизіи вскорѣ быть не можно». Впрочемъ на дѣйствія ревизіонныхъ канцелярій можно было жаловаться сенату (Ук. 16 іюля 1750, № 9781). Такимъ образомъ сказка, поданная помѣщикомъ къ ревизіи, сама по себѣ, безъ дальняго изслѣдованія, должна была служить удостовѣреніемъ принадлежности человѣка тому лицу, которое показывало его за собою. Это удостовѣреніе принималось на томъ основаніи, что помѣщикъ подвергается законной отвѣтственности, если напишетъ за собою чужаго человѣка. Но принятіемъ сказки отъ помѣщика и запискою за нимъ въ ревизію, записанный человѣкъ не лишался еще возможности доказывать въ судебномъ мѣстѣ свое происхожденіе и отыскивать свободу. Въ случаѣ еслибы такія прошенія поданы были къ ревизіи, генералитету запрещалось вступать въ дѣло какъ спорное, подлежащее суду, и предписывалось отсылать его въ губернскія и воеводскія канцеляріи, а въ столицахъ— въ надлежащія судныя мѣста. (Ук. 1 мая, 26, 27 и 30 іюля 1744, 3 марта 1746 № 9262). Искъ о свободѣ, найденный неосновательнымъ, признавался за незаконное уклоненіе отъ послушанія помѣщику, и изъ нѣкоторыхъ дѣлъ видно, что люди, коимъ отказывалось въ свободѣ, подвергаемы были тѣлесному наказанію за *своевольство* (П. С. З. №№ 8941, 8966, 9781).

Если такъ суровъ былъ законъ того времени, позволявшій отдавать людей, отъ лица государственной власти, въ крѣпостную зависимость, то можно судить, до какихъ крайностей могли доходить частныя злоупотребленія начальственныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ отъ лица правительства. Законъ не всегда ясенъ и положителенъ въ

изобличеніи такихъ злоупотребленій; но историкъ настоящаго времени въ правѣ назвать злоупотребленіемъ и насиліемъ всякое дѣйствіе власти, которому не находитъ оправданія въ современномъ законѣ. Такъ напр. изъ одного указа императрицы Анны видно, что на островѣ Даго тамошніе крестьяне обращаемы были въ продажу отъ мѣстнаго губернскаго управленія. Къ счастью, законъ не доходилъ у насъ до понятія о томъ, что жители покореннаго края почитаются рабами побѣдителей, и какъ рабы могутъ быть продаваемы въ рабство; но именной указъ (4 августа 1739 года) не называетъ прямо такого дѣйствія незаконнымъ. Въ указѣ выражено только, что такая продажа неудобна, и «можетъ быть подвержена разнымъ толкованіямъ»; правительство, съ точки зрѣнія казеннаго интереса, желаетъ знать, по какой цѣнѣ люди продаются и куда за то деньги собираются... Оно не спѣшитъ рѣшительно воспретить такую продажу людей, но только останавливаетъ ее до дальнѣйшаго указа. Съ точки зрѣнія государственнаго хозяйства, оно какъ будто предвидитъ возможность употреблять это средство для освобожденія страны отъ излишняго народонаселенія: «но ежели, говорится въ указѣ, такая продажа за многолюдствомъ излишнихъ тамъ крестьянъ донинѣ учинена, то намъ мнѣніе свое немедленно прислать имѣете, куда такіе излишніе люди инымъ образомъ наилучше употреблены быть могли бѣ». Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ удобствѣ укрѣплять за собою людей, не мало находилось охотниковъ пріобрѣтать себѣ во владѣніе новыхъ работниковъ.

Владѣлецъ во всякомъ случаѣ получалъ съ запискою

право на челоуѣка, предоставлявшее матеріальныя выгоды: крѣпостнаго челоуѣка можно было и продать при случаѣ, и употребить на работу, и поселить въ деревнѣ или на пустой землѣ, вновь приобрѣтенной. Послѣдній способъ сталъ особенно употребителенъ съ тѣхъ поръ, какъ само правительство начало всѣми мѣрами привлекать населеніе на земли, вновь-приобрѣтенныя въ Ингерманландіи. Край этотъ, небогатый дарами природы, не могъ привлечь къ себѣ свободное движеніе поселенцевъ изъ другихъ областей Россіи; притомъ свободаго движенія и быть не могло, потому что свободныхъ, не прикрѣпленныхъ земледѣльцевъ въ собственномъ смыслѣ, и не было тогда въ Россіи. Поэтому средства для населенія могли быть только искусственныя и насильственныя. Еще при Петрѣ I началась раздача земель въ Ингерманландіи и около Петербурга желающимъ, съ обязанностью населить ихъ. Земли раздавались отъ с.-петербургской канцеляріи, вотчинной и юстицъ-коллегіи, въ количествѣ соотвѣтствующемъ числу дворовъ, предполагавшихся каждымъ къ поселенію, но крѣпости на раздаваемую землю положено выдавать тогда, когда она «по указамъ исправно чухнами или русскими населена будетъ». (Ук. 6 іюня 1712 и 4 дек. 1713 года). Тогда приобрѣтателямъ дозволялось продавать эти вновь образовавшіяся деревни; впрочемъ, и участки вовсе или вполнѣ незаселенные можно было продавать съ переводомъ обязательства на покупателя. Въ 1723 году, посланъ былъ въ Ингерманландію, въ С.-Петербургскій, Ямбургскій, Копорскій и Шлиссельбургскій уѣзды инженеръ-генераль для отмежеванія розданныхъ участковъ; при этомъ велѣно было всѣхъ

чухонъ и латышей, которые достались отъ шведскаго владѣнія, во всѣхъ тѣхъ дачахъ переписать и распредѣлить равномерно между всѣми владѣльцами по пропорціи дачъ, дабы одному передъ другимъ обиды не было ¹⁾, и затѣмъ русскими крестьянами доселять уже недостающее число дворовъ. Въ послѣдствіи, при императрицѣ Аннѣ, для распредѣленія участковъ и крестьянъ въ Ингерманландіи, учреждена была особая коммисія. (Ук. 13 іюля 1726, 6 март. 1740, 11 мая и 4 сент. 1744, 12 іюня 1745, 21 фев. 1746).

Но кромѣ Ингерманландіи, и въ старыхъ областяхъ Великой и Малой Россіи, по легкости и удобству установленія крѣпостнаго права, образовались въ первой половинѣ XVIII столѣтія, новыя поселенія на вербованныя богатыми землевладѣльцами изъ людей, не бывшихъ до того времени подъ помѣщичьею властію, изъ бѣглыхъ и гулящихъ людей, изъ людей вновь-записанныхъ при ревизіи по отдачѣ отъ правительства. Изъ числа такихъ поселеній, особенно замѣчательны тѣ, которыя послѣ шведской войны составились изъ малороссіянъ и черкасъ, бѣжавшихъ отъ военнаго и солдатскаго погрома, отъ новыхъ тягостей и поборовъ, отъ притѣсненія военныхъ начальниковъ. Такъ образовались въ великороссійскихъ губерніяхъ: Орловской, Бѣлогородской, Воронежской и частью Тамбовской, слободы и деревни такъ-называемыхъ

---

¹⁾ Пропорція эта въ послѣдствіи, въ 1746 году, опредѣлена по 2 души на дворъ, при чемъ положено дѣлить крестьянъ цѣлыми деревнями, расписавъ по зажиточности, на три статьи и раздавать по статьямъ по жеребью семьями, не разлучая дѣтей отъ отцовъ.

«вольныхъ черкасъ» ¹⁾. Помѣщики старались перебивать ихъ къ себѣ, а правительство снисходительно смотрѣло на такія переселенія; притомъ сильные люди всегда имѣли

¹⁾ Для примѣра можно привести населеніе Алексѣевской слободы на рѣчкѣ Калитвѣ, между Дономъ и Донцомъ, въ землѣ войска Донскаго. Здѣсь, въ 1735 году, генераль-майоръ Таракановъ съ дѣтьми выхлопотали себѣ изъ вотчинной коллегіи въ дачу 3000 четвертей изъ дикихъ степей и «порозжихъ» земель. По отказѣ этой земли, Таракановъ приступилъ къ ея населенію слѣдующимъ образомъ: онъ послалъ отъ себя трехъ человѣкъ въ Украину, по ярмаркамъ, скликать къ нему на новую землю вольныхъ черкасъ. Посельщикамъ данъ былъ листъ, въ которомъ Таракановъ, созывая новыхъ поселенцевъ, обѣщалъ имъ разныя льготы: здѣсь было между прочимъ сказано, что свободы дается имъ на три года. А какъ людей соберется довольно, тогда съ совѣта съ лучшими и со всѣми той слободы людьми, положенъ будетъ чиншъ легкой, какъ и въ прочихъ слободахъ водится, а пашни и никакой работы панской не будетъ; мельницамъ всѣмъ быть панскимъ; суды судить атаману съ лучшими людьми по черкасскому обыновенію» и пр. По этому призыву нашлось много охотниковъ, и въ слѣдующемъ же году поселилось на новой землѣ 60 дворовъ. Но войско Донское, почитая заселяемая Таракановымъ земли своими, войсковыми, принесло на него жалобу военной коллегіи; въ объясненіи на эту жалобу, Таракановъ оправдывалъ себя тѣмъ, что «въ Бѣлгородской и въ Воронежской губерніи и въ слободскихъ полкахъ во всей Украинѣ у превосходительныхъ персонъ и у генералитета и штабъ-и оберъ-офицеровъ и у дворянъ, и у секретарей, и подъячихъ, Черкасскихъ слободъ вездѣ множество, которыя и нынѣ вездѣ, не токмо отъ украинской линіи въ дальности, но и близъ линіи, гдѣ ландмилицкимъ полкамъ земли въ дачи отдать надлежитъ, селиться безъ воспрещенія, а въ свидѣтельство оныя вездѣ видимо лежать». Около тѣхъ же мѣстъ подобныя слободы населены были капитаномъ Павловымъ, съ братьями. На этотъ разъ, высочайше утвержденнымъ докладомъ сената, дача и поселеніе какъ Таракановыхъ, такъ и Павловыхъ признаны были незаконными, и Черкасамъ велѣно воротиться на прежнія жилища. (См. указъ 13 мая 1736 П. С. З. № 6959), Въ Орловской губерніи кн. Дмитрій Константиновичъ Кантемиръ населилъ цѣлую слободу Дмитровку (нынѣ городъ Дмитровскъ) перевезенными и перевезенными малороссіянами и волохами (См. Слов. Бант. Кам. М. 1836).

возможность отстоять ихъ. Въ 1732 году правительство объявило, что желающіе поселить у себя на великоросійскихъ земляхъ малороссійскихъ крестьянъ, могутъ это дѣлать съ дозволенія губернаторовъ, подавая предварительно вѣдомости о числѣ людей, предполагаемомъ для поселенія (ук. 5 іюня 1738 г № 7591). Переселенцамъ, на новыхъ мѣстахъ, предоставлялись землевладѣльцами разныя льготы: многимъ удавалось даже укрыть свое поселеніе отъ платежа казенныхъ податей и повинностей. Нѣкоторыя изъ такихъ слободъ и деревень вовсе не платили никакихъ податей въ казну, вслѣдствіе чего въ 1765 году велѣно было сдѣлать имъ общую повѣрку и перепись для положенія въ окладъ. Пришлые люди почитались первоначально вольными, но потомъ съ установленіемъ ревизій, мало-по-малу записаны были за помѣщиками, одни ранѣе, другіе позже. При императрицѣ Елисаветѣ послѣдовало положительное запрещеніе укрѣплять малороссіянъ, но по межевой инструкціи 1766 года положено писать за частными владѣльцами тѣхъ изъ сихъ людей, которые за ними остаться пожелали. (См. *Ист. Руссовъ* Конискаго, стр. 213, 236; Инстр. ревиз. 1743 г. § 15; ук. 11 марта 1763 г. Меж. Инстр. 1766 г. XIV. 7). Съ другой стороны и въ Малороссіи, несмотря на запрещеніе правительства (см. ук. 22 авг. 1728 § 15), устраивались знатными землевладѣльцами поселенія изъ великороссійскихъ крестьянъ. Такъ напримѣръ князь Меншиковъ, скупая крестьянъ у великороссійскихъ помѣщиковъ, селилъ ихъ на малороссійскихъ земляхъ своихъ; такъ князь Долгорукой вывозилъ въ Малороссію крестьянъ изъ своихъ великороссійскихъ вотчинъ (Ук. 29

марта 1745 г. П. С. З. № 9131). Бѣглыхъ же великороссійскихъ крестьянъ всегда было много въ Малороссіи.

Люди служилаго сословія, въ томъ числѣ́ однодворцы (см. ук. 11 іюля 1754 г.), кромѣ́ того крестьяне, приписанные къ казеннымъ землямъ, и люди, уже приписавшіеся къ городамъ и посадамъ для торговъ и промысловъ, не могли быть обращаемы въ крѣпостное владѣніе частныхъ лицъ. Кромѣ́ того почитались свободными и не могли быть обращаемы въ подданство люди малороссійскаго происхожденія. Это правило впрочемъ не всегда строго соблюдалось. Извѣстно, что въ Малороссіи сельское населеніе дѣлилось издавна на казаковъ и посполитыхъ людей; но тѣ́ и другіе, по малороссійскому обычаю, считались людьми вольными. Съ разложеніемъ стараго казачества, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, этопонятіе ослабло. Польское владычество стремилось утвердить въ Малороссіи сословное различіе между шляхтою и хлопами, и самыхъ казаковъ приравнять къ хлопамъ. Московское владычество принесло съ собою готовую форму тягла государева и боярскаго. Но въ самой Малороссіи внутреннія смуты и интриги людей, искавшихъ власти и чина, благопріятствовали развитію вотчиннаго права надъ людьми и попыткамъ казацкихъ временщиковъ придать этому праву московскую форму; ибо натурѣ неразвитой и грубой свойственно стремиться къ расширенію власти надъ подчиненными людьми. Съ другой стороны, вельможи и чиновники московскіе, пріобрѣтая земли въ Малороссіи (что съ 1728 года разрѣшено было всѣмъ кромѣ́ иноземцевъ ¹⁾), переносили и сюда тѣ́ привилегіи, которыя

¹⁾ Потомъ въ 1739 году запрещеніе на время возстановлено, но

соединены были съ землевладѣніемъ въ Великой Россіи. Мѣстныя стремленія полковыхъ старшинъ записывать вольныхъ казаковъ за собою, въ подданство, московское правительство постоянно признавало незаконными. «Запрещаемъ, говорится въ указѣ 8 іюля 1728 г., чтобы полковники, старшина генеральная и полковая, и сотники, и прочіе всѣ рядовымъ казакамъ и ниспольству налогъ, обидъ и тягостей отнюдь не чинили, ни на какія свои приватныя работы ихъ не посылали, и сверхъ того, что повелѣно, ничего не брали... а особливо у казаковъ грунтовъ, земель и прочаго недвижимаго не отнимали, и тѣмъ ихъ въ подданство къ себѣ не привлекали.» Однакоже злоупотребленія не прекращались. Многие казаки доходили отъ розоренія до того, что, «оставляя воинскую службу и грунты, въ коихъ служили, записывались за помѣщиковъ,» чтобы найти себѣ пропитаніе (маниф. 23 дек. 1732 г.); другихъ — войсковые чины, пользуясь властью, присвоивали себѣ въ подданство, насильно отнимая у нихъ пашенную землю и угодья (сен. ук. 7 марта 1738 г.). Въ 1732 году князь Шаховской, отправленный для устройства слободскаго войска, на вербовавъ новый драгунскій казачій полкъ, и опредѣливъ въ него офицеровъ изъ арміи, роздалъ имъ изъ казачьихъ земель, въ подмогу, мѣстечки, села и деревни, а вмѣстѣ съ тѣмъ отдалъ имъ въ подданство казачьихъ братьевъ, свойственниковъ и подмощиковъ, выбравъ изъ лучшихъ и пожиточныхъ людей (см. грам. 22 нояб. 1743 г.) Это

въ 1740 году опять снято, и дозволеніе распространено даже на иноземцевъ, состоявшихъ въ русской службѣ. (См. ук. 8 іюня 1740 г. № 8129).

распоряженіе было въ послѣдствіи осуждено и отмѣнено правительствомъ, но вѣроятно оно было не единственнымъ въ своемъ родѣ. Ревизія, введенная въ Малороссіи съ 1732 года, хотя и не имѣла въ началѣ того значенія, какое присвоено было ей въ великорусскихъ губерніяхъ; однако, при вошедшихъ уже въ силу наклонностяхъ помѣщичьяго права, должна была способствовать къ его усиленію и расширенію.

Понятно, что русское правительство постоянно заботилось о томъ, чтобы «подъ образомъ покупки подданныхъ Черкасъ, въ продажѣ казаковъ не имѣлось, и чрезъ то оныя въ подданство приведены быть не могли (им. ук. 8 іюня 1740 г.) Казаки принадлежали къ служилому сословію, обязаны были службою государству. О посполитомъ народѣ малороссійскомъ, то-есть о крестьянахъ, не было такой заботы до 1742 года, когда вступила на престолъ императрица Елисавета, имѣвшая особенное расположеніе къ Малороссіи. (См. *Ист. Конисскаго* стр. 244. и жалов. грамоту слободскимъ полкамъ 22 ноября 1743 г.) Крестьяне въ Малороссіи пользовались издревле правомъ свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто; въ 1739 году, по опредѣленію генеральной войсковой канцеляріи, для предупрежденія побѣговъ за границу, этотъ переходъ былъ запрещенъ подъ смертною казнію: императрица вновь разрѣшила его, запретивъ переходить съ мѣста на мѣсто только казакамъ какъ служилымъ людямъ. (Им. ук. 18 авг. 1742, § 4. Сен. ук. 6 іюля 1748 года.) Вмѣстѣ съ тѣмъ, накрѣпко подтверждено, чтобы великороссійскіе разныхъ чиновъ люди, «малороссіянь никого никакими образы въ вѣчное холопство

не крѣпили и на крѣпостныхъ дѣвкахъ и женкахъ неволею не женили; ежели жъ кто и добровольно женился, такихъ по женамъ потому жъ не крѣпить, но и съ тѣми ихъ женами быть имъ свободнымъ. Будеть же кто на нихъ хотя какія письма и крѣпости имѣеть, онымъ быть недѣйствительными, а имѣть ихъ въ услуженіи по добровольному ихъ желанію безъ всякаго принужденія.» (Им. ук. 21 мая и 3 іюля 1742). Извѣстно, что эта свобода малороссійскихъ крестьянъ отмѣнена была Екатериной II въ то самое время, когда въ Великороссіи правительство, подъ вліяніемъ новыхъ философскихъ идей, начало принимать первыя мѣры къ огражденію личной свободы и устанавливать строгое отличіе между законными и произвольными способами установленія крѣпостнаго права.

Сумма земледѣльческаго населенія, состоявшаго въ крѣпостномъ владѣніи частныхъ лицъ, значительно увеличилась въ теченіе XVIII столѣтія распоряженіями правительства, которое въ видѣ милости, награды за службу или вспоможенія для службы, предоставляло военнымъ и гражданскимъ чинамъ во владѣніе цѣлыя деревни и села изъ земель казенныхъ и дворцовыхъ. Раздача помѣстій прекратилась съ 1714 года: правда, что послѣ того вотчинная коллегія, замѣнившая помѣстный приказъ, примѣняясь къ прежнему порядку, раздавала еще дворянамъ дачи, но уже только изъ порозжихъ казенныхъ земель, да и эти раздачи въ послѣдствіи признаны были незаконными ¹⁾. Однакоже и послѣ формальнаго прекращенія

¹⁾ Именно указомъ 21 марта 1736 года. Этимъ указомъ (котораго нѣтъ въ П. С. З.) окончательно прекращены были всѣ помѣстныя

общей раздачи помѣстій, бывали учреждаемы мѣстныя окладныя раздачи нѣкоторымъ чинамъ недвижимыхъ населенныхъ имѣній: въ этихъ раздачахъ отзываются еще слѣды старой помѣстной системы. Такъ на примѣръ, именнымъ указомъ 25 апр. 1737 года, положено для приобщенія къ вѣрной службѣ офицеровъ, состоявшихъ при казенныхъ горныхъ заводахъ, давать сверхъ опредѣленнаго жалованья тѣмъ изъ нихъ, которые изъ шляхетства, изъ дворцовыхъ и ясачныхъ деревень, по 10 дворовъ полагая по 4 души въ каждомъ дворѣ, а тѣмъ кои не изъ шляхетства, но «произошли до нѣкоторыхъ классовъ,» по 5 дворовъ, въ вѣчное владѣніе, но подъ условіемъ какъ для нихъ самихъ, такъ для дѣтей и наслѣдниковъ ихъ обязательной службы при горныхъ заводахъ. Еще при Петрѣ I, грузинскимъ дворянамъ, перезваннымъ и добровольно вышедшимъ въ русскую службу, раздавались во владѣніе деревни. (См. ук. 24 дек. 1751 г. § 1.) Въ 1738 году приняты были въ русскую службу дворяне и князья, выѣхавшіе изъ Грузіи съ царемъ грузинскимъ; изъ нихъ устроена особая гусарская рота и положено: вмѣсто жалованья на мирное время отвести имъ для поселенія земли на Украинѣ изъ казенныхъ дворцовыхъ

дачи. Вотчинной коллегіи не дано было право на раздачу земель, но она стала принимать просьбы о томъ отъ дворянъ, посылала обыскивать и обмѣривать порозжія земли и дѣлала объ отдачѣ ихъ опредѣленія. Такимъ образомъ роздано было ею въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ до запретительнаго указа 1736 года. Многіе изъ владѣльцевъ заселили розданныя земли своими и набранными крестьянами; такъ что, въ уваженіе къ пользѣ отъ этого населенія, въ 1766 году дозволено было оставить за ними всѣ тѣ дачи, на коихъ поселеніе имѣется. (См. ук. 13 мая 1736 г. № 6959; Меж. Инстр. 1766 года XXIV, 10; ук. 29 ноября 1804 года № 21536).

и войсковыхъ деревень въ вѣчное и потомственное владѣніе, съ раздачею князьямъ по 30, да на cadaго изъ малолѣтнихъ мужескаго пола дѣтей по 5 дворовъ, а простымъ дворянамъ по 10 дворовъ; первоначальное число ихъ въ гусарской ротѣ простиралось до 89 человекъ, но оно умножилось въ послѣдствіи новыми выходцами, на которыхъ, кажется, распространяемо было правило о раздачѣ деревень (П. С. З. № 7595, 7614, 8129). Изъ числа русскихъ деревень, которыя по указу 1713 года отбирались въ казну отъ мурзъ и татаръ за непринятіе православной вѣры, по силѣ послѣдующихъ указовъ 1715, 1726 и 1730 годовъ, назначаемы были новыя дачи татарскимъ мурзамъ и потомкамъ ихъ, принявшимъ въ послѣдствіи св. крещеніе. Всѣ эти деревни составляли особый фондъ, назначенный исключительно для такихъ раздачъ, до тѣхъ поръ пока всѣ онѣ поступили въ раздачу и весь фондъ истощился; тогда по повелѣнію императрицы Екатерины II прекращены были и раздачи. (Ук. 14 окт. 1743, № 8807, 16 дек. 1745, № 9236; 5 янв. 1766). Въ 1741 году, гренадерская рота Преображенскаго полка, оказавшая особенное содѣйствіе императрицѣ Елисаветѣ при вступленіи ея на престоль, въ награду за то переименована была въ *лейбъ-компанію*; всѣ чины ея унтеръ-офицеры, капралы, и рядовые, пожалованы были дворянами, а въ слѣдующемъ 1742 году всѣмъ высшимъ и нижнимъ чинамъ лейбъ-компаніи пожалованы были въ вѣчное и потомственное владѣніе деревни, съ назначеніемъ окладовъ по чинамъ изъ отписныхъ и казенныхъ волостей въ Московскомъ, Серпейскомъ, Каширскомъ, Звенигородскомъ, Пошехонскомъ и Пензенскомъ уѣздахъ;

въ томъ числѣ каждому рядовому назначено по 29 душъ, всего же при этомъ роздано на 299 человекъ 13,930 душъ; въ послѣдствіи по передачамъ и переходамъ всѣ эти деревни утверждены были за покупщиками и наследниками, кромѣ тѣхъ наследниковъ, которые родились до пожалованія отцовъ во дворянство и не приобрѣли потомъ правъ на владѣніе деревнями. Въ 1762 году, при вступленіи на престолъ Екатерины II происходили, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ указаніямъ, подобныя же раздачи кавалергардамъ. (Ук. 31 дек. 1741, 25 нояб. 1742, 2 мая 1772). Къ этому же разряду должно причислить деревни, назначавшіяся въ Малороссіи за урядъ нѣкоторымъ русскимъ чиновникамъ во владѣніе и пользованіе, на время отправленія должности, напр. коммендантамъ и оберъ-коммендантамъ. (Ук. 21 февр. 1769 г. № 13,260). Обычай этотъ не ограничивался повидимому одною Малороссіею: изъ указа 22 февр. 1776 года видно, что на столовое содержаніе смоленскихъ губернаторовъ назначено было въ моголевской губерніи староство мстиславское, которое числилось за губернаторомъ во все время отправленія имъ должности. Въ другомъ указѣ 1767 года (№ 12,848) упоминается о Корелахъ кексголмскаго уѣзда, пожалованныхъ *по смерти* Выборгскому вице-губернатору. Послѣдніе слѣды этого обычая выразились въ учрежденіи командорственныхъ имѣній при императорѣ Павлѣ I, въ 1797 году; но это учрежденіе вскорѣ было отмѣнено.

Пожалованіе населенныхъ имѣній было однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ видовъ награды за службу или за особыя услуги, оказанныя монарху и правительству.

Послѣ сравненія помѣстій съ вотчинами, такое пожалованіе заняло мѣсто прежней раздачи земель въ вотчину или обращеніе помѣстій въ вотчины. Такая награда, безъ сомнѣнія, должна была казаться всего болѣе при- манчивою, потому что съ нею соединены были наибольшія матеріальныя выгоды. Со стороны правительства не возникало еще, да и не могло возникнуть, сомнѣнія о томъ, въ какой мѣрѣ сообразна съ началомъ государственнаго управленія отдача въ частное владѣніе десятковъ тысячъ людей, почитавшихся до того принадлежностью государства; дѣло въ томъ, что съ самымъ понятіемъ о принадлежности государству было еще связано понятіе не о гражданской свободѣ, а о личной зависимости, съ которою соединялось подчиненіе государственной власти: между принадлежностью государству и принадлежностью помѣщику не было еще тогда столь рѣзкаго различія, какое существуетъ въ наше время. Сущность этихъ отношеній перешла въ новую исторію Россіи прямо и безъ измѣненій изъ XVII столѣтія; но форма ихъ, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, въ преобразованной Россіи получила болѣе рѣзкія очертанія, вслѣдствіе разныхъ причинъ, косвенно дѣйствовавшихъ на возрѣніе правительства и на общественные нравы. Такимъ образомъ, въ теченіе XVII столѣтія, земля занимаетъ первое мѣсто въ составѣ жалуемыхъ имѣній: жалуются вотчины, а крестьяне являются необходимою принадлежностью; (вотчинныхъ земель, и даже не входятъ въ офиціальный счетъ при пожалованіи вотчинъ. Въ первой половинѣ царствованія Петра I, эта форма пожалованія начинаетъ измѣняться: земля не стоитъ уже на первомъ планѣ,

но на ряду съ нею *дворъ* крестьянскій мало-по-малу приобрѣтаетъ значеніе офиціальной единицы, при назначеніи жалуемыхъ участковъ, такъ что по количеству раздаваемыхъ дворовъ опредѣляется и количество земли. Но при преемникахъ Петра, послѣ установленія ревизій и подушной подати, на языкѣ офиціальномъ и въ общественномъ употребленіи, утвердилось понятіе о *душѣ* крестьянской, какъ объ единицѣ, которою опредѣляется преимущественно значеніе и составъ недвижимаго населеннаго имѣнія: кое-гдѣ въ указахъ встрѣчается даже, вмѣсто счета душами, еще болѣе оскорбительный для слуха счетъ *головами* крестьянскими. Такимъ образомъ, внѣшняя форма крѣпостнаго права, образовавшаяся изъ сущности и содержанія его, въ свою очередь должна была воздѣйствовать на содержаніе, на общее понятіе о сущности этого права. Съ того самаго времени, когда по силѣ обстоятельствъ и по закону тяготѣнія слабого къ сильному, расширенія силы надъ слабостью, возникли первые зачатки обязательныхъ отношеній земледѣльца къ землевладѣльцу, никто не думалъ еще подвергать анализу сущность этихъ отношеній: они только *чувствовались*, и этого было достаточно для общества въ тогдешнемъ его состояніи. Въ настоящую минуту, анализируя эти отношенія, подъ условіями той самой среды, въ которой они утвердились, мы видимъ, что никакой законъ, и въ первой половинѣ XVIII столѣтія, не объявлялъ крестьянина собственностью помѣщика, что и тогда, какъ въ первой половинѣ XIX столѣтія, въ зернѣ нашего крѣпостнаго права лежало не личное самостоятельное право одного человѣка на обладаніе другимъ, а вотчинное право

на землю, къ которой прикрѣпленъ былъ крестьянинъ; но мы сами должны сознаться, что въ этомъ понятіи, выработанномъ нами подъ вліяніемъ теоретическаго взгляда,—отвлеченная идея крѣпостнаго права является въ такомъ видѣ, въ какомъ ни одинъ случай изъ жизни не могъ ея представить; мы сами чувствуемъ въ ней неполноту и разладъ съ явленіями дѣйствительной жизни, въ которыхъ она тогда осуществлялась и еще недавно продолжала осуществляться. Историческія явленія XVI и XVII столѣтій привели насъ къ этой идеѣ; но тогда очертанія крѣпостнаго права, такъ же какъ и многихъ другихъ правъ, были болѣе смутны; начала его не выработались, существенные признаки его не опредѣлились въ юридической нормѣ. Передъ нами нѣтъ рѣзкихъ формъ, которыя понятно и осязательно показали бы намъ всю суровую его сущность. Въ XVIII столѣтіи, формы эти развились и умножились, и присматриваясь къ нимъ, мы поневолѣ приходимъ къ убѣжденію, что крѣпостное право, помимо точныхъ юридическихъ опредѣленій, дѣйствительно явилось у насъ правомъ чловѣка надъ чловѣкомъ. Въ XVIII столѣтіи земля рѣшительно отходить уже на второй планъ, а на первомъ планѣ становятся *души*.

Въ теченіе царствованія Петра I, крупныя пожалованія населенныхъ имѣній были отчасти послѣдствіемъ завоеваній русскаго оружія, и производились изъ земель принадлежавшихъ къ покоренному краю. Извѣстно, какъ велика была добыча, пріобрѣтенная для себя Меншиковымъ въ Прибалтійскомъ краѣ, и какія огромныя имѣнія успѣлъ онъ утвердить за собой въ Малороссіи.

Жадность его въ этомъ отношеніи не знала границъ ¹⁾. Петръ пожаловалъ его владѣтельнымъ герцогомъ Ингерманландскимъ и, по собственнымъ словамъ Меншикова, отдалъ ему всю Ингерманландію въ вѣчное владѣніе. Въ послѣдствіи размѣры этой огромной вотчины были, кажется, уменьшены, и вмѣсто прежняго количества земли, намѣреннаго Меншикову на 20,000 дворовъ, оставлено ему только на одну тысячу, да на другую тысячу для перевода русскихъ крестьянъ. Впрочемъ, какъ можно судить изъ показаній самого Меншикова, остальные мызы и деревни въ Ингерманландіи, съ жителями и землями, тогда же были розданы во владѣніе другимъ, а вмѣсто того предоставлено ему выбрать себѣ вотчины въ другихъ мѣстахъ, изъ дворцовыхъ и монастырскихъ имѣній великороссійскихъ губерній. Въ Малороссіи были ему же пожалованы большія имѣнія, отписанныя за измѣну у Мазепы. (См. протоколы тайнаго совѣта въ *Чтеніяхъ Общ. Истор. и Древн.* 1858, кн. 3, стр. 41). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности опредѣлить, хотя приблизительно, количество имѣній пожалованныхъ императоромъ Петромъ I своимъ генераламъ и сподвижникамъ, и должны ограничиться только отрывочными извѣстіями. Такъ Лефорту было пожаловано за взятіе Азова до

¹⁾ Въ 1720 году считалось за Меншиковымъ до 50,000 душъ, сверхъ того приписалъ онъ къ землямъ своимъ, въ разныхъ мѣстахъ, до 32,000 бѣглыхъ и пришлыхъ людей всякаго званія; они были впрочемъ отобранны отъ него по повелѣнію государя. Петръ отказалъ ему въ просьбѣ о пожалованіи города Батурина съ округомъ, но по смерти Петра ему удалось достигнуть и этой цѣли. Въ 1724 году число крестьянъ, принадлежавшихъ Меншикову, увеличилось до 100,000 душъ. См. Біограф. Словарь Бантышъ-Каменскаго.

160 дворовъ въ епифанскомъ и рязанскомъ уѣздахъ, Гордону дано 100 дворовъ, Шеину 305 дворовъ въ алатырскомъ уѣздѣ; Головину 57 дворовъ, Зотову 40 дворовъ; Шереметеву даны были за Полтавскую побѣду большія вотчины въ ярославскомъ и ростовскомъ уѣздахъ, а въ Малороссіи большія имѣнія съ мѣстечками и селами отъ Скоропадскаго; князь Я. Ѳ. Долгорукой, по возвращеніи изъ шведскаго плѣна, П. А. Толстой, послѣ прутскаго мира, графъ Апраксинъ, князь Кантемиръ получили отъ государя большія деревни, по 1,000 дворовъ и болѣе. Графу Апраксину пожалованы были, въ 1716 году, большія дворцовыя вотчины послѣ царицы Марѣи Матвѣевны: волости Толмачевская, Изборская, Самаринская (по завѣщанію онъ возвратилъ ихъ въ казну). Всѣ военные сподвижники Петра жалованы были отъ него малыми и большими деревнями. О размѣрахъ образовавшихся такимъ образомъ владѣній можно судить по тому напримѣръ, что въ 1730 году графиня Головкина наслѣдовала послѣ отца своего, князя Ивана Ѳедоровича Ромодановскаго, болѣе 20,000 душъ; а въ 1742 году, послѣ князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго, осталось 70,000 душъ.

Размѣры пожалованій еще увеличились въ послѣдующія царствованія: послѣ славной побѣды и выгоднаго мира, вслѣдъ за присоединеніемъ къ Россійской державѣ новыхъ областей, изъ покореннаго края, нерѣдко и изъ великороссійскихъ губерній, раздавались деревни генераламъ и сановникамъ, участвовавшимъ въ военномъ или дипломатическомъ подвигѣ. Каждое радостное событіе при дворѣ вызывало милости государей къ своимъ лю-

бимцамъ, выражавшіяся между прочимъ въ пожалованіи населенныхъ имѣній ¹⁾). Царствованіе императрицы Екатерины II, ознаменованное славными побѣдами русскаго оружія и присоединеніемъ новыхъ обширныхъ областей къ Россіи, отличается и количествомъ пожалованій въ самыхъ большихъ размѣрахъ: населенныя имѣнія жаловались, по усмотрѣнію государыни, преимущественно изъ ново-возвращенныхъ отъ Польши губерній; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ самому лицу, получившему награду, предоставлялось выбирать, въ какомъ именно мѣстѣ желаетъ получить пожалованное число душъ. Новый любимецъ, выходя изъ случая, всякій разъ получалъ отъ императрицы огромное имѣніе въ видѣ награды. Бывали

¹⁾ Не только деревни, но и города съ приписанными къ нимъ селами переходили въ частное владѣніе посредствомъ пожалованія. Въ запискахъ о жизни графа Сиверса (Лейпцигъ. 1857, томъ I, кн. 1) упоминается объ одномъ изъ подобныхъ случаевъ. «Великій канцлеръ Бестужевъ, пишетъ авторъ записокъ, среди мира успѣлъ укрѣпить за собой цѣлый городъ Венденъ. Замокъ Венденъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими имѣніями, былъ пожалованъ Бестужеву императрицей въ августѣ 1748 года; городъ былъ опустошенъ пожаромъ, и обратился къ правительству съ просьбой отпустить ему на обстройку лѣсу изъ казенныхъ дачъ. Не касаясь главнаго предмета просьбы, сенатъ даль знать рижской губернской канцеляріи, что замокъ Венденъ, какъ по справкѣ оказалось, со всѣми принадлежащими къ нему дачами, пожалованъ графу Бестужеву, слѣдовательно и представленіе о лѣсѣ не подлежитъ разрѣшенію сената, а должны жители во всѣхъ своихъ нуждахъ и недоумѣніяхъ обращаться къ графу, какъ своему владѣльцу. Вслѣдствіе того, Бестужевъ вступилъ во владѣніе городомъ и округомъ его, со всѣми землями и съ принадлежащею къ Вендену юргенгофскою дачей. Уже послѣ паденія Бестужева, депутаты отъ города Вендена осмѣлились, опираясь на привилегіи прежнихъ королей, ходатайствовать передъ сенатомъ о возстановленіи правъ своихъ. Тогда только объявлено, что Венденъ остается при своихъ привилегіяхъ и будетъ именоваться императорскимъ городомъ.

случаи »пожалованія» на крестъ, на столъ и даже «для увеселенія» (такъ на примѣръ было пожаловано Румянцеву 5,000 душъ въ 1775 г.). Къ этому періоду относится образованіе многихъ большихъ имѣній, принадлежащихъ знатнѣйшимъ дворянскимъ родамъ въ Россіи. Восшествіе на престолъ императора Павла послужило поводомъ къ обильнымъ раздачамъ населенныхъ имѣній людямъ, на которыхъ пала милость новаго государя (П. С. З. № 17,940); но и кромѣ особенныхъ милостей, зависѣвшихъ отъ личнаго благоволенія императора, каждое начальство имѣло тогда право, при представленіи подчиненныхъ къ наградамъ, испрашивать для нихъ, по особымъ заслугамъ каждаго, пожалованья населеннымъ имѣніемъ, означая по своему усмотрѣнію въ спискахъ и количество душъ, которыя предполагалось пожаловать. Только при императорѣ Александрѣ I, въ 1801 году, пожалованія населенныхъ имѣній прекращены, и съ того времени уже не возобновлялись.

АНЕКДОТЫ

ИЗЪ XVIII СТОЛѢТІЯ.

ИСТОРИЯ

НАС XVIII СТОЛЕТИЯ

АНЕКДОТЫ ИЗЪ XVIII СТОЛѢТІЯ.

I.

МОСКОВСКАЯ ВОЛОКИТА.

«Не бойся суда: бойся судьи», говоритъ старинная поговорка. Но трудно представить себѣ, какъ можно не бояться суда, если судьи боишься; потому что судъ безъ судьи быть не можетъ. Судъ—понятіе отвлеченное; естественно, что обиженный, въ первую минуту негодованія на обиду, съ полнымъ довѣріемъ помышляетъ о силѣ своей правды, и, обращаясь къ идеалу суда, не только не боится его, но возлагаетъ на судъ всю свою надежду. Но когда въ этой надеждѣ начинается онъ дѣло, тогда является передъ нимъ судъ уже не въ отвлеченномъ понятіи, а въ дѣйствительности, со всѣми своими формами, обрядами и личностями. Идеальный образъ правды и суда мало по малу блѣднѣетъ, а на мѣсто его становится тоскливый и страшно искривленный образъ *дѣла*, образъ слишкомъ хорошо знакомый всякому, кому приходилось имѣть такъ называемыя *дѣла* и проходить скорбную лѣстницу су-

дебныхъ испытаній. Для того, кто прошелъ ее, становится ясно, что идеальный смыслъ приведенной пословицы, вѣроятно очень древней, не оправдывается тяжкимъ опытомъ: бояться судьи и бояться суда — кажется однимъ и тѣмъ же, и потому на практикѣ у насъ до сихъ поръ боятся суда и стараются обходить его другими путями, или въ самомъ судѣ каждый хочетъ найти для себя свою скрытую тропинку, чтобы по ней какъ нибудь покороче и повѣрнѣе достигнуть своей цѣли.

Медленность судовъ всѣмъ извѣстна и у всѣхъ какъ бѣльмо на глазу: всѣхъ одолеваетъ нетерпѣнье отъ нея избавиться; всѣ усердно призываютъ перемѣну къ лучшему; всѣмъ болѣе или менѣе представляется, что стоитъ перемѣнить форму—и все пойдетъ успѣшно, — завѣтный идеаль суды осуществится въ дѣйствительности. Такое нетерпѣніе очень понятно. Это нетерпѣніе голоднаго, котораго истомилъ мякинный хлѣбъ: ему хочется здоровой и сытной пищи, и если является возможность добыть ее, — гдѣ ему разсуждать о томъ, отъ чего онъ до сихъ поръ не зналъ другаго хлѣба, кромѣ мякинаго. Слава Богу еще, что, воспитавшись на плохомъ хлѣбѣ, не утратилъ онъ понятія о томъ, что должна быть и есть дѣйствительно лучшая, здоровая пища.

Но подъ вліяніемъ нетерпѣнія не трудно составить себѣ неправильное понятіе, увлечься одностороннимъ взглядомъ. Нетерпѣніе мѣшаетъ обзрѣть предметъ со всѣхъ сторонъ, мѣшаетъ, слѣдовательно, взяться за дѣло преобразования съ той именно точки, съ какой начать слѣдуетъ, — побуждаетъ ухватиться за первое попавшееся орудіе, привести въ исполненіе первую мысль, родившуюся

подъ вліаніемъ не столько идеи, сколько чувства. Нетерпѣніе склонно скользитъ по поверхности предмета, склонно приписывать причины явленій той или другой личности, взводитъ обвиненіе на ту или другую эпоху, страстно негодовать на одну систему и страстно увлекаться другою. Этому нетерпѣливому чувству не слѣдуетъ вполнѣ довѣряться. Но да избавитъ насъ Богъ и отъ другой крайности, еще болѣе пагубной—отъ тупаго, бессмысленнаго, упрямаго терпѣнія, которое, не видя ничего за предѣлами существующаго, упорно отвергаетъ всякое преобразование, боязливо или недобросовѣстно закрываетъ глаза отъ всякаго свѣта, удовлетворяясь настоящимъ, насильственно гонитъ отъ себя всякую заботу о будущемъ, не хочетъ знать ни уроковъ исторіи, ни признаковъ времени, ни голоса общаго мнѣнія, и, запершись въ самомъ себѣ, неспособно однакоже почерпнуть въ глубинѣ своего духа и выработать въ немъ для себя твердое убѣжденіе, плодотворную идею. Мысль не должна прекращать своей работы; духа никогда и ни подъ какимъ предлогомъ угащать не должно; но для того, чтобы этотъ трудъ мысли былъ трудомъ не безплоднымъ и прочнымъ, необходимо спокойное отношеніе мысли къ предмету. Безъ этого отношенія не будетъ правды и мѣры, не будетъ слѣдовательно истиннаго *знанія*, обнимающаго цѣльнымъ взглядомъ всю совокупность явленій съ ихъ причинами и послѣдствіями. А только при помощи такого знанія возникаетъ и созрѣваетъ истинное, очевидное убѣжденіе, для котораго, вмѣстѣ съ необходимостью преобразования, становятся ясны и тѣ начала, на которыхъ оно можетъ и должно совершиться.

Медленность судовъ нашихъ дѣло не новое и не принадлежитъ нынѣшней только судебной организаціи ¹⁾: она связана съ исторіей и на страницахъ ея обнаруживается тѣмъ явственнѣе, чѣмъ болѣе ослабѣваетъ въ государственной организаціи начало мѣстнаго управленія. По мѣрѣ того, какъ московское государство стремится притянуть къ себѣ и сосредоточить въ центральныхъ пунктахъ разнородныя дѣла изъ сферы мѣстнаго суда и управленія, расширить государственный надзоръ надъ дѣйствіями областныхъ органовъ суда и расправы, — по мѣрѣ того умножаются обрядности и неразлучная съ ними медленность производства. Этимъ обрядностямъ покровительствуютъ еще фискальныя цѣли, которыя у московскаго правительства стоятъ всегда на первомъ планѣ. Отсюда возникаетъ мало по малу то зло, которое предки наши называли «московскою волокитой», — страшилище, знакомое истцамъ и отвѣтчикамъ, привычное лакомство для судей, дьяковъ и подьячихъ. Зло это, по всей вѣроятности, родилось съ учрежденіемъ московскихъ приказовъ, и развитіе его шло на ряду съ развитіемъ той формы суда, которая остается у насъ типическою его принадлежностью, — формы *приказной*. Подъ этимъ словомъ разумѣемъ мы ту историческую форму судовъ нашихъ, подъ покровомъ которой судьи имѣютъ возможность оставаться судьями только по имени, а дѣйствительный судъ принадлежитъ дьяку, секретарю и вообще канцеляріи. Сколько ни измѣнялось со времени Петра официальное устройство судовъ нашихъ, сколько разъ ни передѣлывались на разные образцы официальные

¹⁾ Писано въ 1859 году.

формы суда, — въ дѣйствительности каждая вновь учрежденная форма стремилась тотчасъ же обратиться къ своему историческому первообразу — къ формѣ приказной. Всего менѣе можно обвинить Петра въ равнодушіи къ судебнымъ безпорядкамъ и злоупотребленіямъ; во всемъ законодательствѣ его видно горячее, нетерпѣливое желаніе искоренить ихъ, ввести лучшую форму суда, положить предѣль московской волокитѣ; но успѣхъ не соотвѣтствовалъ доброму намѣренію. Извѣстно, какъ часто измѣнялись формы нашего судоустройства при Петрѣ и при первыхъ его преемникахъ: читая законы того времени, присутствуешь какъ будто при непрерывной ломкѣ старыхъ зданій для того, чтобы на ихъ развалинахъ воздвигнуть новое. Но, какъ и слѣдовало ожидать, отъ этой ломки всего менѣе могла уменьшиться московская волокита; напротивъ, она только развивалась и усиливалась съ измѣненіемъ формъ, съ непрерывною замѣной однихъ судовъ другими, съ непрерывною передачей дѣлъ изъ одного мѣста въ другое, съ раздробленіемъ подсудности по новымъ еще не опредѣлившимся и не уясненнымъ началамъ. Притомъ, старыя формы, какъ ни были онѣ отяготительны, какъ много ни давали приказному сословію случаевъ выжимать деньги изъ просителей, — существовали издавна; слѣдовательно и приказнымъ людямъ и ходатаямъ были вполнѣ извѣстны; съ новымъ же судоустройствомъ соединены были нѣкоторыя новыя формальности, съ которыми ни тѣ, ни другіе не успѣли еще достаточно ознакомиться, такъ что существеннымъ могло казаться иное дѣйствіе, имѣвшее только второстепенное значеніе; иной обрядъ, не имѣвшій общей обязательной силы, при-

обрѣталъ на практикѣ силу безусловную; отсюда возникали для приказныхъ людей новые случаи къ обману и стѣсненію тяжущихся, а для тяжущихся—новые поводы бояться суда и входить въ тайныя сдѣлки съ людьми, которые приводили въ движеніе скрытыя пружины приказнаго дѣла. Нынѣшній приказный порядокъ существуетъ еще по преданіямъ той эпохи: типическій обрядъ суда и у насъ въ главныхъ чертахъ своихъ остается еще тотъ же самый, какой былъ у нашихъ предковъ; между нами слышатся столь же горькія жалобы на «волокиту», хоть названіе «московской» стало уже для нея слишкомъ тѣсно,—многія черты этой волокиты, взятая изъ прежняго времени, еще не удивляютъ насъ слѣдами чего-то давно-прошедшаго. Но должно сознаться, что духъ времени все-таки взялъ свое: нынѣшнему просителю все-таки легче дышать въ приказной атмосферѣ, чѣмъ было тогдашнему; надежда на судъ и на управу все-таки живѣе и долше держится въ насъ, и бывали въ старину такія дѣла, которыя въ наше время представляются *почти* невозможными.

Чтобы дать читателю понятіе о томъ, что значила «московская волокита»—вотъ два судебные случая, взятые изъ первой четверти XVIII столѣтія.

Въ октябрѣ 1706 года дворянинъ Илья Заломовъ подалъ въ Разрядъ къ боярину Стрѣшневу челобитную, жалуюсь, что сосѣдъ его по суздальской деревнѣ, Андрей Танѣевъ, пріѣхалъ къ нему нарочнымъ дѣломъ съ намѣреніемъ убить и ранилъ его выстрѣломъ изъ ружья, да онъ же Танѣевъ умысломъ сбѣжалъ съ государевой службы изъ Переславля-Залѣскаго и самовольно живетъ въ суздальской своей вотчинѣ. По этому челобитью по-

слали изъ Разряду грамоту къ переславскому воеводѣ—справиться по смотрѣннымъ спискамъ, по какому случаю отлучился Танѣевъ и записанъ ли въ пріѣздѣ, и выслать его въ Москву; потомъ съ вызовомъ отвѣтчику посланъ въ деревню къ нему подьячій по наказу; но 25 ноября отвѣтчикъ явился самъ собою и предъявилъ на Заломова встрѣчный искъ, показывая, что Заломовъ самъ, «собрався съ людьми своими и со крестьяны», пріѣхалъ къ нему на поле жать насильно посѣянный хлѣбъ, что онъ Танѣевъ вынужденъ былъ защищаться и выстрѣлилъ «боронясь отъ себя». Чрезъ нѣсколько дней обѣ стороны стали въ Разрядѣ къ допросу и уликѣ; пересрочки между ними не было, и потому судныя рѣчи завершились скоро; послѣ рѣчей собирались, по обычаю, поручныя записи въ неотлучкѣ отъ суда. Дѣло это поручалось приставу: ему давался для того такъ называемый *перечень*, съ которымъ онъ отправлялся собирать поруки. 10 декабря приставъ разрядный, сынъ боярской, подалъ поручныя записи; судныя рѣчи съ черноваго списка переписаны на бѣло, и, казалось бы, нечего долѣе медлить приговоромъ; но приказная практика не любила спѣшить: каждое дѣло должно было переходить по ступенькамъ лѣстницы, состоявшей изъ разныхъ обрядовъ и формальностей. Ступеньки эти выражались въ формѣ такъ называемыхъ *номтъ*, которыя дѣлалъ дьякъ отъ имени боярина съ товарищи. Каждую помѣтой опредѣлялось положеніе дѣла въ данную минуту, а совокупность этихъ помѣтъ составляла то, что и тогда называлось и нынѣ называется «движеніемъ» дѣла, посредствомъ формальной канцелярской очистки; но эти моменты движенія въ сущности оказы-

вались большею частью моментами, на которыхъ дѣло останавливалось въ дальнѣйшемъ движеніи. Количество этихъ ступенекъ не было и не могло быть опредѣлено закономъ: стало-быть, оно зависѣло отъ приказнаго произвола и отъ ходатайства заинтересованной стороны, имѣвашаго въ то время въ судебномъ производствѣ гораздо болѣе, чѣмъ нынѣ, формальнаго значенія. Проситель, наскучивая ждать, подавалъ челобитную, «чтобъ Великій Государь пожаловалъ учинилъ указъ по дѣлу». Челобитная эта имѣла цѣлью—напомнить о дѣлѣ суду, разбудить остановившуюся его дѣятельность. Пробужденіе суда выражалось обыкновенно въ помѣтѣ, за которою слѣдовало нерѣдко безмолвіе, столько же, какъ прежде, продолжительное, до новой помѣты, и такъ далѣе. Случалось, что послѣ многихъ челобитныхъ и многихъ помѣтъ истецъ прекращалъ свои напоминанья; тогда противная сторона, стараясь воспользоваться этимъ молчаньемъ, начинала вопіять предъ судомъ, что истецъ «за дѣломъ не ходитъ и его отвѣтчика волочить и убытчить», и судъ оканчивалъ дѣло за нехожденіемъ челобитчика. За тѣмъ челобитчикъ, проснувшись въ свою очередь, возобновлялъ свое хожденіе, начиналъ снова вопіять о правосудіи; тогда законченное производство возобновлялось новою помѣтой, и судебная машина опять приходила въ движеніе. Можно себѣ представить, что при такомъ производствѣ, стороны являлись на судѣ дѣйствительно борцами и должны были другъ передъ другомъ спорить въ ловкости и умѣньи пользоваться всѣми тайными и явными пружинами канцелярскаго механизма.

На выпискѣ изъ судебныхъ рѣчей уже въ 1707 году

сдѣлана въ Разрядѣ помѣта: «выписать изъ указовъ Великаго Государя». Выписка изъ законовъ зависѣла тоже отъ канцеляріи; въ ея власти было подвести подъ записку тѣ или другіе законы, и не было помину на судѣ о другихъ указахъ, кромѣ выписанныхъ; слѣдовательно, по окончаніи выписки, оказывалось иногда, что нѣтъ въ ней того или другаго указа. Этотъ недостатокъ исправлялся однакожь не просто, а посредствомъ помѣты. Такъ и въ дѣлѣ Заломова на выпискѣ изъ указовъ дьякъ дѣлаетъ, уже въ концѣ 1707 года, новую помѣту: выписать новоуказную статью о розыскѣ, вмѣсто очныхъ ставокъ, въ обидахъ и разореніяхъ.

Выписали статью, но за выпискою слѣдовала иногда такъ называемая «рописка». *Изъ дѣла выписано и — изъ дѣла росписано*—значило не одно и то же. Въ роспискѣ обозначались обыкновенно вкратцѣ обстоятельства дѣла, нужныя для разрѣшенія того или другаго вопроса; такъ, на примѣръ, на судныхъ рѣчахъ истецъ слался на свидѣтеля, котораго предстояло допросить: въ роспискѣ было означено, что за свидѣтель, о чемъ долженъ свидѣтельствовать и каковы должны быть формальныя его качества. На роспискѣ, уже въ январѣ 708 года, помѣчено: «допросить свидѣтеля»; въ февралѣ сыскали его и допросили. Дѣло опять залегло безъ движенія, и стороны начинаютъ ходатайствовать объ «*учиненіи указа*». Въ февралѣ 1708 года сдѣлана на такой челобитной помѣта: *положить дѣло на столъ*, но прошелъ и 1708 годъ,—а объ дѣлѣ не было и помину. Въ іюнѣ 1709 г. истецъ Заломовъ проситъ снова учинить указъ, и прежняя помѣта повторяется. На этотъ разъ помѣта оказа-

лась дѣйствительною, и дѣло отчасти разрѣшено тѣмъ, что Танѣеву велѣно за самовольный отъѣздъ отъ службы учинить наказанье, «а что онъ отвѣтчикъ истца на которой землѣ пострѣлилъ изъ пищали, и о той землѣ велѣть вѣдаться имъ въ Помѣстномъ Приказѣ, а отъ кого на той землѣ напередъ учинился задоръ, о томъ выписать изъ указа».

Помѣта была еще неокончательная: рѣшеніе было еще впереди; сторонамъ оставалось еще долго просить объ указѣ. Дѣйствительно, въ февралѣ 1710 года начинаетъ просить Танѣевъ. «Положить дѣло на столъ»—возгласила на эту просьбу помѣта. Сдѣлана вновь выписка; казалось бы, нечего медлить рѣшеньемъ; но миновалъ 1711 годъ, за нимъ 1712 и 1713, а вершенья все нѣтъ. Въ іюнѣ 1714 года Заломовъ, уже не въ первый разъ, бьетъ челомъ: пожалуй, Государь, смилуйся, вели учинить указъ. Помѣчено: *«выписать и вынести къ столу»*. Наступилъ февраль 1715 года, а къ столу все еще не вынесено. Заломовъ снова просить, и опять получаетъ въ отвѣтъ помѣту: «положить дѣло на столъ». Наконецъ, по жалобѣ его на волокиту, Сенатъ въ апрѣлѣ 1715 года предписываетъ изъ Петербурга: взять дѣло изъ Разряда и отослать для рѣшенья въ московскую губернскую канцелярію. Но и отослать дѣло нельзя было скоро. Во-первыхъ, указъ Сената шелъ не прямо въ Разрядъ, а присланъ сначала на имя канцеляріи сенатскаго правленія въ Москвѣ; отсюда уже отправлено предписаніе Разряду и губернской канцеляріи. Во-вторыхъ, чтобъ отослать дѣло, надо было привести его въ порядокъ и сдѣлать опись

всѣмъ бумагамъ, такъ что на отсылку не рѣдко требовалось по нѣскольку мѣсяцевъ.

Не стало легче просителямъ и отъ пересылки дѣла. Въ губернской канцеляріи снова довелось имъ просить объ указѣ. Указъ этотъ состоялъ въ томъ, что по губернаторской помѣтѣ вѣлно передать дѣло въ канцелярію земскихъ дѣлъ. Канцелярія земскихъ дѣлъ дѣйствовала не поспѣшиѣе Разряда. Дѣло до 1720 года лежить въ ней безъ всякаго движенія, подъ покровомъ разныхъ помѣтъ: то приказываютъ положить его на столъ, то учинить выписку, но ни то ни другое не исполняется. Единственное движеніе дѣла состоитъ въ томъ, что, по учрежденіи надворныхъ судовъ, его отсылаютъ въ московскій надворный судъ, куда Заломовъ въ 1724 году обращается съ просьбами о вершеніи, жалуясь, что Тяньеву не учинено даже наказанія, по приговору Разряда. Помѣчено: «рописавъ, доложить». Начали составлять выписку, но окончаніе этого труда совершилось уже чрезъ 12 лѣтъ, въ 1736 году, и не въ надворномъ судѣ, а въ судномъ приказѣ, куда дѣло передано по новому распредѣленію подсудности. Удивительно, какъ достало терпѣнья у злополучнаго истца продолжать свое ходатайство, но онъ ходатайствуетъ упорно. Наконецъ выписка составлена по общему правилу; обѣ стороны должны были приложить къ ней руки. Законъ этотъ имѣлъ цѣлью сократить производство, предупредить многочисленныя жалобы на неполноту выписки, жалобы, къ которымъ обыкновенно прибѣгали обвиненные рѣшеніемъ, для того, чтобы оспорить правильность приговора и возобновить законченное производство. Но, при исполненіи закона, цѣль

его не достигалась нисколько: чтеніе и обрукоприкладствованіе выписки было въ то время не правомъ сторонъ, а обязанностью ихъ, отъ которой та или другая сторона старалась уклониться. Такимъ образомъ истца и отвѣтчика требовали въ судъ для чтенія выписки насильно, и не приступали къ слушанію дѣла, покуда они не явятся: отсюда происходила новая медленность, и рождались новые предлоги проволочить дѣло.

Въ 1736 году судный приказъ сталъ требовать Танѣева для «прикладыванья рукъ къ выпискѣ»; но когда посланный солдатъ пошелъ къ нему на дворъ съ сыскной памятью, оказалось, что Танѣева пятый годъ уже нѣтъ на свѣтѣ, а несовершеннолѣтній сынъ его живетъ въ отцовской суздальской вотчинѣ. Стали писать въ Суздаль къ воеводѣ, чтобъ выслалъ Танѣева сына въ Москву за поруками, а буде сысканъ не будетъ, взялъ бы людей и крестьянъ его. Такова была помѣта въ февралѣ 1736 года, но указъ къ воеводѣ не былъ еще посланъ и въ февралѣ слѣдующаго года—«за нехожденіемъ просителя и за непредставленіемъ гербовой бумаги». Между тѣмъ Заломовъ, жившій въ Москвѣ, узналъ, что въ Москвѣ же проживаетъ Иванъ Молчановъ, который еще въ 1706 году, когда дѣло производилось въ Разрядѣ, ручался по Танѣевѣ «въ статьѣ къ суду»; его-то просилъ теперь Заломовъ вытребовать къ рукоприкладству подъ выпиской, вмѣсто умершаго Танѣева. Послали за Молчановымъ, привели его въ Приказъ и сдали подъ караулъ солдату, вмѣстѣ съ прочими колодниками. Но Молчанову не хотѣлось ни сидѣть подъ карауломъ, ни читать выписку за умершаго Танѣева: онъ отказался сдѣлать рукоприклад-

ство и требовалъ, чтобъ его освободили; но на всѣхъ его челобитныхъ и жалобницахъ ставилась одинаковая помѣта: *дополнить просьбою выписку*. Наконецъ въ августѣ 1737 года велѣно произвести изслѣдованіе, точно ли Танѣевъ умеръ. Спросили хозяйку дома, въ которомъ жилъ онъ; она подтвердила то же самое, что сказала солдату, и Молчанова въ ноябрѣ пришлось освободить, а Танѣева сына приказано вызвать изъ Суздаля. На этой помѣтѣ судъ успокоился: объ исполненіи ея никто не думалъ, кромѣ несчастнаго истца, который неотступно добивался высылки рукоприкладчика, получая въ отвѣтъ все тѣ же помѣты. Наконецъ, уже въ ноябрѣ 1739 года посланъ къ воеводѣ на Суздаль солдатъ, для высылки Танѣева, но солдатъ, воротившись черезъ шесть недѣль, подалъ доношеніе, что воевода за Танѣевымъ не посылаетъ и людей его не забираетъ.

Между тѣмъ Заломовъ, потерявъ всякое терпѣніе, рѣшился самъ собою сдѣлать то, чего не могъ достигнуть при помощи приказныхъ распоряженій. Оставивъ за себя на судѣ повѣреннаго, онъ отправился въ деревню. Въ то время самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для побужденія къ явкѣ на судъ скрывшагося отвѣтчика считалось—взять людей и крестьянъ его, чтобъ онъ ради ихъ объявился. Проѣзжая черезъ одно торговое селеніе Костромскаго уѣзда, Заломовъ пошелъ на торгъ и встрѣтилъ Танѣевскаго крестьянина, пріѣхавшаго на саняхъ парюю для продажи дровъ и хлѣба. Заломовъ не сталъ долго думать, захватилъ крестьянина, посадилъ къ себѣ въ сани и повезъ—прямо въ Москву: крестьянскія сани съ лошадьми и имуществомъ, какъ были на улицѣ, такъ и

остались. Въ Москвѣ Заломовъ съѣхался съ тѣмъ самымъ солдатомъ, который только что воротился изъ неудачной посылки въ Суздаль и сдалъ ему съ рукъ на руки свою добычу для представленія въ Приказъ. Въ Приказѣ добыча эта никого не удивила; крестьянина приняли и сдали подъ карауль. Однако успѣха отъ этой мѣры не было и не могло быть, потому что крестьянинъ самъ былъ неграмотенъ, а помѣщикъ его могъ и не знать объ его задержаніи. Посидѣвъ подъ карауломъ съ мѣсяцъ, колодникъ подалъ челобитную, что господинъ его на службѣ въ Путиловскомъ драгунскомъ полку, и просилъ отпустить его на поверстный срокъ до Путивля, обязуясь вызвать Танѣева или доставить отъ него вѣрющую челобитную. Крестьянина отпустили на этомъ условіи въ маѣ 1740 года, но съ того времени не было уже слуха ни объ немъ, ни объ его помѣщикѣ.

Насталъ 1743 годъ. Заломовъ все еще продолжалъ просить, и въ іюнѣ является слѣдующая помѣта: публиковать у Спасскихъ и у Никольскихъ воротъ съ барабаннымъ боемъ, что если ни самъ Танѣевъ, ни отпущенный его крестьянинъ въ недѣлю не явится, то выписка слушана будетъ и безъ него, «понеже—такъ заключаетъ судъ—по неоднократнымъ указамъ дѣла вершить велѣно безъ продолженія». Какъ будто мало было продолженія до этой помѣты!

Продолженіе и послѣ нея однакоже не кончилось. Прошелъ 1743 годъ, а объ рѣшеніи и не думали. Въ 1744 году потребны были новыя просьбы Заломова для того, чтобы вызвать со стороны Приказа этотъ окончательный подвигъ. Онъ совершился наконецъ—и что же по-

лучилъ истецъ въ награду за долгое терпѣнье? Приговоръ, которымъ судный приказъ, по недостатку доказательствъ, предоставляетъ сторонамъ *въдаться судомъ* *особо*.

Приведенный примѣръ взятъ нами изъ числа многихъ ему подобныхъ; но вотъ и другой примѣръ, изъ котораго можно видѣть, какъ трудно незнатному истцу отыскать себѣ судъ и правду на знатнаго отвѣтчика.

Въ 1705 году кравчій Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ помѣнялся помѣстными землями съ жильцомъ Климонтовымъ и вымѣнялъ у него въ кромскомъ уѣздѣ пустошь Курабкину. По заручной ихъ челобитной и по допросу въ помѣстномъ приказѣ помѣчено было: росписать между ними пустыя земли, и для того посланъ былъ по наказу въ кромскій уѣздъ подъячій. Но при отказѣ пустоши за Салтыковымъ оказалось, что земля была не пустая: на ней явилось нѣсколько жилыхъ крестьянскихъ дворовъ. Это обстоятельство не согласовалось съ мѣновными книгами, въ которыхъ было писано, что мѣна происходила пусто на пусто; однакоже откащикъ записалъ за Салтыковымъ прежнюю пустошь Курбакину деревней, а чьи крестьяне и кто ихъ на той землѣ поселилъ, того въ отказныхъ книгахъ не означилъ. Съ тѣхъ поръ крестьянами сталъ владѣть Салтыковъ.

Между тѣмъ крестьяне эти значились по галицкимъ писцовымъ и переписнымъ книгамъ за стольникомъ Матвѣемъ Ивановымъ Засѣцкимъ, изъ-за котораго бѣжали въ 1695 году и приняты были къ Салтыкову, а онъ впоследствии поселилъ ихъ на новой землѣ своей, но Засѣцкій во все это время долженъ былъ платить подати по пе-

реписнымъ книгамъ за бѣглыхъ крестьянъ своихъ. Въ то время помѣстья и вотчины богатыхъ и знатныхъ людей наполнялись бѣглыми крестьянами на счетъ бѣднѣйшихъ владѣльцевъ. Въ 1712 году человекъ Засѣцкаго поймалъ двухъ изъ числа этихъ крестьянъ и привелъ ихъ къ допросу въ приказную избу, а въ слѣдъ за тѣмъ самъ Засѣцкій началъ въ московскомъ приказѣ земскихъ дѣлъ искъ на Салтыкова о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ. Тягаться съ Василиемъ Ѳедоровичемъ Салтыковымъ было трудно: онъ былъ близкій къ двору человекъ, родной братъ Царицы Параскевіи Ѳедоровны, которую особенно любилъ и уважалъ Императоръ Петръ I; однакожъ и Салтыковъ счелъ нужнымъ принять мѣры противъ отвѣтственности; узнавъ объ искѣ, онъ поспѣшилъ *ударить челомъ* помѣстьемъ своимъ, деревней Курбакиной, со всѣми людьми и крестьяны, Царицѣ Параскевіи; изъ помѣстнаго приказу послали допросить его, какъ знатнаго человека, на домъ, и по допросѣ послана на мѣсто грамота о запискѣ той деревни за Царицей.

Искъ противъ такого знатнаго человека не могъ идти скорымъ шагомъ. Прежде всего надобно было вызвать отвѣтчика. Люди, подобные Салтыкову, и нынѣ рѣдко являются сами на судъ, а въ то время у каждаго изъ нихъ въ дворнѣ бывалъ «человекъ, который за дѣлы ходитъ», отвѣчавшій во всѣхъ дѣлахъ за господина. И такъ на челобитной Засѣцкаго въ маѣ 1713 года помѣчено: «человекъ, который за дѣлы ходитъ, сыскавъ, допросить»; однако по этой помѣтѣ ничего не сдѣлано до новой просьбы истца. Тогда велѣно послать для сыску въ домъ Салтыкова подьячаго. Но подьячій, которому

дано было порученіе, не исполниль его, уѣхалъ въ другую посылку, такъ что истецъ снова долженъ былъ ходатайствовать объ исполненіи прежней резолюціи. Велѣно: послать иного подьячаго. Наказъ подьячому былъ написанъ со всей формальной строгостью, и посланный 2 іюня подалъ его самому Салтыкову на дворѣ за Яузскими воротами за землянымъ городомъ. «И вотъ указъ высмотря, онъ кравчей Василей Ѳедоровичъ выслалъ изъ хоромъ своихъ съ дворецкимъ и велѣлъ сказать, что пришлетъ человѣка на другой день, 3 іюня». Человѣкъ явился 6 числа, но за отстрочками обѣихъ сторонъ допросныя рѣчи завершены не прежде 28-го октября 1713 года.

Въ декабрѣ того же года земскій приказъ затребовавь свѣдѣній по ссылкѣ сторонъ и получилъ изъ помѣстнаго приказа справки и выписи изъ книгъ; въ слѣдъ за тѣмъ приготовлена выписка, но дѣло оставалось безъ вершенья, такъ что Засѣцкій принужденъ былъ жаловаться. Въ то время жалоба на волокиту и даже на неправо вершенье приказа приносилась прежде всего главному начальнику, завѣдывавшему приказомъ. Въ приказѣ земскихъ дѣлъ судьей былъ Иванъ Чириковъ, а главное завѣдываніе тѣмъ приказомъ принадлежало ближнему боярину и московскому губернатору Алексѣю Петровичу Салтыкову, который въ то же время завѣдывалъ и московскою губернскою канцеляріей, и потому по жалобамъ на земскій приказъ, къ нему подававшимся, приказывалъ обыкновенно брать дѣло въ губернскую канцелярію. По тремъ просьбамъ Засѣцкаго губернаторъ приказывалъ: указъ учинить въ земскомъ приказѣ судьѣ

Чирикову немедленно; по четвертой же въ іюнѣ 1714 года, велѣно взять дѣло въ губернскую канцелярію; но вскорѣ дѣло отослано и оттуда обратно въ приказъ земскихъ дѣлъ «для вершенья по указу». Съ тѣхъ поръ дѣло залегло въ земскомъ приказѣ безъ всякаго движенія; Засѣцкій неумоимо трудится въ подаваніи просьбъ къ губернатору, а дьякъ на всякой просьбѣ отъ имени губернатора дѣлаетъ строгія помѣты «учинить указъ безъ замедленья; учинить указъ безъ волокиты судья Чирикову, а если вскорѣ не вершитъ, и на немъ доправленъ будетъ штрафъ; допросить судью Чирикова, для чего онъ то дѣло не вершитъ». Такъ гласила помѣта въ ноябрѣ 1714 года; однакоже ни штрафу съ Чирикова не взыскано, ни допросу ему не сдѣлано. Засѣцкій продолжаетъ просить, ссылается уже въ мартѣ 1714 года на новый указъ Государя, по которому строжайше повелѣно «дѣла вершитъ безъ провожденія не наровя никому ни для чего, дабы истцы за приказною неправдивымъ людямъ понаровкаю и продолженіемъ вершенья дѣлъ отъ своихъ правыхъ исковъ много волочась напрасно не отбыли».—Эта ссылка внушаетъ только дьяку губернской канцеляріи новую редакцію помѣты, отъ имени губернатора съ ландратами: «противъ сего челобитья о рѣшеніи означеннаго дѣла по новосостоятельному Государеву указу указъ учинить въ земскомъ приказѣ судья господину Чирикову въ самой скорости». Но въ самой скорости дѣло не дѣлалось, и уже чрезъ годъ слишкомъ, въ іюнѣ 1716 года, помѣта на новой просьбѣ Засѣцкаго, сдѣланная отъ имени новаго губернатора Кирила Алексѣевича Нарышкина съ товарищи, гласитъ: «учинить въ

приказѣ земскихъ дѣлъ господину ландрихтеру съ товарищи немедленно». — Ландрихтеръ Топильской не былъ исправнѣе судьи Чирикова: онъ, подобно Чирикову, подъ губернаторскими резолюціями велить дѣлать свою однообразную помѣту: записать въ книгу и взять къ дѣлу и выписавъ изъ указовъ поднести къ слушанью въ скорости». Засѣдкѣй просить перенести дѣло къ «иному подьячему»; но и это средство не помогаетъ: у иного подьячаго повторяются тѣ же самыя помѣты въ теченіе 1717 и 1718 годовъ. Наконецъ въ 1719 году посылаютъ солдата, потомъ подьячаго по наказу на дворъ къ Салтыкову «по человѣка его, который ходитъ за дѣлы», чтобъ онъ къ выпискѣ руку приложилъ. Но стряпчаго въ Москвѣ не оказалось, и въ іюнѣ 1719 года выписка предложена къ слушанію въ земской канцеляріи, въ которую преобразовался приказъ земскихъ дѣлъ. Состоялся приговоръ: обвинить отвѣтчика; человѣку его, который за дѣлы ходитъ, велѣть поставить истцовыхъ крестьянъ съ женами и съ дѣтьми и съ животы.

Приговоръ сдѣланъ, но только еще начинается исполненіе, сопровождаемое непрестаннымъ ходатайствомъ истца. Начинается оно съ того, что посылаютъ на дворъ къ Салтыкову солдата съ сыскной памятью для сыску человѣка, который за дѣлы ходитъ. И солдатъ «ко двору его кравческому ходилъ многое время и человѣкъ его, который за дѣлы ходилъ, и другіе его люди съ двора не сходятъ и укрываютца». — Посланный вмѣсто солдата подьячій имѣлъ не болѣе успѣха; онъ въ домѣ кравческомъ видѣлъ человѣка его, Бориса Торицына: «и онъ Торицынъ въ Приказъ съ нимъ не пошелъ». — Дѣло на

этомъ останавливается, но въ слѣдующемъ 1720 году, по новой просьбѣ Засѣцкаго, *исканіе челоуѣка* повторяется съ тѣмъ же результатомъ: солдатъ и подьячій ходятъ «не по одно время», но никого не приводятъ. Наконецъ въ концѣ года, въ слѣдствіе усиленныхъ просьбъ Засѣцкаго, является слѣдующая помѣта: «по указу Великаго Государя и по словесному приказу оберъ-ландрихтера Ивана Петровича Топильскаго велѣно къ кравчему Василью Ѳедоровичу Салтыкову на дворъ послать ассессора Семена Катыгулова и *донестъ* ему кравчему самому, чтобъ онъ по вершенному дѣлу стольника Матвѣя Засѣцкаго, по которому онъ кравчей обвиненъ во крестьянехъ, прислалъ бы челоуѣка своего для указной отправки по тому дѣлу, *а ежели то дѣло рѣшено неправильно, и онъ бы о томъ билъ челомъ въ надворномъ судѣ*». — Весьма замѣчательна эта приказная учтивость, этотъ предупредительный намекъ судьи рѣшившаго дѣло на неправильность собственнаго рѣшенья. Однакожъ и ассессору Катыгулову на *донесеніе* его Салтыковъ сказалъ, чтобъ де по тому вершенному дѣлу Засѣцкаго брали въ земскую канцелярію людей его кравчего, «а больши того ему ничего не сказалъ».

Что еще оставалось дѣлать оберъ-ландрихтеру Топильскому съ товарищи, по новой просьбѣ Засѣцкаго? Они придумали: вновь послать подьячаго за стряпчимъ, «и буде тотъ стряпчей покажетъ силу и въ канцелярію взять себя не дастъ, взнестъ о томъ доношеніе въ надворный судъ, понеже земская канцелярія такимъ ослушникамъ указу учинить не можетъ». Подьячій никого въ домѣ кравчаго не нашель, и земская канцелярія въ

мартѣ 1721 года представила доношеніе надворному суду. Но надворный судъ, по извѣстному приказному обычаю отклонять отъ себя всякія сомнительныя дѣла и избѣгать всякаго непріятнаго столеновенія, — не разсудилъ за благо принять какія-либо мѣры. Вице - президентъ Иванъ Лукичъ Воейковъ и господа судьи велѣли написать въ земскую канцелярію, «чтобъ чинили какъ о томъ Великаго Государя указы повелѣваютъ», то есть «поступить на законномъ основаніи»; какъ нынѣ пишется.

Просьбы злополучнаго истца повторяются до 1725 года. Къ чему же привели онѣ? Къ помѣтамъ: предложить къ слушанію. За этими помѣтами слѣдуетъ только *ultima ratio* всѣхъ возможныхъ приказовъ: помѣта о сдачѣ дѣла въ архивъ. Если Засѣцкій не могъ достигнуть успѣха до 1726 году, то чего же могъ онъ добиться въ 1730, когда Императрицею Всероссійской была родная племянница противника его Василия Ѳедоровича Салтыкова.

Вотъ еще случай, взятый изъ одного приказнаго производства.

Въ октябрѣ 1706 года бѣлевская помѣщица Анна Беклемишева, за себя, за дочь и за сына подала въ земской приказъ челобитную на одновотчиннаго помѣщика Ивана Беклемишева: наѣхавъ съ своими людьми и крестьянами на ея деревню и поля, онъ насильно покосилъ у ней луга, завладѣлъ ея землей и насильно увезъ къ себѣ нѣкоторыхъ крестьянъ ея. Велѣно было вызвать отвѣтчика на судъ къ воеводѣ въ Бѣлевъ, написана грамота о высылкѣ его въ Москву. Грамота эта по тогдашнему обычаю сдавалась на руки самому просителю, который относилъ ее въ печатный при-

казъ и, получивъ оттуда запечатанною, самъ доставлялъ воеводѣ.

Не легко было въ то время вызвать на судъ отвѣтника, который самъ не хотѣлъ явиться и имѣлъ довольно силъ или смѣлости, чтобы противиться требованію суда; цѣлые годы могъ онъ безнаказанно уклоняться отъ всѣхъ вызововъ или даже открыто сопротивляться всѣмъ приказаніямъ, понужденіямъ и посылкамъ мѣстной и центральной власти. Къ нему посылали подъячаго: онъ или входилъ съ нимъ въ сдѣлку, или просто выгонялъ его изъ своей деревни съ помощью людей и крестьянъ своихъ. Рѣдко постигало такого ослушника наказаніе, положенное за ослушаніе, потому что почти всегда была возможность отписаться или отговориться какимъ нибудь предлогомъ. Если же, въ крайнихъ случаяхъ, судъ винилъ его въ искѣ за неявку, — оставалась еще возможность вступить въ новую борьбу съ судомъ при исполненіи этого приговора или возобновить производство подачею спорнаго челобитья.

Бѣлевскій воевода въ ноябрѣ 1706 года послалъ къ Беклемишеву, въ сельцо Синегубово, подъячаго — выслать его самого или взять людей и крестьянъ его. Подъячій воротился безъ успѣху съ доѣздомъ, въ которомъ было написано, что онъ «Беклемишева не изъѣхалъ, а человекъ его сказалъ, что его и людей его въ домѣ нѣтъ, а уѣхалъ-де къ Москвѣ лечиться».

Въ январѣ 1708 года была вторая посылка, вмѣстѣ съ подъячимъ и солдатами отправился истицынъ человекъ «для указыванья». Опять не изъѣхали отвѣтника въ Синегубовѣ; дворовыя женки сказали, что уѣхалъ онъ въ другую свою вотчину, въ сельцо Макрищево. Подъячій поѣхалъ въ Макрищево; но и тамъ сказано ему, что Беклемишевъ уѣхалъ въ козельскій уѣздъ, въ другую свою деревню. Подъячій отправился назадъ къ Бѣлеву и на дорогѣ встрѣтилъ отвѣтника, ѣхавшаго съ братомъ своимъ Ильею и съ людьми его. Подъячій хотѣлъ сказать ему указъ, но «не допустя до его Ива-

на Ильины люди Беклемишева учили ихъ посыльныхъ бранить матерны и гонялись за ними съ кольями и съ дубьемъ и человѣка истцова били дубьемъ и связавъ повели съ собою въ козельскій уѣздъ.

Третья посылка, въ декабрѣ 1709 года и четвертая, въ январѣ 1710 года, не были удачныѣ. Беклемишева опять не избѣжали: жена его сказала, что уѣхалъ въ Москву и самъ явится въ приказъ. Подъячій хотѣлъ взять людей и крестьянъ его, но люди Ильи Беклемишева «пришли съ дубьемъ, и съ цѣпами и хотѣли бить и взять ихъ посыльныхъ». Подъячаго взяли и привели на дворъ къ женѣ Ильи Беклемишева, Катеринѣ, которая повидимому заправляла всѣмъ въ имѣніи; она грозила, что посадить его подъячаго *на цѣпь* и едва отпустила. Пятая посылка кончилась такимъ же результатомъ.

Между тѣмъ, по челобитью истицы Беклемишевой, и съ Москвы изъ приказа посланъ былъ въ деревню къ отвѣтчику особый подъячій съ наказной памятью: подъячему предписывалось взять Ивана Беклемишева въ Бѣлевъ и тамъ отобрать отъ него сказку о явкѣ въ Москву на срокъ. Этотъ подъячій, пріѣхавъ съ понатыми въ Синегубово, избѣжалъ наконецъ самого Ивана Беклемишева. Выслушавъ указъ, онъ не далъ рѣшительнаго отвѣта. Въ это время пріѣхала жена Ильи Беклемишева Катерина, и тотчасъ прислала сказать Ивану, чтобъ онъ въ городъ не ѣздилъ и сказки не давалъ не повидавшись съ нею. И тутъ ея Катеринины люди «взявъ его подъячаго привели къ ней Катеринѣ на дворъ, а служилыхъ людей оставили за воротами и ворота заперли, и она Катерина, выслушавъ великаго государя указъ, ему Ивану Беклемишеву сказки давать не велѣла и оставила его у себя и въ городъ для сбиранья поручной записи не отдала, а подъячаго велѣла вонъ вывести, а служилыхъ людей велѣла отъ воротъ отбить дубьемъ».

Отвѣтчика не добыли къ отвѣту, тогда истица стала просить—учинить ей указъ по Уложению. Велѣно въ при-

казѣ выписать, и сдѣлана выписка изъ прежнихъ вершенихъ дѣлъ о непослушаніи и отвѣтчиковъ; затѣмъ составлена *ропись* о количествѣ взыскапія съ Беклемишева, и въ мартѣ 1710 года состоялся приговоръ: обвинить отвѣтчика Ивана Беклемишева и дать выпись на правезѣ. Затѣмъ дѣло лежитъ безъ движенія 4 года, и уже въ 1716 году положено по челобитію истицы—послать къ ландрату память о правезѣ. Послана память бѣлевскому ландрату; захвачены въ Бѣлевѣ несчастные крестьяне отвѣтчиковы и биты на правезѣ у ландрата; но толку никакого изъ того не вышло. По закону слѣдовало—послѣ неудавшагося правеза братъ въ оцѣнку и въ искъ помѣстья отвѣтчиковы, но отвѣтчикъ придумалъ между тѣмъ новую уловку: онъ, мимо земскаго приказа, бросился съ челобитьемъ въ Кіевъ, къ губернатору, жалуясь, что истица била челомъ о своемъ искѣ ложно, что никакого непослушанія отъ него не было, а когда посылали за нимъ изъ приказа, онъ въ то время лежалъ въ своемъ домѣ боленъ. Въ сущности это была жалоба на приговоръ земскаго приказа,—но достаточно было этой уловки просителя, чтобъ выхлопотать себѣ изъ кіевской губернской канцеляріи указъ къ бѣлевскому ландрату: не чинить взыскапія а *сыскать* сначала противъ отвѣтчикова челобитья. Истица обратилась снова съ челобитьемъ въ канцелярію земскихъ дѣлъ, откуда въ іюнѣ 1719 года посланъ указъ кіевскому губернатору—доправить искъ на Беклемишевѣ.

II.

ОЧИСТИТЕЛЬНАЯ ПЫТКА.

Въ 1717 году 31 января въ канцелярію земскихъ дѣлъ явился шестилѣтній мальчикъ Ѳедоръ, сынъ подьячаго Степана Голубцова и объявилъ, что въ прошлую ночь на дворъ отца его за Землянымъ городомъ, въ приходѣ у церкви Смоленскія Богородицы, пріѣхали грабить неизвѣстные люди, въ числѣ которыхъ узналъ онъ приходскаго дьякона Алексѣя Михайлова, въ нѣмецкомъ платьѣ, съ палашомъ; на крикъ его Ѳедора прибѣжали сосѣди, дьякъ Никифоръ Пановъ съ людьми своими, и поймали четырехъ воровскихъ людей, а остальные разбѣжались. Это объявленіе записано въ приказѣ подъ видомъ словеснаго челобитья, а приводные люди въ тотъ же день распрошены; лошадей, которыя взяты были вмѣстѣ съ ними, велѣно описать и оцѣнить, запятнавъ приказнымъ пятномъ.

По распросу одинъ человекъ сказался драгуномъ Луцкаго полку, пріѣхавшимъ въ Москву въ деньщикахъ съ капитаномъ Луцкаго полку Иваномъ Дмитриевымъ Бахметевымъ. Второй былъ солдатъ, присланный изъ Уфы

въ посольской приказъ съ письмомъ отъ Аюки хана, и жилъ на московскомъ дворѣ у стольника Бахметева, къ которому сынъ его капитанъ пріѣхалъ въ отпускъ. Третій, Вязниковецъ—посадской человѣкъ, жилъ по знакомству у того же Бахметева, а четвертый сказался крестьяниномъ Бахметева, пріѣхавшимъ къ Москвѣ съ запасами изъ алатырской деревни. Всѣ они показали, что въ прошлую ночь часу во второмъ капитанъ Бахметевъ со двора своего изъ за Пречистенскихъ воротъ послалъ ихъ на подводахъ вмѣстѣ съ дьякономъ Алексѣемъ Михайловымъ и велѣлъ: что дьяконъ отдастъ имъ, привезти домой. Они подѣхали къ воротамъ на дворъ, къ женѣ подьячаго Голубцова Матренѣ; дьяконъ вошелъ въ домъ, а они дожидались его у воротъ; тутъ невѣдомо какіе люди нашли на нихъ и ихъ захватили.

Показанія эти разнились въ подробностяхъ, и потому приводнымъ людямъ дана была очная ставка въ застѣнкѣ, то есть ихъ стали пытать. Дали имъ на вискѣ по 50 ударовъ, но ничего новаго отъ нихъ не добились. Между тѣмъ послали за Бахметевымъ, послали за дьякономъ, послали за матерью малолѣтнаго Федора Голубцова: про нее приводные показали уже, что съ дьякономъ имѣла она любовную связь и что она ночью въ сѣняхъ поила ихъ виномъ. Матрена Голубцова сказала тоже что сынъ ея, и послѣ распросу освобождена на «добрую росписку». Капитана Бахметева вовсе не сыскали, а люди его сказали, что не знаютъ куда онъ сѣхалъ; дьяконъ же Алексѣй Михайловъ, сысканный на дворѣ у Бахметева, показаль слѣдующее.

Овдовѣвъ года съ полтора тому назадъ, онъ разу-

диль продать свое дьяконское мѣсто и продалъ его за 230 рублей дьячку церкви Петра и Павла, что въ Капитанской, но оставался еще служить при церкви. Однажды на масляницѣ позвали его вмѣстѣ съ попомъ пѣть молебень на дворъ подьячаго Степана Голубцова къ женѣ его Матренѣ, и послѣ того оставили обѣдать; хозяйка поднесла ему три стакана вина. Послѣ поста пришла къ нему послуживица отъ Матрены Голубцовой и стала говорить: «что де ты къ моей хозяйкѣ не зайдешь; очень ты ей полюбился». Онъ съ своей стороны отвѣчалъ, что съ того числа, какъ поднесла ему пиво съ виномъ, и она ему крѣпко полюбилась. Такимъ образомъ началась у нихъ любовная связь, и онъ часто къ ней хаживалъ. Въ январѣ ходилъ онъ въ московскій уѣздъ съ село Бесѣды къ сроднику своему, тамошнему священнику, и воротившись, съ недѣлю тому назадъ, жилъ по знакомству у капитана Бахметева. Однажды, когда пришелъ онъ Бахметеву поклониться, Бахметевъ, собираясь возвращаться къ полку своему въ низовый край, сталъ его спрашивать: хочешь ли де ты со мною ѣхать на низъ? я де тебя пристрою въ подьячїе или въ иной какой чинъ. Дьяконъ отвѣчалъ, что готовъ ѣхать, только сознался въ томъ, что есть у него связь съ подьяческой женой. Нѣтъ ли у нея денегъ? спросилъ Бахметевъ, и не дастъ ли мнѣ въ займы, и когда дьяконъ сказалъ, что не знаетъ, велѣлъ къ ней съѣздить и объ тѣхъ деньгахъ поговорить, обѣщая дать заемное письмо: когда-моль поѣдешь на низъ, ты и ее возьми съ собою, и я де тебя укрою и съ нею. По тѣмъ словамъ послалъ его Бахметевъ съ двумя своими деньщиками да съ Вязниковцемъ на

двухъ лошадахъ. Приѣхавъ они постучались у воротъ; вышелъ человѣкъ Матренинъ Иванъ и сказалъ, что она дома и никого у нихъ нѣтъ. Только что отворили ворота и стали они въѣзжать на дворъ, какъ наѣхали невѣдомо какіе люди и стали ихъ ловить; товарищѣй его поймали, а самъ онъ ушелъ къ Бахметеву.

По порядку приходилось пытаться дьякона въ разныхъ рѣчахъ, но нельзя было пытаться его, не снявъ съ него дьяконскаго сана, не *обнаживъ* его, какъ тогда говорилось. Объ этомъ обнаженіи земская канцелярія послала указъ Стефану, митрополиту Рязанскому и Муромскому. Но митрополитъ, по челобитью отца дьяконова, бывшаго священникомъ въ селѣ Преображенскомъ, не согласился снять съ дьякона санъ до присылки подлинныхъ распросныхъ рѣчей его, и требовалъ самого дьякона прислать къ допросу. Приказныя сношенія производились тогда посредствомъ указовъ отъ высочайшаго имени, и потому митрополитъ, получивъ указъ изъ земской канцелярії, отвѣчалъ ей также указомъ.

Между тѣмъ дьяконъ, въ качествѣ колодника, содержался, вмѣстѣ съ другими приводными людьми, при канцелярії въ колодничьей палатѣ, куда сажали обыкновенно всѣхъ подсудимыхъ до рѣшенія дѣла. Положеніе его было ненадежное. Подьяческая жена отъ него отступилась, и все дѣло было начато подьячимъ Ветошниковымъ, которому домъ Голубцова порученъ былъ въ надзоръ отцемъ Матрены, дьякомъ Монастырскаго Приказа, Осипомъ Протопоповымъ. Ветошниковъ тоже, судя по намекамъ дьякона, былъ когда то въ связи съ Матреной и теперь, согласясь съ ея родственниками, завелъ дѣло

и подавалъ прошенія на пагубу дьякона отъ имени малолѣтнаго Феодора Голубцова. Въ то время была еще возможность погасить такое неприятное дѣло частною сдѣлкой, и Алексѣй Михайловъ началъ тайными путями входить въ переговоры о мирѣ съ своими обвинителями. Приказные подьячіе не упустили случая поживиться на счетъ колодниковъ и отнимали у нихъ все, что можно было отнять. Такъ однажды подьячій земской канцеляріи, осматривая дьякона, нашель у него письмо, писанное на поллистѣ бумаги и представилъ бумагу въ приказъ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ ней писана «многая непристойность». Это письмо, наполненное нѣжностями, написано было съ цѣлью умиловить жестокосердую подьячиху. Вотъ оно въ подлинникѣ.

«Веселообразной, умильногласной, въ отвѣтахъ умной, въ рѣчахъ поспѣшной, въ мысляхъ крѣпкой, отъ людей почтенной, отъ Бога превознесенной и Богомъ хранимой, другу моему сердешному и сердцу моему обо мнѣ болѣзненному, взгляду умильному, смѣху веселому, цвѣту моему драгому яко драгимъ каменіемъ, златомъ и серебромъ украшенной, здравствуй свѣтъ моя предражайшая и прелюбезная Марусенка и Матрешенка въ милости Божіи на множество лѣтъ! Прошу моя любезная и надежда моя крѣпкая и любовь нелицемѣрная у тебя надежнаго премилосердія слезно, въ темницѣ не остави меня заключеннаго, и буди тебѣ во извѣстіе, договариваюся съ дядемъ твоимъ Феодоромъ Миничемъ и съ братомъ твоимъ Михайломъ Савичемъ на тридцати рубляхъ и они такъ обѣщаютъ — мы де не станемъ о семъ дѣлѣ исцовать и ходить, такъ де и дѣло все минется, и ты ко мнѣ о семъ

вѣдѣніе учини, вѣрно ли такъ они договариваются со мною, да еще доношу милости твоей, батюшка велѣлъ просить изъ нѣкоторыхъ нуждъ у тебя, и я пришлю къ тебѣ Татьяну тетушку и она милости твоей сію нужду донесетъ, и ты, пожалуй, не остави меня холопа своего о сей нуждѣ, долженъ вѣкъ при милости твоей быть неотвратно».

Письмо это осталось непосланнымъ, но дьяконъ Алексѣй Михайловъ не переставалъ хлопотать объ мировой. Посредникомъ для переговоровъ служилъ ему двоюродный братъ его подьячій адмиралтейской канцеляріи Григорій Семеновъ; свиданіе родныхъ съ приказными колодниками не было затруднительно, и потому Григорій могъ каждый день приходиться къ брату. Написали мировую челобитную: оставалось только уговорить Матрену Голубцову и родныхъ ея, чтобы они согласились подписать ее. Григорью поручено было ходить къ Матренѣ и ее уговаривать. Но подьяческая жена была хитра и уговорить ее можно было не скоро. Она взяла къ себѣ челобитную, чтобы посоветоваться съ родными: главнымъ совѣтникомъ ея былъ тоже подьячій Ѳедоръ Протопоповъ, родной ея дядя. Онъ взялъ къ себѣ челобитную и не хотѣлъ отдать ее обратно. Григорій написалъ другую челобитную и каждое утро ходилъ съ нею къ Матренѣ для прикладыванія руки. Матрена все отказывалась, требуя съ дьякона 50 рублей. Но отецъ дьякона не соглашался дать болѣе 25. Переговоры затянулись. Однажды, когда всѣ собрались у дьякона въ земской канцеляріи, Ѳедоръ Протопоповъ и вторую челобитную успѣлъ захватить въ свои руки безъ отдачи. Дьякона брала уже досада и онъ просилъ Гри-

горя употребить послѣднее средство: напоить Протопопова до пьяна и пьянаго заставить подписать просьбу за свою безграмотную племянницу. Но и это не помогло. На другой день, найдя Протопопова въ Китаѣ городѣ въ пирожномъ ряду, Григорій поилъ его виномъ и привелъ къ дьякону; но напившись до пьяна, Протопоповъ еще возвысилъ цѣну и требовалъ уже сто рублей за свою подпись: дьяконъ давалъ ему пятьдесятъ, но тотъ не согласился и ушелъ вмѣстѣ съ Григоріемъ.

Они пошли опять въ Китай-городъ и дорогою бранились. На площади, противъ церкви Казанской Богородицы, наконецъ Григорія взяла досада и онъ остановившись, сталъ съ сердцемъ говорить Ѳедору Протопопову: для чего де ты къ челобитной руки не прикладываешь и у себя ее держишь?—А для того, что не приложу ни за что, — отвѣчалъ Ѳедоръ. Тогда вовсе разсердясь, началъ Григорій бить Ѳедора кулаками и, свая съ ногъ, билъ топунками и покинувъ за мертво побѣждалъ прочь.

Жена Ѳедора Протопопова заявила о случившемся въ Земской Канцеляріи и просила объ розыскѣ, а на другой день, 25 марта, объявила, что мужъ ея отъ побоевъ умеръ. Посланъ былъ подъячій для осмотра и донесъ, что на тѣлѣ битыхъ мѣстъ спина вся и плеча и бока—все сине и багрово. Это было 26 марта. Убійцу велѣно было, сыскавъ, распросить.

Между тѣмъ Григорій Семеновъ, прибѣжавъ съ площади снова въ земскую канцелярію къ дьякону, сталъ совѣтоваться, что еще дѣлать. Положили написать третью челобитную и попытаться еще разъ уговорить Матрону. На этотъ разъ переговоры удались. Матрена Голуб-

цова согласилась взять 25 рублей, и послала къ Спасскому собору за дворцовымъ дьячкомъ, который приложилъ руку къ мировой челобитной за нее и за малолѣтнаго ея сына. Григорій принесъ её къ дьякону въ земскую канцелярію, но тамъ уже отыскивали убійцу Протопопова, и схватили его вмѣстѣ съ челобитной. Дьякъ Никифоръ Дружининъ тотчасъ приказалъ заковать его. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по просьбѣ жены убитаго, посланъ старый подьячій съ понятыми описать и опечатать дворъ убійцы.

Такимъ образомъ розыскъ получилъ новое направленіе. Григорія Семенова допросили: онъ оговорилъ дьякона въ томъ, что дьяконъ приказывалъ ему: если де Федоръ тебя не послушаетъ, ты убей его до смерти. Дьякона опять доводилось пытаться, и на этотъ разъ духовное начальство немедленно исполнило требованіе земской канцеляріи относительно «обнаженія».

Второй распросъ былъ съ пыткой 1 апрѣля. Алексѣя Михайлова, сдѣлавшагося уже раздьякономъ, спрашивали въ застѣнкѣ и о ночномъ приѣздѣ для грабежа и объ послѣднемъ убійствѣ. Ему дало 46 ударовъ, но онъ остался при прежнемъ своемъ показаніи и утверждалъ, что ничего не знаетъ про смертное убійство Протопопова и отъ него изволенія на то убійство не было. А Григорій Семеновъ въ застѣнкѣ у дыбы уличалъ раздьякона и подтверждалъ прежнія свои рѣчи. Въ слѣдствіе того черезъ недѣлю Алексѣй Михайловъ пытанъ въ другой разъ противъ очной ставки, и на новой пыткѣ во всемъ повинился.

По закону не требовалось уже дальнѣйшихъ доказа-

тельство виновности обоих подсудимых. О первом предметѣ розыска, то есть о ночномъ приѣздѣ, Алексѣй Михайловъ съ двухъ пытокъ показалъ тоже самое, что на первомъ распросѣ, и согласно съ пыточными рѣчами другихъ приводныхъ людей; слѣдовательно въ ночномъ разбоѣ онъ себя очистилъ: недоставало только Бахметева, котораго все еще не могли сыскать. О всѣхъ остальныхъ подсудимыхъ не было уже препятствія постановить приговоръ. Основаніемъ приговора служилъ въ подобныхъ случаяхъ—вмѣсто выписки изъ дѣла, статейный списокъ о колодникахъ. Онъ составлялся въ видѣ записки: на одномъ боку перегнутого на двое листа излагались вкратцѣ обстоятельства дѣла относительно каждаго изъ подсудимыхъ и выписывались въ концѣ законы; на другомъ боку противъ каждаго лица дьякъ отмѣчалъ приказаніе судей. Такой точно статейный списокъ былъ составленъ и по этому дѣлу. На немъ отъ имени судей—ближняго кравчаго и московскаго губернатора Кирила Алексѣевича Нарышкина, 13 апрѣля 1717 года, отмѣчено слѣдующее: драгуна и солдата и людей Бахметева свободить на добрыя росписки до указа, а Бахметева сыскивать по прежнимъ помѣтамъ неотложно, а какъ онъ сысканъ будетъ и оныхъ всѣхъ собрать и давать очныя ставки и разыскивать по указу. А Алексѣю Михайлову и Григорью Семенову велѣно учинить обоимъ по Уложению, то есть за убійство и за наущеніе къ убійству обоихъ казнить смертию.

Осужденныхъ къ смертной казни по Уложенію должно было сажать въ тюрьмѣ въ избу на шесть недѣль для покаянія: для этой цѣли на тюремномъ дворѣ была

особая покаянная палата, гдѣ осужденныхъ передъ казнью исповѣдывали и приобщали св. тайнъ. Туда же 1 мая отослали изъ земской канцеляріи раздьякона вмѣстѣ съ подьячимъ.

Но этимъ дѣло еще не кончилось. Прошли указныя шесть недѣль, а преступники не были еще казнены и оставались въ покаянной до 1718 года. Имъ оставалась еще надежда на избавленіе отъ смерти: можно было оболживить прежнія свои пыточные рѣчи. Въ системѣ тогдашняго судопроизводства не было мѣста правильной аппеляціи, но законъ, давшій пыткѣ рѣшительное значеніе въ ряду судебныхъ доказательствъ, позволялъ повѣрять пытку пыtkою же, такъ какъ въ прежнее время позволялъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ протестовать противъ свидѣтелей и судей и требовать *поля* съ ними. — «Которые воры, — сказано въ указѣ 1656 года — будутъ съ трехъ пытокъ и съ огня прежнія свои распросныя и пыточные рѣчи лживить, тѣмъ вѣрять». Этотъ законъ разумѣлся въ томъ смыслѣ, что тремя новыми пытками съ огнемъ преступникъ могъ очиститься отъ сознанія, сдѣланнаго на первыхъ двухъ пыткахъ.

Надо было имѣть большую увѣренность въ себѣ, большую силу воли, чтобъ рѣшиться на это послѣднее средство; но пытка — дѣло рукъ человѣческихъ, дѣйствующихъ по приказному обычаю, и очень вѣроятно, что съ помощью извѣстныхъ обычаевъ приказныхъ, самая пытка могла казаться болѣе или менѣе страшною. Раздьяконъ и подьячій въ январѣ 1718 года прислали въ приказъ челобитныя, что они «не утерпя жестокаго

розыску и страху, сказали на себя напрасно». Тотъ и другой просили не вѣрить тому, что они другъ на друга показали.

Ихъ велѣно снова пытатъ въ переменныхъ рѣчахъ и чинить окончательный розыскъ. Пытали одного Григорья Семенова, вѣроятно потому, что онъ былъ признанъ главнымъ убійцей, и оправданіе его въ убійствѣ должно было необходимо вестъ къ оправданію раздьякона въ разговорѣ къ убійству. На первой пыткѣ, 28 января, дано ему 55 ударовъ. Онъ объявилъ, что Ѳедора Протопопова виномъ не паивалъ и до смерти не бивалъ, а кто билъ про то невѣдаетъ. 12 февраля пытали его во второй разъ: дано 60 ударовъ. Онъ подтвердилъ тоже самое. 1 марта, на третьей пыткѣ дано ему 50 ударовъ и жженъ огнемъ, но и съ огня говорилъ тоже самое.

По этому окончательному розыску 17 марта сдѣлана слѣдующая помѣта. Подьячаго Григорія Семенова свободить на добрую росписку, для того что онъ въ переменныхъ рѣчахъ съ трехъ пытокъ и съ огня въ убійствѣ Ѳедора Протопопова съ себя сговорилъ; а раздьякону Алексѣю Михайлову за его пріѣздъ къ Голубцову и что онъ жилъ съ его женою блудно, учинить указъ въ духовномъ приказѣ, и для того его отослать туда съ указомъ, понеже помянутой подьячей въ убивственномъ дѣлѣ его раздьякона съ розысковъ очистилъ, и кромѣ онаго его пріѣзду и блуднаго житія до него раздьякона и дѣло не касается, и ежелибъ не показано было онымъ подьячимъ на него раздьякона по первому розыску въ томъ убив-

ствѣ оговоромъ, то бы онъ и пытатъ не довелся, а надлежало бы тогда отослать за ту вину въ духовный приказъ.

Тѣмъ дѣло и кончилось. О Бахметевѣ же, который стоялъ въ главѣ всѣхъ показаній о ночномъ приѣздѣ, и не поминалось болѣе, потому конечно, что всякое ходатайство объ отысканіи его прекратилось.

III.

УБИЙСТВО ЖУКОВЫХЪ.

1.

Въ 1754 году, въ ночь на 10 сентября, случилось въ Москвѣ убійство, въ домѣ коллежскаго совѣтника Александра Жукова, на Никитской улицѣ, въ прихода Феодора Студита. Самого хозяина въ Москвѣ не было: онъ былъ въ Пензѣ, воеводою, и въ это время попалъ подъ слѣдствіе, производившееся надъ нимъ по высочайшему повелѣнію особою комиссіей, за взятки и насилія. Хозяйкою въ московскомъ домѣ оставалась жена его Аграфена Ивановна, въ прошломъ году переѣхавшая изъ Пензы на житье въ Москву, и при ней 15-лѣтняя дочь Надежда. Утромъ 10 сентября люди, войдя въ спальню, нашли ихъ обѣихъ на кровати задушенными, а въ домѣ не оказалось двухъ бѣжавшихъ дворовыхъ дѣвокъ, Авдотьи Іоновой да Катерины Даниловой. Люди тотчасъ дали знать объ этомъ происшествіи полицейской командѣ. Приѣхавъ изъ той команды, поручикъ Юренивъ осмотрѣлъ убитыхъ, забралъ изъ дому всѣхъ людей, и началось слѣдствіе въ главной полицеймейстерской канце-

ляріи, находившейся тогда временно въ Москвѣ. Прежде всего надобно было отыскать бѣжавшихъ дѣвокъ; дали знать объ нихъ во всѣ городскія полицейскія команды съ описаніемъ примѣтъ, и на третій день бѣглыя дѣвки нашлись въ домѣ подполковницы Авдотьи Нестеровой. На самое Нестерову падало подозрѣніе по дѣлу, и потому 13 сентября взяли и ее, и людей ея, и даже гостей, бывшихъ въ то время у нея въ домѣ.

На первомъ же допросѣ обѣ дѣвки повинились. По ихъ показанію, тотчасъ же открылось, кѣмъ совершено убійство.

Въ семействѣ Жуковыхъ, видно, не было Божьей благодати. Отецъ, пензенскій воевода, былъ человѣкъ суроваго нрава, извѣстный лихоимецъ и притѣснитель народа: многочисленныя жалобы на его притѣсненія и насилія вынудили императрицу Елисавету, въ то время когда воеводское насиліе было за обычай, нарядить особую комиссію для изслѣдованія всѣхъ его поступковъ. Онъ жилъ въ Пензѣ подъ арестомъ и подъ слѣдствіемъ. Младшій сынъ его Петръ, былъ при немъ и натерпѣлся столько отъ отцовскаго жестокаго обращенія, что съ отчаянья хотѣлъ лишиться себя жизни и перерѣзалъ себѣ горло бритвой. Старшій сынъ, Алексѣй, успѣлъ вырваться на волю изъ-подъ отцовской власти, и числился каптенармусомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, но жилъ въ Москвѣ, просрочивъ свой отпускъ изъ полка, и убѣжавъ отъ преслѣдованія кредиторовъ. Это былъ человѣкъ безъ образованія и безъ нравственныхъ правилъ, смолоду привыкшій къ роскоши и распутству. Онъ занималъ деньги у кого только можно было занять, вы-

давалъ на себя векселя и требовалъ денегъ отъ родителей. Онъ зналъ, что у родителей деньги есть,—но родители не давали ему денегъ, и онъ мало-по-малу привыкъ смотрѣть на нихъ какъ на враговъ своихъ, а на имущество ихъ какъ на свое достояніе. Такъ въ 1752 году, оставаясь въ московскомъ домѣ, когда отецъ и мать его жили еще въ Пензѣ, онъ вывезъ изъ дома всю движимость, распродалъ ее и промоталъ деньги. Это послужило новымъ поводомъ къ отчужденію его отъ родителей. Мать, по переѣздѣ въ Москву изъ Пензы, часто бранила его, и самъ онъ отвѣчалъ ей тѣмъ же. Наконецъ отчужденіе перешло въ открытую вражду, когда Алексѣй Жуковъ, весной 1754 года, противъ воли отца и матери, и не спросясь у нихъ, женился на Варварѣ, дочери поручика Николая Полтева, и переѣхалъ жить въ домъ къ своей тещѣ Настасьѣ Семеновнѣ Полтевой, за Арбатскими воротами, въ приходѣ церкви Филиппа Апостола. Мать не могла простить ни сыну, ни женѣ его, того, что сынъ женился не спросясь, въ ея отсутствіе, и еще болѣе того, что, женившись, онъ получилъ за женой въ приданое только три тысячи рублей вмѣсто шести тысячъ, какъ было написано въ рядной. Невѣстку свою она постоянно бранила и даже бивала, судя по словамъ Варвары Жуковой и ея мужа. Сынъ требовалъ отъ матери денегъ для уплаты кредиторамъ; мать не давала денегъ, и еще больше сердилась.

А у матери деньги были. Въ спальнѣ у нея подъ кроватью стоялъ мѣдный сундучокъ или скрыня, гдѣ хранилась денежная казна,—были и брилліанты въ особомъ ларчикѣ. Объ этихъ вещахъ задумывался Алексѣй

Жуковъ, ожесточившись противъ матери. Деньги материны были ему нужны, да и мать, какъ видно, крѣпко ему надоѣла. Самому ли ему пришла въ голову страшная мысль отдѣлаться отъ матери, или жена первая подала ему эту мысль,—только мужъ съ женой стали совѣтоваться о недобромъ дѣлѣ. Къ совѣту ихъ пристала и теща Настасья Полтева. Положено было уговорить людей Аграфены Жуковой, и особенно двухъ дѣвокъ ея, къ участию въ преступленіи. Старая барыня была суроваго нрава, и люди, повидимому, не любили ея. Съ Полтевыми близко была знакома полковница Авдотья Нестерова,—барыня не очень чистой совѣсти, какъ увидимъ въ послѣдствіи. Ей сказали, что у матери хотятъ похитить черезъ дѣвокъ сундукъ съ деньгами, и уговорили укрыть этихъ дѣвокъ у себя до времени.

Оставалось найти нисшихъ исполнителей злодѣйства. Для этого Алексѣй Жуковъ обратился сначала къ крѣпостному дворовому человѣку своей матери, крещеному Калмыку, Александру Александрову, черезъ дѣвку Авдотью, и обѣщаль дать ему 20 руб. и отпустить на волю, если убьетъ мать и доставить ему изъ подъ постели мѣдную скрыню съ деньгами. Калмыкъ согласился. Дѣвку Авдотью и другую, Катерину, Алексѣй подговорилъ еще прежде: содѣйствіе ихъ было необходимо, потому что обѣ онѣ всегда были при старой барынѣ и спали около нея: одна въ спальнѣ, другая въ ближней комнатѣ, у дверей. Потомъ приговорили и другихъ участниковъ. Молодой Жуковъ съ женой жили у Полтевой въ саду въ палаткѣ, людей своихъ при немъ не было, а служилъ ему человѣкъ Полтевой, Михайла Григорьевъ, и его не-

дѣли за двѣ подговорилъ Жуковъ, чтобъ онъ помогъ Калмыку задавить старуху на постелѣ, а если нужно, то и дочь вмѣстѣ съ нею, для того чтобы дочь не могла потомъ показать на нихъ; наконецъ, за нѣсколько дней до 16 числа, подговоренъ былъ къ тому же еще столяръ Иванъ Сизовъ, бѣглый человѣкъ поручика Шереметева, работавшій по найму въ домѣ у Аграфены Жуковой; ему обѣщано дать 100 рублей и выкупить его на волю у помѣщика. Нѣсколько разъ велись переговоры о задуманномъ дѣлѣ въ присутствіи жены и тещи Жукова, наконецъ день былъ назначенъ: дѣвкамъ сказано, чтобы ждали въ комнатахъ, а Калмыку положено дожидаться ночью у забора, подлѣ сада. Къ вечеру Иванъ Сизовъ пришелъ въ домъ къ Полтевымъ и легъ спать въ людской. Часовъ въ 11, поужинавъ, всѣ были готовы; заложили карету — Иванъ сѣлъ на дроги передъ каретой, а Михайло на козлы; сзади кареты поставили человѣка Полтевыхъ, ни о чемъ незнавшаго, Тимоея Ефремова, на случай, для сторожи у кареты. Въ карету сѣли Алексѣй Жуковъ съ женой, а Настасья Полтева провожала ихъ съ крыльца. Около полуночи карета подѣхала къ забору Жуковскаго дома, гдѣ дождавшійся Калмыкъ сказалъ, что старуха уже спитъ. Жуковы остались въ каретѣ съ человѣкомъ, стоявшимъ назади, а прочіе люди перелѣзли черезъ заборъ, прошли садомъ, и вслѣдъ за Калмыкомъ влѣзли по лѣстницѣ, черезъ окно, въ пустыя комнаты большаго каменнаго дома Жуковыхъ. Дѣвка Катерина отперла имъ дверь средней комнаты, а Авдотья пустила въ спальню и тотчасъ погасила горѣвшій огонь. Тутъ они бросились

на Аграфену Жукову и на дочь ея Надежду, спавшихъ рядомъ на одной постелѣ и, ухватя за горло, задушили обѣихъ; въ это время дѣвки держали барыню за ноги, чтобы не билась. Старуха успѣла только прокричать: «Иванъ, что ты дѣлаешь?» Между тѣмъ пришла изъ Полтевскаго дому по уговору третья дѣвка, Матрена Семенова, приданая горничная Варвары Жуковой, и вздула огонь. Сыскавъ ключъ отъ сундука, убійцы вынули скрыню съ деньгами, и захватили подъ столомъ бутылку съ водкой; дѣвки взяли себѣ по бархатной шубѣ, и всѣ отправились обратно къ каретѣ объявить дождавшимся Жуковымъ, что все исполнено. На это Алексѣй Жуковъ сказалъ, что сестры ему жаль, а матушка—Богъ съ ней! Скрыню поставили въ карету, туда же сѣли обѣ дѣвки, и съ пѣснями поѣхали всѣ къ Мясницкимъ воротамъ, въ домъ къ Нестеровой, гдѣ хозяйка встрѣтила ихъ и поднесла людямъ по чаркѣ водки. У нея оставили двухъ дѣвокъ и воротились со скрыней домой къ ожидавшей ихъ Настасьѣ Полтевой. Въ скрынѣ оказалось деньгами 563 рубля 20 коп.

Вотъ какъ совершилось убійство Аграфены Жуковой, возбуждавшее, и само по себѣ, и по своимъ послѣдствіямъ, много толковъ въ обѣихъ столицахъ и обратившее на себя особенное вниманіе двухъ императрицъ. Обстоятельства самаго злодѣянія не столько любопытны, сколько самый ходъ изслѣдованія и рѣшеніе, послѣдовавшее по этому дѣлу.

Слѣдствіе, производившееся въ полицеймейстерской канцеляріи подъ главнымъ наблюденіемъ генераль-лейтенанта генераль-полицеймейстера, дѣйствительнаго камер-

тера и кавалера Алексѣя Даниловича Татищева ¹⁾), началось съ допроса трехъ дѣвокъ и Калмыка Александра. Всѣ они повинились. 14 сентября взяты Алексѣй Жуковъ, жена его и теща: первые повинились тоже съ перваго допроса. Настасья Полтева, повинившись въ приѣмѣ вещей, сказала, что она, хотя и знала объ умыслѣ дочери съ зятемъ, но запрещала имъ, а не доносила потому, что думала, они не приведутъ въ дѣйствіе своего намѣренія; напротивъ, Жуковы показали на нее, что она же ихъ подговаривала къ убійству.

На очной ставкѣ, уличаемая дочерью и зятемъ, Полтева всетаки осталась при прежнемъ показаніи. На Авдотью Нестерову Жуковы показали, что просили ее только укрыть двухъ дѣвокъ, а потомъ уже объявили ей о совершенномъ убійствѣ. Въ томъ повинилась и Нестерова.

Между тѣмъ о розыскѣ прочихъ участниковъ въ убійствѣ разосланы были приказы, и за поимку каждаго обѣщано въ награду 30 рублей тому, кто приведетъ его. 10 октября взять и допрошенъ прикосновенный къ дѣлу ткачъ Андрей Ефремовъ, не знавшій объ убійствѣ, но ѣздившій въ ночь убійства за каретой Жуковыхъ. Никто изъ прямыхъ участниковъ въ преступленіи не оговорилъ этого человѣка; напротивъ, всѣ показывали, что онъ дуракъ, и что по этой именно причинѣ его взяли. Однакожь слѣдователи не удовлетворились первымъ его показаніемъ. Андрей Ефремовъ на другой день сѣченъ плеть-

¹⁾ Этотъ Татищевъ занималъ должность генераль-полицеймейстера почти во все царствованіе императрицы Елисаветы.

ми и допрошенъ вновь по пунктамъ, подлинно ли не зналъ онъ для чего ѣздили, и было ли согласіе объ убійствѣ, и не слыхалъ ли чего объ этомъ, когда убійцы воротились назадъ къ каретѣ. Но онъ утвердился на прежнемъ своемъ показаніи. 12 октября, одинъ изъ убійць, Михайло Григорьевъ, пойманъ былъ на улицѣ дворovýmъ челоуѣкомъ поручика Оголина и приведенъ въ полицію, гдѣ выдали поимщику деньги, обѣщанныя за поимку. Преступникъ во всемъ повинился, но въ показаніи своемъ долженъ былъ объяснить, гдѣ проживалъ все время до поимки. Оказалось, что онъ въ самый день убійства убѣжалъ изъ Москвы, по смоленской дорогѣ, въ деревню дворцоваго вѣдомства Нѣмчинову къ дядѣ своему, крестьянину Захару Васильеву, и жилъ у него, сказавъ ему какое дѣло сдѣлалъ. Послѣ этого допроса пріѣхалъ въ присутствіе полиціи генераль-полицеймейстеръ Татищевъ, и при немъ стали вновь допрашивать преступниковъ. Сначала ввели Михайла Григорьева для распроса объ участіи Жуковыхъ и Полтевой въ злодѣйствѣ, потомъ, вводя каждаго изъ нихъ по одиночкѣ, ставили съ нимъ на очную ставку. Убійца утверждалъ, что дѣйствовалъ по прямому приказанію своей помѣщицы Полтевой, а одного зятя ея не послушалъ бы, и что Алексѣй Жуковъ положительно приказывалъ ему убить и сестру вмѣстѣ съ матерью. Но Алексѣй Жуковъ на очной ставкѣ увѣрялъ по прежнему, что приказывалъ только объ убійствѣ матери, а сестру велѣлъ только обернуть въ одѣяло, чтобы не видала людей; однако потомъ долженъ былъ сознаться что «виноватъ во всемъ.» Полтева продолжала утверждать, что не подговаривала къ убійству и не была

въ совѣтѣ объ этомъ дѣлѣ, но зять и дочь уличали ее въ томъ, что она именно ихъ и научала. «И такъ въ томъ между ими учинился споръ».

2.

Къ разрѣшенію спора въ такомъ дѣлѣ существовало въ то время извѣстное средство — пытка или распросъ съ пристрастіемъ.

Въ половинѣ XVIII столѣтія пытка была еще во всеобщемъ употребленіи на всемъ материкѣ Европы. Слышались уже въ ученой литературѣ энергическіе протесты противъ этого обычая; но ни въ судебной практикѣ, ни въ общественномъ сознаніи еще не могли представить себѣ розыскъ безъ пытки. Извѣстно, что уже Екатерина II сначала запретила производить пытку въ уѣздныхъ городахъ, безъ разрѣшенія губернаторовъ, потомъ въ X главѣ своего наказа рѣшительно осудила пытку, но не рѣшилась гласно и торжественно отмѣнить ея употребленіе. Изъ сената велѣно было разослать къ губернаторамъ *секретныя* предписанія, чтобы въ дѣлахъ, доходящихъ до пытки, основывали свои резолюціи на X главѣ наказа. Припомнимъ здѣсь любопытный разсказъ, относящійся до отмѣны пытки въ Россіи, изъ записокъ Блюма о графѣ Сиверсѣ: составитель книги приписываетъ графу Сиверсу честь первой энергической попытки отмѣнить эту варварскую принадлежность процесса.

Въ началѣ зимы 1767 года, Сиверсъ, бывший въ то время новгородскимъ губернаторомъ, находился въ Москвѣ. У него особенно лежала на сердцѣ мысль—рѣши-

тельно отмѣнить пытку, которую императрица запретила уже производить въ первой судебной инстанціи. Тюрьмы наполнены были арестантами: великое множество ихъ содержалось въ ожиданіи пытки. Изъ собственнаго, осторожнаго разсказа Сиверсова можно видѣть, сколько было ему затрудненій достигнуть задуманной цѣли, и какъ ловко старался онъ преодолѣть ихъ. Предмѣстникомъ его въ должности былъ, при Елизаветѣ, отецъ Григорія Орлова. Въ одномъ судебномъ дѣлѣ того времени, возникло сомнѣніе о пыткѣ преступника; товарищи губернатора, съ прокуроромъ, положили пытать его; но губернаторъ, которому принадлежалъ рѣшительный голосъ, отстранилъ пытку, какъ ненадежный способъ для открытія истины, и рѣшилъ дѣло безъ пытки. Сиверсъ вспомнилъ объ этомъ при случаѣ, когда пришлось разрѣшать подобное же сомнѣніе, и разсказалъ эту исторію государынѣ. И по собственному образу мыслей, и по расположенію къ Орловымъ, Екатеринѣ понравился разсказъ, а Григорій Орловъ былъ тронуть имъ до слезъ.

Наконецъ, 11 ноября, Сиверсу удалось уговорить императрицу, чтобъ она послѣдовала своему убѣжденію и издала указъ объ отмѣнѣ пытки. Но противъ этого возстали министры, когда Екатерина пожелала узнать ихъ мнѣніе, такъ что разослано было губернаторамъ только секретное повелѣніе, чтобъ они во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ, когда по закону требуется пытка, слѣдовали наказу, въ коемъ пытка объявлена рѣшительно бесполезною. Императрица сама написала этотъ знаменитый указъ въ присутствіи Сиверса, который на колѣняхъ принялъ изъ рукъ ея бумагу, только что подписанную. Се-

наторы, министры стали говорить, что теперь никто, ложась спать вечеромъ, не можетъ поручиться, живъ ли встанетъ поутру, что ни дома, ни въ постели не будетъ безопасности отъ злодѣевъ. «Такъ думали эти люди, прибавляетъ Сиверсъ,—но къ чести другихъ разумныхъ людей должно сказать, что новая мѣра, вскорѣ переставшая быть тайной, встрѣчена была всеобщимъ одобреніемъ. Вскорѣ случился у меня въ губерніи грабежъ: ограбили на большой дорогѣ крестьянина, принадлежавшаго Орлову. Виноватаго схватили и хотѣли пытать его; но я не допустилъ до пытки, по силѣ указа, такъ что первое примѣненіе его случилось въ дѣлѣ, касавшемся Орлова».

Намъ кажется странно, непонятно такое закоренѣлое вѣрованіе въ силу пытки, и даже въ необходимость ея для огражденія общественнаго спокойствія; мы почти отказываемся вѣрить, что еще такъ недавно человѣчество считало пытку самымъ простымъ и вѣрнымъ способомъ для открытія истины, и даже какъ будто дорожило варварскимъ обычаемъ выпытывать у обвиняемаго признаніе физической болью. Но это недоумѣніе объясняется, хотя отчасти, съ исторической точки зрѣнія. Разумъ, безъ сомнѣнія, ни съ какой стороны, ни съ какой точки зрѣнія не можетъ оправдать дикаго обычая; но если разсматривать его въ связи съ нравами той эпохи, къ которой онъ относится, и особенно въ связи съ цѣлою системой судебныхъ доказательствъ, можно понять, почему такъ долго лилась въ застѣнкахъ и судебныхъ камерахъ кровь подсудимыхъ, еще непризнанныхъ виновными. Независимо отъ преданій Рима, гдѣ пытки постоянно подвергались люди нисшаго класса, которымъ законъ безусловно отка-

зывалъ въ личности, пытка развилась въ особенности въ старинномъ германскомъ процессѣ, какъ главное изъ такъ называемыхъ формальныхъ доказательствъ, къ которымъ относится по своему значенію. Потребность открыть истину въ уголовномъ процессѣ, найти преступника, доказать вину его и подвергнуть его наказанію, была столь же естественна, столь же законна и сильна въ средне-вѣковую эпоху, какъ и въ наше время: она казалась вдвое настоятельнѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда совершенное преступленіе принадлежало къ числу особенно важныхъ въ религіозномъ, государственномъ или общественномъ отношеніи. Между тѣмъ судья не имѣлъ въ своемъ распоряженіи тѣхъ средствъ для открытія истины, какими можетъ располагать въ наше время: онъ лишенъ былъ возможности и можетъ быть, по духу того времени, самъ былъ не въ силахъ обсудить самостоятельно вѣроятность показаній, значеніе явленій, представлявшихся въ дѣлѣ, и посредствомъ логическаго наведенія придти къ личному убѣжденію о событіи, къ которому относился спорный вопросъ. Законъ не предоставлялъ ему такой свободы, и обязывалъ его разъ навсегда и во всѣхъ случаяхъ одинаково, давать вѣру только доказательству представленному въ извѣстной, опредѣленной формѣ: съ этою формою связано было постоянное твердое предположеніе объ истинѣ. Законъ стремился достигнуть безусловной истины: не находя возможности открыть ее въ обстоятельствахъ дѣла, и не рѣшаясь довѣриться въ каждомъ случаѣ убѣжденію судьи, онъ присвоилъ силу безусловной истины формальнымъ доказательствамъ: это былъ легкій и практическій способъ добраться до истины безъ про-

страннаго изслѣдованія и безъ дальнихъ затрудненій, путями одинаковыми для каждаго дѣла. Къ этому разряду доказательствъ принадлежали такъ-называемые суды Божіи, судебные поединки и присяга, остающаяся до сихъ поръ въ употребленіи; къ этому же разряду принадлежитъ, кажется, и пытка. Замѣчательно, что повсюду, гдѣ утвердилось въ процессѣ употребленіе пытки, оно усиливалось и развивалось, по мѣрѣ того какъ выходили изъ употребленія поединки и суды Божіи; извѣстно, что послѣдніе прекратились въ Европѣ почти повсюду около XIII столѣтія, уступивъ сильному противодѣйствію церковной, и наконецъ свѣтской власти; но противъ пытки церковь не вооружилась, какъ вооружалась она противъ прежнихъ ордалій, и даже допустила ее, на Западѣ, въ свой инквизиціонный процессъ. Въ Германіи и во Франціи, именно съ уничтоженіемъ ордалій, начала развиваться особенно строгая система доказательствъ, въ которой пытка получила значеніе главнаго доказательства. Въ томъ же смыслѣ употребленіе пытки распространилось повсюду; только на скандинавскомъ сѣверѣ и въ Англіи изъ народной жизни развилось драгоцѣнное учрежденіе присяжныхъ: при помощи его и при постепенномъ его развитіи, удалось, особенно въ Англіи, замѣнить систему формальныхъ доказательствъ съ полнымъ успѣхомъ другою, основанною на личномъ убѣжденіи добрыхъ людей, взятыхъ изъ среды народа; при развитіи этой системы не было уже никакой нужды прибѣгать къ пыткѣ для пополненія пробѣла, повсюду оказавшагося въ доказательствахъ съ уничтоженіемъ ордалій: и вотъ одна изъ причинъ, почему въ Англіи пытка сама собою вышла изъ

употребленія. Оттого въ Англіи, еще въ XVI столѣтіи, когда обнаружались случаи употребленія пытки, они были встрѣчены всеобщимъ сильнымъ негодованіемъ, и королева Елисавета, согласно съ мнѣніемъ своихъ законниковъ, объявила пытку злоупотребленіемъ. А на материкѣ Европы, въ половинѣ XVIII столѣтія, протесты противъ пытки предъявлены были во имя общей правды человѣческой только передовыми мыслителями, а въ сознаніи правительства, практическихъ юристовъ, и даже въ сознаніи народа пытка представлялась единственно-вѣрнымъ средствомъ къ открытію виновныхъ и наказанію за преступленіе. Въ самомъ дѣлѣ, уничтоженіе пытки должно было оставить повсюду ничѣмъ не замѣнимый пробѣлъ въ системѣ доказательствъ, покуда вся эта система не была перестроена на новыхъ началахъ; вопросъ о томъ: какъ же быть безъ пытки? получалъ значеніе практическаго вопроса, соединеннаго съ общественною безопасностью. Оттого повсюду, гдѣ пытка уничтожена была однимъ опредѣленіемъ высшей власти, въ то время, когда вся прежняя система доказательствъ оставалась еще въ силѣ,—употребленіе пытки пережило законъ объ отмѣнѣ ея, и практика судебная продолжала искать, если не въ пыткѣ, то въ пристрастномъ допросѣ единственно-вѣрнаго средства къ обнаруженію истины. Отнявъ это средство у судьи, разрушивъ такъ-сказать ключевой сводъ цѣлой системы формальныхъ доказательствъ, законъ не предоставлялъ однакоже судѣ свободы въ достиженіи истины посредствомъ личнаго убѣжденія, и не указывалъ ему новыхъ средствъ для достиженія этой цѣли; естественно, что при этихъ условіяхъ судья оставался безъ

прямаго руководства, въ затруднительномъ, иногда вовсе безвыходномъ положеніи, и искалъ изъ него выхода въ примѣненіи прежней формы, которую законъ объявилъ уже запрещенною. Вотъ, кажется намъ, причина, почему и у насъ въ Россіи уничтоженіе пытки казалось въ обществѣ опасною мѣрой, и почему даже теперь (1860 г.), несмотря на ясное и строгое предписаніе закона, пристрастные допросы еще не вовсе вывелись изъ употребленія.

Сравнительное изученіе законовъ о пыткѣ и обрядовъ ея въ исторіи каждаго народа было бы въ высшей степени любопытно; къ сожалѣнію, эта часть исторіи судопроизводства до сихъ поръ еще мало обработана. У насъ нѣтъ ни одного цѣльнаго сочиненія объ исторіи пытки въ Россіи; но при первомъ взглядѣ на постановленія по этому предмету, изданныя въ XVII столѣтіи, то-есть до введенія у насъ германскихъ формъ инквизиціоннаго процесса, нельзя не замѣтить въ нашемъ обрядѣ явнаго сходства съ принятыми повсюду въ Европѣ главными правилами и обрядами пытки. Одно уже это указываетъ, что пытка повсюду возникла изъ одинаковой потребности, основывалась на одинаковомъ предположеніи и слѣдовала одинаковымъ началамъ въ своемъ развитіи; только на западѣ формы пытки были несравненно сложнѣе нашихъ, и болѣе опредѣлены закономъ и обычаемъ нежели наши формы. Мало того: замѣчательно, что тѣ же самые основные приемы пытки, которые употреблялись у Римлянъ, остались основными ея приемами въ западномъ процессѣ и повторяются въ нашемъ, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что мы не могли ихъ заимствовать ни изъ римскаго, ни изъ западнаго обычая. Тамъ было, на-

примѣръ, пять основныхъ приѣмовъ пытки (*verbera*, сѣченіе розгами; *equuleus*, растяженіе членовъ на козлѣ; *fidiculae*, тоже мучительное растяженіе на веревкахъ; *ungulae*, желѣзные крючья, и *laminae*, горячіе уголья). Въ составъ обыкновенной пытки входило повсюду противоестественное растяженіе членовъ, поднятіе корпуса на веревкахъ и сѣченіе розгами; у насъ, какъ извѣстно, поднятіе на дыбу, сѣченіе кнутомъ и жженіе огнемъ поднятаго на бревнѣ человѣка. Изобрѣтательность приказныхъ практиковъ западной Европы придумала безчисленное множество своеобразныхъ формъ пытки, которыя считались спеціальною принадлежностью той или другой мѣстности и носили по ней особое названіе (такъ напр. въ Германіи извѣстны были: мекленбургскій инструментъ, бамбергскій инструментъ, мангеймская скамья, померанская шапка, люнебургскій стулъ и т. под.). Мы не находимъ въ своихъ памятникахъ слѣдовъ подобной изобрѣтательности, можетъ быть благодаря всеобщей неопредѣлительности формъ нашего юридическаго быта; но для нашего воображенія достаточно и того изображенія обыкновенной пытки, которое оставилъ намъ Кошихинъ въ своемъ сочиненіи о Россіи XVII столѣтія, и той формы, какая напримѣръ установлена въ боярскомъ приговорѣ 23 октября 1673 года для троекратной пытки безъ спуска, въ московскомъ судномъ приказѣ. Опредѣлительныя формы германскаго процесса указываютъ съ одной стороны на изобрѣтательность практики, но съ другой стороны свидѣлствуютъ о желаніи установить правильный порядокъ въ пыткѣ, оградить подсудимаго отъ произвола и дать ему средство къ защитѣ отъ несправедливаго при-

мѣненія самой пытки. Тамъ, на примѣръ, самый вопросъ о примѣненіи пытки могъ служить предметомъ особаго производства съ правомъ жалобы въ высшую инстанцію, и назначеніе пытки собственною властью принадлежало только тѣмъ мѣстамъ и лицамъ, которыя имѣли право полной уголовной юрисдикціи (Blutbann); пытка отличалась отъ устрашенія, приготовленіе къ пыткѣ раздѣлялось на нѣсколько дѣйствій, для того чтобы не приступать къ слѣдующему, когда предыдущее подѣйствовало на подозрѣваемаго, и т. п. И у насъ пытка отличается по Уложенію отъ допроса съ пристрастіемъ¹⁾, то-есть съ устрашеніемъ, но оттѣнковъ каждаго изъ этихъ дѣйствій, законъ не устанавливаетъ, предписывая только въ потребныхъ случаяхъ повторять пытку до трехъ и до четырехъ разъ, усиливая ее съ каждымъ разомъ. Не видимъ также у себя ограниченій въ правѣ должностныхъ лицъ подвергать пыткѣ собственною властью, но система признаковъ, которыми возбуждается подозрѣніе, ведущее къ пыткѣ, изложена въ Уложеніи довольно подробно,—и съ этой стороны новыя правила о пыткѣ, введенныя Петромъ въ 1716 году и взятыя изъ саксонскаго процесса, едва ли могли доставить обвиненнымъ больше обеспеченія отъ

¹⁾ Выраженіе: *допросъ съ пристрастіемъ*, подобно многимъ другимъ выраженіямъ, получило съ теченіемъ времени вовсе не тотъ смыслъ, въ какомъ первоначально принималось. Въ эпоху Уложенія *допрашивать съ пристрастіемъ* значило—допрашивать съ устрашеніемъ, устрашать, грозить при допросѣ пыткой, если допрашиваемый не повинится безъ пытки. Но когда офиціальнѣй обрядъ пытки смягчился и, особенно, когда онъ вовсе уничтоженъ закономъ, пристрастнѣй допросъ сталъ служить на практикѣ замѣною пытки, такъ что въ этомъ смыслѣ сѣченіе при допросѣ могло называться, и до сихъ поръ называется, *пристрастнѣй допросомъ*.

произвола судьи. Уложение имѣло въ виду установить формальные признаки подозрѣнія, при которыхъ слѣдовало подвергать пыткѣ, такъ что во всякомъ случаѣ можно было повѣрить правильность дѣйствія судьи, а воинскими процессами указываются для тѣхъ же самыхъ приказныхъ судей общія правила и наставленія, такъ что судья имѣлъ право руководствоваться личнымъ своимъ взглядомъ, и на основаніи его разрѣшать вопросъ о томъ, есть ли «довольное, сильное и совершенное подозрѣніе на обвиняемаго». При томъ, чѣмъ важнѣе представлялось дѣло по своему предмету, чѣмъ, стало-быть, настоятельнѣе предполагалась потребность открыть истину, тѣмъ легче возбуждалось и подозрѣніе. Самъ законъ возбуждалъ подозрѣнія безусловныя, даже независимо отъ обстоятельствъ дѣла. Въ Уложеніи указано множество случаевъ, въ которыхъ слѣдовало преступника, сознавашагося даже и безъ пытки въ одномъ преступленіи, пытать, по силѣ закона, о томъ, не дѣлалъ ли онъ прежде другихъ подобныхъ преступленій, не было ли у него соучастниковъ, и т. п., хотя бы по этому предмету обстоятельства дѣла не возбуждали никакихъ противъ него подозрѣній. При существованіи такихъ правилъ, нѣтъ предѣловъ розыску и пыткѣ. За то, по Уложенію, пытка поставлена была въ связи съ повальнымъ обыскомъ и съ понятіемъ о лихомъ человѣкѣ, которое утверждалось общимъ мнѣніемъ, выразившимся въ обыскѣ: это обстоятельство не маловажное, потому что въ немъ выражается желаніе установить на твердомъ основаніи понятіе, само по себѣ шаткое и произвольное, о подозрѣніи на людей *безпричинныхъ*. Сколько бы ни было на самомъ дѣлѣ въ по-

вальномъ обыскѣ *лжи и продажъ*, по описанію Кошихина, — все-таки повальный обыскъ самъ по себѣ былъ важнымъ учрежденіемъ въ ряду судебныхъ доказательствъ: въ немъ выражалось начало личнаго мнѣнія, личнаго убѣжденія. Когда повальный обыскъ утратилъ свою силу, — изъ системы судебныхъ доказательствъ вынута было важное звено, и въ употребленіи пытки законъ болѣе прежняго оставилъ мѣста произволу судьи, производившаго розыскъ. И дѣйствительно, злоупотребленія пытки такъ умножились, что самъ Петръ, не любившій ослаблять розыски, обратилъ на нихъ вниманіе и поручалъ сенату унять несправедливыя пытки, «понеже и въ малыхъ дѣлахъ пытки чивятъ и таковымъ, на которыхъ только мнѣніе имѣютъ». Вообще, у насъ, такъ же какъ и повсюду, употребленіе пытки ограничивалось только понятіемъ о маломъ, неважномъ дѣлѣ. Пыткой удовлетворялась потребность обнаружить истину, а настоятельность этой потребности считалась не во всѣхъ дѣлахъ одинаковою; въ малыхъ дѣлахъ государственная власть не была прямо заинтересована, но въ тѣхъ дѣлахъ, которыя касались ея главныхъ интересовъ, она стремилась обнаружить истину во что бы то ни стало, открыть непременно виновнаго. Поэтому, въ дѣлахъ государственныхъ и въ убійствахъ, подвергались пыткѣ всѣ безъ различія, даже и тѣ лица, которыя по правилу воинскихъ процессовъ объявлены были изъятими отъ пытки, то-есть дворяне, люди знатнаго чина, старики выше 70 лѣтъ, малолѣтныя и беременныя женщины; безусловнаго изъятія отъ пытки ни для кого не было, — даже для малолѣтнихъ ¹⁾ Если только

¹⁾ Екатерина II, не уничтоживъ пытки формально, отняла у нея

преступленіе, по которому производится розыскъ, казалось слѣдователю особенно важнымъ, пытали и малолѣтнихъ наравнѣ съ совершеннолѣтними (такъ на примѣръ, въ 1729 году возникло подозрѣніе на двухъ мальчиковъ дворянъ Лосевыхъ, что они знали объ убійствѣ пришлыхъ работниковъ крѣпостными ихъ людьми во время работы, и не донесли о томъ. Этихъ мальчиковъ, 13-ти и 14-ти лѣтъ, воронежская губ. канцелярія подвергла пыткѣ; но о законности такой пытки сенатъ возбудилъ сомнѣніе. Въ казанской губ. канцелярії въ 1739 году, *шесть* разъ пытали и жгли огнемъ малолѣтнюю дѣвочку, подозрѣвавшуюся въ зажигательствѣ, хотя отъ предполагаемаго зажигательства ничего и не сгорѣло: сенатъ, рассмотрѣвъ дѣло, призналъ, что не слѣдовало пытать ее за малолѣтствомъ, однакоже, признаніе, сдѣланное ею подъ пыткой, принялъ за доказательство, и присудилъ ее къ уменьшенному наказанію). Вопросъ объ освобожденіи отъ пытки малолѣтнихъ, по всѣмъ дѣламъ возбужденъ былъ не ранѣе 1742 года, по дѣлу о 14-ти-лѣтней камчадальской дѣвочкѣ, судившейся за убійство; вопросъ этотъ обсуждался сенатомъ и синодомъ въ общемъ присутствіи, и

значеніе безусловнаго формальнаго доказательства относительно лицъ благороднаго происхожденія. А въ отношеніи къ людямъ нисшаго званія пытка сохраняла почти всю прежнюю силу. «Одна пытка,— сказано въ именномъ указѣ 10 февраля 1763 года,—не можетъ быть вѣрнымъ изобличеніемъ оговорному, а *особливо когда оговорный человекъ не подлагъ состоянія*». Объ оговорныхъ людяхъ велѣно, въ случаѣ заирательства, производить повальный обыскъ. «Ежели въ большемъ повальномъ обыскѣ на оговорнаго окажутся какія явныя подозрѣнія, *а къ тому онъ человекъ подлый*, то въ такомъ уже случаѣ и оговорнаго пытать съ рассмотрѣніемъ *во изысканіе истины*».

члены сената полагали тогда, что малолѣтнихъ молоде 17 лѣтъ не слѣдуетъ подвергать ни пыткѣ, ни наказанію кнутомъ и смертной казни, но синодъ объявилъ, что «такимъ злодѣямъ» лѣтъ можно убавить, ибо по правиламъ святыхъ отецъ и въ бракъ вступать позволено ранѣ семнадцатилѣтняго возраста, и при томъ, «человѣку меньше 17 лѣтъ довольный смыслъ имѣть можно, а по указамъ его величества къ присягѣ вѣрно приводить отъ 12 лѣтъ». Это послѣднее мнѣніе взяло верхъ, и малолѣтство, освобождающее отъ пытки, положено до 12-ти-лѣтняго возраста. Не ранѣ какъ съ восшествіемъ на престолъ императора Петра III, обнаруживается въ нашемъ законодательствѣ рѣшительное намѣреніе смягчить пытку, и ограничить ея употребленіе, особенно въ дѣлахъ «по первымъ двумъ пунктамъ», въ которыхъ пытка считалась прежде неизбѣжною принадлежностью всякаго розыска. Вообще чѣмъ важнѣе казался въ государственномъ отношеніи предметъ дѣла, тѣмъ легче оно возбуждалось, тѣмъ податливѣе была на пытку судебная власть, и даже тѣмъ менѣе была разборчива въ разсмотрѣніи уликъ, потребныхъ для осужденія подсудимаго: излишняя ревность въ защитѣ интереса государственнаго нерѣдко ослѣпляла и судью, и законодателя, и увлекала ихъ къ несправедливости: о самой личности человѣка, со всѣми принадлежащими ей правами, забывали, имѣя въ виду только интересъ государства. Извѣстно напримѣръ, что присутственные мѣста, въ 1-й половинѣ XVIII столѣтія, и въ Москвѣ и въ провинціяхъ, нерѣдко отсылали челобитчиковъ къ суду тайной канцеляріи за простую описку въ высочайшемъ титулѣ на прошеніи. (См. указъ 7 апр. 1742 г.).

Извѣстно, что по слѣдствіямъ о корчемныхъ дѣлахъ, то есть о нарушеніи интереса казны, велѣно было допрашивать съ пристрастіемъ подъ батожемъ и кошками тѣхъ, кто по оговорамъ и на очныхъ ставкахъ *истины показывать не будетъ*. (Ук. 19 ноября 1750, 5 дек. 1753 г.). А какъ производился въ то время судъ, и на основаніи какихъ данныхъ могли присуждать къ наказанію, каковы были понятія о силѣ уликъ, о томъ можетъ свидѣтельствовать слѣдующій случай. На пожарѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, пойманы были два крестьянина съ вещами; они показали, что взяли вещи не для кражи, а для сбереженія, и намѣрены были возвратить ихъ хозяевамъ, а прямыхъ уликъ о кражѣ не было. Но кража на пожарѣ особенно строго преслѣдовалась закономъ; за нее положена была смертная казнь. Сенатъ въ 1750 году заключилъ: хотя крестьяне къ кражѣ и приличными оказываются, но въ допросахъ своихъ показали, что они оное при пожарѣ взяли не кражею, но для сбереженія, и въ томъ ни отъ кого, чтобы взяли кражею, не доказаны: того ради, на страхъ другимъ, дабы никто при пожарахъ кражи не имѣли, учинить имъ наказаніе публично плетьюми и отдать по прежнему въ вотчины съ росписками. (См. указъ, 6 февр. 1750 г.). Нерѣдко случалось, что судъ, не имѣя полныхъ уликъ противъ подсудимаго, и не рѣшаясь присудить его къ наказанію положенному за вину, избиралъ для него все-таки среднюю мѣру наказанія, что соотвѣтствовало въ тогдашней практикѣ нынѣшнему оставленію въ подозрѣніи. Это дѣлалось для поддержанія достоинства государственной власти и для охраненія безопасности общественнымъ страхомъ,

«чтобы другимъ было не повадно». Вообще же дѣла по важнымъ преступленіямъ предписывалось оканчивать какъ можно скорѣе; слѣдователи и судьи спѣшили; главнымъ средствомъ для открытія истины была пытка, и потому усиливали пытку, чтобы скорѣе добиться признанія, а какъ скоро являлось признаніе, то уже ничего болѣе не требовалось для доказательства. Хотя бы подсудимый послѣ пытки и отказывался отъ признанія, подъ пыткою сдѣланнаго—въ важныхъ преступленіяхъ и на это не обращалось вниманіе. Ужасъ, внушаемый преступленіемъ, побуждалъ приводить дѣло скорѣе къ концу и къ наказанію повинившагося подсудимаго. Въ 1738 году передано было изъ тайной канцеляріи въ сенатъ дѣло о капитанѣ Возницынѣ, обвинявшемся въ отступленіи отъ православія къ жидовству по совращенію отъ еврея Бороха, и въ богохуленіи. Дѣло это началось по доносу жены Возницына (получившей за то въ награду указную часть изъ имѣнія своего мужа, до ста душъ). Единственною уликой противъ подсудимаго было свидѣтельство соучастника еврея Бороха, на пыткѣ, и собственное признаніе самого Возницына, при жестокой пыткѣ, которой подвергали его; но послѣ пытки, по снятіи съ дыбы, Возницынъ объявилъ рѣшительно, что показаль на себя напрасно, отъ мученія. Это отреченіе не принято однакоже ни въ какое вниманіе, потому что онъ Возницынъ «тѣмъ Бороховымъ показаніемъ весьма изобличенъ». Въ дѣлѣ были еще важныя обвиненія на Бороха: въ убійствѣ священника и въ мученіи христіанской дѣвки, и потому сенатъ признавалъ нужнымъ отложить экзекуцію осужденныхъ, чтобъ ими еще розыскивать. Но императрица рѣшила: «какъ

они сами повинились, то больше розыскивать не въ чемъ, чтобы далѣе сіе богопротивное дѣло не продолжалось, и такіе богохульникъ Возницынъ и превратитель Борохъ другихъ прельщать не дерзали: для того, за такія ихъ богопротивныя вины, обоихъ казнить смертію, сжечь». (См. указъ 3 іюня 1738, 10 янв. 1739 г.).

Въ то время, къ которому относится наша исторія, страшное слово *застѣнокъ* рѣдко уже встрѣчается въ офиціальныхъ актахъ. Кнутъ и поднятіе на дыбу—обыкновенныя формы пытки въ Кошихинскую и Петровскую эпоху — начинаютъ повидимому уступать другимъ, нѣсколько смягченнымъ формамъ: по крайней мѣрѣ въ актахъ, относящихся ко второй половинѣ XVIII столѣтія, намъ не случалось встрѣчать кнута и дыбы. вмѣсто кнута въ эту пору употребляются обыкновенно плети, батоги и кошки; вмѣсто поднятія на дыбу, поднимаютъ на веревкахъ, продѣтыхъ въ кольца, прикрѣпленныя къ потолку, и этотъ послѣдній обрядъ не всегда соблюдается, а большею частію встрѣчается простое сѣченіе. вмѣсто прежнихъ приказныхъ формулъ Петровской эпохи: «дано столько-то ударовъ» и жженъ огнемъ», употребляется общее выраженіе «сѣченъ плетями», при чемъ число ударовъ вовсе не отмѣчается, или пишется: «сѣченъ плетями *исподлинника*», то-есть подлинно ли правду сказалъ на прежнемъ допросѣ. Сѣченіе плетями производится въ судейской палатѣ или камерѣ, и это обстоятельство заставляетъ предполагать, что застѣнки съ обычными ихъ принадлежностями стали уже выходить изъ употребленія. Впрочемъ, по всей вѣроятности, однообразія, въ этомъ отношеніи, не было, и въ разныхъ мѣстахъ и вѣдом-

ствахъ пытка была не одинаковая, притомъ употребленіе кнута и дыбы при пыткѣ никогда не было отмѣняемо офиціально. Пытка должна была происходить въ присутствіи судей; и сами судьи должны были подписывать черновыя пыточные рѣчи не выходя изъ застѣнка, во избѣжаніе подлога со стороны подъячихъ и спора со стороны подсудимыхъ. Но эта формальность рѣдко соблюдалась, и въ производствахъ встрѣчаются большею частію допросы, подписанные однимъ подсудимымъ, или вовсе никѣмъ не подписанные, за неумѣніемъ подсудимаго грамотѣ и «за неимѣніемъ рукоприкладчика».

3.

Военный чинъ Алексѣя Жукова могъ бы служить ему нѣкоторою защитой отъ пытки, но полковая канцелярія Преображенскаго полка еще 27 сентября увѣдомила полицеймейстерскую канцелярію, что съ Алексѣя Жукова, по опредѣленію полковыхъ *штатовъ*, чинъ снять, и онъ изъ полковыхъ списковъ выключенъ. И потому въ полицеймейстерской канцелярії опредѣлено: «означенныхъ Настасью и Алексѣя Жукова и жену его Варвару и челоувѣка ея Настасьина Михаила исподлинника спрашивать подѣ плетми, а что покажутъ доложить». Резолюція эта тотчасъ же была приведена въ исполненіе. Прежде всего Настасья Полтева сѣчена плетми и притомъ говорила то же самое, что прежде показывала, но по уликамъ дочери, зятя и челоувѣка, наконецъ созналась. Затѣмъ Алексѣй Жуковъ съ женою биты плетми и допрашиваны, не было ли съ ними еще согласниковъ къ убійству, и не чи-

нили ли напередъ сего такихъ же продерзостей. Но они не показали ничего новаго; только Жуковъ добавилъ, что главная причина къ убійству матери была та, что она бивала жену его. Михаилъ Григорьевъ при наказаніи повторялъ прежнія слова свои. Такимъ образомъ Полтева созналась въ томъ, что подговаривала зятя къ убійству. Но видно, и этого признанія казалось еще мало слѣдвателямъ. «Того жь октября 12 числа церкви Тріехъ Святителей, что у Красныхъ Воротъ, предельной священникъ Василій Сергѣевъ, *по исповѣди* содержащаяся въ главной полиціи Варвары Жуковой, при его превосходительствѣ господинѣ генераль-лейтенантѣ, генераль-полицеймейстерѣ Е. И. В. дѣйствительномъ камергерѣ и кавалерѣ А. Д. Татищевѣ, передъ присутствіемъ объявилъ: означенная Варвара Жукова при спрашиваніи ея о томъ смертномъ свекрови ея, Жуковой, Аграфены Жуковой убивствѣ на духу объявила, что мать ея Варвары во-первыхъ какъ ее Варвару, такъ и мужа ея Алексѣя Жукова къ тому смертному убивству научала».

Между тѣмъ Михаилъ Григорьевъ своимъ показаніемъ запуталъ въ дѣло несчастнаго дядю своего, семидесятилѣтняго старика Захара Иванова, объявивъ, что сказывалъ ему о совершенномъ убійствѣ, когда проживалъ у него, укрываясь отъ преслѣдованія. Старикъ оказывался стало-быть виновенъ въ томъ, что не донесъ на племянника. Правосудіе не могло упустить этого новаго преступника: послана была въ деревню Нѣмчинову «пристойная команда» взять Захара Иванова. 13 октября представили его въ полицію, описавъ все его домашнее

строение и пожитки ¹⁾). Захаръ на первомъ допросѣ утверждалъ, что не слыхалъ отъ своего племянника объ убійствѣ. На другой день, въ присутствіи коллежскаго совѣтника, г. Титова, совѣтника полиціи, старикъ былъ сѣченъ плетью «изъ подлинной правды», но утвердился на прежнемъ допросѣ и при очной ставкѣ съ племянникомъ. Черезъ три дня, въ присутствіи генераль-полицеймейстера Татищева, Захаръ былъ сѣченъ плетью вторично, но сказалъ то же самое. И этимъ еще не кончились истязанія Захара. 11 ноября оба, и дядя, и племянникъ, вновь сѣчены плетью при Татищевѣ, изъ подлинной правды; но Захаръ и въ этотъ разъ не сознался. Старикъ не выдержалъ троекратнаго сѣченія; въ ночь на 18 ноября онъ потребовалъ священника, исповѣдался и, приобщившись Св. Таинъ,

¹⁾ Въ то время, при взятіи человѣка, подозрѣваемаго въ уголовномъ преступленіи, имущество его описывалось; когда взяли подъ стражу Полтеву, къ ея дому тоже поставленъ былъ караулъ, и никого въ тотъ домъ для житья не пускали. 15 октября сынъ Полтевой, титулярный совѣтникъ Николай Полтевъ, являсь въ полицеймейстерскую канцелярію, просилъ допустить его для житья въ домъ матери и поставленный караулъ свести. По этой просьбѣ опредѣлено: спросить Николая Полтева, и ежели онъ объявитъ, что въ томъ домѣ все въ цѣлости, то его въ оной домъ для житья допустить и поставленный караулъ свести, и въ приѣмъ того двора и пожитковъ подъ его храненіе взять съ него росписку обще съ сестрою его дѣвицею. Къ дому, въ которомъ совершено убійство (опальный домъ), тоже приставленъ былъ крѣпкій караулъ, и всю движимость въ немъ велѣно описать, оцѣнить и запечатать. По описи найдено въ домѣ и въ кладовыхъ его великое множество движимости, иконъ въ богатыхъ окладахъ, драгоценныхъ вещей и платья. Одни брилліантовые вещи съ частію серебра оцѣнены магистратскими цѣновщиками, по малой цѣнѣ, въ 4000 слишкомъ рублей, а вся вообще движимость оцѣнена въ 9.994 рубля, но эта оцѣнка показалась полицеймейстерской канцеляріи слишкомъ уменьшенною.

умеръ. Но со смертію его еще не окончилась переписка о немъ. «Не безъ сумнѣнія,—такъ судила полицеймейстерская канцелярія,—онъ Ивановъ въ питьѣ или въ другомъ чемъ не принялъ ли чего смертельнаго, и отъ того умре.» Вслѣдствіе того, тѣло его отослано было въ московскую генеральную гошпиталь для анатомированія,—но что затѣмъ оказалось, неизвѣстно ¹⁾).

И не одного Захара постигла смерть до окончанія дѣла. Смерть арестантовъ, послѣ пытки и сѣченія плетями, — явленіе не рѣдкое въ уголовныхъ производствахъ XVII и XVIII столѣтія. За три дня до смерти Захара, 15 ноября, въ одинъ день умерли убійцы Михаилъ Григорьевъ (22 лѣтъ) и Калмыкъ Александръ. Тѣла умершихъ арестантовъ въ то время не предавались погребенію, а отсылались въ такъ-называемые убогіе дома. Тѣла

¹⁾ Какъ производились въ то время судебно-медицинскія изслѣдованія, можно видѣть по слѣдующему примѣру. Въ 1761 году умеръ въ Петербургѣ крестьянинъ майора Лазырева, Пантелеевъ, вслѣдствіе неумѣреннаго тѣлеснаго наказанія. Помѣщикъ объявилъ, что онъ дѣйствительно наказывалъ Пантелеева и человѣку своему приказывалъ бить его сначала тростью, потомъ березовою палкой за пьянство, лѣность и неучтивство; но не имѣлъ умысла къ убійству. По наружному осмотру, въ полиціи, оказались на мертвомъ тѣлѣ знаки тяжкихъ побоевъ, но когда тѣло отправили въ генеральнѣйшій сухопутный госпиталь для внутренняго осмотра, госпитальное начальство отвѣчало, что «внутри де корпуса, за теплымъ нынѣ воздухомъ, свидѣтельствовать не можно отчего ему Пантелееву смерть приключилась». Вслѣдствіе того, полиція признала невозможнымъ обвинить Лазырева въ убійствѣ, а присудила его только къ церковному покаянію, за неосторожность въ наказаніи. Сенатъ, утвердивъ этотъ приговоръ, далъ знать медицинской канцеляріи, что она должна во всякое время мертвыя тѣла анатомить «съ благопристойною осторожностью, дабы никакого въ подобныхъ случаяхъ сумнительства не было». См. П. Собр. Зак. № 11,291.

убійць Аграфены Жуковой отосланы при вѣдѣніи къ священнику съ причетниками церкви Воздвиженія Живо-творящаго Креста Господня, что на убогихъ домѣхъ ¹⁾).

И Настасьѣ Полтевой недолго оставалось ожидать въ тюрьмѣ рѣшенія своей участи. Еще разъ призывали

¹⁾ Это та самая церковь, которая теперь извѣстна подъ именемъ Св. Іоанна Воина, что на Божедомкѣ. Изстари было въ обычаѣ, и въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, свозить на убогіе дома тѣла убитыхъ, умершихъ насильственною смертію, казненныхъ преступниковъ и вообще бѣдныхъ, убогихъ людей, которыхъ некому было похоронить въ приходѣ, при церкви или въ монастырѣ. При убогихъ домахъ состояла церковь или по крайней мѣрѣ часовня, и устраивалась яма или погребъ съ напогребницею, куда складывались тѣла, и лежали непогребенными до семика, то-есть до четверга на троицкой недѣлѣ. Въ этотъ день обыкновенно бывалъ изъ ближайшаго монастыря или собора крестный ходъ на убогіе дома; сходились родственники умершихъ, и сторонніе благочестивые люди, разбирали тѣла, клали въ гробы тѣхъ, кому по достатку или по усердію привозились гробы, и предавали тѣла погребенію съ общою панихидой. (Къ церкви Воздвиженія ходъ бывалъ обыкновенно изъ Петровскаго монастыря). Этотъ обычай держался въ Москвѣ до 1771 года; послѣ моровой язвы, Екатерина велѣла уничтожить убогіе дома и замѣнить ихъ повсюду общими кладбищами внѣ города. Недалеко отъ Воздвиженскаго, былъ другой убогій домъ около Марьиной роши, съ анбаромъ для складки мертвыхъ тѣлъ (см. ук. 22 мая 1744 г.), на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Лазаревское кладбище, да еще убогій домъ былъ около Пречистенки, тамъ гдѣ теперь церковь Св. Параскевы Пятницы, что на Божедомкѣ (свѣдѣніе объ убогихъ домахъ можно найти въ статьяхъ Свиньина въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1823 года, — и Снегирева, въ *Трудахъ и Запискахъ Общества Ист. и Древ. Росс.* 1826 г.).

Кромѣ убогихъ домовъ при церквахъ, были убогіе дома и при монастыряхъ: убогіе монастыри въ Москвѣ были Варсоноѣевскій (что нынѣ церковь Николы въ Звонаряхъ), куда было отправлено изъ гробницы Успенскаго собора тѣло Бориса Годунова, по приказанію Самозванца, — и Покровскій, куда оттащили потомъ трупъ самого Лжедмитрія. Андреевскій монастырь тоже носилъ названіе Божедомскаго.

ее къ допросу и къ уликъ на очную ставку съ Варварою Жуковой и съ Авдотьей Нестеровой. Допросъ этотъ происходилъ 14 декабря въ полномъ присутствіи полиціи, то-есть при Татищевѣ, совѣтникѣ Титовѣ и ассесорѣ Аксеновѣ. Авдотьѣ Нестеровой довелось при этомъ вытерпѣть допросъ съ пристрастіемъ. «По причинѣ показуемыхъ на нее въ дѣлѣ обстоятельствъ, она была положена и *развязана въ кольца* ¹⁾ и притомъ спрашивана, для какихъ именно обстоятельствъ о такомъ учиненномъ и мало слыханномъ злодѣйствѣ она нигдѣ не доносила и напредъ сего не чинивала-ль она Нестерова такихъ же закрывательствъ и не принимала-ль у кого бѣглыхъ людей и разныхъ пожитковъ? Токмо она утверждалась на прежнихъ своихъ показаніяхъ и болѣе ни въ чемъ не винулась ²⁾».

¹⁾ Надобно полагать, что «развязываніе въ кольца», техническій терминъ прошлаго столѣтія, относился къ пыткѣ только въ соединеніи съ сѣченіемъ, а само по себѣ было только приготовленіемъ къ пыткѣ или формою устрашенія, пристрастія. Кажется, съ развязываніемъ въ кольца соединялось противоестественное поднятіе тѣла на перевѣсъ съ растяженіемъ членовъ веревками, продернутыми въ кольца, вбитыя въ потолокъ. До сихъ поръ, какъ слышно, эта форма пристрастнаго допроса еще не вовсе вывелась изъ употребленія, конечно незаконнаго. Не такъ еще давно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, возникало дѣло о полицейскомъ чиновникѣ, преданномъ суду за пристрастіе при допросѣ, въ которомъ употребленъ былъ подобный же механизмъ, только съ тою разницею, что замѣною кольца служилъ гвоздь, вбитый въ стѣну или въ потолокъ. Намъ сказывали, что недавно, въ подвалахъ бывшаго дома старой московской полицеймейстерской канцеляріи (у Мясницкихъ воротъ) найдены были желѣзные кольца, служившія для подобныхъ операцій.

²⁾ Авдотья Нестерова, дочь адмиралтействъ-капитана, князя Ивана Яковлевича Гагарина, въ первомъ замужествѣ была за капитаномъ Иваномъ Степановичемъ Скорняковымъ-Писаревымъ. Въ то время какъ ее допрашивали по дѣлу Жуковыхъ, она была уже подъ судомъ по другому дѣлу. Въ 1749 году обнаружилось въ нѣкото-

Это происходило въ декабрѣ 1754 года, а въ мартѣ слѣдующаго года караульный при полиціи, Ширванскаго пѣхотнаго полка поручикъ Колеминъ донесъ канцеляріи, что женка Настасья Полтева весьма трудна и уже ма-сломя соборована. На другой день, т. е. 3 марта, она умерла. Дѣти ея, не желая допустить, чтобы тѣло ея отослано было вмѣстѣ съ прочими на убогій домъ, просили позволенія похоронить ее при церкви немедленно.

Московская полицеймейстерская канцелярія считала себя не въ правѣ разрѣшить эту просьбу. Главная полиція въ это время переведена была въ Петербургъ, и по-

рыхъ присутственныхъ мѣстахъ много фальшивыхъ векселей и другихъ актовъ. Въ составленіи ихъ пало подозрѣніе на артиллерійскаго офицера Колокольцова и секретаря вотчинной коллегіи Недликова со многими другими сообщниками. Для разсмотрѣнія всѣхъ этихъ актовъ и для розыска о виновныхъ въ составленіи ихъ учреждена была въ Москвѣ особая слѣдственная коммисія, окончившая свои дѣйствія уже въ царствованіе Екатерины. При самомъ началѣ слѣдствія оказалось, что Колокольцовъ былъ въ родствѣ и частыхъ сношеніяхъ съ Авдотьей Нестеровой; ее потребовали къ допросу и оставили подъ судомъ, потому что противъ нея явились сильныя улики въ составленіи подложнаго завѣщанія и нѣсколькихъ фальшивыхъ векселей отъ имени втораго мужа ея, Нестерова. Незвѣстно, чѣмъ рѣшено было дѣло, и какая участь постигла Авдотью Нестерову. Видно только, что она вмѣстѣ съ прочими арестантами содержалась при полицеймейстерской канцеляріи по дѣлу Жуковыхъ. Въ 1758 году Нестерова, изъ-подъ ареста, защищая родительскія права свои, подавала полицеймейстерской канцеляріи жалобу на дочь свою отъ перваго брака Ирину, безъ вѣдома ея вышедшую замужъ, въ томъ, что «забывъ страхъ Божій и ея къ себѣ рожденіе, та дочь ея ѣсть въ посты скромное и никогда не исповѣдается, не причащается, и въ отсутствіе мужа дѣтей родить, законныхъ или незаконныхъ, о томъ она, мать ея, неизвѣстна, и ей, матери родной, чинить непочтеніе и бранить ее и имѣніе ея расхищаетъ». Вслѣдствіе того, заключила Нестерова, «прошу ту дочь мою сыскать и прислать за карауломъ въ полицію и за непочтеніе меня учинить ей наказаніе, чѣмъ я пожелаю».

тому московская канцелярія послала просьбу Полтевыхъ съ нарочнымъ на почтовыхъ, на разрѣшеніе генераль-полицеймейстера Татищева. 12 марта, въ отвѣтъ на это представленіе, полученъ изъ главной полиціи строгій указъ слѣдующаго содержанія. «Понеже по тому дѣлу изъ содержащихся смертоубійць единомышленниковъ ея Полтевой, еще въ бытность главной полиціи въ Москвѣ нѣкоторые померли и тѣла ихъ отвезены въ убогихъ домъ, гдѣ и прочіе таковыя кладутся, и затѣмъ московской полиціи, имѣя уже о томъ точный примѣръ, не только нарочнаго присылать и убытокъ напрасно употреблять, но и чрезъ почту требовать резолюціи о томъ не слѣдовало; того ради, по указу ея императорскаго величества, въ главной полицеймейстерской канцелярії опредѣлено: въ московскую полицію послать указъ, по которому той полиціи означенной смертной убійцы Настасьи Полтевой мертвое тѣло велѣтъ отвезти въ убогихъ домъ, какъ и съ вышеписанныхъ единомышленниковъ ея мертвыми тѣлами учинено, понеже она во злыхъ своихъ дѣлахъ не только съ ними уравненная, но и пущею заводчицею къ такому злему умыслу была, а что касается по христіанской должности до отпѣванія, то и при ономъ убогомъ дому при особливой церкви священникъ имѣется, а впредь оной московской полиціи поступать во всякихъ случаяхъ осмотрительно, не наводя главной полиціи излишняго и напраснаго затрудненія.» Московская канцелярія на этотъ указъ поспѣшила донести, что тѣло Настасьи Полтевой наравнѣ съ прочими *оттащено* въ домъ убогихъ.

Изъ числа виновниковъ убійства не доставало только одного: столяра Ивана Сизова. Онъ скрывался въ услу-

женіи у чиновника Зурошева, подъ именемъ крѣпостнаго человѣка его Якова Ануфріева. Этотъ Зурошевъ, жившій въ Зарядѣ, въ домѣ сторожа Архангельскаго собора Ивана Иванова, занимался повидимому нечестнымъ промысломъ: онъ принималъ къ себѣ чужихъ бѣглыхъ людей, и потомъ подложно продавалъ ихъ за своихъ собственныхъ; такія продѣлки бывали возможны въ то время, при легкости пріобрѣтенія и продажи людей, а подложно проданному человѣку не трудно было, согласясь съ продавцомъ, убѣжать и отъ покупателя, какъ бѣгалъ отъ прежнихъ своихъ владѣльцевъ. Подобную продѣлку совершилъ Зурошевъ съ секретаремъ сыскаго приказа Степаномъ Молчановымъ. Молчановъ искалъ случая поймать его на дѣлѣ, и слѣдилъ за нимъ. Зная о дѣлѣ Жуковыхъ, и о томъ, что полицеймейстерская канцелярія розыскиваетъ одного изъ убійць, столяра Ивана, съ описаніемъ примѣтъ его, Молчановъ обратилъ вниманіе на жившаго у Зурошева Якова Ануфріева, и замѣтилъ, что рука у того человѣка, между большаго и указательнаго пальца, какъ обыкновенно бываетъ у столяровъ. По этому подозрѣнію, и по просьбѣ Молчанова, взяты въ сыскной приказъ и Зурошевъ, и Яковъ Ануфріевъ. Человѣкъ этотъ 7 декабря отосланъ въ полицеймейстерскую канцелярію, и оказался тѣмъ самымъ столяромъ Сизовымъ, котораго отыскивали. На первомъ же допросѣ онъ повинился, но плетями не былъ сѣченъ, вѣроятно потому, что показаніе его не противорѣчило показаніямъ прочихъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу. По милости Ивана Сизова, довелось однакоже потерпѣть людямъ совсѣмъ постороннимъ, и ни въ чемъ невиннымъ.

Столяръ показаль, что онъ жилъ у Зурошева, завѣдомо бѣглымъ. Поэтому въ полицеймейстерской канцеляріи возбужденъ былъ вопросъ: не живутъ ли еще бѣглые въ томъ мѣстѣ, гдѣ сыскали Сизова? Тотчасъ отданъ былъ приказъ офицерамъ первой команды: собравъ большую команду, «ночнымъ временемъ ѣхать въ Зарядье, въ домъ соборнаго сторожа Иванова, не явится ли какихъ подозрительныхъ людей, также около пролома, въ который имѣется ходъ на Москву рѣку, около городскихъ стѣнъ и въ пустыхъ строеніяхъ, и кто явится, оныхъ всѣхъ забравъ, представить въ полицію немедленно. «Капитанъ Юрневъ и поручикъ Телѣгинъ, ѣздившіе съ командой, исполнили порученіе, какъ обыкновенно исполняются они полиціей, то-есть *безъ разсужденія*, и сочли подозрительными всѣхъ людей, кого только «изъѣхали.» Они захватили, во первыхъ, всѣхъ безъ исключенія жильцовъ въ домѣ Иванова, и кромѣ того обыскали всѣ жилыя мѣста, находившіяся около пролома, и всѣхъ жильцовъ оттуда забрали; именно въ малой и вѣтхой избушкѣ, стоявшей у пролома, да въ жильѣ подъ церковью Николая Чудотворца, что слово въ углу, и въ палаткѣ подъ колокольней, да въ отписномъ дворѣ вѣдѣнія канцеляріи конфискаціи, тоже около пролomu, а въ пустыхъ строеніяхъ и около стѣнъ, никого не оказалось. Всего такимъ образомъ взято было ночью съ постели 28 человекъ обоего пола. Тутъ были купцы третьей гильдіи, ремесленники, торгующіе крестьяне, приходскіе причетники и солдатскія жены. Всѣхъ ихъ продержали въ полиціи 8 дней, до 20 числа, и наконецъ освободили подъ росписки

поручителей, а торговых людей отослали въ магистратъ ¹⁾).

4.

Въ эту пору отправленіе уголовного суда въ Россіи не было еще приведено въ правильный порядокъ, и самая власть судебная не была еще отдѣлена отъ власти правительственной: особыя органы для той и другой власти устроены были, какъ извѣстно, только учрежденіемъ о губерніяхъ. Въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія, мѣстные воеводы и губернаторы производили судъ въ уголовныхъ, даже въ смертныхъ дѣлахъ, собственною властью: не видно общаго правила, которое ограничивало бы эту власть предписаніемъ—не казнить никого, не сославшись съ Москвой. Только вслѣдствіе особыхъ соображеній по злоупотребленіямъ, открывавшимся въ той или другой мѣстности, инымъ воеводамъ (напр. сибирскимъ, казанскимъ, ярославскому), предписано было не казнить никого смертью не списавшись съ государемъ, съ разрядомъ, съ приказомъ, коему было подвѣдомо мѣстное управленіе; другимъ (напр. астраханскому) прямо дозволялось каз-

¹⁾ Изъ указа императрицы Анны на имя подполковника Рѣдъкина 4 апр. 1737 года, можно видѣть, какъ много содержалось въ полиціи колодниковъ, не по винамъ, но безвинно. Въ 1737 году, «по многомъ держаніи освобождено безъ наказанія 421 человекъ». Всѣ эти люди, какъ видно изъ указа, забраны были не для слѣдованія о винахъ ихъ, но «знать для взятокъ и бездѣльныхъ корыстей». Вслѣдствіе того, именнымъ указомъ велѣно никого не брать подъ стражу безъ явнаго о воровствѣ доказательства, а о взятыхъ по оговору тотчасъ изслѣдовать и долѣе ведѣли не держать ихъ.

нить собственною властью; въ другихъ случаяхъ давались предписанія: писать государю, буде наказанія учинить не можно, или преступники «объявятся въ большомъ воровствѣ», но въ какихъ случаяхъ можно, и въ какихъ нельзя чинить наказаніе, и что слѣдовало разумѣть подъ словомъ: большое воровство, на это не было общихъ правилъ. Въ Москвѣ точно также не было мѣстъ, исключительно завѣдывавшихъ уголовными дѣлами. Во всякомъ приказѣ, по дѣламъ, доходившимъ до разсмотрѣнія, могъ быть постановленъ приговоръ о наказаніи, за проступокъ или преступленіе, и даже о смертной казни; но въ особенности дѣла этого рода производились въ судномъ приказѣ земскихъ дѣлъ или земской канцеляріи, въ губернской и полицеймейстерской канцеляріи; а преображенскій приказъ пользовался, по своему значенію, правомъ требовать къ своему суду всѣ дѣла, какія считалъ нужнымъ; въ 1703 году было даже предписано судному приказу не казнить никого, не сославшись съ преображенскимъ приказомъ, вѣроятно потому, что случалось предавать казни такихъ преступниковъ, которые по другимъ дѣламъ были еще нужны преображенскому приказу для розыска. Наконецъ, особыми органами судебной власти, по дѣламъ уголовнымъ, были сыщики, рассылавшіеся по губерніямъ и городамъ для истребленія разбоевъ, грабежей и пристанодержательства, и межевщики, по поводу убійствъ, нерѣдко случавшихся на межахъ, между спорщиками-крестьянами; но помѣщики, прикосновенные къ такимъ дѣламъ, подлежали суду помѣстнаго приказа. Мысль объ отдѣленіи суда отъ управленія выразилась еще въ учрежденіяхъ Петра I, но ей не суждено было въ ту пору

окрѣпить и развиться. Петръ предполагалъ судъ по уголовнымъ преступленіямъ сосредоточить въ надворныхъ судахъ, которые предписано было учредить по городамъ и по провинціямъ, подъ вѣдомствомъ верхняго надворнаго суда и юстиць-коллегіи, и въ мѣстныхъ магистратахъ, которымъ указано быть въ вѣдомствѣ главнаго магистрата. Эти коллегіальные суды должны были мало-помалу замѣнить воеводскую расправу; воеводамъ въ 1719 году было предписано: смертныя... дѣла всѣ отсылать къ подлежащему суду, и исполнять не иначе какъ съ утвержденія надворнаго суда. Въ 1721 году предписано: когда кто въ губерніяхъ и провинціальныхъ нижнихъ судахъ будетъ осужденъ къ ссылкѣ на галеру и къ смертной казни, то, подписавъ приговоры, дѣла и людей отсылать въ губернскіе надворные суды, которые обязаны по дѣламъ этого рода приглашать къ сужденію губернаторовъ и вице-губернаторовъ. Но надворные суды учреждены были далеко не во всѣхъ городахъ, и тамъ, гдѣ ихъ не было, указано судить губернаторамъ, вице-губернаторамъ и воеводамъ совокупно съ товарищами, или ассесорами, которыхъ полагалось по два, или по одному при каждомъ. Уголовныя дѣла городскихъ жителей, подвѣдомственныхъ магистратамъ, велѣно судить въ городскихъ магистратахъ, но приговоры о смертной казни приводить въ исполненіе съ утвержденія главнаго магистрата. Не было постоянныхъ правилъ о жалобахъ и аппеляціяхъ, но право жаловаться на опредѣленіе ниспаго мѣста или лица не стѣснялось постоянными и общими ограниченіями, и потому жаловался всякій, кто только имѣлъ возможность принести жалобу; въ такомъ случаѣ дѣло требовалось изъ

нисшаго суда въ верхній; но кромѣ того, надворные суды должны были, «буде невозможно рѣшить дѣло», вносить его въ юстицъ-коллегію, а коллегія въ подобныхъ же случаяхъ должна быть обращаться въ сенатъ, куда вообще предписывалось представлять всѣ дѣла «подозрительныя».

Въ 1727 году, — въ видахъ народнаго облегченія отъ множества судей и отъ тяжкаго передъ ними ходатайства, — надворные суды уничтожены по всей Россіи, а судъ и расправа снова положены на губернаторовъ и воеводъ. Воеводамъ указано состоять подъ апелляціей къ губернатору, а губернаторамъ — подъ апелляціей юстицъ-коллегіи. Воеводы, заступившіе мѣсто нижнихъ судовъ, должны были рѣшать уголовныя дѣла съ утвержденія губернаторовъ, которымъ дано право присуждать, совокупно съ товарищами, и смертную казнь, и «политическую смерть». Въ Москвѣ приговоры полицеймейстерской канцеляріи по дѣламъ уголовнымъ велѣно представлять въ Петербургъ на утвержденіе главной полиціи, а въ случаѣ, когда требовалась скорость, обращаться въ московскую сенатскую контору; вообще же изъ всякихъ коллегій и канцелярій слѣдовало вносить въ сенатъ дѣла о смертной казни и о политической смерти, а сенатъ, въ свою очередь все, «чего рѣшить невозможно», долженъ былъ вносить въ верховный тайный совѣтъ. При этой перемѣнѣ судоустройства всѣ московскія судныя и розыскныя дѣла, изъ прежнихъ мѣстъ перешли въ московскую губернскую канцелярію; но Москва отличалась обиліемъ тяжёбъ и слѣдствій, въ особенности по множеству промышленныхъ людей и иногородныхъ помѣщиковъ, про-

живавшихъ въ ней съ своею дворней, такъ что одной губернской канцеляріи скоро оказалось недостаточно для безволокитнаго производства всѣхъ дѣлъ. Поэтому въ 1730 году по докладу сената, «для лучшаго въ судныхъ дѣлахъ порядка и исправленія»,—возстановлены въ Москвѣ приказы: судный—для разбора тяжобъ между людьми, проживавшими въ Москвѣ,—и розыскной, для воровскихъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлъ и для завѣдыванія сыщиками по всей Россіи; а производство розысковъ въ московской полиціи велѣно съ того времени прекратить. Полиція должна была только брать подъ стражу подозрѣваемыхъ, допрашивать ихъ, и потомъ, сыскавъ товарищей, которыхъ по показанію приводнаго въ скорости сыскать возможно, отсылать для розыска въ подлежащее мѣсто. Сыскной приказъ, въ порядкѣ уголовнаго судопроизводства, долженъ былъ составлять инстанцію, равную провинціальнымъ воеводамъ, и наравнѣ съ ними подлежалъ ревизіи юстиць-коллегіи.

Въ Петербургѣ судныя и розыскныя дѣла тамошнихъ жителей сосредоточены въ воеводской канцеляріи; ея же суду подлежали пріѣзжіе иногородные купцы, а купечество петербургское оставлено подъ судомъ петербургской ратуши, хотя также въ зависимости отъ воеводской канцеляріи; сама воеводская канцелярія состояла наравнѣ съ воеводами подъ апелляціей юстиць-коллегіи и должна была вносить въ нее всѣ «сумнительныя» дѣла (ук. 20 іюня 1737 г.). Въ такомъ видѣ устроена была подсудность по дѣламъ уголовнымъ указами императрицы Анны. Изъ нихъ можно заключить, что вѣдомство полиціи по дѣламъ уголовнымъ было отдѣлено отъ вѣдомства мѣстъ,

завѣдывавшихъ судомъ уголовнымъ. Но органы суда были вмѣстѣ съ тѣмъ и органы правительственной власти; между тѣмъ идеи о правительствѣ и объ администраціи въ свою очередь смѣшивались во многихъ случаяхъ съ понятіемъ о полицейской власти. Отсюда происходило на дѣлѣ, что и судъ, и администрація, и полиція — все смѣшивалось въ одномъ понятіи о правительствѣ; притомъ законъ въ то время не установилъ еще признаковъ, по которымъ можно было бы отличить проступокъ, подлежащій вѣдѣнію мѣстнаго управленія и полиціи, отъ преступленія, подлежащаго вѣдѣнію суда. Въ мѣстномъ управленіи это смѣшеніе властей не могло быть ощутительно, потому что въ лицѣ воеводы сливались всѣ власти; но въ столицахъ, гдѣ существовало много отдѣльныхъ органовъ по различнымъ частямъ управленія, — смѣшеніе властей высказывалось повсюду. Каждое вѣдомство стремилось дѣйствовать само по себѣ, захватить себѣ всякую власть, какая казалась ему нужна для его цѣлей, и примкнувъ къ тому или другому личному авторитету, проложить себѣ свои собственные пути къ авторитету верховному. Всякое высшее начальство, если только по своему положенію или по связямъ своимъ могло дѣйствовать, не спрашиваясь другихъ высшихъ начальствъ, притягивало къ своему вѣдомству всякія дѣла управленія и суда, какъ скоро они возникали въ кругу подчиненномъ. Оттого дѣла уголовныя могли въ то время производиться не только въ судахъ общаго порядка, но и въ отдѣльныхъ вѣдомствахъ, подобно тому, какъ производились они въ XVII столѣтіи во всѣхъ московскихъ приказахъ. По этой же причинѣ и полицеймейстерскія канцеляріи въ столицахъ, хотя по

указамъ и не имѣли права производить судъ,—на самомъ дѣлѣ производили его, розыскивали и приговаривали къ наказаніямъ всякаго рода, даже къ смертной казни. Московская полиція подчинена была непосредственно главной петербургской полиціи, а петербургскій генераль-полицеймейстеръ, выбиравшійся при Аннѣ и Елисаветѣ по большей части изъ генераль-адъютантовъ, приближенныхъ ко двору, непосредственно подчиненъ былъ одной императрицѣ, являлся къ ней ежедневно съ докладами и производилъ эти доклады безъ всякаго контроля ¹⁾, стало-

¹⁾ Какъ производились иногда эти доклады, можно видѣть изъ примѣра, который приводитъ въ своихъ запискахъ князь Яковъ Петровичъ Шаховской. Шаховской при императрицѣ Аннѣ служилъ совѣтникомъ въ главной полиціи, вмѣстѣ съ Зыбинымъ и Унковскимъ. Полиціи, по высочайшему повелѣнію, предписано было сломать во всѣхъ обывательскихъ домахъ на невской набережной всѣ деревянныя строенія, вмѣсто которыхъ владѣльцы обязывались выстроить каменные. Это повелѣніе было исполнено полицейскою командой въ присутствіи совѣтниковъ. Кто-то донесъ императрицѣ, что при этой ломкѣ исполнители обошли дома знатныхъ людей, а сломали все только у бѣдныхъ. Императрица, однажды, во дворцѣ, передъ выходомъ, не успѣвъ разобрать, виноваты ли дѣйствительно обвиненные, сказала объ этомъ генераль-полицеймейстеру Василию Федоровичу Салтыкову. Салтыковъ, выйдя изъ кабинета императрицы въ пріемную залу, гдѣ собрались лица, имѣвшія пріѣздъ ко двору, въ томъ числѣ и три совѣтника полиціи, и обратясь къ нимъ, съ грознымъ видомъ объявилъ имъ, крича на всю залу, что государыня приказала объявить имъ свой гнѣвъ, и что они безъ наказанія оставлены не будутъ;—стало-быть объявилъ имъ выговоръ, не спросивъ у нихъ объясненія. Совѣтники тутъ же отвѣчали Салтыкову, что они при себѣ велѣли сломать все безъ исключенія, и что въ доносѣ нѣтъ ничего похожаго на правду; а совѣтникъ Унковской объяснилъ сверхъ того, что онъ, напротивъ, у богатыхъ и знатныхъ людей сломалъ все безъ отлагательства, а только бѣднымъ и немощнымъ, жившимъ въ верхнихъ этажахъ, давалъ три дня сроку перебраться въ зимнее время на другія квартиры. Выслушавъ эти

быть въ его рукахъ на дѣлѣ была власть и казнить и миловать; всякій розыскъ о происшествіи въ столицѣ, съ которымъ соединялось уголовное преступленіе, восходилъ къ нему, и чрезъ него, мимо общихъ судовъ, объявлялись резолюціи о наказаніи за преступленіе. При Елисаветѣ власть генераль-полицеймейстера не только не уменьшилась, но еще усилилась; а суды не получили новой организаціи. Возстановляя учрежденія Петра, Елисавета повелѣла устроить одни магистраты на прежнемъ основаніи, а учрежденіе надворныхъ судовъ не было возстановлено, и воеводская расправа оставлена въ томъ же видѣ, въ какомъ существовала при Аннѣ.

Между тѣмъ, по вступленіи на престолъ Елисаветы, возбужденъ былъ по волѣ ея важный вопросъ о замѣнѣ смертной казни другимъ наказаніемъ. Слѣдуя, вѣроятно, доброму побужденію сердца, Елисавета задумала вовсе отмѣнить смертную казнь въ Россіи. Первая мысль объ этомъ выразилась, сколько до сихъ поръ извѣстно, въ рескриптѣ ея генераль-фельдмаршалу, рейхсъ-графу Лас-

---

отвѣты, Салтыковъ пошелъ обратно въ кабинетъ императрицы, и, воротясь вскорѣ, сказалъ Шаховскому и Зыбину, что государыня милостиво приняла ихъ оправданіе, потомъ, подступя къ Унковскому, свирѣпо и громогласно сказалъ ему: а ты, Унковскій, впредь такъ не плутуй, за что уже непростительно будешь наказанъ. Потомъ пріятель Шаховскаго, бывшій въ кабинетѣ императрицы во время доклада, рассказалъ ему, что Салтыковъ его и Зыбина оправдалъ передъ государыней, а объ Унковскомъ сказалъ, что онъ «повинился и просить прощенія». Стало быть генераль-полицеймейстеръ, принявъ сначала отъ императрицы гнѣвное приказаніе, на слухъ основанное, не рѣшился потомъ доложить ей, что виноватыхъ вѣтъ. Ему нужно было найти виноватаго, оправдать передъ императрицей прежнее ея приказаніе, — и Унковскій представленъ виноватымъ.

сію, 2 августа 1743 года ¹⁾; здѣсь было выражено на-
мѣреніе: наказывать всякія смертныя преступленія не на-
туральною, а *политическою* смертію. Какъ скоро эта воля
императрицы сдѣлалась извѣстною, правительственныя
мѣста поспѣшили заявить и свое сочувствіе къ правому
суду и къ смягченію наказаній. Въ 1744 году сенатъ,
усматривая, что «въ губерніяхъ, и провинціяхъ, и въ го-
родахъ, также въ войскѣ и въ прочихъ мѣстахъ Россій-
ской имперіи, смертныя казни и политическую смерть чи-
няютъ не по надлежащимъ винамъ, а другимъ и безвин-
но, велѣлъ — для лучшаго о томъ усмотрѣнія изо всѣхъ
коллегій и канцелярій, губерній и провинцій и командъ
о такихъ осужденныхъ къ смертной казни или полити-
ческой смерти колодникахъ, за что оныя осуждены, при-
слать въ сенатъ выписки, и до полученія указовъ, экзе-
куцій тѣмъ колодникамъ не чинить, — и впредь кто при-
сужденъ будетъ къ подобнымъ наказаніямъ, о тѣхъ, преж-
де исполненія приговора, присылать въ сенатъ выписки». По
этому указу исполненіе смертной казни по всей Рос-
сіи было остановлено на неопредѣленное время. Къ 1753
году накопилось такихъ преступниковъ 430 человекъ: въ
томъ числѣ 278 осужденныхъ на смертную казнь и 151
человекъ на «вѣчную» каторгу. Прошло безъ малаго 10
лѣтъ со времени послыки указа, а окончательнаго рѣше-
нія о томъ, чѣмъ замѣнять смертную казнь, все еще не
было; между тѣмъ число арестантовъ возрастало; крѣп-

¹⁾ Текстъ этого рескрипта не помѣщенъ въ «Полномъ Собраніи
Законовъ», но на него сдѣлана ссылка въ сенатскомъ докладѣ 29
марта 1753 года.

кихъ остроговъ въ то время не было почти нигдѣ, слѣдовательно чѣмъ дольше содержались преступники подъ стражей, тѣмъ болѣе представлялось имъ случаевъ къ побѣгамъ, и дѣйствительно число побѣговъ повсюду умножилось, а за всякимъ побѣгомъ слѣдоваль розыскъ о виновныхъ въ упущеніи, съ пытками и наказаніемъ караульнымъ. Оттого въ мѣстномъ управленіи поднялся ропоть на принятую сенатомъ мѣру; а судебныя мѣста остзейскаго края, ссылаясь на древнія свои привилегіи—исполнять приговоры по дѣламъ уголовнымъ безъ конфирмаціи центральной верховной власти, — заявили передъ ревельскою губернской канцеляріей формальный протестъ: о нарушеніи судебныхъ обрядовъ и привилегій. Кромѣ того, по вѣдомостямъ значилось еще 3,579 колодниковъ, о которыхъ дѣла еще не кончены и изъ которыхъ многіе подлежали осужденію на смерть и на каторгу: нѣкоторыя мѣста, принявъ указъ сената въ самомъ обширномъ смыслѣ, остановили у себя исполненіе и по такимъ приговорамъ, которыми преступники присуждались и къ другимъ наказаніямъ. Все это побудило сенатъ въ 1751 году принять временную мѣру для уменьшенія числа накопившихся преступниковъ: велѣно всѣхъ преступниковъ, съ 1744 года осужденныхъ по конфирмаціямъ коллегій и губ. канцелярій на смертную казнь, и на каторгу, заковавъ въ кандалы, сослать въ Рогервикъ, на тяжкую работу, производившуюся каторжными, а женщинъ вмѣсто каторги сослать въ Сибирь на житье ¹⁾; судамъ подтверж-

¹⁾ Женщинамъ уже въ 1757 году (января 22) запрещено рвать ноздри и ставить клейма, по слѣдующему соображенію: мужчинамъ ста-

дено исполнять надъ осужденными всѣ прочія наказанія, за исключеніемъ только смертной казни, политической смерти, и ссылки вѣчно на каторгу.

Но что слѣдовало разумѣть подъ словомъ: политическая смерть?—на это никто не могъ въ то время дать точнаго отвѣта. Хотя во всѣхъ указахъ сената упоминалось о политической смерти какъ о наказаніи общеизвѣстномъ, однакожь самъ сенатъ, на вопросъ императрицы: за какія вины политическая смерть, и по какимъ указамъ положена? вынужденъ былъ въ 1753 году отвѣчать, что точныхъ о семь указовъ не имѣется. Слово: политическая смерть, заимствовано было Петромъ изъ нѣмецкаго законодательства, безъ дальнѣйшихъ объясненій, и сенатъ могъ только сослаться на указы Петра, въ которыхъ это слово употреблено, да на резолюцію, имъ же данную въ 1699 году по частному дѣлу: «сказать преступникамъ смерть и положить на плаху, а отъ плахи поднявъ, бить вмѣсто смерти кнутомъ и сослать въ ссылку на вѣчное житье въ каторжной работѣ, съ женами и дѣтьми». Въ этомъ недоумѣніи, стараясь опредѣлить понятіе о политической смерти, сенатъ обратился къ тому же рескрипту, данному императрицей Лассію: не слѣдуетъ ли признать за политическую смерть наказаніе, которое императрица указала въ этомъ рескриптѣ производить за грабежъ и убійство шведскихъ подданныхъ, именно отсѣчь по правой рукѣ и, вырѣзавъ ноздри, сослать въ каторжную работу. Но такое наказаніе представилось

вятся знаки и рвутся ноздри, дабы не могли убѣжать изъ ссылки и новаго воровства не чинили; а женщины изъ отдаленной Сибири и безъ того не могутъ чинить побѣговъ.

сенату несовмѣстнымъ съ понятіемъ о каторгѣ, такъ какъ «безрукіе ни къ какимъ уже работамъ дѣйствительны быть не могутъ, но токмо тунѣ будутъ получать себѣ пропитаніе». Сенатъ пришелъ наконецъ къ слѣдующему заключенію: въ случаѣ присужденія преступниковъ къ смертной казни, чинить имъ жестокое наказаніе кнутомъ, затѣмъ, вырѣзавъ ноздри и поставивъ клейма, заклепывать ихъ по самую смерть въ кандалы и посылать въ вѣчную тяжелую работу, а рукъ у нихъ не сѣчь, *«дабы они способнѣе въ работу употребляемы быть могли»*. Политическою смертью, по разсужденію сената, должно именовать то наказаніе, когда кто положенъ будетъ на плаху или взведенъ на висѣлицу, а потомъ объявлена будетъ царская милость; то-есть учинено наказаніе кнутомъ, съ вырѣзаніемъ ноздрей, или безъ тѣлеснаго наказанія объявлена будетъ вѣчная ссылка; наконецъ, по мнѣнію сената, наказаніе кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и вѣчною ссылкой, безъ возведенія на плаху, причисляется просто къ наказаніямъ, не соединяемымъ съ политическою смертью. Согласно съ этимъ мнѣніемъ сената, послѣдовалъ именной указъ 25 мая 1753 года, о томъ, что считать политическою смертью и что простымъ наказаніемъ. Въ слѣдующемъ, 1754 году, сенатскимъ указомъ объяснено, что приговоры, присуждающіе къ смертной казни, политической смерти и простымъ наказаніямъ, должны быть представляемы на окончательное утвержденіе: отъ воеводъ и сыщиковъ—къ губернаторамъ и вице-губернаторамъ съ товарищи; изъ сыскаго приказа—въ юстиць-коллегію; изъ военныхъ судовъ—къ корпуснымъ генераламъ, въ военную и адмиралтействъ-коллегію; на-

конецъ, о состоящихъ въ вѣдомствѣ полиціи—въ главную полицеймейстерскую канцелярію: только натуральной смертной казни не велѣно производить «до разсмотрѣнія и точнаго о томъ указа», а замѣнять ее наказаніемъ, которое положилъ сенатъ въ своемъ докладѣ 1753 года, то-есть кнутомъ, вырѣзаніемъ ноздрей, поставленіемъ клеймъ и ссылкой въ тяжкую работу. Такимъ образомъ предписаніе 1753 года вовсе не содержало въ себѣ постановленія о рѣшительной отмѣнѣ смертной казни въ Россіи, а повелѣвало только временно замѣнять ее жестокимъ наказаніемъ, впредь до указа. Этотъ указъ послѣдовалъ, какъ извѣстно, уже въ 1775 году, послѣ казни Пугачева и послѣ мира съ Оттоманскою Портою; но и онъ содержалъ въ себѣ не новое постановленіе, а только подтвержденіе сенатомъ правила, установленнаго въ 1753 году.

5.

Убийство Жуковыхъ случилось именно въ ту пору, когда только что разрѣшенъ былъ въ сенатѣ вопросъ о замѣнѣ смертной казни. Жуковы обличены были въ такомъ преступленіи, за которое и Уложеніемъ и воинскими процессами опредѣлялась смертная казнь. Розыскъ о главныхъ преступникахъ былъ въ главной полицеймейстерской канцеляріи, временно находившейся тогда въ Москвѣ; всѣ преступники, кромѣ столяра Ивана Сизова были налицо, слѣдовательно не было повода отдалять рѣшеніе дѣла. Составлена выписка, и, по выпискѣ, генераль-полицеймейстеръ Татищевъ приговорилъ: всѣмъ пре-

ступникамъ учинить смертную казнь, а именно: «Алек- сѣя Жукова, жену его Варвару, тещу Настасью, калмыка Александра и Михаила Григорьева пятерить: отсѣчь руки и ноги и головы; дѣвкамъ: Авдотѣ Ионовой и Катеринѣ Даниловой отсѣчь головы; дѣвкѣ Матренѣ, которая хотя при самомъ томъ смертномъ убійствѣ и не была, одна- кожь о томъ умыслѣ вѣдала и въ самое то время, какъ то убійство учинено, входила въ палату, а нигдѣ о томъ не донесла, почему явилась такою жь убійцею, отсѣчь голову». Но какъ, по указу императрицы 1-го мая 1746 года, велѣно генераль-полицеймейстеру о смертныхъ ви- нахъ доносить государынѣ, то онъ и представилъ приго- воръ свой на ея утвержденіе, при всеподданнѣйшемъ до- кладѣ 25 октября 1754 года. Докладъ Татищева въ за- печатанномъ конвертѣ отосланъ въ Петербургъ, и чрезъ тамошняго оберъ-полицеймейстера, бригадира Кочетова, доставленъ къ дежурному генераль-адъютанту для пред- ставленія императрицѣ. Съ этого времени мѣсяцы про- ходили за мѣсяцами, состоялся и посланъ къ государынѣ приговоръ о Иванѣ столярѣ, представленномъ въ послѣд- ствіи къ дѣлу, — докладъ о немъ и о всѣхъ прочихъ пре- ступникахъ лично сдѣланъ императрицѣ Кочетовымъ; на- конецъ и главная полиція переѣхала обратно въ Петер- бургъ, а резолюціи о преступникахъ все еще не было. Имъ долго еще суждено было сидѣть подъ стражей въ московской полицеймейстерской канцеляріи.

Въ то время для содержанія арестантовъ не вездѣ были особенныя тюрьмы: колодники содержались обыкно- венно при тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ дѣла о нихъ про- изводились; помѣщеніе здѣсь не могло быть обширное, а

при медленности производства, число заключенныхъ возрастало съ году на годъ (особенно въ столицахъ. Иногда (напримѣръ, въ московскомъ сыскомъ приказѣ 1733 года) оно доходило до того, что колодники отъ утѣшенія, духоты и нечистоты въ мѣстахъ заключенія «напрасно умирали безгодною смертю». На содержаніе ихъ вообще не отпускалось денегъ изъ казны до 1754 года; кормовыя деньги (по копѣйкѣ на день) выдавались по указу 1720 года только арестантамъ, содержащимся по дѣламъ казеннаго интереса и по челобитчиковымъ, гдѣ былъ истецъ; а гдѣ истца не было, то-есть по всѣмъ дѣламъ безгласнымъ, о преступленіяхъ, колодники должны были сами себя пропитывать, если было у нихъ какое имущество или родственники, доставлявшіе имъ пищу и содержаніе ¹⁾. Для пропитанія неимущихъ прибѣгали къ общественной благотворительности. Для этого было въ обычаѣ отпускать арестантовъ «на связкахъ» съ приставами и

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ указахъ (напр. 3 апр. 1734, 23 апр. 1738), предписывается кормить арестантовъ изъ доходовъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ содержатся, но кормить только такихъ, которыхъ нельзя отпустить на связку по неимѣнію одежды. Въ 1738 году запрещено было отпускать арестантовъ для сбора милостыни, въ однихъ рубашкахъ, а у кого кромѣ рубашки ничего нѣтъ, того велѣно кормить на счетъ присутственныхъ мѣстъ. Никакой одежды тогда не отпускалось изъ казны арестантамъ. Притомъ слово—кормить, безъ назначенія кормовыхъ денегъ, на офиціальномъ языкѣ весьма мало значило, а кормовыя деньги назначались только по дѣламъ интереснымъ и челобитчиковымъ. Впрочемъ, къ подобнымъ случаямъ, по всей вѣроятности, примѣнялся указъ 12 декабря 1720, о размѣрѣ кормовыхъ денегъ по 1 копѣйкѣ на человѣка въ Москвѣ и по 2 копѣйки въ Петербургѣ. (Ср. инструкцію сыщикамъ 19-го ноября 1756 г.). Арестантамъ, состоявшимъ на службѣ до окончанія дѣлъ, по указу 1726 года, велѣно было выдавать половинное жалованье.

караульщиками, для испрошенія подаенія. Въ то время и въ Москвѣ и въ городахъ такое хожденіе колодниковъ по улицамъ и площадямъ было ежедневный явленіемъ. Колодники старались при этомъ всѣми средствами возбудить состраданіе зрителей, и потому пытаные ходили въ кровавыхъ рубашкахъ, выказывая свои раны, чтобы набрать болѣе милостыни. Естественно, что при этомъ бывало не мало злоупотребленій, не мало представлялось случаевъ къ побѣгамъ, и дѣйствительно побѣги совершались болѣею частію во время отпусковъ для собиранія милостыни. Правительство издавна старалось прекратить эти злоупотребленія, но обычай отпускать колодниковъ «на связку» былъ такъ силенъ, что указы рѣдко гдѣ исполнялись; притомъ невозможно было и требовать строгаго исполненія, не обеспечивъ прежде содержанія колодниковъ отъ казны. На большіе праздники обыкновенно отпускали колодниковъ, содержавшихся въ неважныхъ проступкахъ и преступленіяхъ, къ родственникамъ, на поруки и подъ росписки; присутственнымъ мѣстамъ даже вмѣнялось въ обязанность дѣлать это для уменьшенія числа арестантовъ. Въ Москвѣ особенно замѣтны были неудобства отъ накопленія преступниковъ; еще въ 1672 году правительство указываетъ на многолюдство московскихъ тюремныхъ сидѣльцевъ,—и потомъ въ теченіе всего XVIII столѣтія непрерывно продолжаются строгіе подтвердительные указы о томъ, чтобы рѣшеніе по колодничьимъ дѣламъ вездѣ чинилось безволочитно; требовались вѣдомости и статейные списки арестантамъ въ сенатъ, въ тайный совѣтъ, къ самимъ государынямъ; предписывалось судьямъ съѣзжаться по два раза въ день —

утромъ и вечеромъ, покуда всѣхъ дѣлъ не очистятъ; губернаторамъ и воеводамъ велѣно имѣть постоянно у себя на столѣ статейные списки всѣмъ колодникамъ и каждый день ихъ разсматривать; всѣмъ подвѣдомственнымъ сенату мѣстамъ предписано доставлять въ сенатъ вѣдомости о движеніи дѣлъ, то по третямъ года, то ежемѣсячно, то еженедѣльно; и самому сенату вмѣнено въ обязанность—подавать въ кабинетъ государыни ежемѣсячные экстракты.

Жуковъ съ женой не принадлежали къ числу неимущихъ арестантовъ: въ вѣдѣніи полиціи состояла денежная сумма, въ числѣ взятаго и описаннаго у нихъ имущества. Изъ этой суммы и выдавалось имъ на содержаніе по три копѣйки на день, а во время болѣзни по десяти копѣекъ на день; сверхъ того, на случай болѣзни ихъ приглашался лекарь, по сношенію полицеймейстерской канцеляріи съ медицинскою конторой. На покупку одежды и лекарствъ выдавались деньги изъ той же суммы по мѣрѣ надобности.

Въ полицеймейстерской канцеляріи арестанты мужскаго пола содержались отдѣльно отъ женщинъ, въ особой палатѣ, отдѣленной цѣлымъ дворомъ отъ женскаго отдѣленія. Сообщеніе между тою и другою половиною строго запрещалось, особенно для важныхъ преступниковъ. Важные преступники не могли, впрочемъ, и по своему положенію свободно переходить изъ одного мѣста въ другое: они содержались прикованные цѣпью къ стулу, и ключъ отъ цѣпи долженъ былъ храниться у солдата, носившаго названіе «старосты при замкахъ и желѣзахъ». Каждую ночь, караульный офицеръ съ двумя солдатами

долженъ былъ ходить дозоромъ по карауламъ и осматривать въ тюрьмахъ, цѣлы ли колодники. Арестанты содержались въ общихъ комнатахъ, повидимому безъ различія сословій; но Алексѣй Жуковъ и жена его помѣщены были въ особенныхъ камерахъ, какъ важные преступники. Во все время содержанія подъ стражей, за исключеніемъ очныхъ ставокъ, имъ не позволено было видѣться другъ съ другомъ; но попытки къ тому были. Въ 1758 году у Варвары Жуковой нашли ключъ, которымъ отпирала она цѣпь свою, и однажды поймали ее поздно вечеромъ на дворѣ, когда, надѣвъ на себя принесенные солдатомъ гренадерскій плащъ и шапку, она хотѣла подъ видомъ гренадера пробраться въ мужскую половину, для свиданія съ мужемъ.

Рѣшеніе участи преступниковъ послѣдовало не ранѣе 1766 года, уже при императрицѣ Екатеринѣ II, и подало поводъ къ замѣчательному манифесту, всенародно объявленному. Выписываемъ этотъ манифестъ, напечатанный въ *Полномъ Собраніи Законовъ*, но немногимъ извѣстный.

«Учиненное убійство въ 1754 году матери и сестры своей родной бывшимъ въ нашей лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка каптенармусомъ Алексѣемъ Жуковымъ и женою его Варварою Николаевою, по отцѣ Полтевыхъ и сообщниками ихъ—столь страшное злодѣйство, что не токмо въ христіанскихъ народахъ, но и между идолопоклонниками и безъ всякаго закона живущими людьми почитается чрезъестественное. Мы довольно вѣдаемъ, сколь ужасное сіе преступленіе поразило челоуколюбивое сердце покойной тетки нашей, императрицы Елисаветы Петровны.

Но какъ такое окаянное дѣло, въ цѣлыхъ вѣкахъ рѣдко случающееся, невѣдомыми судьбами Божиими по сіе время не рѣшалось, а передъ немногимъ только временемъ подано намъ отъ сената нашего докладомъ ¹⁾, и между тѣмъ, нѣкоторые участвующіе, яко орудіе въ семъ убійствѣ, уже померли, главные же самые убійцы и прямые содѣятели: сынъ и братъ убитыхъ матери и сестры и жена его живы на землѣ остаются въ тюремномъ заключеніи, то сіе самое столь долговременное продолженіе ихъ жизни наипаче привело насъ въ размышленіе, угоднѣе ли Богу будетъ лишеніемъ живота, по законамъ строжайшимъ, сихъ злодѣевъ наказать и яко прямо отступившихъ отъ вѣры Христовой и отъ закона естественнаго истребить, или, видѣвъ ихъ преступленіе отчаянное, соблюсти души ихъ отъ вѣчной муки истиннымъ къ Богу покаяніемъ, безъ нарушенія нашего правосудія и безъ соблазна народнаго, оставя дни и животъ ихъ въ рукѣ Всевышняго Судіи, на собственное совѣсти раскаяніе и всечасное ихъ сокрушеніе. Въ такомъ духа нашего смущеніи, повелѣли мы изъ первѣйшихъ нашихъ духовныхъ, а именно: Димитрію, митрополиту новгородскому, Иннокентію, епископу псковскому, и Гавріилу, епископу тверскому, изслѣдовать въ исторіи церковной и въ правилахъ святыхъ отецъ, какія въ древней церкви нашей православнои употреблялися подобнымъ злодѣямъ наказанія, и какимъ образомъ души ихъ предавалися въ помилованіе Богу, на что намъ всеподданнѣйше отъ нихъ пред-

¹⁾ Неизвѣстно, когда именно и по какому поводу дѣло это было отослано императрицею на разсмотрѣніе сената, и въ чемъ состояло опредѣленіе сената.

ставлено, что хотя по древнѣйшему церкви православной обычаю монархи христіанскіе; яко властители сами духовные и мірскіе, будучи власть предержащая отъ Бога, сохраняли правосудіе въ народахъ по законамъ, отъ нихъ же установленнымъ, и казнь таковымъ злодѣямъ состояла въ волѣ и власти ихъ; но по истинному христіанству прежде всего пеклися они о соблюденіи душъ погибающихъ отъ вѣчной муки, потому что церковь Божія, по слову евангельскому и апостольскимъ поученіямъ и по силѣ правилъ святыхъ, ожидаетъ истиннаго обращенія къ вѣрѣ Христовой и прямого покаянія отъ самыхъ злодѣевъ отчаянныхъ и вовсе закона отпадшихъ. Вслѣдствіе таковаго зоключенія душъ сихъ осужденныхъ, повелѣваемъ: Алексѣя Жукова и жену его Варвару, яко первыхъ виновниковъ душегубству родства и сродства своего, предать церковному предъ народомъ покаянію, такъ, какъ въ приложенномъ обрядѣ предписывается. По исполненіи котораго послать повелѣваемъ Алексѣя Жукова въ Соловецкій монастырь, а жену его Варвару Тобольской епархіи въ Далмацкій монастырь, гдѣ имъ по правиламъ святыхъ отецъ о убійцахъ, двадцать лѣтъ, включая и время содержанія ихъ въ тюрьмѣ, ходить на всякое церковное пѣніе и становиться не въ церкви, но въ трапезѣ, и всякій постъ исповѣдаться, токмо не причащаться кромѣ смертнаго случая. Настоятели же тѣхъ монастырей должны употреблять ихъ въ сносные, по силѣ cadaго, монастырскіе труды. Сверхъ того, поручить ихъ въ смотрѣніе искуснѣйшимъ изъ монашествующихъ, которые должны наблюдать ихъ жизнь и чаще имъ напоминать силу вѣры и закона и страшный и неизбѣжный нераскаивающимся грѣшникамъ судъ Божій. По прошествіи сего вре-

мени покаянія, ежели съ явными знаками раскаянія оное препроводятъ, то, по силѣ помянутыхъ же правилъ, приобщить ихъ къ церкви и сподобить причастія Св. Таинъ, а потомъ намъ доложить. Что же касается до сообщниковъ сего убійства, о которыхъ дѣло сіе также рѣшено, съ оными поступить такъ, какъ посланными изъ сената въ 1754 году указами таковымъ подлежащимъ смертной казни чинить повелѣно. И по сему сенатъ нашъ исполнить имѣетъ немедленно, а сей нашъ манифестъ, напечатать, публиковать всенародно».

Торжественная церемонія покаянія Жуковыхъ совершалась четыре раза въ теченіе того же великаго поста 1766 года: въ четвертое и пятое воскресенье, въ четвергъ пятой недѣли, то-есть въ день великаго канона, и въ Лазареву субботу, въ четырехъ церквахъ, именно: въ Успенскомъ соборѣ, у Св. Петра и Павла въ Басманной, у Св. Параскевы на Пятницкой, и у Николая Явленнаго, на Арбатской улицѣ. Наканунѣ полиція повѣщала во всемъ городѣ о днѣ и часѣ, назначенныхъ для исполненія обряда. Въ назначенный день, въ 9 часовъ утра, передъ литургіей, преступники, въ сопровожденіи священника и военной команды, шли къ указанной церкви, въ посконныхъ длинныхъ рубахахъ, босые, въ оковахъ, съ распущенными волосами, держа въ рукахъ зажженные восковыя свѣчи. Не впуская въ церковь, ставили ихъ у дверей, и окружа командой, читали прежде всего во всеуслышаніе манифестъ. Потомъ, ставъ на колѣни, супруги Жуковы должны были читать вслухъ покаянную молитву, нарочно для того составленную, и затѣмъ, стоя на колѣняхъ во время обѣдни, обращаться ко всѣмъ входя-

щимъ въ церковь и выходящимъ изъ нея, съ слѣдующими словами: «Возлюбленные о Христѣ! Чувствуя мы тягость нашего беззаконія, и ужасаяся раздраженнаго нами Бога, недостойныхъ себя судимъ услышанія Его; васъ убо молимъ, спостраждите намъ, и возопійте къ Господу молитву, да призритъ на покаяніе наше и милостивъ намъ будетъ». Во время литургіи, дьяконъ возглашалъ особую ектенію о кающихся, а по окончаніи обѣдни, передъ церковными дверьми, проповѣдникъ, протопопъ церкви Николая Голстунскаго, Посниковъ, произносилъ къ народу и къ осужденнымъ нарочно для того написанное слово о покаяніи убійць ¹⁾. Затѣмъ, до выхода изъ церкви всего народа, преступники должны были снова повторять, по формѣ, свою просьбу о молитвѣ и прощеніи. Для наблюденія за обрядомъ назначены были, отъ духовнаго вѣдомства, — Знаменскаго монастыря архимандритъ Варѳоломей, а отъ свѣтскаго, — особый чиновникъ.

Таковъ былъ конецъ исторіи Жуковыхъ. О дальнѣйшей судьбѣ преступниковъ нѣтъ болѣе свѣдѣній. Опальный домъ, въ которомъ совершено было убійство, освобожденъ отъ караула и возвращенъ въ распоряженіе владѣльца. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* за декабрь 1766 года, помѣщена уже о немъ слѣдующая публикація. «Близъ Никитскихъ воротъ, въ приходѣ церкви Ѳедора Студита, каменный домъ Жукова, въ немъ 8 покоевъ съ изряднымъ украшеніемъ, мебелью, зеркалами; комодами и стульями краснаго дерева, людскихъ три покоя, кухня,

¹⁾ Сочиненіе этого слова, по рассказамъ старожиловъ, поручено было императрицею Платону, который былъ въ то время законоучителемъ наслѣдника.

приспѣшья, баня съ горницею, ледникъ, погребъ, кладовая палата, каретный сарай, конюшня о 12 стойлахъ, небольшой регулярный садъ, особый огородъ для овощей,—желающимъ нанять; о цѣнѣ спросить въ томъ же домѣ; если жъ кому потребны будутъ фарфоровая и хрустальная посуда,—отдадутся съ описью; карета съ цугомъ лошадей, три человекъ: лакей, кучеръ и фореиторъ; что содержано будетъ на довольствіи хозяйскомъ». Дворъ Жуковыхъ съ того времени перемѣнилъ нѣсколько владѣльцевъ, раздѣлившись на нѣсколько особыхъ дворовъ, пустыя мѣста застроены и садъ давно уже уничтоженъ. Но каменный домъ, въ которомъ совершено убійство, существуетъ и до сихъ поръ въ томъ же наружномъ видѣ, въ какомъ былъ при жизни Аграфены Жуковой; онъ стоитъ отдѣльнымъ двухъ-этажнымъ корпусомъ на дворѣ, на самомъ углу Большой Никитской и нынѣшняго Мерзляковскаго переулка. Одинъ изъ бывшихъ владѣльцевъ этого дома измѣнилъ только, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, внутреннее расположеніе комнатъ и уничтожилъ своды, бывшіе въ нижнемъ этажѣ. Домъ этотъ долго считался опальнымъ; въ околоткѣ ходили слухи о тѣняхъ убитыхъ Жуковыхъ, которыя будто бы являлись по ночамъ, въ тѣхъ комнатахъ гдѣ совершилось убійство; жильцы обѣгали его; рассказывали за вѣрное, что кто ни поселялся въ домѣ, всѣхъ выгоняли страшныя привидѣнія, являвшіяся ночью. Эти слухи еще въ памяти у нѣкоторыхъ мѣстныхъ старожиловъ, кого намъ случалось спрашивать. Разумѣется, съ теченіемъ времени, слухи эти сами собой прекратились.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРНДОЖЕИИ

СТАРИННЫЕ АКТЫ О КРЕСТЬЯНАХЪ

---

1. Отпускная на челобитной.

«Государю боярину Алексѣю Петровичу бьетъ челомъ раба твоя Петровская жена... вдова Ксенія Антонова дочь въ прошломъ государь 720 году волею Божіею мужъ мой умре, а я осталась послѣ его съ дочерью своею Анною, умиловивися государь бояринъ Алексѣй Петровичъ пожалуй меня рабу свою, прикажи государь и съ дѣвочкой изъ своего дому уволить и дать отпускную, государь смилуйся!»

1721 г. мая дня по сей челобитной я бояринъ Алексѣй Петровичъ (Салтыковъ) оную вдову уволить на волю, а о подлинной отпускной бить челомъ ей вдовѣ великому государю гдѣ надлежить.

Приписано рукою боярина: а дочери ее я не уволить, быть ей у меня во дворѣ — я бояринъ Алексѣй Петровичъ писалъ.

---

2. Отпускная 190 года.

190 года мая въ 30 день, церкви Саввы Стратилата, что на Каменкѣ, попъ Ермолай Корнильевъ отпустилъ я на волю по приказу сына своего духовнаго, думнаго дворянина Семена Ѳедоровича Полтева стариннаго его человѣка Михайла Романова, сына Алаева і впредь до него никому дѣла нѣтъ, гдѣ онъ похочеть, тамъ и живетъ, втомъ я попъ Ермолай по приказу сына своего духовнаго думнаго дворянина Семена Ѳедоровича Полтева сію отпускную далъ, а отпускную писалъ тоежъ церкви Саввы Стратилата дьячекъ Ѳедоръ Яковлевъ по повелѣнію ево священника Ермолая Корнильева. Къ сей отпускной Саввинской попъ Ермолай руку приложилъ.

3. Отпускная монастырскому крестьянину, 181 года.

Се азъ въ вологодского уѣзду Пухинского стану монастыря Николая Чудотворца и преподобнаго Стефана Озерского Комельского устья, волости Подозерицы деревни Владышня, мѣсяца декабря въ 25 день Рождества Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, будучи у обѣдни и послѣ обѣдни билъ челомъ отцу игумену Іонѣ и келарю Іасафу и всей братіи на трапезѣ крестьянинъ деревни Владышни Данила Григорьевъ съ сыномъ своимъ Ивашкомъ Даниловымъ просилъ у тебя отца игумена благословенія и у келаря и у всего собору, потому что намъ прожить нечѣмъ, пить ѣсть нечего, помираемъ голодною смертью, подати государевы и ваши монастырскія подати платить нечѣмъ и я игумень Іона и келарь Іасафъ и казначей Аврамъ и вся святая братія отпустили крестьянина Данила Григорьева по челобитью ево и

сына ево Ивашка Данилова и съ семьями ихъ 181 году, а сію отпускную писалъ казенной дьячекъ Федоръ Юнинъ по велѣнію игумена и келаря и казначея и всего собору. Къ сей отпускной Николаевскаго монастыря игумень Іона руку приложилъ.

4. Записка отпускной.

Память мнѣ Меркульевской женѣ Остафьевича Якимова вдовѣ Ульянѣ Ивановнѣ отпустила я Ульяна по своей души на поминѣ кабальнаго своего человекѣ Тимоѳея Кирилова сына съ женою и съ дѣтьми; воля ему на всѣ четыре стороны, а кто учнетъ въ него Тимоѳея вступаться родъ мой и племя или зятя мои и дочери и на нихъ Богъ въ судьбѣ, въ томъ я Ульяна и сію отпускную дала. Слѣдуетъ подпись.

Се азъ Тимошка Кириловъ сынъ Колобовъ, дворовой человекѣ послуживецъ вдовы Ульяны Ивановны Меркульевской жены Остафьевича Якимова по смерти ево отпущенъ на волю съ отпускною и въ нынѣшнемъ въ 195 году февраля въ 14 день билъ челомъ съ тою отпускною съ воли во крестьянство Родіону Ивановичу Маслову, и взялъ я Тимошка съ женою своею Ульяною Зиновьевою дочерью и съ дѣтьми своими Филькою Дмитрійкомъ и Кузкою и Ивашкою и Кондрашкою Ивашкою меншимъ да съ дочерью Вѣркою на ссуду себѣ 10 рублей денегъ, а у него государя своего Родіона Ивановича на хлѣбъ и на сѣмена и на лошади и на коровы и на мелкую скотину и на дворовое строеніе и съ тою ссудою мнѣ Тимошкѣ жить у него государя своего во крестьянствѣ гдѣ государь нашъ укажетъ и живучи намъ Тимошкѣ съ женою и съ дѣтьми во крестьянствѣ у государя своего и на него работа работать, пашня

пахать и сѣно косить съ своею братьею въ рядъ и тягло тянуть и государевы подати платить и изъ за него государя своего не выбѣжать и ссуды не снести и за иного помѣщика и за вотчинника во крестьянство не закладываться и крѣпостей на себя никакихъ не давать и въ государевы службы ни въ какія не записываться, а будетъ я Тимошка съ женою и съ дѣтьми не учнемъ у государя своего во крестьянствѣ жить и отъ него государя своего и отъ жены и отъ дѣтей сбѣжимъ и ссуду снесемъ и за иного помѣщика и за вотчинника заложимся или какую крѣпость на себя дадимъ или въ государевы службы какія запишемся и государь нашъ или жена ево и дѣти въ бѣгахъ насъ сыщутъ и та его государя нашего ссуда на насъ вся сполна а крестьянство и впредь крестьянствомъ а на то послуши Дорофей Янышевъ а ссудную запись писалъ Михайлова города площадной подъячій Гришка Наумовъ. Лѣта 7195 февраля въ 14 день. Послухъ Дорошко руку приложилъ.

Помѣта: записать въ книгу и въ рожки и въ примѣты, а пошлины взять по указу вел. государей.

По осмотру Тимошка ростомъ средней, лицомъ плосколицъ, носъ широкъ, глаза сѣрые, борода чермна-руса, не широка, на головѣ волосы прямые въ чермнѣ-русые сказалъ себѣ 45 лѣтъ.

195 г. февраля въ 14 день на Михайловѣ въ приказной избѣ передъ воеводою Федоромъ Аврамовичемъ Вороновымъ ссудная запись чтена и въ книгу записана и пошлины по Ук. в. Г. взяты.

5. Дѣло о выдачѣ отпускной изъ Суднаго Приказа.

1) Державнѣйшій царь, Государь милостивѣйшій! В прошлыхъ Государь годѣхъ билъ челомъ я с отпускною в кабальное холопство послѣ смерти Стольника Якова Ивановича

Золотарева к Дмитрею Еөтиөевичу Соймонову з женою своею і з дѣтьми, и онъ Дмитрей меня держитъ по той отпускнуой а кабалы на меня не беретъ не знама для чего и не поитъ меня и не кормитъ и не обуваетъ и не одѣваетъ и не давъ отпускнуой з двора ссылаетъ. И въ нынѣшнемъ Государь 1704 году, твой Государевъ указъ состоялся — кто х кому бьетъ челомъ с отпускнуой в кабальное холопство и по тѣмъ отпускнуымъ велѣно имать в мѣсяцъ кабалы такъ же и отпускныя записывать в мѣсяцъ же в Московскомъ Судномъ Приказѣ; а кто отпускныхъ в Московскомъ Судномъ Приказѣ не явитъ и не запишетъ, и тѣ отпускныя не в отпускныя. Всемиловѣйшій Государь, прошу Вашего Величества вели Государь из Московскаго Суднаго Приказу з женишкою и сыномъ Григорьемъ дать отпускнуую по своему Государеву новосостоятельному указу чтобъ мнѣ бѣдному скитаясь без отпускнуой межъ дворъ голодною смертию не умереть. Вашего Величества послуживецъ а Дмитрѣя Еөтиөевича Соймонова Иванъ Кузминъ сынъ Ломовъ. Декабря въ день 1704 году. Вверху челобитной помѣта: 1704 г. декабря 27: поставить и допросить.

2) 1705 года генваря въ 20 день въ Московскомъ Судномъ Приказѣ передъ бояриномъ Алексѣемъ Петровичемъ Салтыковымъ стоварыщи жилецъ Дмитрей Еөтиөевъ сынъ Соймоновъ допрашиванъ, а в допросѣ сказалъ которой де бьетъ челомъ Великому Государю Иванъ Кузминъ сынъ Ломовъ об отпускнуой з женою своею Лукерьею Елѣимовою дочерью да сыномъ Григорьемъ, а которую онъ Иванъ Ломовъ подалъ ему Дмитрею Соймонову отпускнуую послѣ смерти Стольника Якова Иванова сына Золотарева и ему-де Дмитрею Соймонову до того человѣка Ивана Ломова и до жены ево Лукерьи и до сына ево Григорья по той отпускнуой которую ему Дмитрею Соймонову онъ Иванъ подалъ, і по той отпу-

скной и ни по какимъ крѣпостямъ ему Дмитрею Соймонову до того человѣка Івана Ломова и до жены ево и до сына дѣла нѣтъ. І противъ сего челобитья Іванова і допросу Петръ Соймоновъ вмѣсто Дмитрея Соймонова по ево велѣнью руку приложилъ.

Помѣта: отослать для осмотра в приказъ военныхъ дѣлъ с Памятью.

А челобитчикъ Дмитрея Еѣтиѣева сына Соймонова Іванъ Ломовъ сказалъ, дѣтей-де у него Івана мужеска полу только одинъ сынъ Григорей по третьему году а болши того у него Івана мужеска полу дѣтей нѣтъ. А будетъ онъ Іванъ сказалъ в сей скаскѣ ложно и за тое бѣ ево Іванову ложъ указалъ Великій Государь учинить ему смертную казнь. К сей скаскѣ Іванъ Ломовъ руку приложилъ.

3) Лѣта 1705 г. еевраля въ 5 день по указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца Генералу Камисару Князю Якову Ѳедоровичу Долгорукову с товарищи. В прошломъ 704 году декабря въ день билъ челомъ Великому Государю в Московскомъ Судномъ Приказѣ послуживецъ Дмитрея Еѣтиѣева сына Соймонова Іванъ Кузминъ сынъ Ломовъ об отпускной; а по имянному Великаго Государя указу велѣно такихъ людей отсылать в Приказъ Военныхъ дѣлъ для смотру салдатцкой службы. И потому Великаго Государя указу тотъ вышеписанной человѣкъ Іванъ Ломовъ с сыномъ Григорьемъ из Московскаго Суднаго Приказу в Приказъ Военныхъ дѣлъ к тебѣ Генералу Комисару ко Князю Якову Ѳедоровичю с товарищи посланъ с подъячимъ съ Егоромъ Удальцовымъ. Припись Дьяка Івана Молчанова.

4) Лѣта 1705 г. еевраля въ 8 день по указу Великаго Государя Царя і Великаго Князя Петра Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца боярину Алек-

сѣю Петровичю Салтыкову с товарищи. В указѣ Великаго Государя из Московскаго Суднаго Приказу в Приказъ Военныхъ Дѣлъ к Генералу к Камисару ко Князю Якову Оедоровичу Долгорукову с товарищи за приписью Дьяка Ивана Молчанова нынѣшняго 705 году еевраля въ 5 день написано: в Московскомъ-де Судномъ Приказѣ билъ челомъ Великому Государю об отпускнуой послуживецъ Дмитрея Еотиеѣва сына Соймонова Иванъ Кузминъ сынъ Ломовъ; а по имянному-де ево Великаго Государя указу такихъ людей велѣно отсылать из Московскаго Суднаго Приказу в Приказъ Военныхъ дѣлъ для смотру солдатцкой записки. И потому Ево Великаго Государя указу тотъ вышенипанной человекъ Иванъ Кузминъ сынъ Ломовъ осматриванъ, а по осмотру онъ старъ и худъ и въ салдатѣхъ быть негоденъ и ис Приказу Военныхъ дѣлъ тотъ человекъ Иванъ Кузминъ посланъ въ Московской Судной Приказъ с симъ Ево Великаго Государя указомъ.

5) 1705 году еевраля въ 9 день, по указу Великаго Государя, бояринъ Алексѣй Петровичъ Салтыковъ с товарищи приказали Ивану Кузмину сыну Ломанову дать по указу отпускнуую изъ Московскаго Суднаго Приказу для того что онъ по справкѣ с Приказомъ Военныхъ дѣлъ по осмотру старъ и худъ и в солдатѣхъ быть негоденъ.

6) Лѣта 1705-го еевраля въ день по указу Великаго Государя Царя і Великаго князя Петра Алексѣевича всеа Великия і Малыя і Бѣлыя Росіи Самодержца бояринъ Алексѣй Петровичъ Салтыковъ с товарищи дали отпускнуую из Московскаго Суднаго Приказу по служивцу Дмитрея Еотиееева сына Сойманова Ивану Кузмину сыну Ломову, потому в прошломъ 1704 году декабря въ 23 день билъ челомъ Великому Государю онъ Иванъ Ломовъ в прошлыхъ-де годѣхъ билъ челомъ онъ с отпускнуою в кабалное холопство послѣ смерти столника Якова Иванова сына Золотарева к Дмитрею

Еѳтѳееву сыну Сойманову з женою своею і з дѣтми, і онѣ де Дмитрей ево Івана держить по той отпускнуой, а кабалы на него не беретъ незнамо для чего, і не поить ево і не кормить і не обуваетъ і не одѣваетъ, и не давъ отпускнуой з двора ссылаетъ. И в прошломъ де 1704 году Ево Государевъ указъ состоялся: хто х кому бьетъ челомъ с отпускнуой в кабальное холопство, і по тѣмъ отпускнымъ велѣно имать в мѣсяцъ кабалы, такъ жѣ и отпускные записывать в мѣсяцъ же в Московскомъ Судномъ Приказѣ; а кто де отпускные в Московскомъ Судномъ Приказѣ не явить і не запишетъ, и тѣ отпускные не в отпускные. И Великиі Государь пожаловаль бы ево велѣль из Московскаго Судного Приказу з женою и с сыномъ ево Григорьемъ дать отпускную по своему Государеву новосостоятельному указу, чтобъ ему скитаясь без отпускнуой межъ дворъ голодною смертыю не умереть. І противъ того ево челобитья в Московскомъ Судномъ Приказѣ Дмитрей Еѳтѳеевъ сынъ Соймоновъ допрашиванъ, а в допросѣ сказалъ, которой де человѣкъ Иванъ Кузминъ сынъ Ломовъ бьетъ челомъ Великому Государю об отпускнуой з женою своею Лукерьею Еѳимовою дочерью да с сыномъ Григорьемъ, і которую отпускную онѣ Иванъ Ломовъ подалъ ему Дмитрею Сойманову послѣ смерти Столника Якова Иванова сына Золотарева, и ему де Дмитрею Сойманову до того человѣка Івана Ломова, і до жены ево Лукерьи і до сына ево Григорья по той отпускнуой и ни по какимъ крѣпостямъ дѣла нѣтъ. И противъ того челобитья и допросу онѣ Иванъ Ломовъ былъ посланъ в Приказъ вотчинныхъ дѣлъ для смотру салдацкой записки: а въ памяти ис Приказу Военныхъ дѣлъ написано, что онѣ Иванъ Ломовъ старъ и худъ, а сынъ ево за малолѣтствомъ в солдатѣхъ быть негодны. И по тому Великаго Государя указу і по ево Иванову челобитью, по допросу и по скаскѣ Дмитрея Соймонова боя-

ринъ Алексѣй Петровичъ Салтыковъ с товарищи Дмитреева послуживца Соймонова Ивана Кузмина сына Ломова з женою ево Лукерьею Еѣимовою дочерью і с сыномъ Григорьемъ на волю свободили и сю отпускную ему із Московскаго Суднаго Приказу и дали.

Такову отпускную Иванъ Ломовъ взялъ и росписался.

6. Правая выпись на отдачу въ заживъ челоуѣка за долгъ.

Лѣта 1711 октября въ 17 день, по указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца и по приказу Свѣтлѣйшаго Римскаго и Россійскаго Государствъ Князя Герцога Ижерскаго Его Царскаго Величества Верховнаго Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и надъ войсками командующаго Генерала Фельдмаршала и Губернатора Губерніи Санкт-Петербургской, Кавалера Святаго Апостола Андрея и Слона, Бѣлаго и Чернаго Орловъ и Подполковника отъ Преображенскаго Лейбъ-Гвардіи и Полковника надъ тремя полками Александра Даниловича Меншикова изъ Санкт-Петербургской Ратуши дана сія съ дѣла выпись Борису Иванову сыну Неронову — Суздальца посадскаго челоуѣка Данилы Грязнова въ Суздалѣ на посадѣ на дворъ его Даниловъ и на четыре лавки со всякимъ строеніемъ, для того: въ нынѣшнемъ 1711 году іюля въ 29 день Великому Государю билъ челомъ онъ Борисъ Неровъ октября въ 1 день 208 году Суздалецъ посадской челоуѣкъ Данило Грязновъ будучи въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ вотчинѣ Князя Алексѣя Черкаскаго въ селѣ Избыльцѣ занялъ у прикащика его у Акинфія Ушакова изъ вотчинныхъ его доходовъ денегъ тысячу

пять сотъ рублей и заплатилъ ему Данилѣ въ 209 году октября въ 1 день тысячу рублей, а достальные пять сотъ рублей заплатить въ 210 году сентября въ 1 день, и въ томъ далъ письмо своей руки и тѣхъ заемныхъ денегъ онъ отвѣтчикъ Данило Грязновъ незаплатилъ, а то заемное письмо Князь Алексѣй Черкасской выдалъ ему Борису. Да августа въ 11 день онъ же истецъ билъ челомъ, отвѣтчикъ Данило Грязновъ неходя въ допросъ договорясь съ нимъ истцомъ полюбовно отдалъ ему въ платежъ крѣпостей на девять сотъ на семьдесятъ на восемь рублей на двадцать алтынъ и въ тѣхъ деньгахъ на него онъ не истецъ а достальныхъ пяти сотъ двадцати одного рубля тридцати алтынъ двухъ денегъ онъ отвѣтчикъ ему неплатить, чтобъ въ томъ его Данила допросить, а въ допросѣ онъ отвѣтчикъ Данило Грязновъ въ тѣхъ вышписанныхъ заемныхъ деньгахъ незапирался и въ то число договорясь ему Борису крѣпостей на девять сотъ на семьдесятъ на восемь рублей и на двадцать алтынъ онъ Данило отдалъ, а достальныхъ пяти сотъ двадцати одного рубля тринадцати алтынъ двухъ денегъ платить ему Данилѣ нечимъ для того что онъ Данило торговымъ промысломъ оскудалъ и отъ пожарнаго разоренія одолжалъ, и августа въ 18 день по указу Великаго Государя тотъ его Борисовъ достальной искъ и пошлины по указу велѣно на немъ отвѣтчикъ доправить и о правожѣ дана изъ Ратуши выпись, и сентября 1 дня онъ отвѣтчикъ Данило Грязновъ билъ челомъ что въ выписанной же недоплатной искъ поступилъ ему Борису въ уплату въ Суздалѣ на посадѣ дворъ его да четыре лавки со всякимъ строеніемъ за сто за тридцать рублей а за достальные деньги заживать бы ему отвѣтчику съ женою у него истца по десяти рублей на годъ, истецъ Борисъ Нероновъ билъ челомъ чтобъ на тотъ его отвѣтчиковъ дворъ и на лавки противъ

его челобитья и договору дать ему истцу правую выпись, а за достальныя деньги отдать бы его Данила съ женою и заживать бы ему отвѣтчику у него истца по пятнадцати рублевъ на годъ. А въ указѣ Великаго Государя и въ Соборномъ уложенѣ въ десятой главѣ въ двѣсти шестьдесятъ шестой (главѣ) напечатано: казаковъ и пушкарей и затинщиковъ и иныхъ меньшихъ чиновъ, служилыхъ и тяглыхъ всякихъ людей, которымъ съ правезу окупиться будетъ нечимъ, послѣ указнаго мѣсяца выдать истцомъ головою до искупу, а работать имъ мужескому полу за пять рублевъ а женскому полу за полтретя рубля на годъ, а кому выданы будутъ и по тѣхъ взять порука съ записью что ихъ неубить и неизувѣчить; и сентября въ 26 день по его Великаго Государя указу и по приказу Святѣйшаго Римскаго и Россійскаго Государствъ Князя Герцога Ижерскаго Его Царскаго Величества верховнаго Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и надъ войсками командующаго Генерала Фельдмаршала и Губернатора Губерніи С.-Петербуржской, Кавалера Святаго Апостола Андрея и Слона, Бѣлаго и Чернаго Орловъ и Подполковника отъ Преображенскаго Лейбъ-Гвардіи и Полковника надъ тремя полками Александра Даниловича Меншикова, велѣно его отвѣтчика Данилу Грязнова съ женою за тотъ недоплатный искъ за триста девяносто одинъ рубль за тридцать алтынъ за двѣ деньги, да за пошлины съ платежей крѣпостей, которые довели быть въ Ратушу въ приносѣ ихъ отвѣтчикомъ за девяносто за семь рублевъ за двадцать за восемь алтынъ за четыре деньги всего за четыреста за восемьдесятъ за девять рублевъ за восемь алтынъ за четыре деньги по уложенію и по заручной истцовой челобитной отдать его отвѣтчика ему истцу Борису Неронову въ заживъ на тридцать на два года на шесть мѣсяцевъ и на дворъ и на лавки, которыя въ Суздалѣ онъ отвѣтчикъ

поступился ему истцу въ платежѣ за сто за тридцать рублей дать выпись, и истцу Борису Иванову сыну Неронову въ Суздальѣ на посадѣ отвѣтчиковымъ Суздальца посадскаго человѣка Данила Грязнова дворомъ да четырьмя лавками со всякимъ строеніемъ владѣть будетъ до сей данной выписи тотъ его отвѣтчиковъ дворъ и лавки на Великаго Государя за долговья или начетныя деньги напередъ сего неотписаны и никому по какимъ крѣпостямъ неотданы, а въ отдачѣ его отвѣтчика Данила Грязнова и жены его ему истцу Борису Неронову чтобъ его отвѣтчика неубить и неизувѣчить и отживъ урочные годы его отвѣтчика и жену его въ Ратушу поставить, въ томъ взята по немъ истцѣ въ Ратушу поручная запись по указу.

У подлинной данной приписано: Инспекторъ Аѳонасей Гурьевъ.

7. Поступное письмо на крестьянскаго сына.

196 году августа въ 7 день поступился я Тимоѳеѣй Петровъ сынъ Кондыревъ крестьянскаго своего Тишкина сына Антошку Дмитрѣевой крестьянкѣ Юрьева сына Никифорова вдовѣ Гавриловской женѣ Юрьева Прасковьицѣ для того что она Прасковья ево Антошку вскормила за сына мѣсто и владѣть ей вдовѣ и помѣщику вѣчно въ томъ и Тимоѳеѣй Кондыревъ на тово малова Антошку сію поступную далъ а поступную писалъ я Тимоѳеѣй своею рукою.

8. Покормежное письмо 1721 году.

1721 году апрѣля въ 4 день Переславскаго уѣзду сельца Рожественскаго Петровское тожъ, Ивана Леонтьевича Клишина крестьяне Иванъ Васильевъ, Трофимъ Родіоновъ били

челомъ г-дину своему Ивану Леонтьевичу Клишину и прикащику Ивану Степанову и *мірскимъ людемъ* чтобъ кормежная взять итти на волю кормиться черною работою гдѣ имъ пристойно по городамъ и по селамъ и по *мірскимъ* деревнямъ. И тѣхъ бы вышеписанныхъ крестьянъ по городамъ г-дамъ Лантратамъ и Комисарамъ и провинциальнымъ Фискаламъ и вышнимъ командирамъ и по селамъ приказнымъ людямъ выборнымъ и старостамъ и соцкимъ и десятцкимъ велѣно держать и кормиться черною работою безъ всякаго опасенія что они вышеписанные крестьяне люди добрые не солдаты и не матросы и не драгуны не бѣгле подлинно Ивана Леонтьевича Клишина безпахатные крестьяне бобыли отпущенные для скудости своей и въ томъ имъ и кормежная дана а кормежную писалъ по приказу господина своего Ивана Леонтьевича Клишина прикащикъ Иванъ Степановъ апрѣля въ 4 день.

Къ сей кормежной тогожь Переславскаго уѣзду села Долматова попь духовный ихъ отецъ Яковъ Ананьинъ по приказу Ивана Леонтьевича Клишина по ево велѣнію руку приложилъ.

Писано на простой бумагѣ.

9. Распросныя рѣчи крестьянской жонки нѣмки Анисьи Семеновой въ Канцеляріи Земскихъ дѣлъ 1719 году.

Приводная жонка въ распросѣ сказала: Анисей ея зовутъ Семенова, бывала де она свѣйскова короля, родилась де и жила въ свѣйской землѣ въ копорскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Опскомъ съ братьями своими съ Томозомъ да съ Питеромъ да съ сестрою Анною Питеровыми дѣтьми а отецъ ея Питеръ Индриковъ и мать Марья а чья дочь не помнитъ,

померли въ той же деревнѣ Опскомъ, а звали ее Анисью по свѣйски Марья, и какъ она Анисья жила съ братьями и выросла и будетъ въ совершенныхъ лѣтахъ къ замужеству и тому лѣтъ съ шестнадцать какъ тотъ городъ Копорье и съ уѣздомъ сталъ быть за Царскимъ Величествомъ, и того города Комендантъ Михайло Никитинъ сынъ Любовниковъ изъ того Копорскаго уѣзду набиралъ дѣвокъ къ себѣ въ служеніе неволею и она Анисья взята въ томже числѣ въ городъ Копорье къ нему Любовникову и жила у него Любовникова полгода и онъ де Любовниковъ отпустилъ ее въ домъ къ братьямъ ея и на дорогѣ въ томъ Копорскомъ уѣздѣ не знала куды итти домой и она пошла жить къ капитану къ Ивану Петрову сыну Москотиневу добровольно дѣвкою же и онъ де Москотиневъ держалъ ее въ арміи мѣсяца съ четыре и державъ сослалъ ее Анисью къ женѣ своей Ѳетиньѣ Осиповой дочери въ домъ ево въ Володимерскую свою деревню Озерки, и она помѣщица ее Марью окрестила и дали ей имя Анисьею, мать крестная была она помѣщица ея Ѳетинья и державъ при себѣ помѣщица ее съ годъ выдала за крѣпостнаго своего человѣка замужъ за Офонася Гаврилова сына Тропина, и въ томъ же году котораго году она Анисья выдана замужъ, помѣщикъ ея Иванъ Петровъ сынъ Москотиневъ на службѣ Великаго Государя убитъ а въ которомъ году именно сказать не упомнить, и за нею та деревня Озерки съ людьми и со крестьяны отказана и она Анисья съ мужемъ въ окладныхъ книгахъ за нею написана, и жила въ той деревнѣ съ мужемъ своимъ Аѳонасьемъ за нею помѣщицей своею года съ четыре, и прижила съ нимъ Аѳонасьемъ дочь Прасковью и тому лѣтъ съ десять и больше помѣщица ея и мать крестная вышла замужъ за капитана Алексѣя Алексѣева сына Тимашева, а та деревня Озерки съ людьми и со крестьяны за нимъ Тима-

шевымъ отказана и она Анисья съ мужемъ своимъ за нимъ Тимашевымъ написана же и владѣль съ годъ, и поѣхалъ на службу и съ помѣщицею а своею женою, а мужа ея Анисьи-на Аѳонася онъ помѣщикъ ее Тимашевъ взялъ съ собою на службу и она Анисья осталась въ той деревнѣ Озеркахъ въ ево помѣщиковѣ дворѣ. И тому лѣтъ съ девять прислалъ помѣщицы ея перваго мужа Ивана Москотинева братъ Ротмистръ Петръ сынъ Москотиневъ людей своихъ Бориса Матвѣева да Ивана Васильева по нее Анисью, и велѣлъ взять ее Анисью онъ Москотиневъ къ себѣ на дворъ неволею и съ дочерью ее Прасковьею, и оные люди ево ее Анисью неволею взяли и привели къ нему на дворъ днемъ, и говорилъ де ей Анисья онъ Москотиневъ: для чего ты ко мнѣ не идешь жить, вѣдь де полонилъ тебя братъ мой Иванъ Москотиневъ и хотѣлъ де ее за то бить батогами, и держалъ ее у себя онъ Москотиневъ лѣтъ съ семь, выдалъ ее Анисью за другога своево принятаго поляка Прокофья Михайлова за мужъ неволею и жила съ нимъ года съ полтора, и онъ Прокофей умре, тому нынѣ третей годъ, а какъ ее Анисью онъ Москотиневъ за другога мужа выдалъ и первой де ея мужъ въ то число при помѣщикѣ ея Тимашевѣ былъ живъ на службѣ, а какъ она Анисья жила у него Москотинева, и въ то число приѣзжала къ нему помѣщица ея, а ево Москотинева невѣска, Ѳетинья и ее Анисью прошала на многая времена, и онъ де ее не отдалъ, а тому года съ два дочь ея Анисьину Прасковью десяти лѣтъ онъ Москотиневъ взялъ къ себѣ на постелю, что бы она жила съ нимъ блудно, и она того дѣлать нехотѣла и за то билъ дочь ея кнутомъ и ее Анисью хотѣлъ бить же кнутомъ на саняхъ и за тѣмъ боемъ дочь ея Прасковью растлилъ блудомъ, и про то вѣдаютъ жена ево Москотинева и люди ево и женка его принятая московка Пелагея Агафонова дочь, да и отецъ ево ду-

ховной Гускова погосту попъ Тимоѳей Семеновъ про то вѣдаетъ же, и о томъ ему Москотиневу претилъ многожды, и онъ Москотиневъ за то ево поа билъ, таскалъ за волосы, и какъ нынѣ по осени прїѣзжалъ отъ Лантрата подъячей и тѣхъ помѣщика ея крестьянъ отказалъ по прежнему за него Тимашева, которыми онъ Москотиневъ владѣлъ насильно и она Анисья свѣдавъ, что и она въ отказныхъ книгахъ прежнихъ писана за Тимашевымъ и за женою ево, и она Анисья ушла отъ него Москотинева и съ дочерью и пришла къ нему Капитану Тимашеву, и онъ де ее Тимашевъ привезъ къ Москвѣ и привелъ въ Канцелярію Земскихъ Дѣлъ.

Помѣта: Приводную жонку отдать приводцу съ роспискою взявъ приводныя по указу.

10. Допросныя рѣчи крестьянина Скудного въ московской губернской канцеляріи, мая 1729 года.

Въ Московской Губернской Канцеляріи спорный крестьянинъ Тихонъ Дорофѣевъ сынъ Скудной противъ челобитья Тайнаго Совѣтника Господина Макарова распрашиванъ а въ распросѣ сказалъ: отъ роду ему семьдесятъ лѣтъ, отецъ его Дорофей Яковлевъ сынъ прозвище Скудной же а мать его Марья Алексѣева дочь, на предъ сего они были крѣпостные крестьяне Василья Иванова сына Рагозина Мезенскаго уѣзда села Пальмы, слышалъ де онъ отъ отца своего, что оной бывший его помѣщикъ Рагозинъ отца его и мать съ другими его крестьяны перевезъ въ Орловскій уѣздъ въ другую свою вотчину въ сельцо Саморядово а Мышикова слободка тожъ, и въ томъ сельцѣ живучи прижилъ отецъ его дѣтей его Тихона да Ивана да дочерей Настасью, Ульяну, Пелагею и тому лѣтъ съ шестьдесятъ, оной Васи-

лїи Рагозинъ умре, а послѣ его осталась жена его да сынъ Сергѣй Рагозинъ и тѣмъ сельцомъ и другими его деревнями оной сынъ его Сергѣй владѣли обще съ матерью своею, и живучи онъ Тихонъ въ ономъ сельцѣ женился того жъ Орловскаго уѣзду вотчины онаго жъ Сергѣя Рагозина деревни Займища на крестьянской дѣвкѣ Марьѣ Ивановой дочери, и тому нынѣ тридцать пять лѣтъ онъ Сергѣй Рагозинъ отца его и мать и его Тихона и съ женою его и брата его Ивана и сестеръ дѣвокъ и другихъ крестьянъ перевезъ же того жъ Орловскаго уѣзду въ деревню свою Евдокимовскую, и въ той деревнѣ Евдокимовской отецъ его умре тому лѣтъ съ двадцать, а мать умре жъ тому лѣтъ съ восемь, и показанной братъ его Иванъ живучи въ оной деревнѣ Евдокимовской женился означенной деревни Займища на крестьянской дѣвкѣ Саламанидѣ Яковлевой дочери, а сестры де его дѣвки выданы замужъ въ деревнѣ Займищѣ жъ за крестьянъ Настасья за Григорья Савѣева сына Тюренкова, Ульяна за Тимофея Тимофѣева сына Легонова, Пелагея за Дмитрія Стефанова сына Исаева, и тому лѣтъ съ тридцать оной Сергѣй Рагозинъ умре, а послѣ смерти его тѣмъ сельцомъ и другими деревнями владѣла означенная мать его Сергѣева Марфа Артемьева дочь, и жилъ онъ Тихонъ и братъ его Иванъ съ женами въ помянутой деревни Евдокимовской по тому его Рагозина переводу и донинѣ безотлучно, и оная ихъ помѣщица Рагозина жена умре, а сколько тому лѣтъ неупомнить, и оною деревнею Евдокимовскою послѣ сына своего сколько владѣла неупомнить же, и послѣ де смерти ея тою деревнею Евдокимовскою и съ крестьяны и понинѣ владѣть Полковникъ Илья Дорофѣевъ сынъ Лутковской, а по какимъ крѣпостямъ того онъ не знаетъ и въ прошломъ 727 году въ осень предъ праздникомъ Воздвиженьевымъ днемъ присланъ былъ въ оную ихъ деревню Евдокимовскую изъ

Орловской Провинціи изъ Воеводской Канцеляріи Подъячій Петръ Казминъ сынъ Лукинъ и съ солдаты и съ понатыми и оную ихъ деревню описалъ на Его Императорское Величество, а по какому дѣлу и за что описалъ того онъ Тихонъ не знаетъ, и въ той описи крестьянъ мужескъ и женскъ полъ поимянно и слушать имъ его Полковника Лутковскаго невелѣлъ и тое ихъ деревню Евдокимовскую оной Подъячій описавъ приказалъ беречь, разныхъ помѣщиковъ деревни Воронца Сотскому Василью Андросову а въ той деревни Евдокимовской отписано дворъ боярской да одинадцать дворовъ крестьянскихъ, и послѣ того отписанія спустя дней, съ пять пріѣхалъ въ тое деревню Бориса Денисова сына Лукина Прикащикъ его Ипатъ Ивановъ собравъ крестьянъ помѣщика своего Болховскихъ и Орловскихъ вотчинъ многолюдствомъ и съ ружьемъ, съ рогатины съ цѣпами и съ дубьемъ и пріѣхавъ въ ту ихъ Евдокимовскую деревню на боярской дворъ и взяли у Старосты Ивана Иванова сына Скуднава а его Тиханова двоюроднаго брата ключи и житницы отперли и насыпали изъ тѣхъ житницъ ржи тридцать четвертей, овса двѣсти четвертей, ячменю тридцать пять четвертей, пшеницы яровой двадцать пять четвертей, да зимовой пшеницы двѣнадцать четвертей, гороху двѣнадцать четвертей, проса тринадцать четвертей, просу жъ краснаго, что словоетъ боръ пять четвертей, гречи двадцать четвертей, конопли шесть четвертей, да съ боярскаго же двора взяли четыре коровы, полтораства овецъ да молодыхъ ягнятъ пятьдесятъ, да на помѣщиковѣ дворѣ хоромное и огуменное всякое строеніе сломали горницу поземную сосновую, другую черную промежь ими сѣни три избы еловыхъ, три житницы сосновыя которыя съ хлѣбомъ были, анбаръ, съ сушиломъ два сарая, третья сенница, двое воротъ, да вокругъ двора заборъ два овина, и то строеніе сломавъ оной Прикащикъ

Ипать Ивановъ съ оными помѣщика своего крестьяны и вышепоказанное перевезли хлѣбъ и все въ тотъ же Орловскій уѣздъ въ сельцо помѣщика ихъ Саморядово и тѣ хоромы нынѣ построены въ томъ сельцѣ Саморядовѣ слободка Мышиково тожъ на землѣ Ивана Агафонова сына Богданова да вдовы Петрова дочери Даниловской, жены Павлова, а имени ея неупомнить, да дѣтей ея Афанасья да Бориса Павловыхъ, которые оною землею поступились прежнему помѣщику его Ильѣ Лутковскому пятьдесятъ четвертей въ полѣ а въ дву потому жъ, а по какимъ крѣпостямъ того невѣдаетъ, и въ прошломъ де 727 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ вышепоказанное же время послѣ той описи и вывозу, пріѣхавъ въ ту деревню Евдокимовскую Болховской помѣщикъ вышепоказанный Борисъ Денисовъ сынъ Лукинъ съ людьми своими и со крестьяны многолудствомъ на многихъ подводахъ и взявъ ихъ его Тихона и брата его Ивана и прочихъ той деревни Евдокимовской дворовыхъ людей и крестьянъ, а именно дворовыхъ людей Степана Феклистова съ сыномъ Никифоромъ да крестьянъ Исая да Ларіона Никифоровыхъ дѣтей Жирныхъ, Семена Дмитріева сына Жирнова, Козьму Андреева сына, Семена Васильева сына, Семена Якимова сына Барабановыхъ, Прокофья Иванова сына Скуднова, Прокофья, Бориса, Сергѣя, Афанасья Михайловыхъ дѣтей Казекиныхъ, Ананью Борисова сына Дулина, Герасима Радіонова, Сергѣя Лукьяна Якимовыхъ дѣтей Дулиныхъ, Ивана Акима Ивановыхъ дѣтей Скудныхъ, Ивана, Емельяна, Никифора Ларіоновыхъ дѣтей Дулиныхъ да братьевъ его Тихановыхъ двоюродныхъ Никиту, Семена, Ивана, Алексѣя, Сафона Ильиныхъ дѣтей Скудныхъ съ женами, съ дѣтьми и съ племянники и со внучаты и съ хлѣбомъ стоячимъ и молоченымъ и всякое ихъ крестьянское дворовое хоромное строеніе и всякую рогатую и мелкую скотину и птицы и лошадей все безъ

остатку перевезъ въ означенное сельцо Саморядово Мышикова слабка тожь онаго сельца Саморядова на крестьянскихъ подводахъ, и перевезши ихъ какъ дворовыхъ людей такъ и крестьянъ, велѣлъ имъ селиться особыми крестьянскими дворами въ ономъ сельцѣ Саморядовѣ, и по тому его Лукина переводу и по приказу его въ то жъ время оныя крестьяне въ томъ сельцѣ Саморядовѣ поселились особыми крестьянскими дворами, кромѣ его Тихона и брата его Ивана и двоюродныхъ братьевъ Никиты, Семена, Ивана Ильиныхъ дѣтей Скудныхъ, которые и по нынѣ живутъ въ томъ сельцѣ Саморядовѣ и всякую работу на него Лукина работаютъ, также и всякой его помѣщицей столовый запасъ и деньги и прочее даютъ ему Лукину съ его крестьяны въ равенствѣ, а его де Тихона и брата его роднаго Ивана и помянутыхъ же братьевъ его двоюродныхъ Никиту, Семена, Ивана Ильиныхъ дѣтей Скудныхъ взявъ онъ Лукинъ въ томъ сельцѣ Саморядовѣ на помѣщиковъ свой дворъ и держалъ ихъ въ томъ своемъ дворѣ скованныхъ въ житницѣ три дни и билъ ихъ и мучилъ принимаючись по четыре раза кнутомъ и подымалъ на бревна на стряску и оныхъ де братьевъ Никиту, Семена, Ивана разжегши косарь водилъ по спинѣ онъ Лукинъ самъ съ людьми своими и приведчи Семена Ильина къ колодезю лилъ воду простригши на темя и приговаривалъ имъ ему Тихону и братьямъ его, чтобъ они сказывались сельца Саморядова крестьянами его Лукина а не деревни Евдокимовской также и спрашивалъ у нихъ денегъ и пожитковъ и оныхъ де братьевъ его двоюродныхъ мачиху ихъ вдову Аксинью Стефанову дочь подымалъ на стряску жъ и разжегши косарь водилъ по спинѣ жъ и спрашивалъ объ деньгахъ, что есть у нея послѣ мужа ея деньги и она де нестерпя такого отъ него Лукина мученія сказала и принесла къ нему Лукину денегъ, а сколько счетомъ того

онъ Тихонъ не знаетъ и державъ де въ томъ сельцѣ Саморядовѣ скованныхъ четыре дни и взявъ ихъ отвезъ въ Болховской уѣздъ въ вотчину свою въ село Веденское и въ томъ сельѣ держалъ ихъ по Веденевъ день того жъ 727 года и потому жъ въ той своей вотчинѣ билъ ихъ кнутомъ и мучилъ, а именно гонялъ въ колодкахъ а иныхъ скованныхъ ломать бѣлой камень въ горѣ и изъ того села расковавъ отпустилъ ихъ и велѣлъ имъ идти въ Сельцо Саморядово по прежнему, и они изъ того сельца Веденскаго пришли въ то сельцо Заморядово и жилъ онъ Тихонъ съ женою своею и съ дѣтьми и братъ его родной Иванъ съ женою и съ дѣтьми того сельца у крестьянина Игнатя Герасимова сына Сынакина на дворѣ его въ банѣ а двоюродные де братья его поселились въ томъ же сельцѣ особыми жъ крестьянскими дворами, а били де ихъ кнутомъ по приказу его Лукина люди его Назаръ Дмитріевъ съ шуриномъ, а какъ зовутъ и отчество того онъ Тихонъ неупомнить, а косаремъ де жегъ онъ Лукинъ самъ, и по пришествіи изъ вышесписаннаго села Веденскаго въ сельцо Саморядово жилъ онъ Тихонъ въ томъ сельцѣ по первую недѣлю Великаго Поста прошлаго 728 года а на оной недѣли онъ Тихонъ изъ того сельца Саморядова пошелъ въ Москву и пришедъ на дворъ Полковника Ильи Лутковскаго за Пречистенскіе ворота въ Земляной городъ и ему Полковнику Лутковскому сказалъ объ вышесписанномъ раззореніи, и оной Полковникъ Лутковской велѣлъ ему на томъ своемъ дворѣ жить и жилъ онъ у него на томъ его дворѣ двадцать три недѣли, а жена де его и дѣти и братъ его родной Иванъ и другіе вышесписанные люди и крестьяне деревни Евдокимовской и по нынѣ живутъ за означеннымъ Лукинымъ въ помянутомъ сельцѣ Саморядовѣ, и съ того Лутковскаго двора ходилъ онъ въ торговую баню, что на Сивцовѣ Вражкѣ для пареня и помя-

нутаго Лукина челоуѣкъ его Ипаты Ивановъ сынъ Белавинъ въ той торговой банѣ невѣдомо съ какими людьми самъ четверть взявъ его Тихона привели на дворъ Вотчинной Коллегии Президента Федосея Манукова за Арбатскіе Ворота, приведчи де его посадилъ нацепь и ночевалъ ночь и на другой де день оной же челоуѣкъ Белавинъ привелъ его въ Московскую Губернскую Канцелярію къ допросу и онъ Тихонъ и сынъ его Василій и братъ его Иванъ и двоюродные братья и помянутые той деревни люди и крестьяне написаны въ подушномъ окладѣ въ оной же деревни Евдокимовской за Полковникомъ Ильею Лутковскимъ.

11. Приговоръ Надворнаго суда по дѣлу о помѣщичьемъ крестьянинѣ записавшемся въ слободу.

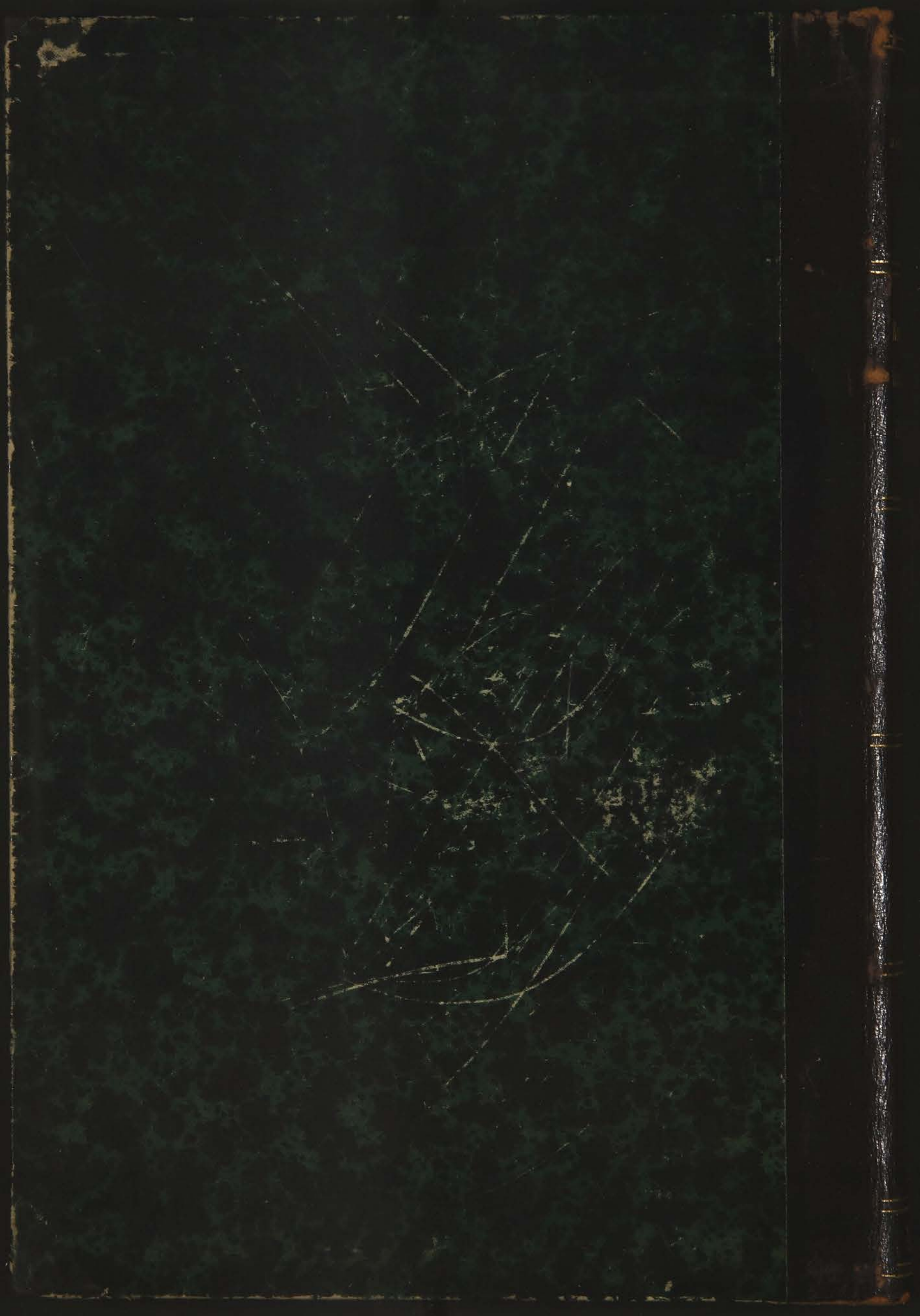
1720 года февраля въ 19-й день по указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Московскаго Нижнего Суда господа Ассессоры слушавъ сего дѣла, приговорили: вышеписанному крестьянину Филипу Наумову быть за помѣщикомъ ево за Маіоромъ Князь Иваномъ Вадбольскимъ во крестьянствѣ по прежнему съ женою и съ дѣтьми, а съ торговъ и промысловъ своихъ и съ вотчинъ въ платежахъ имѣть равенство съ купецкими людьми Сыромятной слободы, въ которую онъ, Филипъ Наумовъ записался и далъ по себѣ поручную записъ; для того въ прошломъ 717 году Генваря въ 15 день Великому Государю билъ челомъ помѣщикъ ево означеной маіоръ Князь Иванъ Вадбольской, а въ челобитѣ своемъ написалъ: въ прошлыхъ де годѣхъ изъ Коширской ево вотчины изъ деревни Дураковой бѣжалъ отъ него Князь Ивана крѣпостной ево вышепомянутой крестьян-

ской сынъ Филипъ Наумовъ и бѣгая де, женись, живетъ въ Москвѣ, чтобъ о поимкѣ ево и жены ево и дѣтей дать пристава, и противъ того ево челобитья онъ Филипъ сысканъ и роспрашиванъ, а въ роспросѣ крестьянства отъ него Князь Ивана не отпирался, и сказалъ: родился де онъ и взросъ въ Коширскомъ уѣздѣ за нимъ Князь Иваномъ Вадбольскимъ въ помянутой деревнѣ Дураковой во крестьянѣхъ и тому лѣтъ съ пятнадцать и больши онъ Филипъ изъ той деревни Дураковой бѣжалъ, и жилъ въ Алексѣевской слободѣ у посацкихъ людей у Ѳедора Степанова, да у Ивана Шелковникова и тому года съ четыре отъ него Шелковникова отошелъ и записался въ тягло въ Сыромятную слободу и женился на посадской вдовѣ Алексѣевской слободы Маврѣ Максимовой дочери, шелъ къ ней въ домъ, и сидитъ онъ Филипъ нынѣ въ медовомъ верхнемъ ряду, а въ тое де слободу великаго Государя всякія подати онъ платитъ и поручная по немъ запись въ тое слободу взята. А по справкѣ съ переписными 186 году книгами того крестьянского сына Филипа отецъ Наумъ Трофимовъ съ братьями за отцемъ его истцовымъ за князь Алексѣемъ князь Ивановымъ сыномъ Вадбольскимъ въ Каширскомъ уѣздѣ въ Растовскомъ стану въ деревнѣ Дураковой написанъ во крестьянѣхъ, и потому сталъ быть тотъ крестьянской сынъ Филипъ Наумовъ ему Князь Ивану Вадбольскому крѣпокъ. Да по справкѣ съ Ратушею въ сказкѣ той слободы Старосты Митрофана Козмина написано, что онъ Филипъ въ тое слободу поручную запись по себѣ далъ въ прошломъ семьсотъ четвертомъ на десять году марта въ девятый день, а въ окладныхъ книгахъ онъ Филипъ написанъ десятой деньги плотитъ по три алтына по двѣ деньги въ поборъ. А въ указѣ Великаго Государя изъ Канцеляріи Правительствующаго Сената въ Губернію Московскую прошлаго семь сотъ четвертого-на-десять году Генваря дваде-

сять осмага дня написано по Его Великаго Государя указу Правительствующій Сенатъ слушавъ доношенія изъ Московской губерніи, приговорили: торговыхъ бѣломѣсцовъ, чьи изъ помѣщиковыхъ крестьянъ живутъ на Москвѣ и въ городахъ домами своими, тѣмъ во крестьянствѣ быть по прежнему, а съ торговъ и промысловъ и съ вотчинъ ихъ въ платежахъ имѣть равенство съ посацкими людьми врядъ, ни въ чемъ необходимо кромѣ служебъ слобоцкихъ, отъ которыхъ имъ быть свободнымъ; такъ же Дворцовымъ, Патриаршимъ, Архіерейскимъ и Монастырскимъ крестьянамъ, которые торги свои имѣютъ быть въ томъ же опредѣленіи безо всякихъ отговорокъ. Потому и приговорили: тому вышеписанному крестьянину Филипу Наумову быть во крестьянствѣ за помѣщикомъ ево маіоромъ Князь Иваномъ Вадбольскимъ съ женою и съ дѣтьми, и съ торговъ и промысловъ своихъ и съ вотчинъ ихъ въ платежахъ имѣть равенство съ посацкими людьми Сыромятной слободы, въ которую онъ по себѣ поручную запись далъ кромѣ служебъ слобоцкихъ, и о томъ той слободы старостѣ съ товарищи сказать Его Великаго Государя указъ съ запискою и приложеніемъ рукъ, что имъ его Филипа ни въ какіе службы впредь не выбирать и сей приговоръ записать въ книгу. Подписали: Ассесоръ Никифоръ Дружининъ, Ассесоръ Иванъ Симановской, Ассесоръ Михей Небольсинъ. Справилъ Андрей Макаровъ.

ФАБРИКА
Н.В.ГАЕВСКОГО
В.О.5 л.н.54
СКЛ.ВЛАДИМИРСК.ПР.4

Добъдвосецъ

Историческія

Изслѣдованія

и

Статьи

М. Ф.